

Вятский государственный гуманитарный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й   ж у р н а л

№ 6

Киров
2015

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редакторы **О. И. Коробкова**, **Т. Н. Котельникова**

Компьютерная верстка: **Л. А. Кислицына**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **М. А. Харунжева** (кандидат философских наук)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Мелих Ю. Б.</i> Смена взглядов и методологий русских философов в эмиграции	6
<i>Караваев Н. Л.</i> К особенностям методологии системных исследований	13
<i>Полуян Н. Н., Кушова И. А.</i> Эдмунд Гуссерль: критика эмпириокритицизма	17
<i>Павлова Т. П.</i> Слово Пушкина и «поэтическое мышление» М. Хайдеггера	22
<i>Городилова Т. С.</i> Образы Москвы и Петербурга как основания для типологизации российской культуры в философии В. Розанова	26
<i>Сигачёв М. И.</i> Восточная альтернатива в работах А. С. Панарина	31

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Балыбердин Ю. А., Калинина Д. А.</i> Социально-экономическое положение Вятской губернии в 1908–1914 гг.	38
<i>Ситникова Е. Ю.</i> Институт генерал-губернаторства как инструмент национальной политики Российской империи в последней четверти XIX – начале XX в.	48
<i>Трушкова И. Ю., Михеева Г. А., Титова Е. И.</i> Специфика воспроизведения этничности в диаспорах народов Кавказа на территории Кировской области в конце XX – начале XXI в.	55
<i>Калинин А. А.</i> Соперничество США и СССР в ООН в период холодной войны: дискуссии по греческому вопросу в 1947–1951 гг.	59

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Мосунова Л. А.</i> К вопросу о понимании текстов классической литературы	69
<i>Иванова Е. Р.</i> „Heimatkunst“ и бидермейер в литературном процессе Германии XIX в.	76
<i>Касимова Г. Р.</i> Поэтика интертекстуальности в интерактивном романе Майкла Джойса «Полдень»	80
<i>Баёва Л. В.</i> Исследование репертуара православной литературы, издававшейся в Вятском крае в XIX – начале XX в.	85
<i>Гордеева Е. М.</i> Жанровое своеобразие романа-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»	90
<i>Михайлова М. А.</i> «Невымышленные рассказы» писателей XX в.:	96
проблема синтеза художественного и документального	96
в мемуарах «Нового мира» эпохи А. Твардовского	96
<i>Зонова Е. В.</i> Мотив холода в повести З. Прилепина «Восьмерка»	102
<i>Марьина А. В.</i> Функционирование концепта HOME/HOUSE в современном рекламном дискурсе Великобритании	108

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Путихина Н. В.</i> Приобщение доказательственных сведений, собранных защитником, к материалам дела как способ преобразования их в доказательства	115
<i>Ярославцева Д. К.</i> Первые годы деятельности Верховного суда США	120

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Помелов В. Б.</i> Вклад Ф. Ф. Павленкова в развитие просвещения в Вятской губернии	124
<i>Бахарев Ю. А., Оринчук В. А.</i> Формирование коммуникативной компетентности бакалавров по адаптивной физической культуре	133
<i>Рожнова Е. Н.</i> Процесс подготовки специалистов среднего звена к профессиональной управленческой деятельности.....	136
<i>Шаринова Л. Х.</i> Классификация видов самостоятельной работы для студентов технологического вуза по иностранным языкам	143

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Калинин С. И.</i> Студенческие исследования по математическому анализу в ВятГГУ	147
<i>Сведения об авторах</i>	154
<i>Information about authors</i>	157

CONTENTS

- Melich Y. B.* The Change of Opinions and Methods of Russian Philosophers in Emigration
- Karavaev N. L.* To the special features of systems research methodology
- Poluyan N. N., Kushova I. A.* Edmund Husserl: a critique of empiriocriticism
- Pavlova T. P.* Pushkin Word and M. Heidegger "Poetic Thinking"
- Gorodilova T. S.* Moscow's and Petersburg's images as the foundations for the typology of Russian culture in V. Rozanov's philosophy
- Sigachev M. I.* The Eastern alternative in A. S. Panarin's works
- Balyberdin Yu. A., Kalinina D. A.* Social-economic situation of Vyatka province in 1908–1914.
- Sitnikova E. Y.* Institute of the General government as an instrument of national politics of Russian Empire in the last quarter of XIX – beginning of XX centuries.
- Trushkova I. Yu., Mikheeva G. A., Titova E. I.* Specifics of reproduction of ethnicity in the Diaspora of peoples of the Caucasus on the territory of the Kirov region at the end of XX – beginning of XXI century
- Kalinin A. A.* The rivalry between the USA and the USSR at the UN during the cold war: the debate on the Greek Question in 1947–1951
- Mosunova L. A.* To the question of understanding of texts of classic literature
- Ivanova E. R.* „Heimatkunst“ and Biedermeier in the literary process in Germany of the nineteenth century
- Kasimova G. R.* The poetics of intertextuality in the interactive novel by Michael Joyce "Afternoon, the story"
- Bayova L. V.* The study of the repertoire of the Orthodox literature published in Vyatka region in the XIX – early XX centuries
- Gordeeva E. M.* Genre peculiarity of A. P. Chudakov's novel-idyll 'Haze lies on old steps'
- Mikhailova M. A.* "Non-fictional novels" of writers of the XX century: the problem of synthesis of fiction and the documentary in the memoirs of the "New world" era of A. Twardowski
- Zonova E. V.* The motive of cold in the story "Eight" by Z. Prilepin
- Maryina A. V.* A concept of home/house in a modern advertizing discourse of Great Britain
- Putikhina N. V.* Deposition of Evidentiary Information Assembled by the Defendant to the Case Files as a Way to Convert it into Facts of Evidence
- Yaroslavceva D. K.* The first years of activity of the Supreme Court of the USA
- Pomelov V. B.* The contribution of F. F. Pavlenkov into the development of education in Vyatskaya gubernia
- Bakharev Yu. A., Orinchuk V. A.* The formation of communicative competence of bachelors in adaptive physical culture
- Rozhnova E. N.* The process of training middle managers to managerial activities
- Sharipova L. H.* Classification of types of independent work for students of technological higher education institution on foreign languages
- Kalinin S. I.* Student research on Mathematical Analysis at VSHU

Смена взглядов и методологий русских философов в эмиграции

Существует парадокс, суть которого состоит в том, что русские философы-западники, оказавшись за границей, становятся представителями русской мысли в Европе, а последователи славянофилов обращаются к различным методам познания сфер духа и природы, принятым в западноевропейском философском дискурсе. На примерах историсофских концепций русских неокантианцев и евразийцев раскрываются понятийные конструкции и схемы истории и культуры России. Под этим углом зрения рассматриваются работы и идеи С. И. Гессена, Ф. А. Степуна, Б. В. Яковенко, Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого и др.

Делается вывод, что опора как евразийцев, так и западников на иррациональное расширение философии И. Канта приводит к релятивизму и дает лишь иллюзию познания бытия.

There is a paradox, the essence of which is that Russian philosophers-Westernizers, once abroad, become the representatives of Russian thought in Europe, and the followers of the Slavophiles turn to various methods of cognition in the spheres of the spirit and of nature adopted in the Western European philosophical discourse. Exemplified by concepts of the philosophy of history developed by Russian neo-Kantians and Eurasianists, notional constructions and the conceptual design of the history and culture of Russia are shown. Seen from this perspective the work and ideas of S. I. Hessen, F. A. Stepun, B. V. Yakovenko, N. S. Trubetskoy, P. N. Savitsky, etc. are analysed.

The conclusion is drawn that the foundation of Eurasians, as well as Westernizers on the irrational extension of the philosophy of Kant leads to relativism and gives just an illusion of the cognition of reality.

Ключевые слова: русская философия, евразийство, славянофилы, западники, неокантианство.

Keywords: Russian philosophy, Eurasianism, Slavophiles, Westernizers, neo-Kantianism

Давно осознанное и признанное как характерное для отечественной философской традиции хождение в ученики к западноевропейской, предпочтительно немецкой философии изначально провоцировало сопротивление по отношению к последней. Результатом стремления к приживлению или неприятию западной мысли стало противостояние между западниками и славянофилами, существующее и по сей день.

Нам хотелось бы обратить внимание на парадокс, или объективную иронию, проявляющую себя, когда славянофилы или западники оказываются в эмиграции. Суть парадокса состоит в том, что западники, оказавшись за границей, становятся просветителями и представителями русской мысли в Европе, а последователи славянофилов отказываются от идеи «цельного знания» и используют *критический* метод разделения на сферы духа и природы, принятый и работающий в западноевропейском философском дискурсе. Насколько продуктивными оказывались такие метаморфозы в философии, мы продемонстрируем на примере историсофских концепций русских неокантианцев и евразийского учения. Примеры показывают, как те и другие, не выдерживая напора действительности, изобретают понятийные конструкции и схемы истории и культуры России с противоречивым содержанием.

Логосовцы – проповедники «новых животворящих» идей для России. В начале прошлого века противостояние западников и славянофилов получило свое четкое выражение в «борьбе за Логос». В 1910 г. выходит в свет международный журнал по философии культуры «Логос», инициаторами и основателями которого были молодые доктора философии, защитившие диссертации у корифеев неокантианства Г. Риккерта и В. Виндельбанда во Фрайбурге и Гейдельберге. С немецкой стороны это были Рихард Кронер, Георг Мелис, с российской – Сергей Иосифович Гессен и Федор Августович Степун, к которым позднее присоединился Борис Валентинович Яковенко. Собственно, душой всего предприятия, по словам Риккерта, являлся д-р Гессен.

В конце XIX – начале XX в. констатируется кризис культуры и человека, потеря им своей цельности, разделение его на «человека культуры» и «человека цивилизации», которое проводится еще И. Кантом: «Благодаря искусству и науке мы в высшей степени *культивировались*. Мы *чересчур цивилизовались* в смысле всяческой вежливости и учтивости в общении. Но нам еще слишком много недостает, чтобы считать, что мы уже и *морализовались*, ибо, хотя идея моральности относится к культуре, применение этой идеи, если она сводится лишь к подобию нравственного в честолюбии и любви к внешним приличиям, создает лишь цивилизованность» [1].

Ощущение кризиса объединяет молодых людей из России и Германии. Р. Кронер в их первой совместной работе «О мессии» в своей статье «Листок из дневника нашего времени» пишет: «Все мы, живущие в начале XX века, рождены в мире шатких, никуда не годных понятий; в мире без идеалов, без духовной субстанции, без веры и убеждения, в мире софистики и софистической пустоты. Наше сердце, исполненное предчувствий, истомившееся по высоким откровениям, возросшее в стремлении к царству идей, было уже испугано и не могло расцвести в воздухе усталого, циничного скепсиса, пустого декаданса, наследия материализма». Далее он пишет: «В этой атмосфере все спекуляции, вводящие нас в божественный мир, кажутся только изобретательной выдумкой понятий, которую не следует принимать всерьез; моральное сознание становится неуверенным, неясным себе самому, оно хочет понять себя как замаскированный эгоизм, обесценивает себя до простой ассоциации представлений, до унаследованного инстинкта и таким образом совершенно отчуждается от своего истинного содержания и своего внутреннего значения. Дух религии умер, и полагают, что его преодолели, подобно тому, как юноша преодолевает воззрение ребенка. Кто хочет быть честным и правдивым, как раз отрицает Бога, идеал и разум. Как и положено, он делает свою истину из бедности своей и, наложив на мир печать своей малости и пустоты, думает, что понял его» [2].

Авторы сборника уповают на мессию и новую «животворящую идею», которые призваны спасти современную культуру. Они указывают на личности, которые, по их мнению, выводили культуру из кризиса и задавали человечеству новые цели. Предлагается интересная галерея пророков: Мелис объявляет мессией дитя революции, позитивиста О. Конта, у Гессена – это революционер-социалист А. Герцен, у Бубнова – философ-ученый И. Г. Фихте, у Степуна – философ-богослов Вл. Соловьев. Цель же поиска излагается следующим образом: «Мы хотим благоустроенной системы глубоко укорененных истин, мы хотим крепкой веры в *ценности и идеи*, которые в невыразимом величии во веки вечные занимают трон по ту сторону красивой видимости этого чувственного мира, по ту сторону всякой непримиримой борьбы за существование и за власть. Мы должны быть верны земле и любить ее не только как арену нашего рождения и героической борьбы, но и как рабочее поле в служении незримому завету» [3].

Сформулированная в сборнике «О мессии» цель дает основание Степуну говорить о возврате к своим исходным идеям, близким, по его мнению, к славянофильским. Одновременно это означало отход от этих же идей в издаваемом в Германии и в России журнале, который был нацелен на «многообразие» и «тонкость малой философской работы» с тем, чтобы «поднять всю полноту наличествующих и действующих в культуре мотивов до уровня философского сознания. ...Философия культуры должна везде искать разум в культуре, именно поэтому этот журнал получил название “Логос”. ...Без веры в какой-либо “Логос” вне или внутри жизни, философия, заслуживающая это название, вообще невозможна» [4]. Это цитата из предисловия к немецкому журналу, в русском номере предисловие было написано Гессеном и Степуном и претерпело некоторые существенные изменения, которые и привели к «борьбе за Логос».

Духовный кризис в Европе для российских авторов проявляется как «хаос», в который Россию ввергла «хаотичная» русская мысль. И здесь мы сталкиваемся с традиционной, свойственной западничеству, методологией определения своеобразия русской культуры – через «*отрицательность воззрения*» на русскую жизнь, которую выявил еще славянофил Ю. Ф. Самарин. По его мнению, русскую жизнь «определяют не столько по тем данным, которые в ней *есть*, сколько по тем, которых в ней *нет* и которым, по субъективному убеждению изучающих ее, следовало бы непременно в ней *быть*» [5]. По мнению Самарина, речь идет об отсутствии, кроме прочего, общих рядов и категорий, общих соображений, теоретического образования.

Не следует удивляться тому, что, хотя редакторы «Логоса» и признают, что философия в России проснулась к самостоятельной жизни только в славянофильстве, они утверждают, что последнее, однако, обнаружило «философскую бесплодность» «погружения в хаос». Поскольку же основные принципы русской философии «никогда не выковывались на медленном огне теоретической работы мысли» [6], то логосовцами констатируется отсутствие в России истинной философии. В существующем разнообразии философских направлений и школ в Европе, таких, например, как мистицизм и позитивизм, авторы сборника «О мессии» видели спасение европейской

культуры от кризиса и выведение ее к новым горизонтам. Но перенесенные в Россию, они оказывались выдвиганием какого-нибудь нового элемента культуры, который легко забывался, часто менялся и означал только постоянное рабство перед господствующим направлением при «вечной смене рабов». И редакторы «Логоса» подчеркивают, что в вопросе о фактическом состоянии русской философии они в общем сходятся с крайними западниками: бесспорной, прочно установившейся традиции у нас нет.

В то же время авторами, опять же в духе мессианской стилистики, «чуется наличность» возможностей, ощущается смутная, но несомненно подлинная философская потребность в синтезе и системе. Но теперь это уже не система идей и ценностей, а *научно доступное единство рационального знания*, которым и является философия, превращающая «первозданное единство иррациональных переживаний... в идею единой научной системы» [7].

Идея научной философии разрабатывалась в начале прошлого века в неокантианстве, поэтому и «философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая». Это означает, утверждают редакторы «Логоса», что «мы по-прежнему, желая быть философами, должны быть прежде всего западниками» [8]. И очевидно, что именно логосовцы как проповедники немецкой философии мыслят себя в качестве мессии, который призван выводить русскую культуру из кризиса и философию из хаоса.

Вышедший журнал вызвал бурную реакцию в рядах неославянофилов. Дискуссия, в которой приняли участие Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, вызванная в первую очередь редакционной статьей журнала, сегодня достаточно освещена в исследованиях по отечественной философии и известна как «Борьба за Логос» по одноименной статье В. Ф. Эрн. Первое, на что направляется его критика, – это название журнала. Он обвиняет авторов журнала в искажении значения слова «Логос», противопоставляя восточнохристианское понимание Логоса европейскому философскому *ratio*. Он отмечает, что авторы, претендуя на строго научную философию и научно-философский метод, одновременно говорят о философии как достойной хранилище высшей правды и о проникновении ею в божественный Логос. Он заключает, что данная позиция отличается не научностью и не простотой, а «*мистической*» метафизикой.

Возникшая дискуссия прерывается в 1914 г. Первой мировой войной, а затем и революцией 1917 г. За границей бывшие логосовцы, «крайние западники» Степун, Гессен, Яковенко становятся открывателями и изобретателями провозглашенной ими отсутствующей настоящей философии в России, а создатели евразийского учения, мыслящие себя продолжателями славянофильских идей, – активными пользователями методологии западников-неокантианцев. Следует отметить, что термины «открытие» и «изобретение» здесь используются в значении, указанном неокантианцем И. И. Лапшиным: «Источником *открытия* является гипотеза, которая находит себе подтверждение в данных опыта, так сказать, раскрывает перед нами некоторую естественную законосообразную связь данных опыта. Изобретение есть порождение фикции, искусственного понятия, вспомогательной конструкции мысли, которая имеет чисто “инструментальное” значение, являясь лишь эвристической уловкой, методологическим приемом» [9].

Евразийство – открытие или изобретение неославянофилов? В начале 20-х гг. прошлого столетия в многочисленной среде эмиграции оказались Николай Сергеевич Трубецкой, Петр Николаевич Савицкий, Петр Петрович Сувчинский, Георгий Васильевич Флоровский, которых объединило стремление социально-политического делания на пользу России и поиск идейно-теоретической базы к нему, которой и должно было стать учение евразийства. Евразийские идеи выстраивались в соответствии с требованиями переосмысления трансформационных процессов в России. С этой целью использовались исторические, философские, богословские, экономические и правовые положения, которые этими авторами разрабатывались отчасти еще до появления евразийства.

Существующая литература по изучению евразийства сконцентрирована по преимуществу на анализе их историософских идей. Методология же философии культуры и последовательное прослеживание ее в обосновании евразийских идей остаются еще не раскрытыми. Важным обстоятельством здесь необходимо признать, что в конце XIX в. понимание культуры, основанное на ценностной установке сознания, становится определяющим философию предметом и получает всестороннюю разработку в неокантианстве Баденской школы в трудах В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Э. Кассирера и др. Формирование взглядов на философию культуры у евразийцев во многом основано именно на неокантианстве Баденской школы и тесно переплетается с их философией истории, что отражается на историософских взглядах евразийцев, которые пронизаны культурологическими понятиями стилистики, ценностей, жизни, индивидуализации и др. Выделяются два методологических подхода в осмыслении культуры и истории: культурно-исторические типы (объективирующий метод, без субъекта) и культура как личность (субъективирующий метод).

В работе Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920) представлены отправные культурологические и историософские идеи евразийства, призванные указать на то направление, в котором должна вестись переоценка ценностей. Как и Н. Я. Данилевский, он выступает против идеи сверхнациональной, мировой цивилизации и против того, что цивилизованное человечество должно иметь единую культуру и двигаться вместе по одному пути мирового прогресса. Трубецкой опирается на «рассуждения из области общей социологии» Г. Тарда. Следуя этим рассуждениям, Трубецкой принимает, что жизнь и развитие всякой культуры состоит из непрерывного возникновения новых культурных ценностей, которые представляют собой «всякое целесообразное создание человека, сделавшееся общим достоянием его соотечественников: это может быть и норма права, и художественное произведение, и учреждение, и техническое приспособление, и научное или философское положение» [10].

Возникновение единичной ценности культуры называется открытием (*invention* – термин Тарда), но важно отметить, что *invention* переводится скорее как изобретение, и представляет собой «комбинацию двух или нескольких уже существующих культурных ценностей». Новое открытие включает в себе всегда некоторый плюс в виде способа самой комбинации и «отпечатка личности творца» [11]. Таким образом, культура представляет из себя «сумму получивших признание открытий современного и предшествующих поколений данного народа» [12], или тот общий запас культурных ценностей, которые являются своего рода «инвентарем культуры». Сущность развития и жизни культуры сводится к двум элементарным процессам: открытие (*invention*) и распространение (*propagation*) с необязательным, но почти неизбежным дополнением борьбы за признание (*duel logique*). Движет развитием культуры *удовлетворение потребностей*.

Трубецкой дополняет положение о традиции Тарда фактором наследственности, посредством которой передаются вкусы, предрасположения и темпераменты, т. е. национальная психика, влияющая на личность творца, открывающего ценности национальной культуры. В отличие от историко-культурных типов Данилевского, первоначальная позиция Трубецкого не предполагает наличия для национальной культуры ни внутреннего плана, ни творческой идеи.

В первом евразийском сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (1921) в предисловии излагаются основные культурологические идеи евразийского учения. Отрезок времени с начала войны (1914) оценивается как кризисный, катастрофический, как время, в которое происходит «перерождение культуры». Дается общее видение культуры как то, что представляется в постоянном движении и непрестанном обновлении. Культура не медлит сверх срока в той или иной конкретно-исторической своей оседлости. Она не исчерпывается до конца теми или иными конкретными достижениями, не укладывается сполна в предначертанные рамки измышленных формул: «...мы не верим, чтобы существовали народы, предназначенные навеки быть избранными носителями культуры; мы отрицаем возможность “последних слов” и окончательных синтезов» [13]. Отрицается как «исполнение» какого-либо задуманного «общего плана», общих формул, так и конкретных форм (община у народников).

Однако следуя пониманию культуры как оформлению стихии, утверждается, что «тайна вдохновенной эпохи нашей раскрывается не только в безбрежном разливе мистических ощущений, но и в строгих формах Церковной жизни» [14]. И несмотря на русскую национальную стихию и свободную и творческую импровизацию истории, Россия в «великом подвиге труда и свершения» раскроет миру «некую общечеловеческую правду» [15]. Соединить творческую самодержавность и строгие формы можно в последовательном индивидуализме, когда культура мыслится как личность. Они также уверены в том, что «смена западноевропейскому миру придет с Востока...» [16], определяя, тем самым, новизну евразийства, восполняющего самопознание России «азиатским» элементом.

Утверждение о самобытной национальной культуре проводится Трубецким посредством рассмотрения психологических укладов, духовно-сознательной деятельности индивида, народа, нации через призыв к самопознанию своей сущности. основополагающим становится взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока: «Россия подлинная, Россия историческая, древняя, не выдуманная славянская или варяжско-славянская, а настоящая русско-туранская Россия-Евразия, преемница великого наследия Чингисхана» [17].

Соратник Трубецкого Савицкий видит в евразийцах осознателей культурно-исторического своеобразия России. Он выделяет три основных понятия: «культурная среда», «эпоха» существования культуры и ее «отрасли», в совокупности факторов которых и оценивается культура. Только устраняя не критическое рассмотрение культуры, рассматривая ее дифференцированно, по отраслям теоретического знания, живого видения, религиозности, идеологии, искусства, хозяйства и т. д., «мы можем приблизиться к сколь-либо полному познанию ее эволюции и характера» [18]. Как экономист, Савицкий основные изыскания в пользу «Евразии» направляет на

обоснование сопряжения «экономических “Европы” и “Азии”, как “Евразии” не только в общеисторическом и общекультурном, но хозяйственно-географическом смысле» [18] и проводит разделение на оседлые и кочевые культуры.

П. П. Сувчинский понимает культуру как форму отображения «всечеловеческих идей» у различных народов. Изгнание интеллигенции из России интерпретируется Сувчинским как «приговор той форме восприятия западной культуры, которая со времен Петра признавалась русской сознательностью – непреложной и истиной» [19]. Русская революция имеет для П. П. Сувчинского национально-метафизическое значение: народная стихия бессознательно, но властно подняла гонение на свою сознательную часть, когда та не смогла ответить ей в великий момент испытания близкой, понятной ей, народной, национальной культурой.

Лев Платонович Карсавин приходит в евразийское движение в 1926 г. и на короткое время, до переезда в Каунас в 1928 г., становится его главным теоретиком. Это потребовало от Карсавина «вписаться» в евразийскую культурологическую концепцию и терминологию, которую он критиковал в своей книге «Философия истории», вышедшей в 1923 г. в Берлине. В ней он подходил к исторической науке от метафизики всеединства и под этим углом зрения осмысливал начало XX в., насыщенное исторически важными событиями войн и революций. Следуя теперь логике евразийцев, обосновывающих необходимость сохранения российской государственности, Карсавин утверждает, что церковь не может быть отделена от государства, которое является *необходимой формой личного бытия народа или многонародного целого*. Однако лишь вторичной формой, ибо первая и истинная личная форма соборного субъекта есть Церковь. Но при различении сфер культуры первенство отдается государству: различаются высшая сфера – *государственная, или политическая*, как выразительница высшего единства культуры; сфера *духовного творчества, или духовной культуры*; материально-культурная сфера.

Позиция Г. В. Флоровского наиболее очевидно опирается на культурологический подход, но он, вслед за Соловьевым, призывает к отказу от всякого национального своеобразия. Для обоснования понимания России как в высшей степени сложной исторической формации, он опирается не на историко-генетические схемы, а «на глубинное... интуитивно-мистическое средоточие “неисторического” восприятия мира» [20] и отмечает, что в России движущей мыслью оставалась всегда идея *преодоления “организации”*, идея творческой личности.

Утверждение о том, что раскрывающиеся в интимных созерцаниях идеалы и предчувствия будущего становятся подлинным стимулом культурного творчества и жизни, причудливо соединяется с заимствованным у Вл. Соловьева утверждением о том, что народ действует не от себя, он только творческий носитель Божественной и вселенской жизни, общечеловеческой или вселенской культуры. Он вторит Вл. Соловьеву, что «народ-мессия» не призван работать над формами и элементами человеческого существования, а только сообщить живую душу, дать средоточие и целостность разорванному и омертвелому человечеству, чрез соединение его с всецелым, божественным началом.

Впоследствии Флоровский становится одним из первых критиков евразийства. В статье «Евразийский соблазн» (1928) он отмечает, что в евразийском толковании остается неясным, что есть культура (или «культуро-субъект»), – *становящаяся Церковь или становящееся государство*. С одной стороны, весь мир есть соборная вселенская Церковь как единая совершенная личность, с другой – *только* в государстве симфонический народный субъект получает свое лицо. Хотя евразийцы и утверждают, что «тварные субъекты» свое лицо и личность вообще получают только и впервые во Христе, но по «внутренней воле» они выбирают «Церковь в государстве, (а) не государство в Церкви». Справедливой признается критика Карсавиным неокантианства за техничность их понятий, но это же следует отнести и к евразийскому учению. Евразийство не лишено гипотетичности и изобретательности, это, с одной стороны, продлевает ему жизнь, как гипотезе и мифу, а с другой – уводит от реальности. В настоящее время применение преимущественно культурологической, ценностной, а не историософской и прогрессистской, методологии во многом способствует росту популярности евразийского учения. Можно проследить и приверженность евразийского учения к прагматизму, когда истина не открывается, а случается, создается в процессе деятельности в соответствии с текущими требованиями пользы.

«Общие начертания» хаоса русской жизни. Находясь после революции за границей, логосовцы оказались в неожиданной для себя роли осознателей происходящего в России. Яковенко как самый крайний западник и приверженец «научной философии» становится автором «Истории русской философии» (1938). В ней признается, что русская мысль развивается не сама по себе, она упрекается им, как и положено западникам, в *отсутствии* оригинальности и своеобразия, своего собственного закона. И все же он ищет в России «отличительные черты русского ума и духа», то, что не прикрыто «приемами предметопонимания» и что проявляется в России как наибо-

лее ей присущее: *универсализм, максимализм, конкретизм*. Здесь он ссылается на Ф. М. Достоевского, В. Г. Белинского, И. В. Киреевского, Н. Н. Страхова и др.

Максимализм и экстремизм русской мысли во многом связаны со стремлением именно западников догнать Европу, совершить культурное чудо, разрушив все до основания. Поэтому Яковенко свою историософию не случайно излагает в работе «Философия большевизма», в которой он обосновывает его, большевизма, закономерность. Большевизм несет с собой *новое самоутверждение свободы, «новые основные понятия жизни», государства, личности*. Большевизм «не только *типичная черта русской души, не только основное русское народное переживание современности, не только мощная социально-политическая и духовно-культурная самопроекция русского народа вовне* (курсив мой. – Ю. М.). Он есть также не менее характерная, типичная черта мирового и, особенно, европейского настроения масс... Это – *всечеловеческое чувство нестерпимости господствующего социально-политического уклада*» [21]. В большевизме «ферментируются и возникают» новые понятия личности и государства. Основопологающим же понятием свободы *сегодня* является «понятие рабочей, *трудовой свободы*». Личность из формально свободной при капитализме становится *трудовой личностью*.

Признание того, что большевизм воплощает социальное бытие своего времени, близко к толкованию истории в сборнике «О мессии», в котором каждую новую эпоху воплощала определенная личность. Ближе всего к видению истории Яковенко находится Гессен, также видевший в социализме обновление бытия, а личностью, воплощающей новую эпоху социализма, мессией – А. И. Герцена. Если теперь человечество хочет спастись, то оно должно стать революционером в другом смысле. Сегодня революционер – это социалист. Только социализм может спасти старый мир... Только он может вполне освободить личность от власти всеильного государства и от ничтожной пошлости мещанской морали, обеспечит индивидууму свободное развитие, в котором он обнаружит все свои способности, социализм защитит личность от уравнилельной тенденции государства. «Никакой уравнилельности – индивидуализм является принципом анархического социализма Герцена» [22]. Как видно, одно и то же видение социального бытия можно называть по-разному: у Гессена – это анархический социализм, а у Яковенко – плюралистический большевизм. Но мессией и воплощением идеи демократии в эпоху большевизма для Яковенко стал, по воспоминаниям его дочери, Т. Г. Масарик.

Наиболее ярко выраженный формальный культурологический подход к интерпретации революции и истории России предлагает Степун в книге «Лик России и лицо русской революции», вышедшей в 1934 г. Степун формулирует основной закон русского духа и русской истории, который проявляет себя, как он считает, в ландшафте, в душевном складе крестьян и «интеллигентского ордена», а также и монархии.

Исходным структурным элементом концепции является *разделение на форму и неоформленность*. Степун усиливает понятие неоформленности «враждебностью», или отрицанием формы. Поскольку принцип формы является принципом творческого образывания (*Gestaltung*) и культурного возвышения естественной жизни, постольку отрицание формы и враждебность форме означают отказ от образа и культуры и, тем самым, тенденцию к застою (*Beharrung*) в природе и варварстве. Лик народа раскрывается не только через проявление его в культуре, но и через создание идеального образа человека этим народом: склонен ли он в глубине своей души больше к образу самовосхищенного героя или к образу тихого святого.

Героя нового времени – народного трибуна или народного вождя – отличают волевое оформление лика и самовластно искомая судьба, что делает его оформителем своего народа и его судеб. Напротив, весь смысл святости состоит в том, чтобы не носить собственного лика и не хотеть собственной судьбы, а быть лишь окном, через которое Бог обращает свой взор к миру и люди взирают к Богу.

В преодолении святым героя и героического оформления жизни следует, вероятно, искать глубинный смысл всей религиозной враждебности к форме. Степун, таким образом, раскрывает *смысл истории*: преодоление различных форм творчества и *отказ от собственного лика и судьбы*. Поскольку, по мнению Степуна, Россия характеризуется именно неоформленностью, то основной закон русской духовности и русской истории состоит в напряжении между варварством и святостью.

Крестьяне в своем душевном складе дают нам картину полнейшего варвара в смысле полнейшей нехватки образования и цивилизации, и в то же время отсутствие культуры не означает отсутствие культа, который является проявлением и оформлением религиозности. Русский крестьянин глубоко религиозен.

Характеристика Степуном русской интеллигенции преимущественно резко отрицательная, но концепция требует выделить в структуре ее духовности не только элементы варварства, но и

святости. Большинство русских мыслителей не знало научно-скрупулезной ювелирной работы над понятиями, что «позволяет объяснить варварство перечекивания всякого занесенного европейского учения в русскую спасительную истину» [23]. Однако с варварством связаны и истинная практическая религиозность, жертвенность, героическое мужество русской интеллигенции, и то, что в ней было что-то от настоящих святых. Таким образом, в душе интеллигенции одновременно сочетаются варварско-демоническое начало и начало святости.

Русский монархизм также является выразителем полярной двойственности: с одной стороны, своеволие и незаконные автократии, прообразом которой является византийский абсолютизм, а с другой – стремление к идеалу восточнохристианской теократии. Так Степун подводит к объяснению русской революции как результату близости марксизма к демонизму и победы варварского начала.

Проявление святости достигает расцвета, когда, по Степуну, полное софийное бытие не стремится к сознанию. Тогда не возникают ни схоластическая спекуляция, ни метафизика, ни философия. Культурный расцвет русской души совершается в священном молчании. Таким образом, расцвет русского закона остается больше картиной, чем словом, больше голосом, чем учением, больше Софией, чем Логосом. «Возникает самостоятельная церковная архитектура в камне и дереве, почти непостижимое чудо иконы и совершенно своеобразный стиль русско-северной святости» [24]. Степун поясняет, что его попытка концепции русской революции во многом совпадает с мыслями Бердяева. Но в качестве новизны остается наполнение известного содержания заданными уже степуновским мышлением формами и схемами культуры и истории.

Оказывается, что культурологический подход позволяет Яковенко и Гессену в равной мере утверждать проявлением русской самовластной судьбы оформленный в диктатуре большевизм и социализм – с «героями времени» Герценом и Масариком. А Степуну позволяет констатировать всяческое отсутствие оформленности, т. е. варварство и отказ от собственного лика и судьбы.

Стиль историософских концепций у западников отличается «общими начертаниями». У Яковенко необходимо особенно выделить *декларативность и неопределенность* – характеристики, которые дает ему В. В. Зеньковский. У Гессена также, по его мнению, «все... остается, по существу, неясно», а у Степуна, «неожиданно и необоснованно, выступает “религиозное переживание Бога”» [25]. Так проявляется, на наш взгляд, существенная черта неокантианства после иррационального расширения в нем философии И. Канта, а именно – *мистицизм и интуитивизм*. То и другое приводят к релятивизму, но дают *иллюзию бытия*, независимо от того, кто пользуется данной методологией – крайние западники или же славянофилы-евразийцы.

Ценностный подход к культуре допускает толкование сущего и должного, ценностей, не имеющих самостоятельного существования, а только значимых, осознаваемых или *создаваемых и формулируемых* личностями. В русской философии и культуре проявляется та же особенность, на которую указывал еще Ю. Ф. Самарин: эта школа стоит не в средоточии жизни и не над нею, а в стороне от нее – положение, которое, к сожалению, можно употребить и к самим «осознавателям культурно-исторического своеобразия России», находящимся и физически в эмиграции. Судьбу западников повторяют сегодняшние эмигранты из России, не отличаясь опять же ни оригинальностью, ни новизной метода, но сохраняя «отрицательность воззрения» на Россию.

Примечания

1. Кант И. Сочинения: в 4 т. на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Ками, 1993. С. 109.
2. Кронер Р. Листок из дневника нашего времени // О мессии. Эссе по философии культуры Р. Кронера, Н. Бубнова, Г. Мелиса, С. Гессена, Ф. Степуна. СПб.: РХГИ, 2010. С. 13–14.
3. Там же. С. 16.
4. „Logos“ [Предисловие к немецкому изданию] // Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1910. Band I. Heft I. S. I, III.
5. Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. М.: РОССПЭН, 1996. С. 501.
6. От редакции // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Русское издание. М.: Мусaget, 1910. Кн. 1. С. 1–2.
7. Там же. С. 6.
8. Там же. С. 13.
9. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. Введение в историю философии. М.: Республика, 1999. С. 31.
10. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. С. 63, 64.
11. Там же. С. 64.
12. Там же.
13. Мир России – Евразия. Антология. М.: Высш. шк., 1995. С. 23.
14. Там же. С. 26.
15. Там же. С. 23.

16. Там же. С. 24.
17. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. С. 286.
18. Мир России – Евразия. С. 65.
19. Там же. С. 57.
20. Там же. С. 42.
21. Яковенко Б. В. Философия большевизма // Яковенко Б. В. Мощь философии. СПб.: Наука, 2000. С. 916.
22. Гессен С. Герцен // О мессии. С. 47–48.
23. Stepun F. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Reihe religiöser Russen. Band 1. Bern; Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934. S. 35.
24. Ibid. S. 34.
25. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2. Ч. 1. Л.: Эго, 1991. С. 249, 253.

Notes

1. Kant I. *Sochinenija: v 4 t. na nemeckom i russkom jazykah* [Works in 4 volumes in German and Russian language]. Vol. 1. M. Kami. 1993. P. 109.
2. Kroner R. *Listok iz dnevnika nashego vremeni* [Leaf from the diary of our time] // *messii. Jesse po filosofii kul'tury* R. Kronera, N. Bubnova, G. Melisa, S. Gessena, F. Stepuna – About the Messiah. Essays on philosophy of culture by R. Kroner, N. Bubnov, G. Melis, C. Hesse, F. Stepun. SPb. RGGI. 2010. Pp. 13-14.
3. Ibid. P. 16.
4. "Logos" [Preface to the German edition] // *Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1910. Band I. Heft I. S. I, III.
5. Samarin Yu. F. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. M. ROSSPEN. 1996. P. 501.
6. *Ot redakcii* – From the editor // *Logos. Mezhdunarodnyj ezhegodnik po filosofii kul'tury* – Logos. International Yearbook on philosophy of culture. Russian edition. M. Musaget. 1910. Book 1. Pp. 1-2.
7. Ibid. P. 6.
8. Ibid. P. 13.
9. I. I. Lapshin *Filosofija izobretenija i izobretenie v filosofii. Vvedenie v istoriju filosofii* [Philosophy of the invention and the invention in philosophy. An introduction to the history of philosophy]. M. Respublika. 1999. P. 31.
10. Trubetskoy N. C. *Nasledie Chingishana* [The Legacy of Genghis Khan]. M. Agraf. 2000. Pp. 63, 64.
11. Ibid. P. 64.
12. Ibid.
13. *Mir Rossii – Evrazija. Antologija* – The World Of Russia – Eurasia. Anthology. – M. Higher Sch. 1995. P. 23.
14. Ibid. P. 26.
15. Ibid. P. 23.
16. Ibid. P. 24.
17. Trubetskoy N. C. *Nasledie Chingishana* [The Legacy of Genghis Khan]. P. 286.
18. *Mir Rossii – Evrazija* – The World Of Russia – Eurasia. P. 65.
19. Ibid. P. 57.
20. Ibid. P. 42.
21. Yakovenko B. V. *Filosofija bol'shevizma* [Philosophy of Bolshevism] // Yakovenko B. V. *Moshh' filosofii – Power of philosophy*. SPb. Science. 2000. P. 916.
22. Hessen S. *Gerzen* [Herzen] // *O messii* – About the Messiah. Pp. 47-48.
23. Stepun F. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Reihe religiöser Russen. Band 1. Bern; Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934. S. 35.
24. Ibid. P. 34.
25. Zenkovsky V. V. *Istorija russoj filosofii* [History of Russian philosophy]. Vol. 2. Part 1. L. Ego. 1991. Pp. 249, 253.

УДК 167

Н. Л. Караваев

К особенностям методологии системных исследований

В статье представлен анализ понятия методологии как метадеятельности, т. е. деятельности, направленной на организацию других видов деятельности. Выявлены основные структурные компоненты методологии исследовательской деятельности, такие, как технологии исследования (средства и методы исследования) и методологические подходы. Среди всего многообразия методологических подходов особого внимания заслуживает системный подход. Рассматривая основные положения методологии системного

исследования, автор выявляет ключевые характеристики понятия системы и показывает, что это понятие следует применять не только по отношению к природе изучаемых явлений (онтологический аспект системного подхода), но, что более важно, к самому процессу научного исследования (гносеологический аспект). С точки зрения каждого из этих аспектов автор раскрывает особенности системного подхода и системных исследований.

The article presents an analysis of the concept of methodology as meta-activity, i.e. activity aimed at organizing other activities. The basic structural components of the methodology of research, such as research technology (tools and methods of research) and methodological approaches. Among the variety of methodological approaches, the system approach deserves special attention. Describing the main provisions of system research methodology, the author reveals the key characteristics of the notion "system", shows that this notion should be applied not only to the nature of the phenomena under consideration (the ontological aspect of system approach), but, what is more important, to the process of scientific research (gnoseological aspect); and from the point of view of each of these aspects reveals the features of system approach and system research.

Ключевые слова: методология; наука; система; системный подход; системное исследование.

Keywords: methodology; science; system; system approach; system research.

Методология исследования. Исследовательская деятельность требует предварительной подготовки, которая определяет порядок действий и операций, направленных на достижение должного результата, в отличие от непродуктивной деятельности в виде некоего повторения ранее освоенного. Роль подобной подготовки играет методология как «учение об организации деятельности» [1]. Ее можно определить как метадеятельность, т. е. деятельность, направленную на организацию других видов деятельности.

В структуре любого процесса, в том числе познавательного, можно выделить как минимум три следующих компонента: а) предмет, б) технологию и в) результат. Предмет играет пассивную роль, технология есть активное начало, посредством чего предмет преобразуется в результат процесса, или деятельности. Так, кусок глины является пассивным предметом, над которым осуществляется некая трансформация посредством умения и опыта мастера, в результате чего появляется кувшин или некий другой предмет. В данном случае опыт мастера выступает как метод-средство, или, другими словами, как технология. Именно благодаря активному воздействию технологии на пассивный предмет становится возможным появление нового результата.

В научных и философских исследованиях в роли предмета выступает информация, воспринятая из окружающей действительности, либо уже имеющиеся научные и философские знания (научные факты, законы и/или теории, концепции, гипотезы, подходы и т. п.). В качестве технологии используются познавательные способности человека, различные методы исследования, а также средства исследования, включая различные инженерно-технические устройства. Результатом исследования являются новые научные или философские знания и достижения, которые впоследствии могут стать базой для различного рода технических разработок или послужить толчком для дальнейшего развития человеческой мысли. Очевидно, что процесс получения нового результата требует правильных и по назначению используемых технологических инструментов. Методология исследовательской деятельности как раз и играет руководящую роль в этом процессе. Она позволяет осуществить эффективное и целенаправленное использование технологий исследования и получить должный исследовательский результат.

Структурными компонентами методологии исследования являются *технологии исследования* и *методологические подходы*. Технологии исследования являются важнейшими составляющими логической структуры организации исследовательской деятельности, поскольку объединяют в себе многообразие методов (как совокупности операций и правил их исполнения) и средств (как инструментов преобразования) исследования, которые играют конструктивную роль в исследовательской работе. В свою очередь методы исследования делятся на эмпирические (наблюдение, измерение, мониторинг и т. д.) и теоретические (анализ, синтез, сравнение, абстрагирование и др.). Что касается средств исследования, то в ходе развития общества они специально разрабатываются или совершенствуются для той или иной исследовательской работы и включают в себя средства как естественного, так и искусственного происхождения: материальные, компьютерные, математические, языковые, логические и другие средства.

В рамках любого исследования существует проблема многообразия аспектов (сторон, ракурсов, предметов) исследуемого объекта или явления, что ставит перед исследователем проблему выбора методологического подхода, который бы в максимальной степени соответствовал этому объекту.

Методологические подходы можно условно разделить на три уровня: философский, общенаучный и конкретно-научный. Философский уровень лежит, условно говоря, выше всех в иерархии уровней методологии. Его цель – критическое осмысление и оценка достижений общества (в том числе и науки), а также конструирование тех идеалов и ценностных норм, которым человек и общество должны соответствовать в мировоззрении человека. Вторым уровнем составляют общенаучные подходы, такие, как структурный подход, формальный, содержательный и др. Третий уровень включает подходы отдельных направлений и отраслей науки (экономический, историко-правовой, социологический, биохимический и т. д.).

В своей сути методологический подход есть совокупность положений и принципов, которые влияют на выбор предмета исследования, отражают специфику постановки проблемы, т. е. того, что будет исследоваться (какая часть объекта, какой его аспект), особенности процесса решения этой проблемы, т. е. того, как будет осуществляться это исследование, а также оценивание полученных результатов. Помимо этого подход определяет аксиоматические и целевые установки, с которыми исследователь приступает к взаимодействию с выделенным объектом. При использовании того или иного методологического подхода методы и средства исследования так или иначе конкретизируются и специфицируются, что приводит к появлению различных разновидностей методов и средств. Так, например, теоретический метод анализа в контексте структурного и функционального подходов проявляется соответственно в методах структурного и функционального анализа.

Системный подход и понятие системы. Среди всего многообразия методологических подходов особого внимания заслуживает системный подход. За последние десятилетия этот подход зарекомендовал себя во многих отраслях науки. К нему обращаются, когда возникает необходимость в создании целостной картины того или иного явления.

Системный подход выделился в 40-х гг. XX в. под влиянием общей теории систем австрийского учёного Л. Фон Берталанфи (1901–1972) и впоследствии предстал перед научным сообществом в качестве общенаучной методологии познания.

Понятие системы имеет множество определений. Одно из наиболее полных, на наш взгляд, определяет систему как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют определенную целостность, единство [2]. В различных исследованиях [3] выделяется множество характеристик системы: целостность, структурность, взаимосвязь со средой, целенаправленность, самоорганизация, иерархичность и др. Принимая во внимание вышеприведенное определение, понятие системы охарактеризуем следующими свойствами:

1. *Наличие множества компонентов.* Всякая система содержит в себе элементы. Без них невозможно было бы существование системы как таковой. При определенных условиях эти элементы сами могут рассматриваться как системы. С другой стороны, всякая система может быть частью системы более высокого уровня и выступать в качестве её подсистемы.

2. *Наличие связей между компонентами.* Связи являются тем фактором, который делает возможным существование множества как целого, поэтому они называются системообразующими. Они имеют структурированный и упорядоченный характер, а также отражают подчинение одних элементов другим (вертикальные связи) или определяют отношения между равноправными элементами (горизонтальные связи).

3. *Наличие интегративных свойств.* Без этих свойств речь могла бы идти лишь о простом сложении различных компонентов. Именно интегративные свойства и определяют существование системы как единства. Они зависят от свойств элементов, но не определяются ими полностью. Таким образом, система не сводится к простой сумме образующих её компонентов. Свойства и поведение системы как целого не выводятся из какой-либо её части, поэтому, расчлняя систему на части, нельзя познать все свойства системы в целом.

Понятие системы можно применить также и к самому процессу научного или философского исследования. Советский методолог Г. П. Щедровицкий (1929–1994) справедливо заметил, что в научных кругах системный подход рассматривается с двух точек зрения. Представители первой утверждают, что системный подход следует определять «с точки зрения специфики того объекта, на который направлена деятельность исследователя или проектировщика; системный подход – говорят в этом случае – это тот анализ, то конструирование или то проектирование, которые направлены на системы как объекты особого рода» [4]. Данную позицию справедливо можно назвать онтологической, поскольку в ней утверждается системная природа всякого объекта, его системное бытие. С точки зрения второй позиции, гносеологической, системный подход определяется «по специфике самих процедур деятельности и мышления, т. е. с точки зрения того “аппарата” мыслительных средств и методов, который здесь должен участвовать» [5]. С нашей точки зрения, целесообразно обе позиции рассматривать как взаимосвязанные и взаимодополняющие аспекты системного подхода.

Принципы системного подхода. Исходя из того, что два аспекта системного подхода, по нашему мнению, неразрывно связаны, выделим ряд положений, которые необходимо учитывать при проведении системного исследования.

С точки зрения онтологического аспекта учёный должен учитывать следующие имманентные признаки системного бытия объекта:

1. *Принцип взаимной детерминации.* Необходимо учитывать, что любые компоненты объекта как системы и их взаимосвязи существуют в рамках конкретной организационной структуры. Взаимодействуя между собой определенным образом, они взаимообуславливают существование и функционирование как самого объекта, так и друг друга именно такими, какие они есть. То есть процесс функционирования объекта как системы обусловлен не столько свойствами его отдельных частей, сколько свойствами их структурной организации в системе.

2. *Принцип иерархичности строения.* Учёный должен принимать к сведению иерархию компонентов системы. Другими словами – учитывать существование уровней, множеств (по крайней мере двух) компонентов, расположенных на основе подчинения компонентов низшего уровня компонентам, лежащим на высшем уровне.

3. *Принцип целостности объекта.* Следует принимать во внимание единство системы и её уникальные свойства, качественную автономию и завершенность системы в окружающей её действительности. В. Г. Афанасьев так определяет целостность системы: «Мы бы определили целое, целостность как систему, совокупность объектов, взаимодействие которых обуславливает наличие новых интегративных качеств, несвойственных образующим ее частям» [6].

4. *Принцип целенаправленности объекта.* Ориентирует учёного на то, что при изучении объекта необходимо помимо всего прочего выявить цель его существования. Она обычно подчинена решению задач функционирования системы более высокого уровня (как управляющей системе), куда данная система входит как часть.

5. *Принцип историчности объекта.* Обязывает учёного вскрывать процесс развития системы во времени, её прошлое, тенденции и закономерности. Многоуровневый характер системы и сложное строение её детерминации могут быть раскрыты только в том случае, если она рассматривается в ходе своего развития.

С точки зрения эпистемологического аспекта учёный в ходе применения системного подхода должен обратить внимание на следующие моменты:

1. *Системная постановка проблемы.* Она означает, что важным становится не только сама по себе иная постановка проблемы, позволяющая взглянуть на объект по-новому, но и обоснование изучения объекта именно как системы, т. е. «насколько такое рассмотрение необходимо, насколько оно диктуется реальными задачами исследования» [7].

2. *Системный анализ изучаемого объекта,* включающий в себя следующие элементы:

а) *Морфологический анализ объекта.* Исследование должно вскрыть компонентный состав объекта, который даст первоначальное представление о строении системы. Однако очевидно, что морфологическое описание никогда не сможет дать исчерпывающие сведения о системе без описания отношений и взаимосвязей между компонентами этой системы.

б) *Структурный анализ объекта.* Системное исследование должно быть также направлено на структурную организацию системы, т. е. на взаимосвязи и отношения между компонентами системы. Данное описание дополняет морфологическое, поскольку выявляются структурные характеристики объекта и его системообразующие связи.

в) *Функциональный анализ объекта.* Это означает представление об объекте как комплексе выполняемых им функций. Всякий объект интересен, прежде всего, процессом своего функционирования, результатом своего существования, ролью, которую он играет среди других объектов окружающей действительности. Именно поэтому применение системного подхода в рамках социогуманитарных исследований отсылает к деятельностному подходу.

3. *Синтез результатов системного анализа.* Системный анализ объекта никогда не сможет дать комплексного понимания объекта как целостной системы, поскольку всякое описание объекта исходит из того или иного уровня абстракции. В каждом описании рассмотрение объекта осуществляется в какой-либо одной системе координат. Происходит абстрагирование от других аспектов и частей объекта, что в итоге приводит к получению картины только одной стороны объекта, который, тем не менее, по своей природе представляет собой единство и целостность. Системное исследование объекта требует от учёного не столько получения нескольких фрагментарных описаний объекта, сколько их интеграцию, синтез, объединение всех этих описаний в единое представление об объекте. Только тогда будет возможно целостное видение объекта, учитывающее наибольшее количество его аспектов и сторон.

Итак, системный подход является методологическим подходом, успешность применения которого заключается в объединении двух неразрывно связанных между собой аспектов. Первый состоит в рассмотрении объекта исследования как системы и учете всех характеристик его системного бытия. Второй состоит в организации процесса исследования как системного по своей логической структуре и по применяемым средствам и методам исследования. Только при таком многоплановом рассмотрении исследование, по нашему мнению, может считаться системным.

Примечания

1. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М.: СИНТЕГ, 2007. С. 20.
2. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системных исследований. М.: Мысль, 1970. С. 7–48.
3. См.: Берталанфи Л. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 30–54; Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М.: Наука, 1974. 279 с.; Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ: учеб. пособие. М.: МАУП, 2003. 368 с.; Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
4. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. С. 71.
5. Там же. С. 72.
6. Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981. С. 32.
7. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. С. 165.

Notes

1. Novikov A. M., Novikov D. A. *Metodologija* [The Methodology]. M. SINTEG. 2007. P. 20.
2. I. V. Blauberger, Sadovsky V. N., Yudin E. G. *istemnyj podhod v sovremennoj nauke* [Systematic approach in modern science] // *Problemy metodologii sistemnyh issledovanij*- Problems of methodology of system research. M. Mysl'. 1970. Pp. 7-48.
3. See: Bertalanffy L. *Obshhaja teorija sistem – obzor problem i rezul'tatov*[General systems theory – a review of problems and results] // *istemnye issledovanija: Ezhegodnik – System research: Yearbook*. M. Nauka. 1969. Pp. 30-54; Sadovsky V. N. *Osnovaniya obshhej teorii sistem* [The Foundation of General systems theory]. M. Nauka. 1974. 279 p.; Surmin Y.P. *Teorija sistem i sistemnyj analiz: ucheb. Posobie* [Systems theory and systems analysis: tutorial]. M. MAUP. 2003. 368 p.; Uемов A. I. *Sistemnyj podhod i obshhaja teorija sistem* [System approach and general systems theory]. M. Mysl. 1978. 272 p.
4. Shchedrovitsky G. P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. M. Sch. Cult. Polit. 1995. P. 71.
5. Ibid. P. 72.
6. Afanasiev V. G. *Obshhestvo: sistemnost', poznanie i upravlenie* [Society: consistency, knowledge and management]. M. Politizdat. 1981. P. 32.
7. Yudin E. G. *Metodologija nauki. Sistemnost'. Dejatel'nost'* [Methodology of science. Consistency. Activity]. M. Editorial URSS. 1997. P. 165

УДК 101.1

Н. Н. Полуян, И. А. Кушова

Эдмунд Гуссерль: критика эмпириокритицизма

В статье последовательно рассматриваются аргументы, приводимые Э. Гуссерлем в качестве критических замечаний к так называемому направлению «философского психологизма», который он справедливо усматривает в идеях всех без исключения представителей современной ему философской мысли, в том числе и в эмпириокритицизме. Особое внимание автором уделяется важнейшему положению эмпириокритической философии, а именно «принципу экономии научного мышления». В качестве основных исследуются следующие положения: научный характер принципа экономии мышления существует исключительно как для принципа телеологического приспособления; вполне правомерно применять принцип экономии мышления в качестве дедуктивной методики в области «практического знания», например в психической антропологии; однако теория «экономии мышления» не имеет никакого отношения и, следовательно, не имеет значения для чистой логики и чистой теории познания. В целом ошибку эмпириокритиков Гуссерль видит в том, что принцип экономии мышления принимается ими за общий гносеологический принцип, в то время как существует принципиальная разница между фактическим мышлением и логически идеальной нормой мысли. В итоге же сама по себе «чистая логика» предшествует всякой экономии мышления.

The article includes analysis of the arguments used by Husserl as a criticism towards the so-called "philosophical psychology", which he rightly sees in the ideas of any and all representatives of contemporary philosophical thought, including in Empiric. Particular attention is given to the author of the most important provisions empiric-rational philosophy, namely the "principle of economy of scientific thinking." The main investigated the following provisions: the scientific nature of the principle of economy of thought exists solely for the teleological principle of adaptation; quite rightly apply the principle of economy of thought as deductive methods in the field of "practical knowledge", such as mental anthropology; however, the theory of "economy of thought" is irrelevant and, therefore, does not matter to pure logic and pure theory of knowledge. In general, the error empirio Husserl sees that the principle of economy of thought adopted by them for the general epistemological principle, while there is a fundamental difference between the actual and thinking logically ideal norm of thought. The result is that, by itself "pure logic" precedes any economy of thought.

Ключевые слова: Э. Гуссерль, эмпириокритицизм, принцип экономии мышления, научное мышление, эмпирически данное, логически идеальное.

Keywords: E. Husserl, the empiric, the principle of economy of thinking, scientific thinking, this empirically, logically perfect.

Одним из важнейших положений эмпириокритицизма является идея или принцип экономии мышления. Впрочем, такое название этот принцип имеет у Маха, у Авенариуса он звучит как принцип «наименьшей траты сил». Именно этот принцип Э. Гуссерль (1859–938) выделяет как основной, самый значимый в эмпириокритицизме и использует его для характеристики всего направления в целом. Вокруг этого принципа строятся его рассуждения, и этот принцип он выводит в название одной из глав «Логических исследований» (1900–901, русский перевод – 1909), посвященной махизму – «Принцип экономии мышления и логика».

Говоря в целом, первый том «Логических исследований» Гуссерля, имеющий своим подзаголовком «пролегомены к чистой логике», посвящен практически исключительно критике так называемого направления «психологизма», с опровержения последнего собственно он и начинается свое исследование.

Направление эмпириокритицизма не стало здесь исключением. Гуссерль прямо пишет: «В близком родстве с психологизмом... стоит другая форма эмпирического обоснования логики и гносеологии, особенно сильно распространившаяся за последние годы: это биологическое обоснование логики и гносеологии посредством принципа наименьшей затраты силы, как у Авенариуса, или принципа экономии мышления, как это называет Мах» [1].

То, что эмпириокритицизм как направление в итоге все-таки впадает в психологизм, Гуссерль иллюстрирует на примере сочинения «Психология» одного из последователей Маха К. Корнелиуса. Как пишет Гуссерль, у последнего принцип экономии мышления открыто излагается как «основной закон разума» и одновременно как «всеобщий психологический основной закон», а психология (в том числе и психология процессов познания), построенная на этом основном законе, служит основой для философии вообще.

В целом свое отношение к разного рода «теориям экономии мышления» Гуссерль выражает следующим образом: в них «вполне правомерные и при соответствующем ограничении весьма плодотворные мысли получают такое применение, которое, в случае всеобщего признания, означало бы гибель всякой истинной логики и теории познания, с одной стороны, и психологии – с другой» [2]. Рассуждая же конкретно относительно основного принципа эмпириокритиков, Гуссерль придерживается нескольких основных пунктов, а именно:

1. Телеологический характер принципа Маха – Авенариуса и научное значение «экономии мышления». Здесь Гуссерль исследует характер принципа экономии мышления как принципа телеологического приспособления.

2. Более подробное изложение правомерных целей «экономии мышления», главным образом в сфере чисто дедуктивной методологии. Говоря другими словами, Гуссерль определяет все ценное в содержании принципа экономии мышления, а также правомерные цели вытекающих отсюда исследований в области психической антропологии и практического учения о знании.

3. «Экономика мышления» не имеет значения для чистой логики и учения о познании. То есть автор доказывает неспособность принципа Маха – Авенариуса оказать какую-либо помощь в деле обоснования чистой логики и теории познания.

Прежде чем приступить, следуя логике рассуждений Гуссерля, к анализу взаимодействия принципа экономии мышления с чистой логикой и гносеологией, поясним, что автор наряду с термином Маха «экономика мышления» использует более удобное для себя словообразование «экономика мышления», которым обозначает научную совокупность исследований в области экономии мышления.

По мнению Гуссерля, как бы ни формулировать принцип экономии мышления, он всегда будет носить характер «принципа развития» или «приспособления», причем наука понимается здесь как «наиболее целесообразное (экономическое, сберегающее силу) приспособление мыслей к различным областям явлений» [3]. Несмотря на различия в обозначении, в стилях изложения, Мах и Авенариус приходят в итоге к одному выводу: наука создает возможно более полную ориентировку в соответствующих областях опыта и возможно более «экономное» приспособление наших мыслей к ним.

Гуссерль указывает, что Мах предпочитает говорить не о «принципе» как таковом, а просто об «экономической природе» научного исследования или об «экономизирующем мышление действии». То есть речь идет не о каком-либо точном законе рационального объяснения. На первое место Гуссерль выводит лишь общую для биологии идею «приспособления». Он пишет: «Какое-либо существо очевидно организовано тем более целесообразно, то есть тем лучше приспособлено к условиям своей жизни, чем быстрее и с чем меньшей затратой сил оно может каждый раз выполнять действия, необходимые или благоприятные для его развития. В случае каких-либо... вредных или полезных явлений оно будет тем скорее готово к обороне или наступлению... и у него останется больше запасной силы, чтобы противостоять новым опасностям или реализовать новые выгоды» [4].

То же самое, несомненно, применимо и к области умственной работы. Если считается, что она способствует самосохранению, то ее можно справедливо рассматривать с экономической точки зрения, а также оценивать «телеологически» соответственные действия, фактически осуществляемые человеком. Гуссерль поясняет это так: «Можно... а priori представить известные совершенства как соответствующие экономии мышления и затем показать, что они реализуются в формах и путях процесса нашего мышления – либо во всяком мышлении вообще, либо в более развитых умах и в методах научного исследования» [5].

Таким образом, автор подводит нас к выводу о той роли, которую принцип экономии мышления способен играть в области научного знания. Ведь в области психического как части биологии вообще возможны телеологические исследования, из которых и составляется психическая антропология, которая рассматривает человека в среде общей жизни человечества и, далее, в совокупности всей земной жизни. Именно в связи с этим Гуссерль делает вывод о том, что специально в применении к науке точка зрения экономии мышления «может дать значительные результаты, она может бросить яркий свет на антропологические основания различных методов исследования». Говоря другими словами, он хочет сказать, что целый ряд научных методов и приемов может быть удовлетворительно правильно понят только в связи с особенностями человеческой психической организации. В частности, он имеет в виду психологическую природу так называемого «знаково-символического» мышления.

Методы и приемы в науке преодолевают несовершенства нашей духовной организации и позволяют нам «косвенно», посредством «символических процессов», при отсутствии наглядного материала, делать выводы, которые вполне правомерны, так как раз и навсегда «гарантированы общим основанием правильности метода». Мы можем сказать, что относящиеся сюда «искусственные» методы в науке носят характер приемов экономии мышления, так как они, по мнению Гуссерля, «исторически и индивидуально вырастают из известных естественных процессов экономии мышления». Исследователь же или ученый затем в своем практически-логическом мышлении всячески совершенствует их и создает аналогичные, но более сложные и более действенные механизмы мышления, общая правомерность которых и устанавливается раз и навсегда. Поэтому эти методы могут в каждом отдельном случае применяться чисто «механически». Гуссерль пишет так: «...широкое сведение самоочевидных процессов мышления к механическим, посредством коего огромные области неосуществимых прямым путем задач мышления преодолеваются косвенным путем, покоится на психологической природе знаково-символического мышления» [6]. Автор имеет в виду, прежде всего, математические дисциплины, где экономизирующее мысли сведение настоящего мышления к «значному» позволяет ученому перенестись с «тяжело доступных высот абстракции» на «удобный путь наглядного представления».

Таким образом, идея экономии мышления является правомерной и плодотворной для практической стороны научного познания, которую Гуссерль называет «техническим учением». Она может даже служить в какой-то мере основой этого «технического учения», так как оказывает необходимую помощь в создании практических методов человеческого научного познания, их дальнейшей специализации, а также в выведении правил их оценки и открытия.

До этого мы говорили о мышлении научном, однако проблема экономии мышления существует как в донаучном, так и в ненаучном мышлении. По мнению Гуссерля, чтобы выяснить телеологию донаучных и ненаучных методов, необходимо при помощи точного анализа соответ-

ствующих «связей представлений и суждений» установить фактическую сторону, психологический механизм соответствующего способа мышления. А действие последнего в направлении экономии мышления мы можем обнаружить через доказательство, что этот способ может быть обоснован «косвенно и логически с очевидностью», то есть что его результаты или выводы с необходимостью, или как пишет автор, с «известной, не слишком малой вероятностью» должны совпадать с истиной. Кроме того, «чтобы не пришлось считать естественное возникновение экономизирующего мышление аппарата чудом (или, что то же, результатом творческого акта божественного разума), необходимо заняться тщательным анализом естественных и господствующих мотивов и условий представления у среднего человека... и на основе этого показать, как мог и должен был “сам собой” развиться из чисто природных оснований такого рода плодотворный способ» [7].

На этом, если говорить условно, заканчивается изложение тех идей Маха и Авенариуса, которые представляются вполне приемлемыми Гуссерлю.

Он делает вывод о том, что указанные исследования могут пролить свет на практическое учение о познании, на методологию научного исследования, но – отнюдь не на чистое учение о познании, и, в частности, не на «идеальные законы» чистой логики. То есть, говоря другими словами, Гуссерль выступает против понимания и употребления идеи экономии мышления в качестве обоснования как гносеологии, так и философии вообще.

Однако обоснование учения о познании в смысле экономии мышления, в конце концов, сводится чисто к психологическому обоснованию. В связи с этим и все возражения, которые он выдвигает против махизма, совпадают с теми, которые он приводит против психологизма и релятивизма в целом. Так как в задачи нашей работы не входят подробное изучение и анализ этих рассуждений, мы приведем здесь, на наш взгляд, самое важное и настолько подробно, насколько это необходимо для нашего исследования.

Гуссерль пишет: «По психологическим законам на основе грубо согласующихся первых психических коллокаций возникает представление единого, общего для нас всех мира и слепая эмпирическая вера в его существование» [8]. Напомним, что в эмпириокритицизме из первоначальных ощущений образуются отдельные данные опыта, которые затем сливаются в одно более или менее упорядоченное единство опыта. Далее он продолжает: «Но нельзя упускать из виду, что этот мир не для каждого тот же самый, он таков только в общем и целом, лишь настолько, чтобы практически была в достаточной мере дана возможность общих представлений и действий. Мир не одинаков для простого человека и для научного исследователя; для первого мир есть связь приблизительной правильности, пронизанная тысячью случайностей, для второго мир есть природа, в которой всюду и везде господствует абсолютно строгая закономерность» [9].

Несомненно, имеет большое научное значение раскрытие психологических путей и средств, с помощью которых развивается и устанавливается достаточная для практической жизни (у Гуссерля – для потребностей самосохранения) идея мира как предмета опыта. Также необходимо показать психологические пути и средства, с помощью которых у ученых складывается «объективно адекватная» идея закономерного единства опыта с его постоянно обновляющимся научным содержанием.

Однако с точки зрения «чистой» гносеологии все эти психологические исследования не имеют никакого значения, так как, по словам Гуссерля, вопрос не в том, как возникает опыт, наивный или научный, а в том, какое содержание он должен иметь, чтобы быть объективно правильным опытом. Или, другими словами, вопрос состоит в том, каковы те «идеальные» законы, на которых основываются объективность и обязательность познания, как практического, так и познания вообще.

Автор пишет по этому поводу следующим образом: «...мы интересуемся не возникновением и изменением представления о мире, а объективным правом, с которым научное представление о мире противопоставляет себя всякому другому и в силу которого оно утверждает свой мир как объективно-истинный» [10].

Ошибку Маха Гуссерль видит в том, что тот принимал принцип экономии мышления за общий гносеологический принцип. Это было обусловлено в свою очередь смешением «фактически данного» с «логически идеальным», которое незаметно подставлялось одно вместо другого.

По этому поводу автор рассуждает так: «...идеальная тенденция логического мышления, как такового, направлена в сторону рациональности» [11]. Этот принцип возможно большей рациональности с очевидностью является, с одной стороны, высшей целью для разного рода рациональных наук, а с другой стороны, выступает как «чисто идеальный» и «нормативный» принцип сам по себе. По словам Гуссерля, он «никоим образом не может быть сведен к фактам психической жизни или общественной жизни человечества, или истолкован в смысле таких фактов»

[12]. И еще: «Отождествлять тенденцию возможно большей рациональности с биологической тенденцией к приспособлению, или выводить первую из второй, и затем еще возлагать на нее функцию основной психической силы – это есть такое скопление заблуждений, к которому приближаются только психологические искажения логических законов и понимание их как естественных законов» [13].

Таким образом, эмпириокритицизм в лице Маха и Авенариуса из «идеальной» тенденции логического мышления как такового к рациональности делает «реальную» тенденцию человеческого мышления и обосновывает ее на принципе экономии мышления или сбережения сил, а, в конечном счете, на биологической идее приспособления. Однако, по Гуссерлю, «фактическое мышление» и «идеальная норма» – это абсолютно не одно и то же. «...Наше фактическое мышление именно не протекает согласно с идеалами – как будто идеалы вообще были чем-то вроде сил природы» [14]. То есть идеальное значение нормы является предпосылкой всякого экономного мышления, и, следовательно, оно не может быть следствием, выведенным из учения о наименьшей трате сил. Другими словами, сама по себе «чистая логика» предшествует всякой экономии мышления.

Подводя итог вышесказанному, мы можем сделать вывод о том, что все ошибки и заблуждения представителей эмпириокритицизма, по мнению Гуссерля, происходят от их заинтересованности, или, как пишет автор, увлеченности, познанием исключительно эмпирической стороны науки. Как он пишет, они «до известной степени за деревьями не видят леса», то есть они фактически не затрагивают гносеологической проблемы «идеального единства объективной истины», равно как и проблем закономерности и нормативности науки и логики, в то время как у Гуссерля эти проблемы выходят на первый план.

Примечания

1. Гуссерль Э. Логические исследования // Философия как строгая наука. Новочеркасск: САГУНА, 1994. С. 309.
2. Там же.
3. Там же. С. 310.
4. Там же. С. 312.
5. Там же.
6. Там же. С. 313.
7. Там же. С. 315.
8. Там же. С. 317.
9. Там же. С. 317–318.
10. Там же. С. 318.
11. Там же. С. 319.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.

Notes

1. Husserl E. *Logicheskie issledovanija* [Logical investigations] // *ilosofija kak strogaja nauka* - Philosophy as a strict science. Novoherkassk. SAGUNA. 1994. P. 309.
2. Ibid.
3. Ibid. P. 310.
4. Ibid. P. 312.
5. Ibid.
6. Ibid. P. 313.
7. Ibid. P. 315.
8. Ibid. P. 317.
9. Ibid. Pp. 317-318.
10. Ibid. P. 318.
11. Ibid. P. 319.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid.

Слово Пушкина и «поэтическое мышление» М. Хайдеггера

Статья посвящается 135-летию Пушкинской речи Достоевского. По словам Достоевского, Пушкин распознал и обозначил болезнь русского общества; первым дал художественные типы красоты русской, вышедшей из русского духа; выразил способность русской души к всемирной отзывчивости и всепримирению.

В статье раскрывается взаимосвязь поэтики Пушкина, Достоевского и Хайдеггера в диалогическом пространстве философского дискурса; показано, что при всей бесконечности смыслов, которые можно извлечь из интерпретаций произведений Пушкина, выявляется единство русской традиции и русской культуры. Предпринята попытка связать «Слово Пушкина» с философской концепцией «поэтического мышления» Хайдеггера, который считал, что всякая подлинная поэзия – прикосновение к невыразимому, а слова – только способ прикоснуться к нему. Подчеркивается актуальность Пушкинской речи Достоевского сегодня. В статье использованы феноменологический и компаративистский подходы.

The paper is dedicated to the 135th anniversary of the Pushkin speech by Dostoevsky. According to Dostoevsky Pushkin recognized and defined the illness of the Russian society. He was the first who introduced artistic types of Russian beauty coming out of Russian spirit. He expressed ability of Russian soul to be worldwide responsiveness and reconciliation.

The paper highlights interconnection between Pushkin, Dostoevsky and Heidegger poetics in the dialog space of philosophical discourse; it shows that from infinity of meanings possible to elicit from the Pushkin works interpretations the unity of the Russian culture and Russian traditions is demonstrated. The paper is an attempt to connect "Pushkin Word" with philosophical concept of "poetic thinking" by Martin Heidegger who was of opinion that any true poetry was a touching to inexpressible, while words were only means to touch it. The conclusion is made that the Pushkin speech by Dostoevsky is still actual today. The paper used phenomenological and comparative approaches.

Ключевые слова: поэтика Пушкина, актуальность Пушкинской речи Достоевского, духовное единение, М. Хайдеггер, «поэтическое мышление», диалог, текст, контекст, русская культура, русская литература, преемственность.

Keywords: Pushkin poetics, actuality of Pushkin speech by Dostoevsky, spiritual unity, Martin Heidegger, "poetic thinking", dialog, text, context, Russian culture, Russian literature, continuity.

Вопросом «Зачем нужен поэт?» немецкий философ М. Хайдеггер (1899–1976) озаглавил свой доклад, посвященный Райнер Марии Рильке, написанный в 1946 г. М. Хайдеггер уточняет смысл своего критического вопрошания с помощью другого вопроса, заданного немецким поэтом Ф. Гёльдерлином в своей элегии «Хлеб и Вино» – «...и петь в скудный наш век – для чего?».

Такой же скрытый вопрос, а может, и вариант его ответа прозвучал более ста лет назад в России в речи Ф. М. Достоевского по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве. Его Пушкинская речь, произнесенная 8 июня 1880 г. на торжественном заседании Общества любителей российской словесности, всколыхнула всю мыслящую Россию, вызвала шумные споры и одновременно примирение между западниками и славянофилами. Видимо, в «скудное» время в России именно поэзия и поэтическое призвание Пушкина воспринимались как обращение ко всему русскому народу.

В объяснительном слове по поводу речи о Пушкине, Достоевский пишет о том «новом слове», которое «нищая земля» наша может сказать миру. С одной стороны, писатель призывал все враждующие партии русского общества к примирению и отказу от политической борьбы. С другой – он признавал центральной идеей русской литературы ее *общечеловечность*, ее *всеотзывчивость*. Как позднее вспоминал философ и литературный критик Н. Страхов, на празднике состоялась настоящая состязание между западниками и славянофилами и дана гражданская и литературная оценка значения Александра Пушкина для России.

Наибольшее внимание привлекли три выступления – И. С. Тургенева, И. С. Аксакова и Ф. М. Достоевского. Главный пункт, на котором остановился Тургенев, состоял в определении той ступени, на которую он ставил Пушкина. В своей речи он задал вопрос: «Может ли Пушкин называться поэтом национальным?» Национальным, по мнению писателя, может быть назван только поэт великий и всемирный, потому что если поэт вполне выражает дух своей нации, то он тем

самым есть великий поэт, а потому вместе с тем – всемирный поэт, вносящий свой вклад в сокровищницу человечества. И. С. Тургенев, однако, отказался отвечать на заданный им самим вопрос. «Может быть, явится новый, еще неведомый избранник, который превзойдет своего учителя и заслужит вполне название национально-всемирного поэта, которое мы не решаемся дать Пушкину, хоть и не дерзаем его отнять у него» [1].

Поэтому с большим нетерпением российское общество ждало выступления Ф. М. Достоевского. В своем выступлении он расставил все точки над «i» по поводу оценки поэзии Пушкина. Все в зале независимо от своей принадлежности к враждующим между собой партиям считали, что речь Достоевского – это *событие* в русской литературе. Как потом заметил И. С. Аксаков, «вчера еще можно было толковать о том, великий ли всемирный поэт Пушкин или нет; сегодня этот вопрос упразднен; истинное значение Пушкина показано...» [2]. Сам Достоевский в «объяснительном слове» подчеркнул, что его речь стала *событием* постольку, поскольку она обозначила великое пушкинское торжество как *событие* нашего единения. Был сделан шаг к примирению славянофилов с западниками и пониманию того, что «западники ровно столько же послужили русской земле и стремлениям духа ее, как и все те чисто русские люди, которые искренно любили родную землю...» [3].

Ф. Достоевский в своих статьях и работах подчеркивал, что в русском народе есть люди, отвечающие высшим идеальным представлениям. Таким идеалом Достоевский называл Пушкина, утверждая: «У нас все ведь от Пушкина». Поэт был для Достоевского выразителем духа русского народа. «Пушкин, – писал Достоевский, – дал нам художественные типы красоты русской... вышедшей прямо из духа русского» [4]. Не умаляя значимость таких западных поэтов, как Шекспир, Шиллер и Байрон, Достоевский подчеркивал, что не было ни одного гения художественного слова, который бы обладал такой способностью всемирной отзывчивости, как Пушкин. В творчестве Пушкина всегда создавалось нечто новое, не бывшее прежде. Для Пушкина – это была *свобода творчества*, стремление быть не как все, быть независимым, поступать вопреки всему утвердившемуся.

Сам Пушкин в статье «О народной драме и о “Марфе Посаднице” М. П. Погодина» (1830 г.), которая осталась не завершенной, перечисляет все необходимые, на его взгляд, особенности тех, кто «берется за перо». Он писал: «Что нужно драматическому писателю? Философия, бесстрашие, государственная мысль историка, догадливость, живость воображения, никакого предвзвеса любимой мысли. Свобода» [5].

Слово Пушкина мы воспринимаем сегодня как посыл к бесконечному диалогу, своеобразной «перекличке» идей и вдохновений, создающей горизонт «поэтического мышления»*.

Известный русский философ и теоретик искусства М. М. Бахтин (1895–1975) отмечал, что становление нашей души всегда начинается с обращения к нам других людей. Так, по замечанию самого Бахтина, большое влияние на его творчество оказал Ф. Достоевский, с которым его соединяло глубокое духовное родство. Бахтин был согласен с Достоевским, утверждавшим, что, говоря о социальности, нужно иметь в виду не экономическую («вещную») или политическую социальность, а духовную – нравственную, философскую, религиозную, в рамках которой происходит приобщение к высшим ценностям как основе духовной эволюции человечества. Бахтин подчеркивал, что мы постигаем себя через высказывание, нас вдохновившее, т. е. вдохнувшее в нас смысл, живой дух и побуждающее нас со своей стороны откликнуться, ответить на это обращение к нам. Откликаясь, мы вступаем в диалог с тем, кто воплощает собой слово, прежде услышанное нами. Бахтин рассматривал диалог как специфически человеческую форму общения, называя его адекватным методом для познания и понимания личности.

Известно, что в «скудное» время, когда происходит смена системы базисных ценностей, перед каждым человеком встает проблема идентификации, т. е. у него возникают вопросы «кто мы», «что нас объединяет». Способность понимания внутреннего подтекста – совершенно особая сторона психической деятельности, которая может не коррелировать со способностью к логическому мышлению. Этот сложный феномен связан с психологическими и познавательными способностями человека, с процессами общения между людьми, со взаимодействиями различных культур. «Жизнь по природе своей диалогична, – писал Бахтин, – жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться. В этом диалоге человек участвует весь

* Поэтическое мышление – понятие, содержание которого фиксирует способ (стиль, тип) мышления, основанный на принципиальной недосказанности (неполноте) и метафоричности. В содержательном плане поэтическое мышление предполагает радикальный отказ от жесткого рационализма, не только допускающий, но и предполагающий внерациональные (интуитивные, образные и т. п.) мыслительные процедуры.

и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает в себя всего в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» [6].

Философский контекст «мирового симпозиума» можно обнаружить, рассматривая особенно зрелые работы Пушкина: «Евгений Онегин», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «Медный всадник». Пушкин, по мнению Достоевского, в своем творчестве ввел новый тип личности «русского скитальца», неведомой в западной литературе. Достоевский считал, что этот тип «зародился в начале второго столетия после великой петровской реформы в нашем интеллигентном сообществе, оторванном от народа, от народной силы» [7]. Если воля человека самоопределяема, если никакие духовные ориентиры не влияют на нее, то выбор поступка происходит случайно, можно выбрать добро и зло произвольно. Для личности при таком подходе сам выбор безразличен. Немотивированная воля чревата произволом, ведущим к анархии, злу, самоуничтожению человека. Иногда это доходит до крайних пределов, до абсолютности; ответственность человека снимается и ему нельзя вменить в вину или поставить в заслугу его действия, как это происходит с героями пушкинских поэм Алеко и Онегиным.

Ф. Достоевский считал, что путь к решению этой проблемы Пушкиным уже подсказан в своем знаменитом призыве ко всей русской интеллигенции: «Смирись гордый человек... прежде всего, потрудись на родной ниве... и поймешь, наконец, народ свой и святую правду его...» [8]

Сегодня мы интуитивно ощущаем, что гений Пушкина обладал тем «тайным знанием», на которое обратил внимание Достоевский, которое способно было угадать характерные черты нашего русского народного типа.

Размышляя о том, на каком языке писать, Пушкин замечал: «...не решу, какой словесности отдать предпочтение, но есть у нас свой язык; смелее! – обычаи, история, песни, сказки и прочее» (*О французской словесности*, 1822 г.) [9]. Не случайно русский философ П. Струве (1870–1944) в статье «Дух и слово Пушкина» отмечает, что «ключ к Духу Пушкина в его Слове... С Духом, подымавшимся на такую высь, на которой этому Духу было доступно подлинное ясновидение и Боговидение, и он в ясной тишине и тихой ясности художественно преображал этот мир, касался миров иных» [10].

Дух Пушкина, энергия его слова созвучны с концепцией «поэтического мышления» немецкого философа XX в. Мартина Хайдеггера. Человек, живущий на этой земле, утверждал Хайдеггер, должен обладать «поэтическим мышлением». В отличие от формально технического существования (*Gestel*), человек в своей сущности заключает противоположное – землю, небо, божественное и смертное. Таким образом, раскрывая себя четырехкратно – в спасении земли, восприятии неба, в ожидании божественного и в провожании смертного, человек как бы протестует против технически организованного пространства, что сделать в информационно-техногенном мире очень сложно. Чтобы не утратить дух, нужно чаще встречаться с памятью, но где? Хайдеггер считал, «что философия и поэзия стоят на противоположных вершинах, но говорят одно и то же» [11]. Истинная речь – это всегда первопоэзия. Философствовать и размышлять – это единый процесс. Поэзия выступает как проектирование, а философия заставляет внимательно всмотреться в сказанное и в тишине постигнуть смысл бытия, процесс, который Хайдеггер называл высшим достоянием человеческого существования.

Чтобы увидеть красоту мира, нужно прежде всего покинуть сферу рациональных установок и войти в пространство «поэтического мышления». Мышление Хайдеггер этимологически выводит из памяти, память – из благодарности, благодарность – из благоговения молитвы – все это из древнегерманского слова *Gedanc* и означает и сердце и душу. Только в невидимой глубине сердца человек расположен к тому, что является для него любимым – к предкам, умершим, детству, грядущему. Таким обращением к истокам бытия русской культуры наполнены поэзия и проза Александра Пушкина, который почитал предания, любил русскую генеалогию и часто обращался к ней. Его тяга к философскому осмыслению истоков русской культуры предполагалась осуществиться в большом произведении в стихах, которое он вынашивал начиная с 1832 по 1836 г., но увы...

М. Хайдеггера также постоянно мучил вопрос «о духе века», о том, как можно услышать «голос Бытия», который является беззвучным, погруженным в глубокое молчание? Философ полагал, что нужно бережно относиться к языку диалекту (языку «земли» и «основы») – именно через него мы слышим, как говорит определенная этому диалекту принадлежащая традиция, культура, твоя Родина. «Язык в чистом виде – это стихотворение» [12].

В рамках европейского рационализма, согласно Хайдеггеру, идеал поиска истины оказывается замещенным сциентистским идеалом формально-логической строгости: там, где техника становится инструментом «снятия завес с тайн бытия», там человек оказывается не субъектом, «вслушивающимся» в «потаенное» звучание Бытия, но субъектом, претендующим на предписы-

вание нормы, фиксацию меры, формулировку дефиниций. Полагая возможным постижение истины посредством языка, Хайдеггер противопоставляет язык логики как язык «неподлинный» и язык поэзии. В этом контексте Хайдеггер определяет статус «поэтического мышления» как единственную процедуру, в рамках которой возможно внерациональное схватывание сущности, «сокрытой» в лабиринтах логики.

Проблема современного века состоит в том, что для поэтического философствования необходимы вещи, которые для сегодняшнего стремительно бегущего века становятся все менее доступными, а именно – тишина и книга. Французский философ Ролан Барт (1915–1980) считал, что два вечных спутника преследуют нас, когда мы находимся в роли читателя. Первый – это «текст-удовольствие», текст, приносящий удовлетворение, заполняющий нас без остатка. Он комфортабелен. Этот текст не затрагивает нашей сущности и не обращает никакого внимания на функционирование самого языка. Второй – это «текст-наслаждение», текст вызывающий чувство потерянности, дискомфорта. Он расшатывает исторические, культурные, психологические устои читателя, его привычные вкусы, ценности, воспоминания. Это способ чтения побуждает смаковать каждое слово, как бы лнуть, прикипать к тексту. При таком чтении мы пленяемся уже не объемом (в логическом смысле слова) текста, расслаивающегося на множество истин, а слоистостью самого слова, самим актом возможности процесса философствования [13]. Такими текстами являются произведения Пушкина, Достоевского, Хайдеггера... Естественно, такое чтение требует и особенного читателя, вдумчивого и неторопливого. При чтении таких текстов нельзя глотать слова, пропускать абзацы, а нужно трепетно вдумываться в каждое слово. Это возможно лишь при условии обретения того, что сегодня называют роскошью – досуг и душевное согласие с самим собой.

Поэт Андрей Вознесенский в эссе «Зуб разума, или Как я был ходоком к Хайдеггеру» задает вопросы: почему поэт тянется к философу, сможет ли «поэтическое мышление» создать третью реальность; ведома ли нам сущность истока нашего бытия и внимаем ли мы ей? [14] Следует отметить важную особенность нашего времени: мы слышим, как нас часто призывают к действию и слишком мало к осмыслению того, что происходит вокруг нас, что нас ждет в будущем. Однозначность суждения, пришедшая в мир человека с наукой и логикой, привела к тому, что, открывая тайны природы, человек стремится не познавать ее суть, а покорять ее для своих нужд. Говоря только о прагматических целях, естественно, мы используем формализованный язык науки, который можно перевести на все мировые языки. В области философского мышления не существует авторитетных высказываний. Эта традиция идет от древних греков. Здесь не всегда важно слышать конкретную суть, а важно понять контекст, почувствовать выразительность, интонацию, стилистическую окраску не только отдельных высказываний, но даже отдельных слов.

Ф. Достоевский в Пушкинской речи открывает для нас возможность понять себя и свои духовные корни. «Пушкин умер в полном развитии своих сил, – заключает он, – и бесспорно унес собой в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» [15]. Думается, путь разгадывания тайны лежит в стихии языка, по выражению Бахтина, в «мировом симпозиуме», который объединяет поэтику Пушкина, Достоевского, Хайдеггера, других великих мастеров Слова, образуя линию преемственности поколений в духовном единении человечества.

Примечания

1. Тургенев И. С. Речь по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве. URL: <https://fantlab.ru/work173692>
2. Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 514.
3. Достоевский Ф. М. Пушкинская речь. URL: http://royallib.com/book/dostoevskiy_fedor/pushkinskaya_rech.html
4. Там же.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М., 1969. С. 247.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 318.
7. Достоевский Ф. М. Указ. соч.
8. Там же.
9. Пушкин А. С. Указ. соч. С. 160.
10. Струве П. Дух и слово Пушкина // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. М., 1990. С. 318–319.
11. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 154.
12. Там же. С. 175.
13. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
14. Вознесенский А. А. Аксиома самоиска. М., 1990. С. 154–170.
15. Достоевский Ф. М. Указ. соч.

Notes

1. Turgenev I. S. Speech in connection with inauguration of the memorial to Alexander Pushkin in Moscow <https://fantlab.ru/work173692>
2. Struve N.N. Memoirs on Fedor Mikhailovich Dostoevsky// F.M. Dostoevsky in Memoirs of Contemporaries. In 2 Volumes. V.1. – M. 1990. P. 514.
3. Dostoevsky F.M. Pushkin speech
http://royallib.com/book/dostoevskiy_fedor/pushkinskaya_rech.html
4. Ibid.
5. Pushkin A.S. Collected Works in 6 volumes. V. 6. – M. 1969. P. 247.
6. Bakhtin V.V. Esthetics of verbal creativity – M. 1979. P. 318.
7. Dostoevsky F.M. Pushkin speech
http://royallib.com/book/dostoevskiy_fedor/pushkinskaya_rech.html
8. Ibid.
9. Pushkin A.S. Collected Works in 6 volumes. V. 6. – M. 1969. P. 160.
10. Struve P. Pushkin Spirit and Word Дух//Pushkin in Russian Philosophy Critics: Late XIX – 1Q XX century. – M. 1990. P. 318-319.
11. Martin Heidegger. Conversation on rural road – M. 1991. P. 154.
12. Ibid. P. 175
13. Bart R. Selected Works. Semiotics. Poetics. – M. 1994.
14. Andrey Voznesensky. Axiom self-searching. – M. 1990. P.154-170.
15. Dostoevsky F.M. Pushkin speech
http://royallib.com/book/dostoevskiy_fedor/pushkinskaya_rech.html

УДК 130.2

Т. С. Городилова

Образы Москвы и Петербурга как основания для типологизации российской культуры в философии В. Розанова

В статье рассматриваются взгляды отечественного мыслителя рубежа XIX–XX вв. В. Розанова на пути развития российской культуры. С позиций методологии философии и теории культуры дается междисциплинарный анализ идеи о том, что Москва и Петербург – это не только политические центры, но и локусы разнонаправленного культурного развития страны. В философии В. Розанова образ Москвы соотносится с «елейной» культурой, а образ Петербурга – с культурой «уксусной». В свою очередь, оба эти направления развития российской культуры, описанные философом, сопоставлены с современными подходами к типологизации культуры, раскрываемыми в понятиях традиционность/инновационность, феминность/маскулинность, что подчеркивает современное звучание идей В. Розанова.

The article is devoted to the description of V. Rozanov's views on the ways of development of Russian culture. Here from the standpoint of the methodology of philosophy and cultural theory is an interdisciplinary analysis provided of the idea that Moscow and St. Petersburg are not only a political centers, but also are the loci of multidirectional cultural development of the country. In Rozanov's philosophy Moscow's image is described as "unctuous" culture and Petersburg's images as – "acetic" culture. In turn, both of these directions of development Russian's culture, described by the philosopher, can be correlated with modern approaches to the typology of culture, disclosed in terms of the tradition-innovation, femininity-masculinity. This emphasizes the continuing relevance V. Rozanov's ideas.

Ключевые слова: философия В. Розанова, типология культуры, традиционность, инновационность, феминность, маскулинность.

Keywords: Rozanov's philosophy, typology of culture, tradition, innovation, femininity, masculinity.

Известный отечественный философ рубежа XIX–XX вв. В. Розанов в целом ряде своих работ характеризует в истории России два направления государственного развития, связанные с ее столицами – Москвой и Петербургом. Делает он это и с точки зрения привычного геополитического аспекта, и с позиций религиозного, а также этнокультурного анализа.

Важной особенностью рассуждений философа становится тот факт, что поводом для размышлений становятся не только значимые исторические или современные события, идеи других

мыслителей (К. Леонтьева, Н. Бердяева), но и повседневные наблюдения, впечатления от путешествий по стране и за рубежом.

Примером тому может служить приведенная В. Розановым в цикле путевых очерков «Кавказские впечатления» геокультурная типологизация путей развития страны. Первый путь, по мнению философа, связан с политикой «универсального национального синтеза» и был апробирован еще в Киевской и Московской Руси. Тогда, по словам В. Розанова, присоединение новых территорий не сопровождалось «заметным национальным обострением» [1], а шло по типу ассимиляции. Второй путь – «политика национального обезличения, денационализации племен» [2]. Им воспользовался Петербург, который не имел в себе ассимилирующих и сливающихся сил, а потому мог только покорить. В. Розанов пишет: «...он совершает глоток; но проглоченное становится в его желудке “долотом”, от коего “болит нутро” России» [3]. Именно эта «боль от непереваренных кусков» и становится причиной появления так называемых «окраинных вопросов» в национальной политике страны.

Схожую «московско-петербургскую» типологизацию России В. Розанов приводит и в работе «Психология русского раскола». Философ пишет: «Есть две России: одна – Россия видимостей, громада внешних форм с правильными очертаниями, ласкающими глаз; с событиями, определенно начавшимися, определительно оканчивающимися, – “Империя”, историю которой “изображал” Карамзин, “разрабатывал” Соловьёв, законы которой кодифицировал Сперанский» [4]. За этими словами об имперской России угадывается образ Петербурга, а также культуры, ориентированной на Европу, западные ценности и инновации.

Далее В. Розанов пишет, что есть и другая Россия: «“Святая Русь”, “матушка-Русь”, которой законов никто не знает, с неясными формами, неопределенными течениями, конец которых непредвидим, начало неизвестно: Россия существенностей, живой крови, непочтой веры, где каждый факт держится не искусственным сцеплением с другим, но силой собственного бытия, в него вложенного. На эту потаенную, прикрытую первой, Русь – взглянули Буслаев, Тихонравов и еще ряд людей, имена которых не имеют никакой “знаменитости”, но которые все обладали даром внутреннего глубокого зрения» [5].

Интересен тот факт, что В. Розанов вводит в сравнение исторических путей развития российской культуры гендерный критерий: Петербург выступает как мужское начало, Москва – воплощение женского начала. Это дает богатый источник для интерпретации логики развития отечественной культуры как с точки зрения характера взаимодействия традиций и новаций, так и с точки зрения решения «окраинных вопросов», то есть диалога между культурами разных народов России.

Следует отметить, что маскулинность и феминность как критерий сравнения культур довольно активно разрабатывается в современной культурологии, теории межкультурных коммуникаций, в частности в концепции «ментальных программ» голландского ученого Г. Хофстеде [6]. По его мнению, в культурах с повышенным показателем маскулинности общество сосредоточено на материальном успехе, иногда в ущерб интересам других людей, приветствуются борьба и стремление победить, внести новаторство любой ценой, в то время как в культурах феминного типа общество ориентировано на традиции, дом, семью, социальные ценности, заботу о ближних, внимание к человеку, эмоциональность и чувственность.

В этом контексте становится понятен путь, выбранный Петербургом в отношении народов страны. Он был назван в Российской империи «обрусительной политикой», которая стремилась «снять лицо индивидуальности» [7] с этносов, включенных в ее состав. В. Розанов подчеркивает, что если обрусение предполагает обезличение, наступление на нравы, язык или веру, то это неизбежно ведет к конфронтации между народами, населяющими страну. В качестве примеров приводится ситуация с Украиной, Польшей, Финляндией, которые стали теми самыми «непереваренными кусками» в желудке Российской империи.

Дабы избежать конфликтов внутри поликультурного государства и сохранить его единство, необходимо, по мнению В. Розанова, разделять существование политическое и существование нравственное, «которое, разветвляясь, имеет вид быта, характера, языка, веры» [8], то есть всего того, что сегодня мы называем культурной идентичностью.

Философ доказывает, что цели политической унификации подавляют культурную самобытность народов России. Это неизбежно ведет к недовольству и попыткам отстоять «свое обличье», в том числе силовыми методами. В результате страна получает «политически “воскрешающих [ся] Лазарей” ...Латыши, финны, поляки, армяне, русины, чехи, раньше греки, сербы и болгары – все встали или сейчас стоят на пороге какого-то бытия ли, небытия ли... но они мучительно не хотят обратно идти в гроб и требуют себе места среди живых...» [9]. Поэтому, пишет В. Розанов,

нов, и не следует удивляться тому факту, что, наступив на «нравственное существование» народов, в ответ Россия получает «политику».

Чтобы избежать этого, по мнению В. Розанова, необходимо помнить, что Россия – это не просто государство, а «мир стран и народов, языков, религий» [10]. Это та самая «Русь-матушка», которая может вскормить всех своих сыновей, проявить понимание и уважение, поскольку, как и всякий феминный тип культуры, ориентирована на социальный компромисс и традиционные ценности. Философ приводит своеобразную формулу: «Послужиши всем – да и тебе послужат» [11], которая могла бы стать основой идеологии российского мультикультурализма. Прояви уважение к культуре другого, и другой проявит уважение к тебе. Благодаря этому народы России перестанут «резаться острыми краями», останутся лишь «закругленные сердцевинки, которым не больно лежать друг около друга» [12]. Это обеспечит «крепость России на века», так как культурное обезличение ведет к ненависти и обрекает на провал любой политической замысел.

Однако В. Розанов понимает, что его мысли вызовут немало протестов, потому признает, что излагает не столько программу, сколько – «почти мечту». Очевидно, что в условиях всеобщего увлечения западными тенденциями и веяниями, в стремлении стать «европейским государством» забываются патриархальные ценности. Поэтому Петербург олицетворяет для В. Розанова все негативное, что привнесит в родную культуру: «...он вообще разносит гадость по всей России... Петербург не мог завести никаких благородных утешений, никакого изящного веселья, не мог выдумать никакой яркой краски на жизнь, колокола у него маленькие, звон пустой, души человеческие без звона... вместо литературы – сатира, дедовское он все проиграл в карты и пропил... Да это уже само по себе есть “нигилизм”, физиологический нигилизм, из которого родился естественно и духовный нигилизм, как ненависть вообще “ко всему порядку вещей”, и, в сущности, оттого, что у самого-то у него “порядка нет в душе”, т. е. нет в ней красоты, гармонии и звука...» [13] Таким образом, эта петербургская культура, основанная на нигилизме, по мнению В. Розанова, «замешана на горчице и уксусе» [14]. В то время как патриархальная культура, московская – «на елее». Она изначально освящена и духовна.

Во всех этих «московско-петербургских» характеристиках узнаются классические признаки двух типов культур: традиционного и инновационного. Первый ориентирован на уважительное отношение к прошлому, предкам, заветы которых сакрализуются, коллективизм. Однако динамичным его развитие не назовешь. Второй тип, напротив, ориентирован на быструю смену идеалов и ценностей, на самостоятельность и критичность мышления, как следствие, всеобщую образованность, в целом ориентирован на новизну. В современной теории культуры эти типы принято не столько противопоставлять, сколько говорить о важности их взаимодействия.

У В. Розанова такой «либеральности взглядов» не наблюдается. Более того, он однозначен в своих оценках двух культур: «Одна пылает, жжет, разрывает, мучит. Она быстра и ломка. “Продукты культуры” в ней все скороспелки», вроде “всеобщего обучения грамоте” как “всеобщего чтения Вербицкой”...Вторая культура просто растет, страшно медленно, “Пастера” долго не дожидаться, зато и Вербицких вовсе нет. Может быть, Пастера не появится, но и “Вербицких” – во всяком случае не появится. Культура эта – просто природа, с ее медленностью и вечностью. Первая культура – постройка, поделка. И она может быть изумительно художественна; но только она неизбежно невечна» [15].

В данной цитате обращает на себя внимание тот факт, что В. Розанов, сравнивая традиционный («елейный») и инновационный («уксусный») тип, признает за последним способность порождать гениев, новаторов (Пастер), которые двигают прогресс. Но философ готов отказаться от этого, лишь бы не появлялись «Вербицкие». Для современников В. Розанова имя Анастасии Вербицкой был в чем-то культовым. Ее романами зачитывалась массовая публика, поскольку в них затрагивалась тема безграничной свободы творческой личности, в том числе и в сфере сексуальных отношений. Все это даровало писательнице славу, хотя и несколько неоднозначную. Однако качество подобного «всеобщего чтения» вызывает беспокойство В. Розанова (и не его одного) и заставляет отказаться от «Пастеров», лишь бы не было «Вербицких».

Тревога по поводу всеобщего омащования вкусов, «духовного нигилизма» ведет философа на консервативные пути, которые в это время были крайне не популярны у «прогрессивной публики». За это его причисляли к стану «философов-реакционеров», наряду с высоко ценимым им К. Леонтьевым.

В оценке путей развития российской культуры, роли элитарного и массового в ней, они высказывают схожие идеи. К. Леонтьев работу «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» направил именно против этого зла – массовизации культуры, желая спастись от пошлости, безвкусицы, мещанства, «дурного запаха прогресса». Опасность падения культуры в индустриальном мире, по его мнению, таится не в родовых особенностях какого-либо сословия, а

в переменах во внутреннем мире человека, в «перерождении племенном, этнографическом», в движении России (вслед за «германо-романским миром») по «антикультурному пути».

Современный массовый человек – это результат и «орудие смешения», а массовая культура – это «исполинская толчея, всех и все толкущая в одной ступе псевдогуманной пошлости и прозы; все это сложный алгебраический прием, стремящийся привести всех и все к одному знаменателю» [16].

Любопытен тот факт, что и современные теории массовой культуры выделяют в ее структуре многие из тех направлений, которые в концепции К. Леонтьева обозначены как опасные тенденции: усреднение, коммерциализация, пошлость, шаблонность. Например, отечественный культуролог А. Флиер в качестве современных проявлений массовой культуры называет индустрию «субкультуры детства» и массовую общеобразовательную школу [17]. Их цель – универсализация в воспитании и образовании детей, которая приведет к стандартизации базовых ценностей, философских, религиозных представлений на основе типовых программ.

Для К. Леонтьева, наоборот, даже в отсутствии образования (например, у народных поэтов, художников) есть преимущества, поскольку это обеспечивает разнообразие, в противовес обезличивающему «всеобщему обязательному образованию»: «...песни Кольцова были бы, наверное, не так оригинальны, особенны и свежи, если бы он не был едва грамотным простолюдином», – пишет философ [18].

Именно в этом контексте становятся понятны критичные слова В. Розанова о всеобщей грамотности: если она ведет к чтению недостойной литературы, к потреблению невечных «продуктов культуры», то, возможно, эта грамотность не так уж и нужна. Ведь человек может прикоснуться к глубинам духовности, просто созерцая божественные образы в храмах.

Прямое подтверждение тому опыт самого В. Розанова. На размышления об «уксусной» и «елейной» культуре, «матушке-Руси» и «имперском Петербурге» (и многом другом) его подтолкнули экскурсии по Софийскому и Владимирскому соборам в Киеве (см. путевой очерк «Киев и киевляне»). Эти храмы он называет «академией в картинках», «академией до книг, до школ грамоты и гимназий» [19]. Он доказывает, что, рассматривая росписи в соборах, можно приобщиться к гораздо более важным ценностям, глубинным основаниям родной культуры.

Поэтому, как и К. Леонтьев, В. Розанов не настаивает на слишком быстрых и не всегда обдуманных преобразованиях в стране. В работе «Эстетическое понимание истории» он развивает концепцию К. Леонтьева об этапах развития культуры (зарождение, цветущая сложность, вторичное упрости́тельное смешение) применительно к государству.

В. Розанов соглашается с тем, что государство может быть духовно богато только тогда, когда состоит из многообразия культур, а не из унылого однообразия (упрости́тельного смешения К. Леонтьева). Он пишет: «Насколько народы слагаются в государства – настолько живут они в истории, и насколько по оттенку своему политическая форма каждого из них отличается от других – настолько жизнь самого народа привходит в историю новой чертой, которая не сливается с остальными. ...Спарта или Македония были ниже Афин по своей исторической роли; но если бы вместо Спарты, Афин и Македонии было трое Афин – история была бы беднее своим содержанием. Вторые и третьи Афины уже не нужны после первых» [20]. Поэтому для России путь подражания Западу – это путь ошибочный, а путь внутривосточной унификации народов – губительный и для культур отдельных народов, и страны в целом.

Развитость государства, по мнению В. Розанова, выражается во множестве этнокультурных типов внутри него: «Чем более своеобразия в пределах тех и других граней, чем полнее в них жизненное напряжение, разбегающееся в различные стороны, тем ярче жизнь целого исторического народа, глубже и разнообразнее его творчество, ценнее то, что он вносит в общую сокровищницу человечества. Но при этом единство типа должно быть сохранено, как у самого народа с остальным человечеством, так и внутри его – между всеми обособленными частями» [21].

Эти слова философа возвращают нас к его рассуждениям о «московском» и «петербургском» отношении к национальному вопросу в стране, а также маскулинному и феминному началам российской культуры. В. Розанов доказывает, что для того, чтобы стать эффективной, внутренняя политика России должна поставить задачу охраны культурной самобытности народов, входящих в состав державы. Петербургский же нигилизм, бездумное реформаторство, постоянное оглядывание на Европу – это есть не что иное как «"гнусное предложение на улице" нашей уже старушке-матери, заплутавшейся в несчастные сумерки в городе» [22]. По мнению философа, этот европейский облик лежит на России не прочно, «его легче отодрать», чем тот исконный, самобытный, московско-патриархальный облик и людей, и культуры.

Однако, в отличие от К. Леонтьева, В. Розанов не считает, что поиск своей самобытности России надо начинать в Византии. Московская Русь, в чем-то «угрюмо-молчаливая, упорно-нас-

тойчивая», вовсе не слепок с «коварной Византии». Он убежден, что все черты особенного московского типа возникли совершенно оригинально и самостоятельно, как «предуготовительные для особой миссии государственного созидания» [23], поэтому не может быть и речи о каком-либо заимствовании. Миссия российской культуры видится ему не в отказе от религиозного культа, исторической государственности, бытовой обособленности народов, а в создании на территории страны «мира стран и народов, языков, религий» [24], который даровала «Русь-матушка». В этом залог «крепости страны», ее процветания, способности выстраивания межкультурного диалога как внутри государства, так и с соседними державами.

Примечания

1. Розанов В. В. Сочинения: Иная земля, иное небо. Полное собрание путевых очерков, 1899–1913 гг. М.: Танаис, 1994. С. 11.
2. Там же. С. 10.
3. Там же. С. 12.
4. Розанов В. В. Религия. Философия. Культура. М.: Республика, 1992. С. 33.
5. Там же.
6. Центр Г. Хофстеде [Официальный сайт]. URL: <http://geert-hofstede.com/the-hofstede-centre.html>
7. Розанов В. В. Сочинения: Иная земля, иное небо. М.: Танаис, 1994. С. 12.
8. Там же. С. 14.
9. Там же.
10. Там же. С. 17.
11. Там же. С. 18.
12. Там же.
13. Там же. С. 541.
14. Там же. С. 563.
15. Там же.
16. Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М.: Республика, 1996. С. 164.
17. Флиер А. Я. Массовая культура // Культурология. XX век: словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 265–268.
18. Леонтьев К. Указ. соч. С. 403.
19. Розанов В. В. Сочинения: Иная земля, иное небо. М.: Танаис, 1994. С. 546.
20. Розанов В. В. Собрание сочинений. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.). Сумерки просвещения. М.: Республика; СПб.; Росток, 2009. С. 51.
21. Там же.
22. Розанов В. В. Сочинения: Иная земля, иное небо. М.: Танаис, 1994. С. 560.
23. Розанов В. В. Собрание сочинений. Эстетическое понимание истории. С. 110.
24. Розанов В. В. Сочинения: Иная земля, иное небо. С. 17.

Notes

1. Rozanov V. V. *Sochinenija: Inaja zemlja, inoe nebo. Polnoe sobranie putevyh ocherkov, 1899-1913 gg* [Essays: Another earth, another sky. Complete collection of travel essays, 1899-1913] M. Tanais. 1994. P. 11.
2. Ibid. P. 10.
3. Ibid. P.12.
4. Rozanov V. V. *Religija. Filosofija. Kul'tura* [Religion. Philosophy. Culture]. M. Respublika. 1992. P. 33.
5. Ibid.
6. The Hofstede centre [Official website]. Available at: <http://geert-hofstede.com/the-hofstede-centre.html>
7. Rozanov V. V. *Sochinenija: Inaja zemlja, inoe nebo* [Essays: Another earth, another sky]. M. Tanais. 1994. P. 12.
8. Ibid. P. 14.
9. Ibid.
10. Ibid. P. 17.
11. Ibid. P. 18.
12. Ibid.
13. Ibid. P. 541.
14. Ibid. P. 563.
15. Ibid.
16. Leont'ev K. *Vostok, Rossija i Slavjanstvo: Filosofskaja i političeskaja publicistika. Duhovnaja proza (1872–1891)*[East, Russia and Slavdom: the Philosophical and political journalism. Spiritual prose (1872–1891)]. M. Respublika. 1996. P. 164.
17. Flier A. J. *Massovaja kul'tura* [Mass culture] // *Kul'turologija. HH vek: slovar'* – Cultural studies. The twentieth century: dictionary. SPb. Universitetskaya kniga. 1997. Pp. 265–268.
18. Leont'ev K. Op. cit. P. 403.

19. Rozanov V. V. *Sochinenija: Inaja zemlja, inoe neb* [Essays: Another earth, another sky]. M. Tanais. 1994. P. 546.
20. Rozanov V. V. *Sobranie sochinenij. Jesteticheskoe ponimanie istorii (Stat'i i ocherki 1889–1897 gg.). Sumerki prosveshhenija* [Collected works. Aesthetic understanding of history (Articles and essays, 1889–1897). Twilight of the enlightenment]. M. Respublika. Spb. Rostock. 2009. P. 51.
21. Ibid.
22. Rozanov V. V. *Sochinenija: Inaja zemlja, inoe nebo* [Essays: Another earth, another sky]. M. Tanais. 1994. P. 560.
23. Rozanov V. V. *Sobranie sochinenij. Jesteticheskoe ponimanie istorii* [Collected works. Aesthetic understanding of history]. P. 110.
24. Rozanov V. V. *Sochinenija: Inaja zemlja, inoe nebo* [Essays: Another earth, another sky]. P. 17.

УДК 32

М. И. Сигачёв

Восточная альтернатива в работах А. С. Панарина

Статья посвящена анализу концепции Востока, разработанной русским политическим философом А. С. Панариным. В ней рассматриваются выделенные мыслителем принципы восточной цивилизации. Автор статьи предпринимает попытку ответить на вопрос, как именно, по мнению А. С. Панарина, Восток способен помочь человечеству найти выход из имеющихся глобальных проблем, какие резервы хранит в себе восточная цивилизация и какие пути выхода из планетарного цивилизационного кризиса модерна она способна открыть. В статье делается вывод, что Восток для Панарина – это источник альтернативной глобальной проектности и резерв для всемирного развития. Альтернативность восточных цивилизаций заключается в способности предложить универсалистский космоцентричный проект, согласно которому мир воспринимается как космос, целостность и единство в многообразии.

This article analyzes views on the East of Russian political philosopher A.S. Panarin. It considers those principles, which characterize the Eastern civilization and its political culture according to Panarin. The article's author tries to answer the question how the East can help the humanity to find a solution for global problems; what reserves has the Eastern civilization and which ways of overcoming planetary crisis of modernity it may open. The author makes a conclusion that the East for Panarin is the source of an alternative global project and basis for planetary development. The essence of Eastern civilization's alternative is their ability to propose the universalist cosmocentric prospect, according to which the planet is perceived as a cosmos, integrity and unity in diversity.

Ключевые слова: А. С. Панарин, Восток, Запад, традиционализм, политическая культура, либерализм, модерн, цивилизационная теория.

Keywords: A. S. Panarin, the East, the West, traditionalism, political culture, liberalism, modernity, civilization theory.

Конец XX в. знаменовал собой торжество глобального либерально-капиталистического Запада над социалистическим лагерем во главе с СССР и начало формирования однополярного американоцентричного мира, часто именуемого в прессе «новым мировым порядком». Реакции на новый мировой порядок во главе с США со стороны интеллектуалов можно свести к двум основным типам. Первый тип реакции можно обозначить как безальтернативно-вестернизаторский. Занявшие эту позицию интеллектуалы рассматривали произошедшие события в качестве долгожданного и окончательного торжества светлого либерально-демократического будущего во главе с США и установления навечно западоцентричного нового мира. Наиболее полное воплощение эта точка зрения получила в предложенной американским политологом Фрэнсисом Фукуямой концепции «конца истории» [1]. Идеологией данных кругов стал радикальный либерализм, воплощавший в себе уже не столько западный модерн, сколько постмодерн. Этот либерализм вполне можно назвать тотальной идеологией по К. Мангейму, поскольку он стал претендовать на абсолютный контроль над политической жизнью как западных, так и незападных стран. Либеральный взгляд на мир формировался долго. На протяжении эпохи модерна происходила его абсолютизация и радикализация. Своё популярное выражение радикальный либерализм новейшей эпохи получил в концепциях «конца истории» Ф. Фукуямы, а также «открытого общества» К. Поппера. Экономическую базу радикального либерализма составил глобальный

финансовый капитализм, получивший обоснование в рамках монетаристских теорий Чикагской и Австрийской экономических школ. С точки зрения геополитики комплекс идей либерально-капиталистического глобализма оформился в идеологию американско-британского атлантизма, согласно которой морские государства по обе стороны Атлантического океана, прежде всего США и Великобритания, призваны управлять миром.

Другая группа интеллектуалов стала рассматривать «конец истории» и однополярный мир как планетарный цивилизационный кризис модерна. Второй тип реакции был связан с поиском альтернативы. В России одна из альтернативных политических концепций была создана политическим философом и политологом А. С. Панариным (1940–2003). Реагируя на конец истории, объявленный либеральными сторонниками однополярного атлантистского порядка, он писал: «Статья Ф. Фукуямы “Конец истории?”, провозгласившая окончательность либерального решения для всей планеты, вовсе не является эскападой самонадеянного интеллектуала-одиночки. Она в самом деле отражает состояние новейшего западного сознания. Не случайно вселенский “проект модернизации”, тиражируемый в бесчисленных публикациях и программах, исходит уже не из классической исторической триады “прошлое – настоящее – будущее”, а из дихотомии: архаика – современность. Современность при этом не только отождествляет себя с нынешним Западом, т. е. монополизируется им, но и объявляет, что отныне ей нет альтернативы: ее решения окончательны и более не подлежат пересмотру. Поэтому всякая критика Современности (и Запада как ее воплощения) тотчас же объявляется рецидивом архаики, реваншем сил темного прошлого» [2]. Таким образом, критика мыслителем концепции «конца истории» свидетельствует о том, что он вставал на защиту нелинейности, альтернативности и многовариантности исторического развития. А. С. Панарин выступал не против прогресса как такового, а лишь против его линейной трактовки, ведущей к монополизации современности крайними либералами. «Конец истории» представлялся ему историческим, культурным, цивилизационным тупиком человечества. Альтернативу либеральному глобализму мыслитель видел в утверждении культурно-цивилизационного многообразия и в мировой духовной реформации, призванной восстановить приоритет духа над материей. Конкретным воплощением исторической альтернативности Панарину виделся Восток, который, как известно, включает в себя множество цивилизаций. В разнообразии и инаковости восточных культур политический философ усматривал залог дальнейшего развития истории.

Согласно панаринской концепции дихотомия Восток – Запад лежит в основе двуполушарной структуры мира. Тем самым всемирная история представляет собой чередование западных и восточных мегациклов. Эта идея западно-восточной биполярности была отчётливо сформулирована А. С. Панариным в монографии «Россия в циклах мировой истории» [3] и в написанном под его редакцией учебнике «Философия истории» [4].

Степень изученности наследия мыслителя на сегодняшний день является частичной и относительной: написано довольно много статей¹; публикуются сборники материалов Панаринских чтений; есть монографии, где уделяется внимание работам А. С. Панарина²; однако нам не удалось обнаружить монографические труды, специально посвященные наследию учёного.

Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать взгляд А. С. Панарина на восточную цивилизацию как на альтернативу либеральному западному модерну и постмодерну. Предстоит ответить на вопрос, как именно, по мнению Панарина, Восток способен помочь человечеству найти выход из имеющихся глобальных проблем, какие резервы хранит в себе восточная ци-

¹См., напр.: Харин А. Н. А. С. Панарин и основы российской государственности // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 47–57; Харин А. С. Глобалистский проект и Россия в творчестве А. С. Панарина // Геополитика и безопасность. 2011. № 4. С. 43–48. URL: <http://geobez.ru/index.php/arkhiv-nomerov/8-kategoriya-na-glavnoj/18-kharin-a-n-globalistskij-proekt-i-rossiya-v-tvorchestve-a-s-panarina> (дата обращения 10.02.2014); Харин А. Н. Философ многополярности // Terra America. URL: <http://www.terra-america.ru/filosof-mnogopolyarnosti.aspx> (дата обращения 10.02.2014); Харин А. Н. Модернизация и общественная безопасность в творчестве А.С. Панарина // Социология безопасности: проблемы, анализ, решения: материалы Междунар. науч. конф. – пятых социологических чтений. Ч. II. СПб., 19–20 апреля 2013 г. / Балт. гос. техн. ун-т. СПб., 2013. С. 140–141; Александр-Деву И. Русская национальная идея в концепции А. С. Панарина // Политэкс. 2005. № 2. URL: <http://www.politex.info/content/view/150/30/> (дата обращения 10.02.2014); Цыганков А. П. Национальный либерализм Александра Панарина: уроки поражения // Свободная мысль. 2005. № 5; Цыганков А. П. Александр Панарин как зеркало российской революции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. 2005.

²См., напр.: Харин А.Н. Модели государственного устройства в условиях глобализации: сценарии для России. М.: Наука, 2013.

визация и какие пути выхода из планетарного цивилизационного кризиса модерна она способна открыть. Для этого нужно рассмотреть панаринское видение Востока, проанализировав те принципы, которые, по мнению Панарина, лежат в основе восточной цивилизации.

А. С. Панарин не был профессиональным востоковедом, поэтому Запад он знал намного лучше, нежели восточные цивилизации. Создавая свою концепцию Востока, философ занимался не востоковедением, а поиском тех источников, из которых можно черпать вдохновение для альтернативного проекта будущего. Панаринский подход к изучению восточных цивилизаций отличался от профессиональной методологии востоковедов, поскольку А. С. Панарин стремился показать значимость Востока с точки зрения осмысления глобальных вызовов современности и поиска проектных оснований для планетарной духовной реформации.

Представляется, что в основу своей концепции восточной цивилизации А. С. Панарин положил цивилизационный подход. Теорию локальных цивилизаций, представителями которой были Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Тойнби и С. Хантингтон, мыслитель дополнял рядом замечаний: Восток понимался им как совокупность культур (китайской, индийской, исламской), имеющих ряд общих черт. Кроме того, он настаивал на возможности диалога цивилизаций, а не только их конфликта.

Теперь перейдём к рассмотрению культурных доминант восточной цивилизации. Думается, что одной из фундаментальных характеристик Востока, с точки зрения А. С. Панарина, является не-деяние, не-суетность, созерцательно-пассивное начало, противоположное активизму Запада. Для рассмотрения принципа не-деяния мыслитель обращался к традиции китайского даосизма, в рамках которой Дао – дословно «путь», «предназначение» – представляет собой единство инь – пассивного, статичного, неизменного, «женского», «тёмного», не-иерархичного начала, и ян – активного, динамичного, «мужского», «светлого». Дао подразумевает синтез всех противоположностей и космическую гармонию. Как утверждал мыслитель, в центре даосского мировоззрения находится понятие космоса как совершенного универсального порядка, поэтому человек должен не отделять себя от окружающего мира, а следовать космическому закону Дао. Следовательно, восточные народы видят внутреннюю, глубинную основу мира, суть которой вселенская гармония. Главный недостаток западной цивилизации и причину её кризиса Панарин усматривал в том, что там, начиная с модернистской эпохи Нового времени, произошла абсолютизация активистского начала ян и его противопоставление статичному инь. Путь выхода из тупика развития виделся учёному в полном восстановлении недеятельного созерцательного начала жизни.

Следующей базовой характеристикой Востока в рамках двуполушарной структуры мира, по А. С. Панарину, является приоритет духа над материей, трансцендентности над имманентностью. Концепцию западно-восточной биполярности учёный развивал во многих своих книгах. Применительно к Новому и Новейшему времени А. С. Панарин, вслед за многими другими авторами, говорил о господстве на Западе материалистических тенденций, связанных с приоритетом земного над небесным и мирского над священным. Следует отметить, что европейское Средневековье виделось политическому философу проявлением восточного цикла мировой истории, поскольку Средние века отчётливо характеризовались идеалистической духовной устремлённостью. А. С. Панарин в своих работах проводил параллели между западно-восточной биполярностью и двумя полушариями мозга. Он писал, что Восток можно соотнести с правым полушарием, отвечающим за образно-символическое мышление, тогда как Западу соответствует рационально-логическое левое. Оговорим важный нюанс в понимании А. С. Панариным западного материализма: модерн, как подчёркивал философ, ориентирован на механическое и неодушевленное понимание материи, а не на органическое. А. С. Панарин определял экспансию техносферы и технократической цивилизации в процессе модернизации как рост количества неживой, мёртвой материи в ущерб органической жизни: «Космологическая формула процесса индустриализации может быть записана так: М (материя) – Жизнь – М' (приращенная материя). Индустриализация есть процесс самовозрастания мертвой материи за счет живой: она расхищает энергию жизни на планете во имя расширения постчеловеческого и посторганического мира техники» [5]. В связи с этим им делался вывод, что модерн осуществляет отчуждение сразу от двух начал: не только от небесных высот, но и от почвенно-корневых глубин: «Урбанизация и индустриализация как воплощение программы Модерна означает непрерывный рост “среднего” элемента мира, прямо вышедшего из пресловутой нейтральной зоны и воплощающего разрыв и с небом, и с землей: с теллургическими мистериями сельского мира и мистериями христианской церкви» [6]. По Панарину, сегодняшний постмодернистский Запад уже довёл программу технократической материализации до предела, на основании чего учёный предсказывал наступление глобальной духовной реформации, призванной запустить процессы ресакрализации и ремифологизации. Согласно его мнению, инициатором духовной реформации призван выступить Восток, дав тем самым начало новой

восточной фазе мировой истории. Восточная цивилизация как воплощение органики и витального начала бытия соотносится с вечной гармонией и единством космоса. Запад же воплощает в себе глобальную материально-механистическую экспансию и прогрессистский историцистский активизм. В условиях отчужденности от Востока западная цивилизация оказывается лишена внутренней духовной глубины. Помимо западно-восточного дуализма А. С. Панарин также обращал внимание на дихотомию Север – Юг, выделяя северный и южный полюса в русской истории, в Евразии и в мире в целом.

Ещё одной особенностью восточной цивилизации, выделяемой А. С. Панариным вслед за множеством других авторов, является приоритет коллективизма над индивидуализмом. Мыслитель считал, что первая коллективистская фаза воплощалась государствами Древнего Востока. Затем последовал индивидуалистический западный цикл, реализовавшийся в эпоху греко-римской Античности. Европейское Средневековье, несмотря на своё географическое положение на Западе, относилось политологом к новой восточной и, соответственно, коллективистской фазе мировой истории. Наконец, модерн и Новое время означали очередное наступление индивидуалистического, то есть западного в собственном смысле этого слова, цикла. Исходя из данной схемы, А. С. Панарин прогнозировал, что в скором времени культурная гегемония должна перейти от индивидуалистического Запада к коллективистскому Востоку. Важно отметить следующий момент: А. С. Панарин в своих произведениях подчёркивал, что коммунистическая коллективизация радикально отличается от общинности и соборности традиционного типа. В случае с коммунистическим коллективизмом речь шла не о восточном цикле мировой истории, а о феномене модерна, заключавшемся в механическом конструировании и проектировании социума по образу большой фабрики и машинной индустрии. Традиционная община, напротив, представляет собой единство человека и природы, микрокосмоса и макрокосмоса.

Следующая характеристика Востока, к которой А. С. Панарин постоянно возвращался в своих работах, – это восточный космизм, космоцентризм, ориентированный на органический подход к бытию. Учёный неоднократно писал о космоцентризме Востока, предполагающем, что космос – это живой организм, а не машина-механизм. Политический философ полагал, что восточной цивилизации присуще понимание единства человека, человеческого социума и культуры с миром-космосом, с природой. Как подчёркивал мыслитель, настоящее отчуждение человека и социума от живого космоса связано с западным модерном и эпохой Нового времени. Те сферы, которые являются плодом человеческой деятельности (антропосфера, социосфера, техносфера), были противопоставлены биосфере и экосфере. Тогда стали происходить процессы десакрализации бытия, его механизации и технократизации. Свои надежды на воссоединение человека и мира политолог связывал с планетарной духовной реформацией, которая должна ознаменоваться наступлением нового восточного цикла мировой истории. Признаки приближения восточного поворота виделась ему в том, что на самом Западе с середины XX в. активизировались альтернативные тенденции, которые сам А. С. Панарин характеризовал как внутренний Восток Запада. Он обращал внимание на появление постклассической (постнеклассической в терминологии философа науки В. С. Стёпина) науки. Она основывается на нелинейной картине мире, принципах диалогизма и плюрализма, неопределённости (индетерминизма), взаимодополняемости, целостности. Яркими представителями постнеклассической науки стали такие дисциплины, как синергетика и коэволюционизм, которые постулируют тезис о совместной эволюции природы и человека в рамках сложных нелинейных систем.

Ещё одной особенностью Востока является его континентальность, которую А. С. Панарин отождествлял с традицией и укорененностью в почве. Напротив, современный американоцентричный Запад – это морская цивилизация, реализующая геополитику атлантизма. Море для философа ассоциировалось с новациями – не только созидательными, но и разрушительными, способными размывать сушу континента. А. С. Панарин связывал грядущую мировую духовную реформацию с архетипом континента, потому что континентализм включает постэкономический спиритуализм, то есть подчинённость экономического материализма духовной реальности: «...альтернатива будет включать две доминанты, во многом сходящиеся, но во многом и противоречащие друг другу. С одной стороны, это поиски постэкономической цивилизации, призванной вернуть первенство духа над материей, ценностей над интересами, высшего над низшим. Задача укрощения вселенского разрушительно-потребительского типа личности здесь будет решаться средствами новой духовно-религиозной реформации... С другой стороны, это поиски натуральной, имеющей опору в наличностях земли, труда и капитала, цивилизации, в противоположность виртуальной экономике и цивилизации заменителей. Между духовно-спиритуалистической доминантой постэкономизма и натуралистическо-фактологической доминантой "поствиртуализма" несомненно имеется противоречие, которому предстоит найти творческое разрешение» [7].

А. С. Панарин полагал, что только единый великий Восток может выступать полноценным субъектом мировой политики, а это требует союза всех восточных полюсов силы. «Мир, контуры которого уже сегодня начинают выступать несомненно, характеризуется новой биполярностью. Беспочвенной ныне выглядит благодушная концепция полицентричного мира; ибо там, где на одной стороне выступает претендент на мировое господство, а на другой – сторонники полицентризма, мы можем констатировать либо непростительную беспечность последних, либо откровенное капитулянтство» [8]. Политический философ обращал внимание на связь континентализма с индоевропеизмом через идею солидарности. «Лейтмотив континентальной вертикали – солидарность. Это и патриотическая солидарность защитников Континента от глобального пиратства, и социальная солидарность тех, кому новое американское "великое учение" отказало в исторической перспективе под предлогом рыночной неприспособленности. Альтернативный континентальный проект сочетает богатство культурно-цивилизационной памяти с мощным проективным импульсом, обращенным в совместное будущее. Наиболее перспективное сочетание этих моментов обещает новая индоевропейская идея» [9]. Укажем, что совмещение континентальной геополитики с индоевропейской этнической политикой привело А. С. Панарина к идее союза России и Индии, вокруг которого должна выстроиться вертикаль, соединяющая северный и южный полюса континента.

А. С. Панарин разделял широко распространённую точку зрения о традиционности Востока. Восточная цивилизация считает традицию основой развития, поскольку понимает её как некие изначальные истоки, с опорой на которые можно строить будущее. А. С. Панарин приводил воззрения о космосе как живом организме в качестве неотъемлемой части восточной традиции. Восток не смеет разрушать традицию и претендовать на субъективно-волюнтаристское переустройство мира-космоса. В то же время восточный традиционализм не отрицает обновления как такового. Политический философ подчеркивал, что в контексте восточной альтернативы нужно отказаться только от линейной однонаправленной теории прогресса, в то время как плюралистическое разнонаправленное развитие им приветствовалось.

Важную роль в панаринской концепции Востока играло понятие «справедливость». С одной стороны, Панарин рассматривал «принцип уравнительной справедливости в основном в легистской интерпретации. Речь идет о равенстве всех подданных служилого государства, объединенных в служилые сословия, каждое из которых имеет обязательство перед другими в виде общего патриотического долга. Верховная власть при этом стоит над всеми сословиями и следит за тем, чтобы ни одно из них не уклонялось от служилых функций на общее благо. Руководящим принципом и критерием оценки является функциональная эффективность; ничто другое – происхождение, сословная или местническая солидарность – не действует и не принимается во внимание. Не сословная честь, а государева служба – вот кредо такой государственности. В Китае его исповедовали легисты; у нас это кредо сложилось при первых Иоаннах (от Калиты до Грозного), закрепилось при Петре I и заново было воспроизведено при Сталине» [10]. В данном случае мыслитель концентрировал своё внимание на том аспекте справедливости, который связан с судьбой политической власти и с социально-экономической сферой. Социальная справедливость в восточной культуре, – писал А. С. Панарин, – понимается как социальное равенство всех общественных групп и сословий перед лицом государства и верховной власти. Восточное государство, с его точки зрения, выступает как надклассовый, надсословный и надкорпоративный арбитр. По сути, здесь речь идёт о своеобразном восточном социализме.

Помимо светского аспекта восточной идеи справедливости А. С. Панарин стремился также раскрыть и её сакральное измерение, воплощенное в союзе царя-мессии с богоспасаемым народом. Мыслитель писал: «...мы ничего не поймем ни в восточной политике, ни в восточной государственности, если не откроем в них еще одну сторону – религиозно-мистическую, относящуюся к миссии спасения. Речь идет о восточной мессианской утопии, повлиявшей на историю политической жизни на Востоке не меньше, чем технократическая и эмансипаторская утопии на Западе» [11]. Служилое государство выполняет мессианскую роль и стремится способствовать коллективному спасению народа. Царь и народ вступают в союз с целью реализации священной миссии. А. С. Панарин видел в этом принципе средство защиты историзма от угрозы «конца истории»: «...священная справедливость в отличие от уравнительной справедливости служилого государства, осуществляется не "здесь и теперь", а обращена к исторической перспективе, к смыслу истории, который раскрывается как миссия избранного народа, спасающего себя и вместе с собою – все человечество» [12]. Таким образом, по мнению мыслителя, вернуть истории глубокий смысл можно через обращение к идее священной справедливости как миссии народа-богоносца.

Отвечая на поставленный в начале статьи вопрос, следует сказать, что панаринское видение Востока обусловлено инструментально-оперативным, функциональным подходом. Восток

для А. С. Панарина – это, в первую очередь, источник альтернативной проектности. Предложенная А. С. Панариным концепция восточных цивилизаций произрастает из идей русского восточничества, ориентаризма и евразийства. Следует помнить, что возникшее в белоэмигрантской среде классическое евразийство представляло собой стремление сформулировать идею русского (евразийского) Востока, способного вступить в союз с Азией ради выработки цивилизационной альтернативы Западу. Не случайно, первый евразийский сборник 1921 г. носил название «Исход к Востоку», а одна из статей этого сборника за авторством Петра Савицкого имела заглавие «Поворот к Востоку». Вслед за евразийцами А. С. Панарин рассматривал восточные цивилизации в качестве резерва для движения в будущее и хранилища огромных ресурсов глобального развития. Вопреки распространенному среди либералов и западников мнению о восточном мире как застойном, ветхом и дряхлом, философ именно там видел творческий потенциал для выхода из планетарного кризиса. Можно сказать, что Восток для А. С. Панарина – это метафора восхода, рождения нового мира, исторического творчества, обновления культуры и омоложения мировой цивилизации. Восток как восход и обновление может указать пути преодоления «конца истории», способствовать появлению прогрессивных смыслов и передовых идей, а также, в конечном счете, помочь восхождению человечества к ещё невиданным вершинам культуры, цивилизации и истории. С точки зрения философа, общечеловеческий прорыв к «новому небу и новой земле» будет скорее связан с восточными импульсами, нежели с западными. Обращаясь к содержательному ядру панаринской концепции Востока, отметим, что её фундаментом, с нашей точки зрения, является восточный космизм (космоцентризм). Таким образом, альтернативность восточных цивилизаций заключается в способности предложить универсалистский космоцентричный проект, альтернативный западному прогрессистскому универсализму. С точки зрения А. С. Панарина, подлинный глобализм и космополитизм смогут восторжествовать только тогда, когда западная фаза исторического мегацикла сменится восточной. Космоцентризм подразумевает органическое восприятие мира как живого существа, уважение к принципам мировой гармонии, симфонии, целостности и всеединства. Дабы не нарушить гармоничный порядок, Восток выработал идею недеяния. В китайской даосской культуре примером восточного космизма является учение о следовании Дао (Пути), объединяющем инь и ян.

При анализе панаринского видения Востока нельзя не отметить её сильные и слабые стороны, обусловленные спецификой инструментально-оперативного, функционального подхода. Стремясь выделить некие фундаментальные константы восточной культуры, самой главной из которых мыслителю представлялся космизм цивилизаций Востока, А. С. Панарин неизбежно осуществлял схематизацию, теоретизацию и идеализацию изучаемого объекта, жертвуя тем самым конкретными деталями жизни восточных обществ. Безусловно, востоковедческая наука должна учитывать максимально большое количество эмпирических фактов и сведений о реальном Востоке. Вместе с тем проектный подход А. С. Панарина является тем мостом и связующим звеном, который соединяет достижения востоковедения с актуальными проблемами современного мира.

Примечания

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.
2. Философия истории: учеб. пособие / под ред. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 2001. С. 17.
3. Панарин А. С. Россия в циклах мировой истории. М.: МГУ, 1999.
4. Философия истории.
5. Панарин А. С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе: учеб. пособие. М.: Университет, 1999. С. 289.
6. Панарин А. С. Политология. С. 289.
7. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование: учеб. для студ. вузов. М.: Алгоритм, 2000. С. 249–250.
8. Там же. С. 311–312.
9. Там же. С. 311.
10. Панарин А. С. Политология. С. 273.
11. Там же. С. 274.
12. Там же. С. 276.

Notes

1. Fukuyama F. *Konec istorii i poslednij chelovek* [End of history and the last man]. M. AST. 2004.
2. *Filosofija istorii: ucheb. Posobie* – Philosophy of history: tutorial / under the editorship of A. S. Panarin. M. Gardariki. 2001. P. 17.
3. Panarin A. S. *Rossija v ciklah mirovoj istorii* [Russia in the cycles of world history]. M. Moscow state University. 1999.

4. *Filosofija istorii* – The philosophy of history.
5. Panarin A. S. *Politologija. O mire politiki na Vostoke i na Zapade: uceb. posobie* [Political Science. About the world of politics in the East and the West: tutorial]. M. Universitet. 1999. P. 289.
6. Panarin A. S. *Politologija* [Political Science]. P. 289.
7. Panarin A. S. *Global'noe politicheskoe prognozirovanie: uceb. dlja stud. Vuzov* [Global political forecasting: tutorial for stud. of higher schools]. M. Algoritm. 2000. Pp. 249-250.
8. Ibid. Pp. 311-312.
9. Ibid. P. 311.
10. Panarin A. S. *Politologija* [Political Science]. P. 273.
11. Ibid. P. 274.
12. Ibid. P. 276.

УДК 94(470.342)

Ю. А. Балыбердин, Д. А. Калинина

Социально-экономическое положение Вятской губернии в 1908–1914 гг.*

В статье рассматривается социально-экономическое положение в Вятской губернии в период между завершением Первой российской революции и началом Первой мировой войны. Анализируются причины и характер выступлений рабочих и крестьян, связанных с материальным положением рабочих и реализацией Столыпинской аграрной реформы в деревне.

The article deals with the social and economic situation in the Vyatka province in the period between the end of the First Russian Revolution and the First World War. The article examines the causes and nature of revolutionary actions of workers and peasants, which related to material situation of workers and Stolypin agrarian reform in the countryside.

Ключевые слова: социально-экономическое положение Вятской губернии, революционное движение, забастовки, Столыпинская аграрная реформа.

Keywords: social and economic situation of the Vyatka province, the revolutionary movement, strikes, Stolypin agrarian reform.

После событий 1905–1907 гг. в стране наступил период восстановления законного порядка. Во многих местностях были увеличены полицейские силы и проходили судебные процессы над левыми и правыми экстремистами. Это было характерно и для Вятско-Камского региона, который до 1910 г. продолжал оставаться на положении усиленной охраны [1]. В крупных населенных пунктах (Вятке, Ижевске, Воткинске, Сарапуле) для предотвращения возможных антиправительственных выступлений были расквартированы дополнительные воинские части и увеличены штаты полиции. В ряде уездов проходили судебные процессы над участниками антиправительственных выступлений и лицами, совершившими уголовные преступления.

Приговоры по политическим преступлениям не были «жестокими», как об этом писали местные историки [2]. Так, в мае 1908 г. «в здании Вятского окружного суда выездной сессией Казанской судебной палаты разбиралось политическое дело о бывшем почетном гражданине Павле Ильиче Боневоленском, бывшей учительнице Анфисе Павловне Столбовой, ремесленнике Алексее Васильевиче Цепелевиче, Порфирии Ивановиче Голубеве и др., обвинявшихся в пропаганде вредных идей среди населения и призыве к бунтовщическим деяниям и неповиновению властям» [3]. Резолюцией палаты осужденные приговорены к заключению в крепости от 8 мес. до 2 лет [4].

В этом же месяце по политическим мотивам к ссылке в Сибирь на 3 года были приговорены известные эсеры братья Макушины, Соболев и Яхнина [5].

Более суровым наказаниям подвергались лица, совершившие особо тяжкие преступления – вооруженные сопротивления властям и убийства. Так, «в ночь на 4 февраля 1908 г. вблизи г. Вятки казнены Анатовский и Наумов, приговоренные к повешению военно-окружным судом за вооруженное сопротивление при обыске» [6]. «В этом же месяце приведен в исполнение смертный приговор над жителем Воткинского завода Владимиром Лещевым, приговоренным к смертной казни через повешение выездной сессией Казанского военно-окружного суда за убийство

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Кировской области в рамках проекта проведения научных исследований «Общественно-политическая жизнь Вятско-Камского региона в период Первой мировой войны», проект № 14-11-43002.

© Балыбердин Ю. А., Калинина Д. А., 2015

городового Волоскова в Воткинском заводе» [7]. «В мае была совершена казнь над осужденным военно-окружным судом Лбовым» [8], самым известным разбойником региона. «В октябре приведен в исполнение смертный приговор через повешение над осужденными военным судом в Вятке Слотиным, Потутовым, Бармиными, Бакиным, обвиняемыми в вооруженных грабежах в Слободском уезде» [9].

Всего в течение года к высшей мере наказания за тяжкие преступления, совершенные в 1905–1907 гг., были приговорены 32 чел. [10]

К 1909 г. было разгромлено большинство революционных организаций и групп [11], запрещена деятельность некоторых профессиональных союзов и сельскохозяйственных обществ [12]. За публикацию антиправительственных материалов арестовывались и высылались редакторы либерально-демократических газет «Вятская жизнь», «Прикамский край», «Вятский край» [13].

В августе 1908 г. «за тенденциозность и ложность корреспонденции о детском празднике, напечатанной в “Вятской речи” в № 126, управляющий губернией подвергнул редактора газеты Вассу Игнатъевну Веснину штрафа в размере 300 руб.» [14] В январе 1908 г. были «осуждены на три месяца учителя г. Слободского М. Платонов, М. Попова, Заркина, Макушина, А. Голинов и др. за пение революционных песен на учительском вечере» [15].

Порядок наводился во всех сферах жизни, и уже в 1908 г. вятский губернатор докладывал Государю «о нормальном течении жизни» [16], что объяснял «твердостью проводившихся в жизнь правительственных мероприятий и строгостью судебных репрессий, подействовавших на население отрезвляющим образом... Террористические акты, грабежи и разбои с политическими целями и вообще революционные вспышки проявлялись в отчетном году гораздо реже и не в такой уже резкой форме, как это было раньше» [17].

Основную причину правонарушений местные власти видели в пагубном влиянии на народную нравственность революционного времени [18].

В изучаемый период были лишь отдельные проявления недовольства – от сопротивления столыпинской реформе крестьян до забастовок рабочих, но они носили эпизодический характер и не переходили в нужное революционерам качество.

Время с 1908 по 1914 г. принято делить на два периода: годы реакции (1908–1910) и годы нового революционного подъема (1910–1914).

Это деление для Вятско-Камского региона является, на наш взгляд, условным.

Как в первый, так и во второй период проявления «революционности народа» были крайне незначительными и заметного подъема во втором периоде не просматривается, но некоторые особенности в экономике и общественно-политической жизни были.

Первый период (1908–1910 гг.) характеризовался некоторой депрессией, расстройством экономики и ухудшением материального положения рабочих, вызванными Русско-японской войной, революцией и безработицей. В эти годы были закрыты Белохолуницкий, Залазнинский и Климковский чугунолитейные заводы. С большими перебоями работал Омутнинский металлургический завод [19]. Многие предприятия сокращали производственные мощности и увольняли рабочих. Только на Ижевском заводе число рабочих уменьшилось на 44% [20]. В эти годы закрывается часть кожевенных и шубно-овчинных предприятий. На стекольных и кожевенных заводах в Марийском крае уволили всех рабочих, принимавших участие в противоправительственных митингах и демонстрациях [21]. Материальное положение значительной части работающих ухудшалось из-за снижения расценок и штрафов. На Ижевском заводе, например, расценки снизились вдвое, а количество оштрафованных достигло 42%. На многих предприятиях не существовало охраны труда и поэтому травматизм и болезни продолжали оставаться обычным явлением. В ряде заводских поселков плохими были жилищные условия. Рабочие кожевенного завода братьев Долгушиных так написали в газету о своих жилищах: «Наши квартиры – это одна общая казарма, которая делится рогожными перегородками и именуется номерами... Летом рабочие строят себе палатки, так как в квартирах жить нет никакой возможности из-за миллиардов насекомых, для истребления которых у Долгушина денег не оказалось» [22].

Подобные примеры можно привести и по другим предприятиям, но они связаны в основном с подсобными и сезонными рабочими. Большинство кадровых рабочих размещались в заводских и частных домах, имели подсобные хозяйства, гарантированный заработок и материально жили лучше крестьян.

Рабочий Д. П. Прозоров рассказывает: «Я всю жизнь проработал на заводе, а жил в деревне. Материально не хуже мужиков... Но с утра до ночи зимой и летом на работе. До завода было два километра. В деревне меня редко кто видел, а за глаза звали “волком”... Около дома был огород, а скота не держали. Все покупали: и хлеб, и мясо, и молоко, заработка хватало» [23]. Другой рабочий, И. П. Хлыбов, вспоминает: «Я рано из деревни ушел. И не жалел, что ушел. Меня на работе ценили, и

друзья были. И работал и жил не хуже других. Дом сам поставил. И место хорошее дали. Ценили меня, многие переманивали, но я всю жизнь на одном месте. Привык» [24]. Но есть и другие мнения. Ф. П. Измайлов, проработавший на производстве более 30 лет, говорит, что его всю жизнь тянуло в родную деревню. «На заводе труд был подневольный, рабочие жили по-разному, их часто подбивали не работать, но ведь боязно было. Я два раза тоже бросал работу. А толку-то» [25].

В 1908–1910 гг. было проведено всего 15 забастовок с экономическими требованиями: в 1908 г. – 6, в 1909 г. – 6, в 1910 г. – 3. Из общего количества забастовок лишь одна была успешной, шесть – частично успешных и восемь – проигранных. Первая забастовка после поражения революции состоялась на оружейной фабрике Петрова в Ижевске 26–27 февраля 1908 г. Бастовали около 150 чел. в знак протеста против уволенных двух своих товарищей, но забастовка не увенчалась успехом. Повторная забастовка, проходившая 10 апреля, тоже закончилась безрезультатно [26].

В марте 1908 г. прошла забастовка на фабрике меховых изделий Рылова и Лесникова в с. Спасском Слободского уезда с требованиями в два раза увеличить расценки. Несмотря на упорство рабочих, администрация пошла лишь на частные уступки [27].

Одновременно со спасскими меховщиками в Слободском бастовали скорняжные мастерские Салтыкова [28], Попова [29] и Черезова [30] с требованиями повысить заработную плату, однако предприниматели на уступки не пошли.

В конце 1908 г. прошла забастовка в пудлинговом и сварочном цехах Белохолуницкого завода против снижения расценок. Однако и здесь администрация не удовлетворила требований бастующих [31].

Шестая забастовка была в Козьмодемьянском уезде на лесопильном заводе купца М. О. Беркенгейма из-за задержки заработной платы. Требования рабочих удовлетворили лишь частично [32].

В 1909 г. состоялось 6 забастовок. 4 марта бастовали рабочие выборного отделения спичечной фабрики Ворожцовой и К^о в г. Слободском с требованиями увеличения заработной платы. Через два дня, не добившись успехов, забастовщики приступили к работе, а руководителей забастовки уволили [33].

В мае в Сарапуле безуспешно бастовали землекопы на строительстве водопровода из-за нарушения условий найма [34].

В декабре 1909 г. прошли две забастовки рабочих кожевенных заводов в Сарапуле против удлинения рабочего дня с 9 до 10 час. Владельцы завода Михеева пошли на уступки, и стачка прекратилась в тот же день. На заводе Пешехонова она длилась до 8 декабря и закончилась безрезультатно. И здесь бастовало менее половины рабочих [35].

14 декабря состоялась повторная забастовка меховщиков фабрики Рылова и Лесникова в с. Спасском с требованиями увеличить расценки на 50%. Владельцы пошли на незначительные уступки, однако 22 чел. были уволены [36].

В 1910 г. прошли всего три забастовки. Во время первой забастовки часть рабочих оружейного завода Ижевска выдвинула требование прекратить отчисление с заработков на постройку церкви [37], во время второй – рабочие Лушмарского лесничества Царевококшайского уезда требовали выдачи задолженности по зарплате и хозяин вынужден был отступить [38].

Третья забастовка проведена в октябре 1910 г. на кожевенных заводах Смагина и Пешехонова в г. Сарапуле. Она была вызвана решением владельцев увеличить рабочий день с 9 до 10 час. Возглавившие забастовку социал-демократ Д. Н. Вычегжанин, И. В. Урбанович и А. Е. Поварёнкин пытались организовать общегородскую забастовку, но это им не удалось: большинство рабочих забастовку не поддержало. Забастовка закончилась арестом зачинщиков и увольнением части рабочих. Рабочий день был увеличен [39].

Все забастовки этого периода были слабо организованными, в них участвовало небольшое количество рабочих. Основными требованиями бастующих были сокращение рабочего дня и повышение заработной платы. Собрания проводились крайне редко из-за боязни наказаний. На этих мероприятиях обычно присутствовали лишь по несколько десятков человек [40]. Кроме собраний в ряде мест работали нелегальные рабочие кружки. Например, на Белохолуницком заводе действовали семь кружков, пропагандистами в которых были сами рабочие. Подобные кружки имелись в Слободском, Котельниче, Вятке [41].

Недовольство жизнью у части рабочих, особенно молодежи, было. Вот один из примеров. «За последнее время, – пишет один из корреспондентов, – как местная молодежь, так и рабочие, прибывшие из других заводов, стали проявлять частые бесчинства и буйства, наводя страх на мирное заводское население. Пьянство на заводах усилилось. То и дело приходится слышать о

том, как полупьяная толпа расходившейся молодежи выбила стекла в домах обывателей и у лиц, принадлежащих к администрации завода» [42].

Второй период (1910–1914 гг.) характеризуется ростом промышленного производства и оживлением торговли. Крупнейшие заводы региона – Ижевский оружейный и Воткинский судостроительный – получили большие заказы от военного ведомства, что позволило вдвое увеличить число работающих. Подобные заказы получили также шубно-овчинные и валяно-сапожные предприятия, где количество рабочих увеличилось более чем в 2 раза [43].

Характерной особенностью в регионе стали концентрация капитала и развитие монополий. «В эти годы оформилось Акционерное общество северных заводов Глазовского уезда наследников Пастухова. В кожевенной промышленности возникли общества Баранщикова-Смагина и Пешехонова и К^о в Сарапуле. Елабужский купец-миллионер Стахеев с 1910 г. стал участником фирмы “Братья Нобель”, а позднее – одним из учредителей крупнейших нефтяных акционерных обществ “Эмба” и “Эмба-Каспий”.

В 1912 г. Стахеев совместно с Батолиным в Елабуге учредил товарищество “Иван Стахеев и К^о”. Оно владело мельницами, пристанями, пароходами, участвовало в развитии лесной промышленности и торговле» [44].

В этот период промышленного подъема рабочие стали меньше интересоваться политикой. Во-первых, они были сильно напуганы решительными и жесткими действиями властей по пресечению революционных проявлений, во-вторых, в связи с ростом производства увеличилась заработная плата, а «эти обстоятельства, – отмечал секретный сотрудник, работавший в Ижевской организации РСДРП, – сильно тормозили партийную работу» [45].

Однако некоторая активизация рабочих проявлялась. Они стали протестовать против увеличения рабочего дня, снижения расценок, низкой заработной платы. Из 14 забастовок 11 носили экономический характер, 3 – смешанный.

Первыми в июне 1911 г. забастовали оружейники фабрики Петрова в Ижевске и рабочие ряда цехов Воткинского завода [46], но из-за малочисленности бастующих их требования остались без ответа.

Летом 1912 г. прошла трехдневная забастовка стригалей в Юрине с требованиями повысить заработную плату, на что хозяева не пошли, а организаторы забастовки А. Кочетов, Балагушкин, Рукомойников и другие были арестованы [47].

В марте 1913 г. на Ижевском заводе бастовали более 1500 чел. с требованиями отмены штрафов и возвращения уволенных [48]. Требования бастующих частично были удовлетворены.

В апреле 1913 г. рабочие ткацкой фабрики Булычева в Вятке выступили против снижения расценок, но владелец отказался удовлетворить их требование, закрыл ткацкое отделение, и 80 ткачей были уволены [49].

В середине мая бастовал московский цех Воткинского завода, протестуя против введения ежедневных сверхурочных работ.

Самые крупные волнения прошли на спичечной фабрике «Товарищество А. и Я. Зубаревых» в Котельниче 6 сентября 1913 г. Рабочие предъявили администрации в письменной форме требования: «Мы, рабочие спичечной фабрики А. и Я. Зубаревых, обсудив свое тяжелое положение, решили предъявить свое требование “Товариществу” для улучшения своего положения: установить 12-часовой рабочий день вместо 13-часового, с перерывами на завтрак и на обед, повысить поденную плату на 20 коп. и сдельные расценки – на 1–3 коп.». Администрация отказалась пойти на уступки, тогда часть рабочих забастовала. В результате 65 рабочих из 123 были уволены [50].

В ноябре 1913 г. объявили стачку подсобные рабочие на Бондюжском химическом заводе против необоснованных штрафов и грубости начальства. Однако остальные рабочие не приняли участие в забастовке.

В 1914 г. было проведено всего 5 забастовок, две из них – экономические, три – смешанные [51]. Первая забастовка с экономическими требованиями прошла с 1 по 5 марта на Воткинском заводе. В ней приняли участие рабочие листокатального цеха с требованием увеличения заработной платы [52]. В апреле против снижения расценок бастовали рабочие кожевенного завода Пешехонова в Сарапуле [53].

Наряду с забастовками в ряде промышленных центров в этот период проводились собрания и нелегальные маевки, на которых рабочие выступали с требованиями установления 8-часового рабочего дня, повышения зарплаты, установления демократической республики. Самые многочисленные первомайские демонстрации прошли в Ижевске и Воткинске [54]. Некоторое брожение в рабочей среде вызвали события на Ленских золотых приисках в 1912 г., но активного участия в политических выступлениях рабочие не приняли. Известно лишь, что вятские социал-демократы организовывали сбор пожертвований в помощь семьям убитых [55].

О росте политического сознания отдельных рабочих свидетельствует их отклик на всеобщую стачку нефтяников в Баку. В помощь бакинцам рабочие Ижевска собирали средства и выражали им моральную поддержку: «Мы, группа рабочих сталелитейного завода, обсудив всесторонне создавшееся положение, постановили: приветствовать товарищей бакинцев в их стойкости и осудить произвольное действие бакинской администрации. Выражаем вам свою моральную и материальную поддержку. Победа бакинцев – наша победа!» [56] Материальная поддержка составила 20 руб. [57]

Отказы от уплаты податей и сопротивление при их сборе были одной из основных форм крестьянского протеста. С призывами к крестьянам о неповиновении обращались не только революционеры, но и некоторые местные жители. Так, в починке Емелино Малмыжского уезда крестьянин Я. Филимонов призывал не платить подати, за что был арестован и на 6 месяцев заключен в тюрьму [58]. Такую же агитацию в д. Синярки Малмыжского уезда вел крестьянин А. Демин, в д. Паниклы Уржумского уезда – четыре брата Костромитиновы. Отказывались платить подати крестьяне многих деревень Нагорской, Вожгальской и Якшинской волостей. За «энергичное содействие при взыскании податей» вятский губернатор отличившимся объявлял благодарности [59]. Однако применение силы против крестьян было лишь в ряде уездов.

Примером тенденциозности советской исторической литературы может служить цитата из «Очерков истории Кировской области»: «В сообщении из Еманской волости Глазовского уезда говорилось: “Собирая недоимки, власти забирают не только последний скот и имущество, но у одного из крестьян деревни Митенки отобраны 2 пары лаптей”» [60]. На самом деле цитированный корреспондент выразился иначе: «Не знаю, правда или нет, но будто бы у одного митенского крестьянина взяли даже две пары лаптей» [61]. Массовых выступлений крестьян, тем более революционных, в регионе в это время не наблюдалось, так как положение большинства населения не было критическим. Встречались лишь отдельные стихийные выступления, зачастую граничащие с уголовно наказуемыми деяниями. Так, в ряде волостей, как и в предыдущие годы, были самовольные порубки казенных и помещичьих лесов, при этом иногда дело доходило до столкновения крестьян с лесниками и полицией, которые пытались привлечь их к ответственности. В начале 1909 г. ряд столкновений со стражниками из-за порубок леса произошел в Сарапульском уезде [62]. Продолжали иметь место поджоги. Летом 1909 г. неоднократно горело имение помещиков Александровых в селе Талица Вятского уезда. Не раз крестьяне поджигали сено и хлебные клади помещика Депрейса в Уржумском уезде [63]. Однако эти случаи были единичными, и большинством крестьян они осуждались. Наибольшая активность крестьян проявилась во время проведения правительством новой аграрной политики.

Для проведения земельной реформы во всех уездах региона были созданы землеустроительные комиссии. Для ее пропаганды среди крестьянства использовались газеты, листовки, брошюры, проводились многочисленные собрания и сходы. Наряду с настойчивой агитацией крестьян за выход из общины применялись и экономические стимулы. Первым из них выделялись лучшие земли, предоставлялись ссуды для приобретения сельхозинвентаря и др. Земство и администрация выделяли средства на организацию образцовых хуторских хозяйств [64].

Но, несмотря на все эти меры и покровительство властей, аграрная реформа в регионе проходила трудно по нескольким причинам.

Во-первых, потому, что она могла поломать весь уклад жизни крестьян, веками связанный с коллективным проживанием в одном селении. Этому противоречил разъезд на отдельные хутора.

Во-вторых, боязнь многих крестьян, особенно малообеспеченных, потерять свои наделы и попасть в кабалу к кулакам, которые могут скупить эти земли.

В-третьих, из-за нарушения местной властью принципа добровольности и равенства.

Сопротивление крестьян проведению реформы началось с первых шагов ее реализации. Во многих уездах крестьяне отказывались от выборов в землеустроительные комиссии, не допускали скот хуторян на общие пастбища и выпасы. В ряде уездов у выделившихся на хутора начались потравы, поджоги домов и даже избиения хуторян в отместку за то, что они якобы захватили лучшие земли. За один только 1911 г. зарегистрировано 50 случаев поджогов кулацкого имущества и 1 – помещичьего [65].

Рассмотрение дел о выходе из общины было возложено на земских начальников и губернское присутствие. Созданные землеустроительные комиссии приступили к образованию хуторов и отрубов как на надельных землях, так и на казенных и банковских. С 1907 г. по июль 1910 г. на банковских землях были созданы 912 хуторов, 473 из них проданы крестьянам, на казенных – 279, продан 121, на надельных землях за это время были образованы 62 хутора [66]. Наиболее активно деятельность банка развертывалась в Елабужском, Сарапульском и Яранском уездах. Банк и землеустроительные комиссии подготовили в этих уездах для продажи 1151 участок с

общей площадью около 20 тыс. десятин [67]. А продали они 594 участка площадью 9,5 тыс. десятин [68].

В других уездах эта работа тоже начиналась с сопротивления земским начальникам и мировым посредникам, о чем говорил 23 октября 1908 г. с думской трибуны депутат от Вятской губернии крестьянин-трудолик А. Е. Кропотков: «Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября – это помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков, помещиков, а из бедняков – батраков, вечно голодных работников. Такое отношение моих избирателей к закону 9 ноября. Мои избиратели задавали такие вопросы: Отчего это делается насильственно? Почему это делается без согласия общества? Зачем наши земли отданы в распоряжение земских начальников? Почему не слушают нашего голоса, а запрещают нам говорить под страхом высылки за пределы губернии о том, что этот закон нехорош? Наказывали мне избиратели: Скажи ты в Государственной Думе, что так больше жить нельзя, что этот закон восстанавливает нас друг против друга, заставляет души друг друга, а усиленные охраны способствуют нашему душевению. Так вот, наша местность смотрит на этот закон так, что он идет в разрез с народными желаниями» [69]. Это выступление свидетельствует о том, что ни депутат, ни его избиратели не поняли смысла закона, а его проводники грубо нарушали его.

14 мая 1908 г. «Вятская речь» писала: «В Островской волости Слободского уезда рядовое крестьянство относится к указу 9 ноября враждебно. Выходят из общины исключительно зажиточные и голь; всего в волости из 1296 домохозяев заявило о выходе 80, некоторые берут обратно заявления. Так, в деревне Азовской крестьяне, узнав о заявлении односельчан, заявили: “Помещики! Кулаки! Хотите оставить нас без земли!”» [70].

В Уржумском уезде сельские сходы дали согласие на выдел из общины только 31 домохозяину, а 936 разрешили выделиться земские начальники или уездные съезды, но сделали это только 17 чел. [71]. В Елабужском уезде из 694 подавших заявления лишь трое получили согласие общины, остальные обращались к земским начальникам. 84 заявления были взяты обратно [72]. В 1909 г. на каждые 100 заявлений сельские сходы ответили отказом в Сарапульском уезде в 93 случаях, в Малмыжском – в 91, в Глазовском – в 72 [73]. От общего числа хозяйств, подавших заявления об укреплении земли в личную собственность, получили согласие сельских сходов в Царевококшайском уезде 1,2%, в Васильсурском – 1,6%, в Козьмодемьянском – 13%, в Чебоксарском – 16% хозяйств [74]. Все остальные вынуждены были обратиться к земским начальникам, которым предоставлялось право производить укрепление надельной земли в личную собственность в административном порядке (в случае, если общество не давало согласия).

Посредническая роль крестьянского банка в распродаже помещичьих земель здесь тоже была очень незначительной. Крестьяне отказывались покупать эти земли, заявляя, что они считают их своими.

Некоторое увеличение темпов проведения аграрной реформы произошло после 14 июня 1910 г., когда указ Столыпина от 9 ноября 1906 г. Государственная дума возвела в ранг закона. Однако случаи протеста крестьян против реформы и землеустроителей по-прежнему были нередкими.

Попытки жесткими методами насаждать новые формы землевладения создавали очаги напряженности и приводили к возбуждению крестьянства, выступающего против разверстания общин. Такие выступления были в Глазовском, Елабужском, Сарапульском, Орловском, Уржумском и Яранском уездах [75].

Правительство не ставило вопроса о разрушении всех общин, выход на отруба и хутора был добровольным. Однако случаев принуждения и нарушения законности было немало.

В июле 1910 г. в Сердежской волости Уржумского уезда многих крестьян подвергли арестам за отказ от выдела на отруба. У них было отобрано имущество вплоть до телег и посуды, а земельные наделы насильно заменены меньшими отрубам [76].

В починке Ново-Крюково Сердежской волости Уржумского уезда было проведено разверстание на отруба тоже с грубыми нарушениями. Земский начальник всячески угрожал крестьянам, многих арестовал, отобрав имущество. Крестьянину М. Градобоеву вместо надела в 10 десятин отвели отруб в 8 десятин, за отказ от разверстания у него отобрали тарантас и самовар. Крестьянин И. Щанов за отказ взять отруб в 16 десятин плохой земли вместо надела в 20 десятин был арестован. 10 дней просидел под арестом и также лишился имущества за отказ от худшего и меньшего отруба Я. С. Гребенкин. Крестьянину Ускову земский начальник грозил револьвером, а затем арестовал, отобрав у семьи самовар и стенные часы [77]. Подобные инциденты продолжались и во втором периоде.

В Косолаповской волости Уржумского уезда в починке Большой Степанов при разверстании на отруба лучшие земли получили кулаки Ведерников и Винокуров. Им же земство дало по-

собия – сельхозорудия и племенной скот на 300 руб. Бедноте были выделены дальние тощие участки, а из пособия земства – одну молотилку на всех [78].

В 1912 г. 100 чел. из села Кырынды Муштаковской волости Елабужского уезда оказали сопротивление землемеру при попытке размежевать земли для хуторов. Угрожая убить его и полицейского стражника, они не допустили их к работе [79]. За противодействие выделу в 1913 г. были арестованы братья Ложкины из деревни Озон Поломской волости Глазовского уезда [80]. В июле того же года в Сарапульском уезде крестьяне деревни Большие Кизели выступили против отрубников, и только с помощью отряда конных стражников, присланных из Воткинска, было проведено размежевание [81]. В том уезде в деревне Малая Кивера под руководством братьев Селезневых крестьяне заставили отказаться от выдела своих односельчан [82]. Упорное сопротивление выделу оказали и крестьяне деревни Арзамасцево Глазовского уезда [83]. Такое же движение наблюдалось в Орловском и Уржумском уездах [84].

Все это было грубым нарушением Указа 9 ноября. Циркулярное письмо Столыпина прямо запрещало принудительные меры: «Вся сущность закона от 9 ноября основывается исключительно на добровольном сознании населением выгод для него от перехода к личной земельной собственности и не дает никаких прав администрации оказывать какое-либо давление на население... Ввиду сего прошу... при выборе способов проведения в жизнь Указа 9 ноября неотступно держаться того положения, что органы правительства могут лишь разъяснять населению смысл перехода к лучшим формам землевладения, ознакомлять крестьян с порядком этого перехода и его практическим и юридическим последствиям, требовать от должностных лиц исправного исполнения их обязанностей по этому рода делам, но отнюдь не могут понуждать этих лиц и вообще кого бы то ни было к переходу к личной собственности, составляющему по Указу 9 ноября 1906 г. право крестьян, воспользоваться или не воспользоваться коим всецело зависит от личного усмотрения каждого отдельного крестьянина» [85].

Многие трудности объясняются тем, что ретивые чиновники гнались за процентами, не понимая сущности закона. Как свидетельствуют многочисленные факты, крестьяне зачастую выступали не против отрубов, а против их несправедливого распределения.

Всего за период проведения реформы в регионе заявили о выходе из общины 50 933 домохозяйства, а окончательно вышли только 22 830, что составило 4,3% от всех крестьянских хозяйств [86].

Рассмотрение большого количества заявлений крестьян было приостановлено по обстоятельствам военного времени.

Положение большинства крестьян, вышедших на хутора и отрубы, стало улучшаться: увеличивались сборы хлебов, совершенствовалась культура земледелия, вводился многопольный севооборот, появлялась новая техника. Прослойка крестьян, придерживающихся нововведений, была небольшой, но она давала пример для совершенствования жизни сомневающимся. Особенно это проявлялось в небольших селениях, построенных по семейно-родственному принципу.

Например, «хозяйство Штина Николая Макаровича (Порекская волость, д. Бураши) до 1908 г. не отличалось от соседних. В 1908 г., вернувшись с заработков из Сибири и Маньчжурии, он стал засеивать пашню новыми сортами ржи и овса. Купил сеялку, молотилку, двухлемешный плуг. Стал заниматься садоводством, пчеловодством... Перешел от трехполья к девятипольному обороту. Увидев результаты труда семьи Штиных, вся деревня перешла на многопольный севооборот. В лучшую сторону изменилась структура посевов» [87].

Еще одним наглядным примером может быть судьба трех братьев Мухачевых, получивших отруба недалеко от села Русские Краи Яранского уезда. Через несколько лет эти работающие молодые мужики поставили три добротных дома со всеми службами, запрудили реку, закупили элитные семена и семена клевера, первыми в округе приобрели необходимую сельхозтехнику... Затем рядом построились их родственники, и вся деревня, названная Мухачами, превратилась в своеобразный оазис, вызывая зависть одних и восхищение других. Даже лес у них, который назывался Мухачевской рощей, был под их доглядом самым красивым в округе [88].

Составной частью столыпинской аграрной политики являлось переселение безземельных и малоземельных крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Большую агитационную работу по переселению крестьян проводили земские служащие. Наиболее активно велась эта работа в удмуртских уездах, из которых уехало в Сибирь около 25 тыс. крестьян. Всего из региона переселилось в Сибирь более 127 тыс. [89] Значительным был отток в Приуралье.

Некоторые исследователи утверждают, что, «не получая никакой помощи и не имея средств обосноваться в необжитых краях, большинство переселенцев разорялись вконец, большое количество возвращалось назад, пополняя ряды деревенских пролетариев» [90]. Изучив массу источников по этой теме, В. Г. Тюкавкин пришел к выводу, что они свидетельствуют «об огромной работе тех “цар-

ских чиновников”, которых клеймили “царскими бюрократами”, обвиняли в подтасовках сведений, называли “заскоружлыми” и Ленин, и другие авторы. А факты говорят, – пишет Тюкавкин, – о приеме тысяч переселенцев, о выдаче ссуд, о строительстве школ, церквей, больниц, прокладке новых дорог, рытье колодцев, об отводе все новых и новых переселенческих поселков» [91].

К концу второго периода произошли заметные изменения к лучшему: урожайность повысилась, количество приобретаемой техники увеличилось.

Итак, в 1908–1914 гг. ситуация в регионе нормализовалась. Участники беспорядков 1905–1907 гг. были привлечены к суду и наказаны.

Местная промышленность восстанавливала темпы развития. Как следствие этого, на ряде предприятий увеличился рабочий день, но это не вызывало недовольства рабочих, так как вырос и размер заработной платы.

Деятельность радикальных партий на территории региона была пресечена, а наиболее активные члены революционных организаций, виновные в убийствах и грабежах, казнены. Проведение аграрной реформы в регионе было затруднено в силу консерватизма местного крестьянства. Кроме того, чиновники не всегда верно понимали суть правительственных распоряжений, а иногда и просто желали выслужиться. Поэтому применение насильственных методов реализации столыпинской аграрной реформы в регионе вызывало негативную реакцию и сопротивление местного крестьянства. Но в целом в деревне ситуация нормализовалась.

Примечания

1. Обзор Вятской губернии за 1908 г. С. 60–61.
2. Очерки истории Кировской организации КПСС. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1965. Ч. 1. С. 206.
3. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1909 г. Вятка: Изд-во губстаткомитета, 1908. С. 204.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же. С. 192.
7. Там же. С. 198.
8. Там же.
9. Там же.
10. Подсчет произведен по Памятной книжке Вятской губернии на 1909 г. и публикациям вятских газет «Вятская речь» и «Голос Вятки».
11. Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 120, 223.
12. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1908 г. Вятка: Изд-во губстаткомитета, 1907. С. 125.
13. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1909 г. С. 190.
14. Там же.
15. Там же. С. 190.
16. Всеподданнейший отчет Вятского губернатора за 1908 г. Вятка: Губ. тип., 1909. С. 3.
17. Там же. С. 15.
18. Обзор Вятской губернии за 1908 г. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка: Губ. тип., 1909. С. 59.
19. Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1911 г. Вятка: Изд-во губстаткомитета, 1910. С. 211.
20. Там же.
21. Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции) / ред. кол. А. В. Хлебников (отв. ред.) [и др.]. Йошкар-Ола: И. О. Маркнигоиздат, 1965. С. 211.
22. Вятская речь. 1908. 6 апр.
23. Воспоминания Д. П. Прозорова. Хранятся в архиве П. В. Деминцева.
24. Воспоминания И. П. Хлыбова. Хранятся в архиве А. М. Рыжова.
25. Воспоминания Ф. П. Измайлова. Хранятся в архиве П. В. Деминцева.
26. ГАКО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 476. Л. 1, 2, 7.
27. ГАКО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 476. Л. 9.
28. ГАКО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 476. Л. 9.
29. Вятская речь. 1908. 20 марта.
30. Там же.
31. ГАКО. Ф. 582. Оп. 149. Д. 236. Л. 2, 3, 10.
32. Очерки истории Марийской АССР. С. 314.
33. ГАКО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 515. Л. 7, 9, 11.
34. Мусихин В. Е. Вятские крестьяне в начале XX в. // Вятская земля в прошлом и настоящем / под ред. В. А. Ситникова и др. Киров: Обл. писат. орг-ция, 1995. С. 7–8.
35. ГАКО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 515. Л. 18–26.
36. ГАКО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 515. Л. 12–13.

37. Мусихин В. Е. Указ. соч. С. 7.
38. Очерки истории Марийской АССР. С. 304.
39. ГАКО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 99. Лл. 41–43; Д. 131. Лл. 32–36.
40. Голос Вятки. 1910. № 3. 5 янв.
41. Рабочий листок. 1908. № 2. 15 янв.
42. Голос Вятки. 1910. № 3. 5 янв.
43. Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 243.
44. Там же. С. 243–244.
45. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1326. Л. 87.
46. ГАКО. Ф. 574. Д. 131. Л. 44.
47. Очерки истории Марийской АССР. С. 308.
48. ГАРФ. ДПОО. 1913. Д. 9. Ч. 17Б. Л. 8.
49. Рябухин Е. И. Большевицкие организации и рабочее движение в Приуралье (1907–1914 гг.). Глазов, 1960. С. 146.
50. ГАКО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 738. Л. 8.
51. ГАРФ. ДП. 4е д во, 1914. Д. 15. Ч. 2. Л. 1–2.
52. Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 267.
53. Там же. С. 265.
54. Там же.
55. Рябухин Е. И. Указ. соч. С. 152.
56. Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 268.
57. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 866. Л. 2; Д. 865. Л. 2.
58. Вятская речь. 1908. 29 марта; 1 апр.; 3 мая.
59. Очерки истории Кировской области. Киров: Киров. отд-ние Волго-Вят. кн. изд-ва, 1972. С. 227.
60. Вятская речь. 1908. 6 мая.
61. ГАРФ. ДП. 4 д во. 1909. Д. 15. Ч. 1. Л. 1–4.
62. Там же. Ч. 10. Л. 209.
63. Там же. С. 292.
64. Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. Киров, 1995. С. 291.
65. ГАРФ. ДП. 4е д во, 1911. Д. 15. Ч. 7. Л. 9.
66. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 14. Л. 65.
67. Там же.
68. Там же.
69. Энциклопедия Земли Вятской. С. 292.
70. Вятская речь. 1908. 14 мая.
71. Там же.
72. Там же. 12 авг.
73. Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1 / редкол. И. П. Емельянов (гл. ред.) [и др.]. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. С. 237.
74. Там же.
75. Очерки истории Кировской области. С. 234.
76. Там же.
77. ГАКО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 821. Л. 1.
78. Там же. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 740. Л. 271–273.
79. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1318. Л. 47–48.
80. Там же. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 470. Л. 25.
81. Там же. Д. 740. Л. 37–39.
82. Там же. Л. 83.
83. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 740. Л. 5–6.
84. ГАРФ. ДП. 4 д во 1914. Д. 15. Ч. 7. Л. 1–4.
85. РГИА. Ф. 1291. Оп. 119. Д. 67. 1906–1909. Л. 30.
86. Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 247.
87. Мусихин В. Е. Указ. соч. С. 295.
88. Архив П. В. Деминцева. Хранится в семье.
89. Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. С. 294.
90. Очерки истории Удмуртской АССР. С. 234.
91. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 124.

Notes

1. *Obzor Vjatskoj gubernii za 1908 g.* - Review Vyatka province for 1908. Pp. 60-61.
2. *Oчерки istorii Kirovskoj organizacii KPSS* – Essays on the history of the Kirov organization of the CPSU. Kirov. Volga-Vyat. Book Publishing house. 1965. Part 1. P. 206.
3. *Pamjatnaja knizhka Vjatskoj gubernii i kalendar' na 1909 g.* – The memorable book of the Vyatka province and a calendar for 1909. Vyatka. Publishing house of regional stat. commitie. 1908. P. 204.

4. Ibid.
5. Ibid.
6. Ibid. P. 192.
7. Ibid. P. 198.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. The count produced according to the Memorable book of the Vyatka province in 1909 and publications of Vyatka newspapers "Vyatka speech" and "Voice of Vyatka".
11. *Ocherki istorii Kirovskoj organizacii KPSS* – Essays on the history of the Kirov organization of the CPSU. Pp. 120, 223.
12. The memorable book of the Vyatka province and calendar for 1908 Vyatka. regional stat. commitie. 1907. P. 125.
13. The memorable book of the Vyatka province and a calendar for 1909. P. 190.
14. Ibid.
15. Ibid. P. 190.
16. Humbly report of the Vyatka Governor for 1908. Vyatka. Regional typ. 1909. P.3.
17. Ibid. P. 15.
18. Review Vyatka province for 1908. Appendix to report of the Governor of Vyatka. Vyatka. Regional typ. 1909. P. 59.
19. The memorial book and calendar Vyatka province for 1911. Vyatka. Publishing house of regional stat. commitie. 1910. P. 211.
20. Ibid.
21. Essays on the history of the Mari ASSR (from ancient times to the great October socialist revolution) / ed. by A. V. Khlebnikov (resp. ed.) [et al.] Yoshkar-Ola. I. O. Marknigoizdat. 1965. P. 211.
22. Vyatka speech. 1908. 6th Apr.
23. Memories of D. P. Prozorov. In the archives of the P. V. Demintsev.
24. Memories of I. P. Khlybova. In the archives of the A. M. Ryzhov.
25. Memories of F. P. Izmailov. In the archives of the P. V. Demintsev.
26. State Archive of Kirov region (hereinafter GAKO). F. 566. Sh. 1. File 476. Sh. 1, 2, 7.
27. GAKO. F. 566. Sh. 1. File 476. Sh. 9.
28. GAKO. F. 566. Sh. 1. File 476. Sh. 9.
29. Vyatka speech. 1908. March 20.
30. Ibid.
31. GAKO. F. 582. Sh. 149. File 236. Sh. 2, 3, 10.
32. Essays on the history of the Mari ASSR. P. 314.
33. GAKO. F. 566. Sh. 1. File 515. Sh. 7, 9, 11.
34. Musikhin V. E. [Vyatka peasants in the early twentieth century] // Vyatka land in the past and present / ed. by V. A. Sitnikov et al. Kirov. Regional Writers' Organization. 1995. Pp. 7-8.
35. GAKO. F. 566. Sh. 1. File 515. Sh. 18-26.
36. GAKO. F. 566. Sh. 1. File 515. Sh. 12-13.
37. Musikhin V. E. Op. cit. P.7.
38. Essays on the history of the Mari ASSR. P. 304.
39. GAKO. F. 841. Sh. 1. 99. Sh. 41-43; File 131. Sh. 32-36.
40. The Voice Of Vyatka. 1910, No. 3, 5 Jan.
41. Worksheet. 1908, No. 2, 15 Jan.
42. The Voice Of Vyatka. 1910, No. 3, 5 Jan.
43. *Ocherki istorii Kirovskoj organizacii KPSS* – Essays on the history of the Kirov organization of the CPSU. P. 243.
44. Ibid. Pp. 243-244.
45. GAKO. F. 714. Sh. 1. File 1326. Sh. 87.
46. GAKO. F. 574. File 131. Sh. 44.
47. *Ocherki istorii Marijskoj ASSR* – Essays on the history of the Mari ASSR. P. 308.
48. SARF. DPAO. 1913. File 9. Pt. 17B. Sh. 8.
49. Ryabukhin E. I. *Bol'shevistskie organizacii i rabochee dvizhenie v Priural'e (1907-1914 gg.)* [Bolshevik organizations and the labor movement in the Urals (1907-1914)]. Glazov. 1960. P. 146.
50. GAKO. F. 566. Sh. 1. File 738. Sh. 8.
51. SARF. DP. 4nd ed, 1914. File 15. Pt. 2. Sh. 1-2.
52. *Ocherki istorii Kirovskoj organizacii KPSS* – Essays on the history of the Kirov organization of the CPSU. P. 267.
53. Ibid. P. 265.
54. Ibid.
55. Ryabukhin E. I. Op. cit. P. 152.
56. *Ocherki istorii Kirovskoj organizacii KPSS* – Essays on the history of the Kirov organization of the CPSU. P. 268.
57. GAKO. F. 714. Sh. 1. File 866. Sh. 2; File 865. Sh. 2.
58. *Vjatskaja rech'* – Vyatka speech. 1908, 29 March; 1 Apr.; 3 May.
59. *Ocherki istorii Kirovskoj oblasti* – Essays on the history of the Kirov region. Kirov. Kirov branch of the Volga-Vyat. Book publ. 1972. P. 227.

60. *Vjatskaja rech'* – Vyatka speech. 1908. 6 May.
61. SARF. DP. 4nd ed. 1909. File 15. Pt. 1. Sh. 1-4.
62. Ibid. Pt. 10. Sh. 209.
63. Ibid. P. 292.
64. *Jenciklopedija zemli Vjatskoj* – Encyclopedia of Vyatka land. Vol. 4. Kirov. 1995. P.291.
65. SARF. DP. 4nd ed. 1911. File 15. Pt. 7. Sh. 9.
66. GAKO. F. 1254. Sh. 2. File 14. Sh. 65.
67. Ibid.
68. Ibid.
69. *Jenciklopedija zemli Vjatskoj* – Encyclopedia Of Vyatka Land. P. 292.
70. *Vjatskaja rech'* – Vyatka speech. 1908. 14 May.
71. Ibid.
72. Ibid. 12 Aug.
73. *Oчерки истории Удмуртской АССР* – Essays on the history of the Udmurt ASSR. Vol. 1 / editorial board. I. P. Emelyanov (chief editor) [and others]. Izhevsk. Udmurth book publishing house. 1958. P. 237.
74. Ibid.
75. *Oчерки истории Кировской области* – Essays on the history of the Kirov region. P. 234.
76. Ibid.
77. GAKO. F. 566. Sh. 1. File 821. Sh. 1.
78. Ibid. F. 1254. Sh. 1. File 740. Sh. 271 – 273.
79. GAKO. F. 714. Sh. 1. File 1318. Sh. 47-48.
80. Ibid. F. 1254. Sh. 1. File 470. Sh. 25.
81. Ibid. D. 740. Sh. 37-39.
82. Ibid. Sh. 83.
83. GAKO. F. 1254. Sh. 1. File 740. Sh. 5-6.
84. SARF. DP. 4nd ed. 1914. File 15. Pt. 7. Sh. 1-4.
85. RSHA. F. 1291. Sh. 119. File 67. 1906-1909. Sh. 30.
86. *Oчерки истории Кировской организации КПСС* – Essays on the history of the Kirov organization of the CPSU. P. 247.
87. Musikhin V. E. Op. Cit. P. 295.
88. Archive of V. P. Demintsev. Kept in the family.
89. *Jenciklopedija zemli Vjatskoj* – Encyclopedia of Vyatka land. Vol. 4. P. 294.
90. *Oчерки истории Удмуртской АССР* – Essays on the history of the Udmurt ASSR. P. 234.
91. Tyukavkin V. G. *Velikorusskoe krest'janstvo i Stolypinskaja agrarnaja reforma* [Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform]. M. Monuments of historical thought. 2001. P. 124.

УДК 94(470.342) “19/начало 20вв.”

Е. Ю. Ситникова

Институт генерал-губернаторства как инструмент национальной политики Российской империи в последней четверти XIX – начале XX в.

С 60-х гг. XIX в. статус генерал-губернатора приобретал все большее значение, особенно это касалось национальных окраин. Здесь на плечи генерал-губернаторов возлагалась важная задача сохранения порядка, надзора за настроениями местного населения, подготовки почвы для распространения общероссийских законов и общеимперской системы управления. Большое значение при исполнении данных задач имел личностный фактор и политические убеждения генерал-губернаторов. В статье проводится исследование отчетов, докладов и некоторых других документов, отражающих деятельность генерал-губернаторов в русле национальной политики. Дается оценка той роли, которую они играли в ее осуществлении. Несмотря на то что специфика должности позволяла генерал-губернаторам выступать в качестве посредников между туземцами и центральной властью, их потенциал как информаторов и инициаторов реформ практически не использовался.

From the 60-ies of XIX century the status of the governors-general became more important, especially on the part of national suburbs. Governors-general were entrusted with the important task of maintaining order, supervision of the sentiments of the local population, to prepare the base for the spread Russian laws and of imperial control system. Great importance in the performance of these tasks played the personal factor and political beliefs of

governors-general. The article presents research reports, presentations and other documents that reflect the activities of governors-general in line with national policy. The role that they played in its implementation is analyzed. Despite the fact that the specific positions allow governors-general to act as intermediaries between the natives and the central government, their potential as informants and initiators of reforms was unused.

Ключевые слова: Российская империя, последняя четверть XIX – начало XX в., национальная политика, генерал-губернатор, национальные окраины, институт генерал-губернаторства.

Keywords: The Russian Empire, the last quarter of 19 – early 20th cc, national policy, the governor-general, the national suburbs, governors-general institution.

Основной задачей генерал-губернаторов на национальных окраинах Российской империи было следить за настроениями инородцев и способствовать скорейшей интеграции этих земель в состав Российского государства. Конечной целью национальной политики властей на окраинах можно считать их полную интеграцию, то есть подчинение общероссийскому законодательству, установление общеимперской системы управления с российскими или лояльными правительству местными чиновниками на всех уровнях, использование русского языка в делопроизводстве, возможность распространения на окраины общеимперских реформ. Соответствующий анализ деятельности генерал-губернаторов позволяет определить, кто из них действовал в русле общей концепции национальной политики, а кто пытался воплотить в жизнь собственные идеи и в чем это выжалось на практике.

О различиях в положении национальных окраин в составе Российской империи подробно рассуждает Л. М. Лысенко в своей монографии [1]. Она выделяет несколько моделей управления окраинами в зависимости от степени интеграции их в состав империи: политическая автономия, административная автономия, военно-народное управление, управление с общеимперской администрацией на всех уровнях. Все эти модели подразумевают наличие должности наместника или генерал-губернатора за исключением военно-народного управления, при котором важнейшие дела находятся под контролем военного ведомства, а основная власть сосредоточивается в руках военного губернатора. Последняя ступень интеграции – полная инкорпорация, при которой должность генерал-губернатора теряет свою актуальность.

С наибольшими трудностями приходилось сталкиваться генерал-губернаторам, на чью долю выпадало способствовать переходу вверенной области от одной модели к другой, тем более, когда переход этот был стремительным. В пример можно привести Царство Польское, которое после упразднения наместничества в 1874 г. было преобразовано в Варшавское генерал-губернаторство, в высших кругах именовавшееся Привислинским краем, словно оно уже было неотъемлемой частью России.

Исследование отчетов и докладов генерал-губернаторов показывает, что последние прекрасно понимали государственную задачу во вверенной им области, но верили в возможность ее исполнения в разной степени.

В 1896 г. граф Петр Андреевич Шувалов в своем докладе об обследовании положения в Царстве Польском писал о том, что «представляется едва осуществимой задача обрусить сплошное и однородное польское население Привислинского края и достигнуть в близком времени духовного слияния его с коренной Россией» [2]. Первоначальными задачами власти он считал: внедрение русского языка в делопроизводство правительственных и общественных учреждений, преподавание в казенных и частных учебных заведениях, объединение местного законодательства с имперским, привлечение на службу русских.

Рассматривая конечной целью политики «духовное слияние» Польши с Россией, Шувалов указывал на опасность со стороны Тройственного союза и Австрии, к которым поляки могут тяготеть. Во избежание этого граф предлагал не проявлять излишней твердости в «делах, не имеющих первостепенного государственного значения и не приносящих существенной пользы» [3]. В то же время он же предупреждал о том, что «польские вождедения возрастают тем быстрее, чем шире они удовлетворяются, и всякая, даже справедливая уступка празднуется поляками при их национальном самомнении как победа над правительством и вновь всякий раз окрыляет их несбыточные надежды» [4].

Александр Константинович Имеретинский, варшавский губернатор в 1897–1900 гг., считал, что на Польшу нельзя смотреть как на революционный край и пытаться подавить его «внешнею силою различных существующих ныне ограничительных законоположений» [5]. По мнению князя, необходимо было постепенно сводить на нет исключительное положение Польши, чтобы через какое-то время она могла объединиться с центром на основе российской государственности.

При решении некоторых проблем и Шувалов, и Имеретинский ссылались на политику, проводимую в Западном крае, считая Польшу такой же частью империи, только с большим количеством нерусского населения.

Не отрицая прямо необходимости инкорпорации Польши в состав России, варшавский генерал-губернатор Константин Клавдиевич Максимович открыто предупреждал о ее первых негативных последствиях. «Вместо чиновников-поляков, – писал он, – вообще отличающихся примерным трудолюбием и добросовестностью, дороживших службою, которая самым существом работы связывает их с единокровным населением, начали нередко появляться нерадивые полубразованные русские чиновники, стремившиеся свою неподготовленность к службе или природные недочеты прикрыть усердным политиканством» [6]. Максимович предлагал отменить указ 1866 г. и допустить поляков к управлению.

Когда в 1905 г. был поднят вопрос о списке должностей, которые могут занимать поляки, в первую очередь было учтено мнение генерал-губернатора Георгия Антоновича Скалона о том, что «замечаемый ныне сильный подъем сепаратистских стремлений в польском обществе исключает возможность передачи в настоящее время и в ближайшем будущем лицам польского происхождения руководящей роли по управлению как целым краем, так и отдельными его составными частями» [7]. Исходя из данного мнения, а также «ввиду того, что в последнее время замечено особое стремление интеллигентной части польского общества сблизиться с народом в целях противодействия правительству» [8], полякам было запрещено занимать все важнейшие должности в губернском управлении, варшавской полиции, должности начальников губернской и уездной полиции, комиссаров по крестьянским делам.

По требованию Скалона Варшавское генерал-губернаторство было переведено на военное положение. Решительные действия генерал-губернатора были обусловлены подъемом революционного движения в стране и активизацией левых партий в самой Польше. В то же время Максимович, занимавший свой пост до августа 1905 г., был настроен либерально, хотя действовал также в напряженной политической обстановке. Власти сделали свой выбор, отклонив предложения Максимовича и заменив его Скалоном, способным «навести порядок» в крае.

В отличие от Польши Западный край представлял собой удобный объект для экспериментов по обрусению: народности, проживавшие в крае, не выдвигали требований о собственной государственности, а либо тяготели к другим более многочисленным народам (литовцы, белорусы), либо составляли относительно небольшие диаспоры (немцы, поляки, евреи). С другой стороны, многонациональный состав края был еще и многоконфессиональным, так что велась постоянная борьба с католической церковью за прихожан, в основном за униатов.

И. Л. Горемыкин отмечал, что должность генерал-губернатора не нужна там, где население слилось с остальной территорией в племенном, культурном и экономическом отношении, что, по его мнению, актуально для Западного края. Соответственно, Киевское и Виленское генерал-губернаторства представляли собой лишний элемент в аппарате управления [9]. Следовало окончательно перевести их под управление губернаторов, как ранее Могилевскую, Витебскую и Минскую губернии.

Однако министр внутренних дел был не совсем прав, так как в крае еще оставалось много нерешенных проблем (практически неограниченное приобретение земли крестьянами-католиками, «противоправительственная вредная деятельность» католического духовенства, нехватка русских школ (желательно, министерских, а не приходских) [10], и никакого действительного «слияния» с остальной империей еще не произошло, в этом случае власти выдавали желаемое за действительное.

Генерал-губернаторам Западного края пришлось непосредственно столкнуться со смешением национального и конфессионального аспектов вопроса. По замечанию П. Д. Святополк-Мирского, «роковые обстоятельства и условия жизни местного населения вынуждали правительство при создании тех или иных льготных или ограничительных законов... придерживаться принципа не народности, а вероисповедания». Относясь к белорусам или литовцам-католикам как к полякам, власти тем самым «усиливали ряды польской народности, обогащая ее тем, что по существу никогда к ней не принадлежало» [11]. Действительно, политика в крае осложнялась тем, что не все католики были поляками, и не все русские – православными. Генерал-губернатор с сожалением отмечал, что «правительство привыкло не признавать за русское все то, что не православного вероисповедания» [12].

Права некоторых народностей на собственную историческую судьбу не признавались. «Так как белорусское племя не имело как таковое ни политического, ни культурного прошлого, – отмечал в своем отчете Святополк-Мирский, – то ему в движении его развития предстоит примкнуть либо к русской, либо к польской народности» [13]. Литовцы, «вооруженные слабыми куль-

турными средствами», лишённые исторических и культурных традиций, также имели, по мнению Святополк-Мирского, лишь один путь – слияние с русскими [14].

При этом Святополк-Мирский в отличие от Горемыкина вовсе не считал, что Западный край готов влиться в ряды остальных губерний Российской империи и управляться на общих началах. Наоборот, он предлагал расширить полномочия генерал-губернатора, а именно: передать ему часть функций центральных органов, более четко разграничить его и министерскую власть, а также предоставить ему больше карательных прав.

Несмотря на подобное мнение, в 1901 и 1909 гг. должность Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора не замещалась, так как правительство в целом придерживалось точки зрения Горемыкина. И действительно, по сравнению с некоторыми другими областями, Западный край доставлял властям меньше беспокойства.

Самой сложной в плане управления и контроля национальной окраиной Российской империи был Кавказ. После упразднения наместничества в 1881 г. Кавказом перестали заниматься с конструктивной точки зрения, все туземное начало «искусственно противопоставляться русскому», реформ не проводилось [15], поэтому от нового наместника ожидалось практические изменения в крае. Утвержденный в 1903 г. в должности генерал-губернатора Илларион Иванович Воронцов-Дашков представлял собой человека неравнодушного, деятельного и в какой-то мере вынужден был бороться с неповоротливой машиной власти, пытаясь добиться от высших государственных чиновников понимания специфики края и содействия в совершенствовании управления.

Весьма точно выразился главноначальствующий гражданской частью С. А. Шереметев, отметив, что политическая задача национальной политики на Кавказе заключается в «установлении полного слияния ее (Кавказской окраины) с остальными частями обширного Отечества», но «без особых осложнений и потрясений» [16]. На Северном Кавказе, по мнению Шереметева, «преобладание русской народности настолько значительно», что он почти не отличается от многих коренных областей империи, и в Закавказье «могут быть достигнуты такие же результаты» [17].

Исходя из докладов сменившего Шереметева Г. С. Голицына за 1897–1902 гг. [18], вверенная ему область была не готова к органическому слиянию с империей, так как многие национальности Кавказа находились на более низкой ступени социального, экономического и духовного развития, а некоторые мусульмане вели кочевой образ жизни. Данная точка зрения была ближе к истине.

Итак, в обязанности нового наместника вменялось «безотлагательно водворить на Кавказе спокойствие, дабы приобщить и этот край к внутренней созидательной работе, предпринимаемой ныне в государстве» [19]. Воронцов-Дашков не успел осуществить замыслы, с которыми приступил к работе, так как началась революция 1905 г. Ситуация в целом была таковой, что «за исключением казачьего населения, а в смысле верноподданности – и мусульманского, все остальные народности Кавказа по меньшей мере неспокойны, а некоторая часть из них – в полной революции» [20].

Незадолго до этих событий Воронцов-Дашков высказывался за проведение выборов на Кавказе, в противном случае предполагая обострение ситуации, подготовил правила о выборах в Думу с учетом местных особенностей. На предложения Воронцова-Дашкова об изменении избирательного закона был дан ответ, что Государственный совет не может этого сделать без обсуждения в Государственной думе. Это был показательный пример того, как инициативы Воронцова-Дашкова зарубались на корню под каким-нибудь бюрократическим предлогом. Парадокс заключался в том, что его предложения полностью соответствовали основной цели власти в крае, но по форме или содержанию казались слишком либеральными, смелыми, непредсказуемыми или неудобными в исполнении.

«К сожалению, – замечал Воронцов-Дашков, – Кавказ для Петербурга *terra incognita*» [21]. Поэтому он не уставал разъяснять высшим кругам власти сложившееся положение. Сепаратистские настроения в крае были не так сильны, как предполагалось, революционное движение было таким же, как и во внутренних губерниях, и не имело антирусской направленности. Намного больше было столкновений между армянами и татарами, дашнаками и армянами, грузинскими крестьянами и помещиками, а с русскими столкновения происходили только на хозяйственной почве [22]. Генерал-губернатор отмечал, что «единственный способ достигнуть прочного обрусения – это признание всех равными перед законом и одинаковое о всех попечение, к какой национальности они бы не принадлежали» [23].

Многие благие начинания Воронцова-Дашкова затормозились в высших кругах власти или были отклонены. Например, наместник обращался к высшим властям по поводу аграрного вопроса. У него был готов проект ликвидации обязательных отношений к помещикам, но дело тор-

мозилось бесконечными обсуждениями в МВД, МФ и Главном управлении землеустройства. Ходатайства Воронцова-Дашкова по поводу введения широкого суда с участием представителей местного населения министр юстиции отклонил, мотивируя отказ тем, что «малокультурные племена наших азиатских окраин готовы скорее поверить в справедливость и подчиниться приговору русского коронного судьи, чем решению местного обывателя из их же среды» [24].

Воронцов-Дашков о многом радел, но в рамках Манифеста 17 октября, так что его можно было бы обвинить лишь в том, что он придерживался взглядов, о которых было заявлено самим императором, но от которых на практике правительство по большей части отказалось. Осложнялась деятельность наместника поползновениями со стороны завистников и недоброжелателей. В конечном итоге был поднят вопрос о том, что «современное объединение управления всем Кавказом в одних руках и с огромными полномочиями неминуемо приносит больше вреда, чем пользы» [25].

Дума предложила произвести сенаторскую проверку края и подчинить его Совету министров. Воронцов-Дашков выступил против нарушения статуса наместника и управления Кавказом из столицы, он предложил включить себя и своего заместителя в Совет министров, заметив, что зачастую общие вопросы политики на Кавказе вообще обсуждаются без их присутствия. На проведение ревизии наместник радостью согласился, так как это помогло бы «выяснить истину о крае и его управлении и отринуть ту массу ложных слухов, на основании которых строить отношение правительства к далекой окраине, очевидно, нельзя» [26].

В апреле 1909 г. наместник заявил о том, что в крае «наступило значительное успокоение, обусловленное главным образом выдворением порочных элементов в отдаленные области и за границу» [27]. Поэтому он предложил перевести с военного положения на усиленную охрану Черноморскую, Елисаветпольскую, Эриванскую, Кутаисскую и Тифлисскую губернии, с чрезвычайной охраны на усиленную – Терскую и Кубанскую области, Батум, Сухумский и Закатальский округа. Его просьба была удовлетворена.

Восточные окраины империи находились под военно-народным управлением. В Степном крае основная масса населения была представлена киргизами, большая часть которых вела кочевой образ жизни. Как отмечал военный министр А. Ф. Редигер, «сильная и единая власть здесь необходима более, чем где-либо, так как тысячелетняя история страны приучила население повиноваться только силе; и полагаю, что должно пройти еще немало времени, раньше чем принципы русской гражданственности войдут в плоть и кровь этого полудикого еще в массе населения» [28]. Сменивший его В. А. Сухомлинов подобным же образом характеризовал Туркестан, который к началу XX в. «представлял собою отдаленную окраину, почти колонию, жившую своей самостоятельной, весьма примитивной жизнью, и вся роль администрации края сводилась почти исключительно к одной задаче – охранению порядка и спокойствия» [29].

Особенностью края было то, что низшие чины администрации формировались из офицеров частей Туркестанского округа, «им, конечно, не хватало знания гражданских законов, не хватало творческой подготовки для административного дела вообще, – но некоторое знание туземного народа, его обычаев и нравов, часто даже языка, – у них было, как у лиц, уже известный срок прослуживших в крае» [30], – отмечал генерал-губернатор Вревский. Сменивший его в 1899 г. С. М. Духовской, отмечал, что «Туркестанскую окраину с густым мусульманским населением ныне нельзя еще считать краем, мирное спокойствие которого вполне обеспечено» [31].

Перед передачей края в ведение МВД была проведена ревизия под руководством К. К. Палена. После длительной проверки Пален пришел к выводу о том, что все генерал-губернаторы управляли краем по-разному, накладывая отпечаток скорее не общероссийской, а личной власти. В циркулярах генерал-губернаторов была видна «бедность содержания, случайность затронутых вопросов, колебание взглядов и часто неисполнимость поставленных требований» [32]. В то же время, «задачи, подлежащие разрешению государственной власти, до того разнятся от крупных даже вопросов внутренней жизни империи, что центральные правительственные органы... не в состоянии достаточно вникать в их содержание и оценивать их, отличая серьезные от побочных» [33]. Правительство до сих пор воспринимало туземное население «как данника русской державы», хотя «условия хозяйственной и промышленной жизни значительно осложнились» и нужен был новый подход [34]. Например, родовой строй туземцев следовало использовать при создании волостных органов власти, а не разрушать.

Пален пришел к выводу о необходимости подготовить Туркестан к интеграции в общеадминистративный имперский строй управления, поместив его под власть сильного генерал-губернатора (наподобие наместника) [35]. Когда этот вопрос обсуждался на государственном совещании, было учтено мнение генерал-губернатора Туркестана А. В. Самсонова о том, что «местное туземное население, привыкшее иметь близко от себя сильную единоличную власть, входившую

во все интересы текущей жизни, сочло бы многоначалие с неизбежными междуведомственными трениями за явное доказательство слабости» [36]. В итоге полномочия генерал-губернатора Туркестана были слегка расширены и введена должность второго помощника по гражданской части. Собрание также решило, что край нуждается в упрощенном управлении по типу сибирских губерний, где все административные дела сосредоточены в одном присутствии.

В целом можно сказать, что генерал-губернаторы были прекрасно ознакомлены с государственной идеей касательно национальной политики и понимали свои задачи. Другое дело, что определенную роль играл личностный фактор и политические убеждения каждого из них: кто-то боролся за воплощение в жизнь принципов, провозглашенных в Манифесте 17 октября, кто-то старался избегать уступок местному населению, считая, что каждая такая уступка непременно поколеблет авторитет власти. Генерал-губернаторы предлагали собственные проекты по усовершенствованию управления в вверенном крае, но власть не всегда прислушивалась к их предложениям. Тормозящих факторов, по сути, было два: местные особенности устройства общества туземцев и страх потерять контроль, дать слишком много власти в руки нерусского населения.

В случаях с Кавказом и Средней Азией власти даже не всегда имели четкое представление об особенностях этих областей, не были способны прочувствовать их специфику в отличие от генерал-губернаторов, непосредственно задействованных в управлении и встречавших сопротивление местного населения, сталкивавшихся с косностью туземного общества, со специфическими обычаями и традициями, чуждым менталитетом. Казалось бы, власть назначила посредников между собой и туземцами, чтобы избежать лишних трений, но практика показывает, что мнения генерал-губернаторов принимались постольку-поскольку, решающей роли они обычно не играли. Национальная политика продолжала упорно воплощаться в жизнь в той форме, которая утвердилась уже давно: основная цель – интеграция в состав империи на безопасных условиях. Последнее подразумевало наличие надежного форпоста из русского населения, лояльность или хотя бы подконтрольность туземцев.

В задачи генерал-губернаторов входило обеспечивать безопасность и порядок в тех областях, которые еще не были готовы к интеграции. Сам институт генерал-губернаторства выступал как универсальное средство по решению насущных проблем в крае, точнее, избеганию этих проблем, так как обычно инициативы генерал-губернаторов не получали одобрения. На деле власти всеми силами пытались затормозить процесс распространения общеимперских реформ на национальные окраины там, где русских было критично мало, особенно этот процесс замедлился после 1905 г.: обсуждений стало больше, конкретных продуманных действий – меньше. С другой стороны, события форсировались: переселения набирали темпы, хотя вопрос землеустройства был решен далеко не везде.

Инициатива со стороны генерал-губернаторов поощрялась, когда они действовали полностью в рамках основной цели. Они должны были подготовить окраины к распространению общеимперского законодательства и реформ, создать по возможности для этого безопасные условия, используя свои знания специфики туземного общества. Подобный подход приводил к тому, что новаторский потенциал многих генерал-губернаторов не использовался, впрочем, власти в нем и не нуждались.

Примечания

1. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.). М: Изд-во МПГУ, 2001. С. 358.
2. Всеподданнейший доклад графа П. А. Шувалова о результатах обследования подчиненного ему края 27.2.1896 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 241. Л. 1–50.
3. Там же.
4. Там же.
5. Всеподданнейший доклад князя А. К. Имеретинского 12.1.1898 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 330. Л. 25–46.
6. Варшавский генерал-губернатор К. К. Максимович – управляющему делами Комитета министров Э. Ю. Нольде 22.4.1905 // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 105. Л. 39–47.
7. Представление МВД в Комитет министров 22.11.1905 // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 105. Л. 316–324.
8. Там же.
9. Записка И. Л. Горемыкина о целесообразности сохранения генерал-губернаторств в Западных губерниях // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 470. Л. 1–18.
10. Всеподданнейший отчет Виленского генерал-губернатора В. Н. Троицкого за 1899 год // РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 355. Л. 1–10.
11. Всеподданнейший отчет Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского за 1902–1903 год // РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 846. Л. 1–47.
12. Там же.

13. Там же.
14. Там же.
15. Князь Д. Меликов – С. Ю. Витте 19.12.1905 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 162. Л. 1–5.
16. Всеподданнейшая записка Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе С. А. Шереметева // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 1897. Л. 7–16.
17. Там же.
18. Всеподданнейшая записка Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе Г. С. Голицына за 1897–1902 гг. 1.12.1902 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 1903 г. 55. Л. 42–101.
19. Высочайший рескрипт 26.2.1905 г. на имя И. И. Воронцова-Дашкова // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 162. Л. 9.
20. Черновик письма И. И. Воронцова-Дашкова – Николаю II // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 1220. Л. 38–39.
21. И. И. Воронцов-Дашков – В. Б. Фредериксу. 23.4.1908 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 102. Л. 1.
22. Записка И. И. Воронцова-Дашкова // РГИА. Ф. 472. Оп. 40(194/2682). Д. 102. Л. 5–25.
23. Черновик письма И. И. Воронцова-Дашкова – Николаю II // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 1220. Л. 48–49.
24. И. Г. Щегловитов – В. Н. Коковцову 10.1.1913 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 43. Л. 24–25.
25. РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 1909. Л. 27.
26. Всеподданнейший доклад И. И. Воронцова-Дашкова 11.2.1909 г. // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 619. Л. 7.
27. И. И. Воронцов-Дашков – Э. Ю. Нольде. 19.4.1909 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 46. Л. 155–156.
28. А. Ф. Редигер – Н. В. Плеве 22.8.1906 г. Прошение по указу 18 февраля 1905 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 36. Л. 407–410.
29. Выписка из всеподданнейшего доклада военного министра о поездке в Туркестанский край в марте – апреле 1912 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 36. Л. 237.
30. Записка о государственных и общественно-экономических нуждах Туркестанского края // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 36. Л. 3–21.
31. Выписка из всеподданнейшего доклада бывшего генерал-губернатора Туркестана С. М. Духовского за 1899 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 36. Л. 20–21.
32. Там же. Л. 99–125.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.
36. Журнал высочайше учрежденного Сопровождающего Сопровождающего для выработки основных начал преобразования управления Туркестанским краем. Заседания 2, 6, 7, 8, 10, 13 и 14.5.1911 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 36. Л. 145–146.

Notes

1. Lysenko L. M. *Gubernatory i general-gubernatory Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Governors and Governor generals of the Russian Empire (XVIII – beginning of XX century)]. M. Publishing house of Moscow State Pedagogical University. 2001. P. 358.
2. Humbly report of count P. A. Shuvalov on the survey results of a dependent territory 27.2.1896 // RSHA. F. 1282. Sh. 3. File 241. Sh. 1-50. (in Russ.)
3. Ibid.
4. Ibid.
5. Humbly report of Prince A. K. Imeretinskiy 12.1.1898 // RSHA. F. 1282. Sh. 3. File 330. Sh. 25-46. (in Russ.)
6. The Warsaw Governor-General K. K. Maksimovich to the business manager of the Committee of Ministers of the E. U. Nolde 22.4.1905 // RSHA. F. 1276. Sh. 1. File 105. Sh. 39-47. (in Russ.)
7. Representation of the Ministry of Internal Affairs to the Committee of Ministers 22.11.1905 // RSHA. F. 1276. Sh. 1. File 105. Sh. 316-324. (in Russ.)
8. Ibid.
9. Note of I. L. Goremykin on the utility of maintaining the General-governement in the Western provinces // SARF. F. 543. Sh. 1. File 470. Sh. 1-18. (in Russ.)
10. Humbly report of the Vilna Governor-General V. N. Trotsky for 1899 // RSHA. F. 1282. Sh. 3. File 355. Sh. 1-10. (in Russ.)
11. Humbly report of Vilna, Kovno and Grodno Governor-General P. D. Svyatopolk-Mirsky for the years 1902-1903 // RSHA. F. 1284. Sh. 190. File 84b. Sh. 1-47. (in Russ.)
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Prince D. Melikov to S.U. Witte 19.12.1905 G. // RSHA. F. 1276. Sh. 1. File 162. Sh. 1-5. (in Russ.)
16. Humbly note by the Leader of the civil part in the Caucasus S. A. Sheremetev // RSHA. F. 1284. Sh. 185. File 1897. Sh. 7-16. (in Russ.)
17. Ibid.
18. Humbly note by the Leader of the civil part in the Caucasus G. S. Golitsyn for 1897-1902, 1.12.1902 // RSHA. F. 1284. Sh. 194. File 1903 year 55. Sh. 42-101. (in Russ.)
19. The Imperial rescript 26.2.1905 in the name of I. I. Vorontsov-Dashkov // RSHA. F. 1276. Sh. 1. File 162. Sh. 9. (in Russ.)

20. The draft of the letter of I. I. Vorontsov-Dashkov to Nicholas II // RSHA. F. 919. Sh. 2. File 1220. Sh. 38-39. (in Russ.)
21. I. I. Vorontsov-Dashkov to V. B. Fredericks. 23.4.1908 // RSHA. F. 472. Sh. 40 (194/2682). File 102. Sh. 1. (in Russ.)
22. Note by I. I. Vorontsov-Dashkov // RSHA. F. 472. Sh. 40(194/2682). File 102. Sh. 5-25. (in Russ.)
23. The draft of the letter I. I. Vorontsov-Dashkov to Nicholas II // RSHA. F. 919. Sh. 2. File 1220. Sh. 48-49. (in Russ.)
24. I. G. Shcheglovitov to V. N. Kokovtsov 10.1.1913 // RSHA. F. 1276. Sh. 8. File 43. Sh.24-25. (in Russ.)
25. RSHA. F. 1284. Sh. 185 File 1909. Sh. 27.
26. Humbly report of I. I. Vorontsov-Dashkov 11.2.1909 // RSHA. F. 919. Sh. 2. File 619. Sh. 7. (in Russ.)
27. I. I. Vorontsov-Dashkov to E. Nolde. 19.4.1909 // RSHA. F. 1276. Sh. 19. File 46. Sh. 155-156. (in Russ.)
28. A. F. Redigar to N. V. Plehve 22.8.1906 Petition for decree of 18 February 1905 // RSHA. F. 1276. Sh. 2. File 36. Sh. 407-410. (in Russ.)
29. Extract from the humble report of the Minister of war about the trip to Turkestan in March – April 1912 // RSHA. F. 1276. Sh. 2. File 36. Sh. 237. (in Russ.)
30. Note on state and social-economic needs of Turkestan // RSHA. F. 1276. Sh. 2. File 36. Sh. 3-21. (in Russ.)
31. Extract from the humble report of the former Governor-General of Turkestan M. S. Dukhovskoy for 1899 // RSHA. F. 1276. Sh. 2. File 36. Sh. 20-21. (in Russ.)
32. Ibid. Sh. 99-125.
33. Ibid.
34. Ibid.
35. Ibid.
36. Magazine of the highestly established Meeting for providing of the basic principles of transformation of management of Turkestan Region. Meeting 2, 6, 7, 8, 10, 13 and 14.5.1911 // RSHA. F. 1276. Sh. 2. File 36. Sh. 145-146. (in Russ.)

УДК 94(4)"1946/1947"

И. Ю. Трушкова, Г. А. Михеева, Е. И. Титова

**Специфика воспроизведения этничности
в диаспорах народов Кавказа на территории Кировской области
в конце XX – начале XXI в. ***

Статья посвящена вопросам оформления и жизнедеятельности национально-культурных сообществ народов Кавказа в пределах территории современной Кировской области. Рассмотрены вопросы истории формирования диаспор, их контакты с этнической Родиной, специфика воспроизведения материальной культуры, религии, обрядов и праздников. Показаны направления общественной активности диаспор.

The article is devoted to the issues of registration and functioning of national and cultural communities of the Caucasian peoples within the territory of the Kirov region in modern period. The questions of the history of the formation of the diaspora, their contacts with the ethnic homeland, the specific of material culture, religion, customs and holidays' reproduction are described. The directions of social activity's in diasporas are shown.

Ключевые слова: этнические культуры, Кавказ, Кировская область, культурная адаптация, особенности воспроизведения традиций, конец XX – начало XXI в.

Keywords: ethnic cultures, the Caucasus, Kirov region, cultural adaptation, especially of traditions' reproduction, the end of XX – beginning of XXI centuries.

На рубеже XX и XXI столетий актуализируется обращение исследователей к вопросам миграции, культурной адаптации переселенцев на новом месте жительства, оформления и функционирования национально-культурных сообществ. В связи с этим интересны опыт и специфика развития данных процессов у этнических сообществ Российского Юга на Российском Севере, в том числе выходцев с территорий республик Кавказа в Кировской области.

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-11-43601 «Этнокультуры Российского Юга на Российском Севере: опыт взаимодействия в кон. XX – нач. XXI в. (на примере Приуралья и Кировской области)». © Трушкова И. Ю., Михеева Г. А., Титова Е. И., 2015

Общеизвестно, что в последнее десятилетие XX в., которое ознаменовалось распадом СССР, этнокультурные процессы во всех его субъектах усложнились. «После распада Союза этнонационализм и лозунг о праве наций на самоопределение выглядят, на первый взгляд, триумфаторами. Бесспорен их вклад в разрушение существовавшего режима, в некоторые стороны демократического обновления. Но, как это часто и бывало в истории, национализм легко предает демократию и оборачивается махровым безобразием. А самое главное – он так же не реализуем, как и коммунистическая идея. После Союза возникло не 15 национальных государств, а многочисленные политические образования, которым предстоит делать исторический выбор, а именно вместо самоопределения этнонаций строить государственные нации, т. е. многоэтничные гражданские сообщества» [1]. На разных территориях бывшего СССР этнокультурная и экономическая ситуации выглядели неодинаково.

«Политическое открытие традиционных культур на протяжении XX в. в России вообще и в кавказских регионах в частности привело к выработке конкретных механизмов преобразования общественных коммуникаций и восприятия происходящего» [2]. В регионах Кавказа, где наряду с промышленно развитыми областями имелись территории с ярко выраженной сельской спецификой, процессы внутренней и внешней миграции перешли на новый уровень. На примере Дагестана выявляются содержание и направления этих процессов в субъекты уже Российской Федерации. Сезонная миграция в рамках республики и в соседние регионы дополняется складыванием диаспор в крупных городах России, в очагах разработки нефти и т. п. [3] В Кировской области после 1950–1960-х гг. определенное число сельских жителей уехало в промышленно развитые Урал, Западную Сибирь, в Ставропольский и Краснодарский края; некоторым удалось обосноваться в столице. Так, в сравниваемых регионах выявляются определенные сходства по саморегулированию демографического баланса на посткрестьянских территориях с их традициями рождаемости и «избыточным» населением.

К началу XX в. в Кировской области стала ощущаться нехватка населения, но в 2000–2010-е гг. стала заметной миграция в ее пределы. Так, на момент переписи 2010 г. проживало 6 национальностей, имеющих численность от 1 до 2 тыс. чел.: это белорусы (1942 чел.), армяне (1825 чел.). За межпереписной период увеличилась доля таких национальностей, как узбеки, таджики и цыгане, и между тем значительно уменьшилась доля марийцев, украинцев и удмуртов [4].

В первые десятилетия XXI в. оформились национально-культурные объединения в Кировской области. Говоря о народах современной России, следует упомянуть складывание дагестанской и чеченской общностей. Сходные процессы наблюдаются в национально-культурных организациях и обществах азербайджанцев и армян. Активность проявляют сообщества узбеков, туркмен, вьетнамцев.

Применительно к Кировской области выделяется два этапа миграционных процессов из южных регионов СССР и РФ. Их особенности воспроизводятся из следующих опросов населения. «Я приехал сюда в советское время, еще в 1984 году по распределению после окончания Ленинградского института советской торговли. Здесь работал. Женился. Жена русская. ...Самый первый аксакал у нас здесь – Магомед Омаров, по распределению из Махачкалинского мединститута сюда приехал, в пос. Уни, потом в больнице № 7 г. Кирова, зав. хирургическим отделением, гастроэнтерологом, на пенсии сейчас. Жена? Мужчинам у нас можно жениться на русских, а женщинам – выходить замуж желательно за своих.... Еще один аксакал – Абдусаламов Магомед, в Афанасьевской больнице работал по распределению. Еще – Магомедов Муса, тоже мединститут в Махачкале окончил, по распределению в Кировскую область попал.

С 1993 года началась новая волна перемещений. Наши стали ездить сюда продавать товар. Привезут, оставят на реализацию... Вот их “вятское болото и засосало” ... Кто стал здесь жить, женился. Вот и осели...» [5] Или: «Самый ранний переселенец сюда из азербайджанской диаспоры – Кудратов Вагив – из сельхозакадемии. Он был здесь солдатом, служил в армии, после службы остался в КГСХА учиться, потом там остался преподавать. Еще один аксакал – Меджитов Ремиз. С девятнадцати лет здесь, начальником троллейбусного парка был, теперь на пенсии... Мой отец родился в Армении, мама – в Азербайджане. Дашкесянский район, в 1987 году начались беспорядки, в 1988 году пришлось бежать в Гянджу (Кировобад). В 1991 году дядя здесь учился, отец к нему переехал, семью перевез. Здесь уже были друзья-азербайджанцы, служили, работали. Занятия их: полиция, охрана, стройка, торговали некоторые. Азербайджанские помидоры, известные губинские яблоки... В 1950-е годы уже здесь жили азербайджанцы...» [6] Говоря о формировании узбекской диаспоры, следует отметить, что в советский период в Кировском государственном педагогическом институте учились студенты из Узбекистана, но достаточно четко данная общность оформилась в 2000-е гг., в том числе из переселенцев из Ферганской долины после известных политических конфликтов [7].

Направления и степень воспроизведения этнических традиций на новом месте жительства определенные. Как правило, больше сохраняются явления, связанные с духовностью и лишь частично – с материальной жизнью. Основой служат воспоминания и контакты со своей этнической родиной. «По делам или к родне один-два-три раза в год в Дагестан ездим...» [8] Достаточно четко передается история и сведения о культуре: «...38 национальностей в Дагестане, а при СССР было восемь. Аварцы, 18 районов аварцев, они теперь отдельно считаются, у каждого свой язык. У чеченцев тоже разные языки. Лезгины живут на юге Дагестана, кумыки – в равнинной части, аварцы – в горах. Есть еще табасараны, ногайцы, лаки, даргинцы, таты – горные евреи, в Махачкале и Дербенте» [9]. Или: «...История у Азербайджана интересная. В 1918 году он стал независимым на 11 месяцев. Демократическая республика. Цивилизованно старались жить. Потом уже – 20 января 1989 года. Большинство в Азербайджане тюрко-язычное население. В СССР азербайджанцы были разбросаны везде. Раз в Азербайджане есть нефть и уголь, то они и в других республиках работали в Сибири, где есть нефть, или на Украине (уголь). Ферман Салманов открыл тюменскую нефть. Багит Аликерев – тоже наш земляк...» [10]

Основополагающим компонентом в духовности является религия, в том числе и в среде молодежи. Молодые люди обнаруживают разницу в традициях, среди прочих есть и такое мнение: «Теперь если у нас родители воспитывают детей в исламе, то не дают выбора, а у вас выбирают, поэтому не выбирают христианскую жизнь. И личного примера родителей нет. А у нас теперь родители с детства рассказывают, какой хороший ислам, и своей жизнью показывают пример...» [11]

Смешение традиций и инноваций наблюдается и в проведении свадеб, для проведения некоторых из них уезжают на родину, в том числе – и в Дагестан. «Свадьбы раньше по два дня были. А в наши дни – банкеты. Жених до свадьбы невесты еще не видел, без алкоголя свадьбы... Вообще у нас у свадьбы пять этапов: 1) сватовство: родители его в день... 2) помолвка – кольцо дарит, 3) венчание – муж и жена по телефону, не видят... 4) приданое привозят, сейчас 200 тыс. рублей дают, и девушка с родными сама покупает все, что надо» [12]. Почитаются и календарные праздники: «В Рамадан стол накрывают, и подарки готовят, особенно детям. Дети даже с пакетами гуляют, от дома к дому, “Сникерсов” потом на целый год хватает. Есть еще праздник большой – “Курбан байрам”, тоже столы накрывают... С советского времени день рождения отмечают, Новый год, все по-русски отмечают. Весной есть праздник. Называется “коней гонят”, борьба во время него есть. Еще весной ходят на поля, и картошку варим там, на полях» [13].

В бытовой сфере этнически маркированные элементы обнаруживаются в интерьере дома. «В доме у нас обычно кое-что из национального сохраняется. У меня, например, на стене сабли висят, ковры. Раньше, помню, в детстве использовали такие большие кувшины с веревкой, женщины в них носили воду из родников. Кубачинские мастера делали разные вещи по дереву и металлу... Ковры ткали лезгинцы и табасараны... У меня духи старинные есть, еще запах остался, арабские, в домашних условиях раньше их делали» [14]. Элементы традиционной одежды или полностью национальный костюм воспроизводятся в качестве «новоделов»: «Одежду свою теперь используем для праздников. Появились магазины исламской одежды. В горских районах еще есть своя одежда, в ДК ансамбли есть, но это – в горах... По одеянию у нас в Дагестане сейчас три группы девушек: 1) “модницы”, “кавказские бамбины” – ходят в коротких юбках, лосинах, к ним очень плохое отношение со стороны религии, 2) те, кто ходят в платке, в юбках до колен, к ним среднее отношение, нормальное и 3) в хиджабе, это в Хасавьюрте больше, есть еще соблюдающие никак, только глаза открыты, их примерно 5%, иногда люди думают, что они террористки, смертницы...» [15] Так, традиционное частично сохраняется в одежде, в основном как праздничное, но оно начинает переплетаться с религиозным восприятием образа жизни и одежды, что отмечается и в закономерности: «У нас сейчас предки, старшие поколения ставят традиции на первое место, а некоторая молодежь – религию».

Определенные традиции сохраняются и в пище. «Пища у нас острая. Хинкал делают у лезгинцев, кумыков, аварцев, чеченцев. Это хлеб такой в мясном густом бульоне и с чесноком, еще есть из кукурузной муки, крупы... Творог, крапива используются... Дагестанцы еще сушат мясо, колбасы, не было ведь холодильников раньше. Режут скот, солят мясо и под марлей сушат на солнце. Суп из фасоли и кукурузы есть» [15]. Не только знания о традиционной культуре, но частично сама культура воспроизводится в наши дни как на этнической Родине, которую периодически посещают переселенцы, так и на новом месте жительства.

Духовные контакты поддерживаются через социальные сети («Фейсбук». «Одноклассники»), периодическую печать. Так, например, в одной из газет, издаваемых в Дагестане, имеются такие статьи: «Рамазан Абдулатипов: “Нас много разных, но Дагестан на всех один”», «С днем Победы!», «Новости из Казахстана, Ростовской области», «В Хабаровске горожане принимают ис-

лам», «Татары – герои СССР», «Роль мусульманских общин в Победе: мнение “за” и мнение “против”, «Конкурс: “Дети в намазе”, “Раскраска”» [16]. Этноконфессиональная направленность издания – налицо. В такой ситуации важно поддерживать стабильную ситуацию во всех сферах общественной жизни, что является одной из прерогатив региональных властей [17]. Деятельность властей соотносится с общественной активностью.

Разные компоненты национальной культуры обнаруживают ресурсы для воспроизведения благодаря организации культурных мероприятий в рамках национально-культурных объединений. В городе Кирове центром такой активности является библиотека завода «Маяк». Этнические традиции воспроизводятся больше в тех сферах жизни, которые связаны не только с духовностью, но и с внутрисемейной или родственной коммуникацией. Примеры позволяют реконструировать современные черты жизни этнокультур. «Попробовали гости праздника и традиционный азербайджанский плов. Елена Рыкова, директор библиотеки № 3 “Маяк”, где и базируется Центр национальных культур, рассказала о том, что праздник национальной кухни они проводят уже третий год и с каждым годом на нем присутствует все больше представителей разных национальностей» [18].

Специфика межкультурной коммуникации просматривается и из следующей информации. «Кировский благотворительный фонд “Азербайджан” три года успешно работает в области. Живем в многонациональной стране, нас окружают десятки разных народностей, а мы с трудом можем перечислить хотя бы пять из них. То и дело со страниц газет нам сообщают о конфликтах на национальной почве. Почему такое разделение вообще существует? Откуда оно появилось? И как сделать так, чтобы наши дети выросли не просто терпимыми к другим национальностям, но и отучились замечать ту самую разницу, на которую нам то и дело указывают... Особое внимание организаторов Фонда привлекают дети, у которых один из родителей имеет кавказские корни. Как правило, в таких семьях мало внимания уделяется культуре и истории того места, откуда они родом. Эта проблема бросается в глаза, и над ней решили работать учредители Фонда “Азербайджан”... Правительство области реализует совместные проекты. Например, традиционно каждый год с департаментом культуры и спорта Фонд проводит соревнования за Кубок дружбы народов» [19]. Общие мероприятия объединяют: «Вот уже третий год на базе библиотеки №3 “Маяк” работает Центр национальных культур – единственная в области площадка, которая объединяет сразу несколько национальных общественных организаций. Фестивали и веселые народные праздники, школы по изучению родного языка и культуры, клуб национального кино, уникальный фонд книг на национальных языках – все это проект “Со-граждане”, который успешно реализуется Центром при поддержке управления культуры администрации города Кирова» [20]. Общественная активность национально-культурных объединений в Кировской области выявляет общие и различные черты по сравнению с другими регионами.

В целом специфика воспроизведения этничности в диаспорах народов Кавказа на территории Кировской области в конце XX – начале XXI в. обуславливается соотношением хода этнических процессов на Родине и новом месте жительства, степенью сохранения традиционности в быту и духовной сфере, воспроизведению родственной коммуникации и т. п. Этномониторинг рассматриваемых явлений представляется весьма целесообразным для сфер образования, культуры, управления, социальной работы в Кировской области.

Примечания

1. Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М: Наука, 2001. С. 35–36.
2. Трушкова И. Ю. Национальные меньшинства в Приуралье в XIX – начале XX в.: вопросы истории и культурной адаптации. Киров: «Аверс», 2014. С. 343.
3. Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI в.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. С. 165–168.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Кировской области. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Киров: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области, 2013. С. 5.
5. ВЭАА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
6. Там же. Д. 2. Л. 1–2.
7. Там же. Д. 3. Л. 1.
8. Там же. Д. 1. Л. 2.
9. Там же. Л. 3.
10. Там же. Д. 2. Л. 2.
11. Там же. Д. 1. Л. 3.
12. Там же.

13. Там же.
14. Там же. Л. 4.
16. Там же.
17. АС САЛАМ. Духовно-просветительская газета. 2015. 1 мая. С. 1, 2, 3, 5, 7, 9, 12.
18. Трушкова И. Ю. Кировская область // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Приволжского федерального округа: экспертный доклад за третий квартал 2014 г. / под общ. ред. В. А. Тишкова. М.; Ижевск; Оренбург, 2014. С. 23.
19. Рыкова Е. Все такое вкусенькое! Праздник национальных блюд // Наш город. 2012. № 22 (358). С. 9.
20. Савина Кира. Главное – чтобы дети учились, понимали историю // Комсомольская правда. 2013. № 35. С. 12.
21. Наш город. 2012. №104(440). С. 6–7.

Notes

1. Tishkov V. A. *Jetnologija i politika. Nauchnaja publicistika* [Ethnology and politics. Scientific journalism]. М. Nauka. 2001. Pp. 35-36.
2. Trushkova I. Yu. *Nacional'nye men'shinstva v Priural'e v XIX – nachale XX v.: voprosy istorii i kul'turnoj adaptacii* [National minorities in the Urals in the XIX – early XX century: problems of history and cultural adaptation]. Kirov. «Avers». 2014. P. 343.
3. Karpov Y. Y., Kapustina E. L. *Gorcy posle gor. Migracionnyye processy v Dagestane v XX – nachale XXI v.: ih social'nye i jetnokul'turnye posledstviya i perspektivy* [Hillmen after the mountains. Migration processes in Dagestan in the XX – beginning of XXI century: their social and ethno-cultural consequences and prospects]. SPb. The Petersburg Oriental studies. 2011. Pp. 165-168.
4. The results of the all-Russia population census of 2010 in the Kirov region. Vol. 4: Ethnic composition and language skills, citizenship. Kirov. Territorial body of Federal state statistics service of the Kirov region, 2013. P. 5. (in Russ.)
5. АЕАА. F. 4. Sh. 1. File 1. Sh. 1.
6. Ibid. File 2. Sh. 1-2.
7. Ibid. File 3. Sh. 1.
8. Ibid. File 1. Sh. 2.
9. Ibid. Sh. 3.
10. Ibid. File 2. Sh. 2.
11. Ibid. File. 1. Sh. 3.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid. Sh. 4.
16. Ibid.
17. АС САЛААМ. Spiritual and educational newspaper. 2015. May 1. Pp. 1, 2, 3, 5, 7, 9, 12.
18. Trushkova I. Y. *Kirovskaja oblast'* [Kirov region] // *Mezhjetnicheskie otnoshenija i religioznaja situacija v subektah Privolzhskogo federal'nogo okruga: jekspertnyj doklad za tretij kvartal 2014 g.* – Inter-ethnic relations and religious situation in the regions of the Volga Federal district: an expert report for the third quarter of 2014 / under the general editorship of V. A. Tishkov. М.; Izhevsk, Orenburg. 2014. P. 23.
19. Rykova E. *Vse takoe vkusnen'koe! Prazdnik nacional'nyh bljud* [Everything is so delicious!! Festival of national dishes] // *Nash gorod* – Our city. 2012, No. 22 (358), p. 9.
20. Savina Kira. *Glavnoe – chtoby deti uchilis', ponimali istoriju* [Make sure the children learn and understand the history] // *Komsomol'skaja pravda* – Komsomol truth. 2013, No. 35, p. 12.
21. Our city. 2012, No. 104(440), pp. 6-7.

УДК 94(4)“1947/1952”

А. А. Калинин

Соперничество США и СССР в ООН в период холодной войны: дискуссии по греческому вопросу в 1947–1951 гг.*

В статье рассматривается обсуждение греческого вопроса в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций в 1947–1951 гг., а также деятельность Специального комитета ООН по Балканам (UNSCOB). Автор изучил позиции Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании в ООН по греческому вопросу. Дипломатическое противостояние СССР и США по греческому вопросу стало одним из

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01303.
© Калинин А. А., 2015

симптомов зарождения холодной войны. В статье показано, что США в этот период превратили ООН в инструмент политики сдерживания коммунизма. Источниковую базу статьи составили официальные публикации документов Организации Объединённых Наций, дипломатические документы США и СССР. Используются материалы Архива внешней политики РФ и Российского государственного архива социально-политической истории. Огромный массив ценной для историка информации имеется на официальном сайте ООН (<http://www.un.org/>).

The article deals with discussion on the Greek question at the General Assembly of the United Nations in 1947–1951, as well as activities of the United Nations Special Committee on the Balkans (UNSCOB). The author examines the positions of the Soviet Union, the United States and Great Britain on the Greek question at the UN. Diplomatic confrontation between the USSR and the USA on the Greek question has become one of the symptoms of the origins of the Cold War. The article shows that the USA in this period turned the UN to a policy tool of the containment of communism. Sources base of this article amounted to official publication of the United Nations documents, diplomatic documents of the USA and the USSR. Materials from the Foreign Policy Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Socio-Political History are used. A huge array of valuable information for the historian is available on the official website of the United Nations (<http://www.un.org/>).

Ключевые слова: Организация Объединённых Наций, Генеральная Ассамблея, Специальный комитет ООН по Балканам, гражданская война в Греции, холодная война, СССР, внешняя политика США.

Keywords: United Nations, General Assembly, United Nations Special Committee on the Balkans, Greek Civil War, Cold War, USSR, U. S. foreign policy.

Направленность эволюции современной системы международных отношений свидетельствует о возрастании роли многосторонних институтов в урегулировании конфликтов и обеспечении безопасности на глобальном и региональном уровнях. Серьезным испытанием для многосторонних институтов стала холодная война. Две сверхдержавы – Соединенные Штаты и Советский Союз – заручались поддержкой своих союзников и на площадках многосторонней дипломатии противостояли два блока – американский и советский. Одним из первых проявлений биполярного характера международных отношений стало обсуждение греческого вопроса в Организации Объединенных Наций в 1946–1951 гг.

Международный кризис вокруг Греции 1940-х гг. сыграл особую роль в зарождении холодной войны и стал непосредственным поводом для формулирования доктрины сдерживания коммунизма. Участие ООН в разрешении греческого кризиса явилось своего рода «боевым крещением» этой международной организации. Очередная трансформация отношений Москвы и Запада – переход к открыто конкурентной модели отношений на фоне украинского кризиса 2014–2015 гг. – актуализирует обращение к избранной теме. Сравнение характера обсуждения в органах ООН украинского вопроса и греческого кризиса почти 70 лет назад обнаруживает очевидные черты сходства.

Процесс обсуждения греческого вопроса в ООН разбирается в работах Г. Говарда, А. Начмани и других историков [1]. Среди работ отечественных авторов особо следует выделить монографию И. В. Гайдука и статью Ю. В. Запарий [2]. Большое значение имеет знакомство с трудами по истории ООН [3], а также исследованиями роли СССР и США в ее деятельности [4].

20 августа 1947 г. представитель США попросил Генерального секретаря ООН Трюгве Ли включить вопрос об «угрозе политической независимости и территориальной целостности Греции» в повестку дня 2-й Генеральной Ассамблеи. Последняя большинством голосов внесла этот вопрос в повестку дня и направила для рассмотрения в Первый комитет [5].

Вторая сессия Генассамблеи оказалась для СССР более сложной, чем первая. США отказались от поиска взаимоприемлемых компромиссов с Москвой и решили опереться на проамериканское большинство при принятии спорных резолюций. По греческому вопросу Советский Союз и страны народной демократии оказались в изоляции. Этот вопрос обсуждался в Первом комитете и на пленарных заседаниях Генассамблеи [6]. 17 сентября госсекретарь США Дж. Маршалл заявил, что если ООН не защитит целостность Греции, то и другие малые государства не смогут чувствовать себя в безопасности [7]. Советскую позицию по греческому вопросу в тот период можно свести к нескольким положениям. Во-первых, советские делегаты (а также представители Польши, Чехословакии и Югославии) отрицали факты помощи повстанцам со стороны северных соседей Греции. Во-вторых, они обвиняли греческое правительство в реакционной внутренней политике и агрессивных намерениях (советский представитель А. А. Громыко заявлял, что в Греции «фашистское охвостье» вынашивает планы войны против Югославии, Болгарии и Албании). В-третьих, советские дипломаты пытались доказать, что если британские войска и американские специалисты будут выведены из Греции и прекратится поступление американской помощи, то

внутренние трудности страны разрешатся сами собой. Если раньше острие советской критики было направлено против англичан, теперь же все большая ответственность за «беспорядок» в Греции возлагалась на США, которые обвинялись в «экспансионистской политике» [8].

Дебаты в Первом комитете продолжались в течение почти трех недель (с 25 сентября по 13 октября). Резолюция о создании Специального комитета по Балканам была принята Первым комитетом на 72-й встрече 11 октября 36 голосами «за» при 6 «против» (БССР, УССР, СССР, Польша, Чехословакия, Югославия) и 10 воздержавшихся. Советский проект резолюции 13 октября был отклонен подавляющим большинством голосов («за» – 6, «против» – 40, воздержались 11) [9].

21 октября Генассамблея на 100-м заседании 40 голосами «за» при 6 «против» и 11 воздержавшихся приняла резолюцию 109 (II) «Угроза политической независимости и территориальной целостности Греции», которая предусматривала создание Специального комитета ООН по Балканам (UNSCOB) в составе представителей Австралии, Бразилии, Китая, Франции, Мексики, Нидерландов, Пакистана, Великобритании и США с главным местопребыванием в Салониках. СССР и Польша отказались в нем участвовать, однако за ними в Комитете были закреплены места. Специальный комитет по сравнению с Комиссией по расследованию пограничных инцидентов в Греции был наделен более широкими функциями: правом выступать в качестве посредника, предоставлять добрые услуги, делать запросы, давать рекомендации, проводить расследование на месте. Резолюция ссылалась на доклад Комиссии по расследованию, которая пришла к выводу, что Албания, Болгария и Югославия оказывают содействие и поддержку греческим партизанам. Комитет должен был наблюдать за выполнением рекомендаций ООН четырем правительствам о необходимости установления дипломатических и нормальных добрососедских отношений, заключения конвенций о границах, сотрудничестве в разрешении проблем беженцев, а также заключения соглашений о добровольном обмене жителями, принадлежащими к национальным меньшинствам [10].

Создание UNSCOB было симптомом перехода американцев к политике прямого давления на балканские страны народной демократии. Теперь позиция Вашингтона заключалась в том, что в греческом кризисе виноваты Югославия, Албания и Болгария, от которых требовали немедленно прекратить любые формы «поддержки партизан, борющихся против греческого правительства». Как подметили советские дипломаты, предложения американцев по греческому вопросу «сводились, по сути, к иностранному вмешательству во внутренние дела Югославии, Болгарии и Албании и установлению за ними международного контроля» [11].

Для США трибуна ООН стала важным инструментом борьбы за Грецию, позволяющим проводить мобилизацию мирового общественного мнения с целью поддержки официальных Афин. Решения Генеральной Ассамблеи демонстрировали широкую поддержку американской политики в Греции и позволяли отвести обвинения, что одностороннее провозглашение доктрины Трумэна подрывает ООН. Специальный комитет по Балканам был в первую очередь американским проектом и отражал представления Вашингтона о допустимом участии мирового сообщества в греческих делах.

Члены Балканского комитета прибыли в Грецию в ноябре 1947 г. Комитет образовал три подкомиссии: наблюдения, по политическим вопросам, по проблемам беженцев и национальных меньшинств. Предполагалось создать группы наблюдения по обе стороны границ [12]. Однако северные соседи Греции отказались сотрудничать с новым комитетом ООН. 27 ноября Албания официально заявила, что считает Комитет незаконным и не разрешит въезд групп наблюдения на собственную территорию [13]. Болгарский лидер Г. М. Димитров в своей речи 31 декабря заявил, что София не допустит комиссию ООН на свою территорию [14]. Отказалось сотрудничать и командование греческих партизан.

В январе 1948 г. северные границы Греции были поделены на шесть наблюдательных зон, в пределах которых были созданы семь постоянных баз для наблюдателей (в городах Янине, Кастории, Салониках, Кавале, Флорине, Александруполисе и Козани) [15].

Госдепартамент рассматривал UNSCOB как «потенциально самый эффективный инструмент защиты территориальной целостности Греции» [16]. В условиях холодной войны Вашингтон стремился подчинить UNSCOB целям американской политики. Комитет призван был затруднить помощь партизанам через северные границы Греции и в конечном итоге побудить социалистические страны изменить их политику. Госдепартамент ожидал от него сбора исчерпывающих доказательств о вмешательстве Албании, Болгарии и Югославии в дела Греции [17]. Доклады Специального комитета создавали правовую и политическую основу для дальнейшего вмешательства Вашингтона в греческий кризис. Присутствие наблюдателей также призвано было удерживать коммунистические балканские государства от увеличения помощи Демократической

армии Греции. Предание гласности нарушений суверенитета Греции обеспечивали американские и британские СМИ.

Советник посольства США в Греции К. Ранкин в августе 1948 г. откровенно писал, что UNSCOB должен отбросить «беспристрастность» и понять свою цель «спасения Греции». Некоммунистический мир должен осознать, что Греция «находится на “нашей стороне”, или... что мы находимся на “ее стороне”» [18].

Англичане были негативно настроены в отношении Специального комитета. С одной стороны, Лондон опасался огласки британских «колониальных» методов наведения порядка в Греции. С другой – считал деятельность Комитета совершенно неэффективной с точки зрения сдерживания северных соседей Греции. Никакое наблюдение, не подкрепленное угрозой применения силы, по его мнению, не способно было повлиять на политику коммунистов и могло лишь породить насмешки над ООН. Британские дипломаты не теряли надежды, что провал UNSCOB подтолкнет Вашингтон к более решительным действиям, в частности к вводу американских войск. Только последнее явилось бы эффективным средством закончить гражданскую войну в Греции и послужило мощным сигналом Москве. Полумеры лишь подталкивали коммунистические государства к увеличению помощи «мятежникам» [19].

СССР считал UNSCOB незаконным органом, созданным под давлением американцев «простым механическим большинством» Генеральной Ассамблеи в нарушение принципа единодушия великих держав и вопреки положению устава ООН о невмешательстве во внутренние дела суверенных государств. Деятельность Специального комитета, который собрал массу доказательств помощи греческим партизанам со стороны Югославии, Албании и Болгарии, вызывала резкое недовольство Москвы. В советском посольстве в Греции отмечали, что этот орган является «послушным орудием англо-американской политики» и стремится «поддержать и удостоверить клеветнические измышления греческих правящих кругов против соседних стран» [20]. В то же время Москва стремилась избегать провокаций в отношении Комитета. СССР давал указания не допускать нападений на членов UNSCOB, хотя греческие партизаны выступали с угрозами похитить иностранных наблюдателей [21].

Советская пресса развернула кампанию по дискредитации Специального комитета. Членов этого «марионеточного» комитета называли «агентами поджигателей новой войны», которые используют «недостойные методы фабрикация фальшивок в пользу фашистов» и пытаются «выдумывать новые провокации против соседних демократических стран» [22]. 17 февраля 1948 г. «Правда» опубликовала фельетон «Три мушкетера в Греции» – рассказ с уничтожающей сатирой о трех наблюдателях Специального комитета (британце, мексиканце и американце), отсылающий к греческой истории и роману А. Дюма. В фельетоне международные наблюдатели приятно проводят время в Салониках, а добравшись наконец до греко-албанской границы, бросились бежать на марафонскую дистанцию, только слышав свист пуль. С тех пор они «наблюдают» греческие границы с почтительного расстояния [23].

Обсуждение греческого вопроса продолжилось на 3-й сессии Генеральной Ассамблеи в октябре – ноябре 1948 г. В своих докладах UNSCOB заключил, что северные соседи Греции продолжают поддержку партизан, тем самым подрывая мир на Балканах [24]. Советская делегация во главе с А. Я. Вышинским придерживалась прежней «разоблачительной» тактики и настаивала на отзыве всех иностранных войск из Греции, а также прекращении деятельности Специального комитета по Балканам [25]. Вышинский заявил, что члены UNSCOB превратились из наблюдателей в «следователей», которым даны указания возложить всю вину за греческие проблемы на Албанию, Болгарию и Югославию. При этом Комитет допустил в процессе расследования «грубые ошибки и извращения, лишаящие эту работу всякой ценности» [26]. Цель обвинений северных соседей Греции заключалась, по заявлению Вышинского, в том, чтобы «прикрыть англо-американское вмешательство в греческие дела» [27]. Советскую позицию активно поддерживал югославский представитель, который отмечал, что Специальный комитет ООН де-факто участвует в гражданской войне в Греции на стороне реакционных сил, занимаясь тем же, что и военные миссии США и Великобритании [28]. Делегации стран народной демократии настаивали, что северные соседи Греции, руководствуясь соображениями гуманности, лишь оказывают помощь греческим беженцам [29].

В части «А» резолюции 193 (III) от 27 ноября, принятой на 167-м заседании 47 голосами «за» против 6, 3-я сессия Генеральной Ассамблеи констатировала, что партизаны продолжают получать помощь «в больших размерах» от северных соседей Греции «с ведома правительств этих стран». Они также имели возможность свободно переходить границы Албании, Югославии и Болгарии, а затем возвращаться на территорию Греции. В резолюции был сделан вывод, что такие действия соседей Греции «угрожают миру на Балканах и не соответствуют целям и принци-

пам Устава ООН». Три балканские страны должны были немедленно прекратить оказание всякой помощи и поддержки в любой форме партизанам, а также сотрудничать со Специальным комитетом. Новым элементом резолюции стала рекомендация всем другим государствам воздерживаться от оказания любой помощи греческим партизанам. В тот же день единогласно 53 голосами была принята часть «В» резолюции 193 (III), составленная на основе второстепенных советских предложений (о необходимости установления дипломатических отношений Греции с ее северными соседями, заключения пограничных конвенций, урегулирования вопроса о беженцах) [30]. Главные предложения Москвы отвергли большинство членов ООН: за советский проект резолюции было подано 6 голосов, против – 47, воздержавшихся не было [31]. Советские дипломаты восприняли эти решения как демонстрацию намерений англо-американского блока превратить Грецию «в свою военно-стратегическую базу на Балканах» [32]. В целом, несмотря на одобрение ряда второстепенных предложений, изоляция СССР на 3-й Генассамблее усилилась: если в прошлом году примерно 10 делегаций воздерживались при голосовании по греческому вопросу, то теперь все не советские страны голосовали в соответствии с американскими предложениями.

В то же время многие делегации в ООН были озабочены тем, что UNSCOB сосредоточился в своей работе на поиске виновных в ситуации на северных границах Греции вместо того, чтобы заняться примирением конфликтующих сторон. Австралийская делегация выступила с инициативой организовать встречи представителей заинтересованных государств, чтобы вместе с Генеральным секретарем ООН и председателем Генеральной Ассамблеи попытаться найти политическое урегулирование конфликта. Решение о создании Комитета по примирению под председательством представителя Австралии в ООН Г. Эватта (председателя Генассамблеи в 1948–1949 гг.) было принято Первым комитетом 10 ноября. Встречи греческих, албанских, болгарских и югославских дипломатов с участием Эватта проходили в Париже в ноябре – декабре 1948 г. и в Нью-Йорке в апреле – мае 1949 г. Однако достигнуть соглашения не удалось. Афины вновь заявляли о многочисленных нарушениях границ. Северные соседи Греции, в свою очередь, предложили ей отказаться от территориальных требований и признать существующую границу с Албанией [33].

Четвертая сессия Генеральной Ассамблеи открылась уже после разгрома партизан. Специальный комитет по Балканам в своем дополнительном докладе от 19 сентября 1949 г. констатировал, что вооруженные силы Греции в августе положили конец организованному сопротивлению партизан вдоль северной границы страны, при этом значительная часть партизан укрылась на территории северных соседей Греции, особенно Албании [34]. Советская делегация в соответствии с директивами Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 сентября отстаивала собственную программу урегулирования греческого вопроса, которая предусматривала роспуск Специального комитета ООН по Балканам, прекращение военной помощи Афинам со стороны иностранных государств и установление конкретных сроков вывода из Греции всех иностранных войск [35]. Министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский полностью отрицал факты помощи греческим партизанам со стороны Албании и Болгарии. Он утверждал, что оружие в Грецию завозилось из Италии, Франции и Турции [36]. В Первом комитете советская программа урегулирования была отклонена подавляющим большинством голосов. Советские делегаты также настойчиво пытались поставить вопрос о смертных казнях и терроре в Греции, но все их инициативы были отвергнуты [37]. Американский представитель Б. Коэн вновь возложил ответственность за напряженную ситуацию в Греции на государства Коминформа, которые поддерживают в стране «пятую колонну», лояльную не народу Греции, а мировому коммунизму [38]. Итогом обсуждения греческого вопроса стало принятие резолюции от 27 ноября 1949 г., составленной на основе американских предложений. В ней Албания называлась «главным источником материальной поддержки» партизанского движения в Греции. В случае перехода партизанами границы Греции предполагалось созвать специальную сессию Генеральной Ассамблеи «с целью рассмотрения дальнейших шагов, необходимых для устранения угрозы миру». Резолюция призывала Албанию, Болгарию и другие государства немедленно прекратить какую-либо помощь партизанам, включая и возможность использовать их территорию как базу для подготовки и открытия боевых действий [39]. Албания, Болгария и Югославия со своей стороны заявили, что греческие партизаны, которые вступили на их территории, были разоружены и интернированы.

Окончание греческой гражданской войны поставило под вопрос необходимость дальнейшей работы «бездействующего» UNSCOB. В американских дипломатических кругах не было единого мнения относительно судьбы Специального комитета. С одной стороны, присутствие наблюдателей было сдерживающим фактором на случай возобновления партизанской борьбы в условиях роста «советской агрессивности». По данным американской разведки, Болгария и в начале 1950 г. разрешала небольшим партизанским группам пересекать греко-болгарскую границу.

С другой стороны, при необходимости работа Комитета могла быть возобновлена. В итоге к маю Госдепартамент пришел к выводу о необходимости роспуска UNSCOB по решению ближайшей Генассамблеи [40]. Начало Корейской войны изменило планы американцев. Удаление международных наблюдателей из Греции могло послужить сигналом начала новых попыток расширить советское влияние на Балканах. Госсекретарь Д. Ачесон теперь считал преждевременной ликвидацию UNSCOB [41].

Советское давление на Грецию продолжалось и после разгрома партизан. В утвержденных 26 июля 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) директивах делегации СССР на 5-й сессии Генассамблеи выдвигалась следующая программа нормализации положения в Греции: «прекращение свирепствующего террора со стороны монархо-фашистского правительства»; объявление всеобщей амнистии и ликвидация концентрационных лагерей для греческих демократов; проведение всеобщих свободных парламентских выборов на основе пропорционального представительства; прекращение военного и политического вмешательства в дела Греции со стороны США и Англии; установление дипломатических отношений между Грецией и ее северными соседями; роспуск Специального комитета ООН по Балканам [42]. Советская программа «урегулирования» в Греции была отклонена.

В течение 1950–1951 гг. количество инцидентов на северных границах Греции неуклонно уменьшалось. Однако в очередной резолюции № 382 от 1 декабря 1950 г. Генассамблея пришла к выводу о сохранении угрозы с севера (со стороны Болгарии и Албании) и продлила деятельность Специального комитета до своей шестой сессии [43].

По итогам наблюдения за ситуацией с 1 августа 1950 по 1 августа 1951 гг. Специальный комитет пришел к заключению, что Албания и Болгария по-прежнему являются угрозой для Греции и нарушают рекомендации Генеральной Ассамблеи. Также Комитет имел свидетельства, что небольшие группы партизан обучаются в специальных школах в Польше, Чехословакии и Венгрии, а затем тайно могут перебрасываться в Грецию с целью насильственного свержения греческого правительства [44]. Госдепартамент теперь считал продолжение работы громоздкой и дорогой UNSCOB нецелесообразным и предложил заменить ее более компактной и эффективной подкомиссией [45]. 7 декабря 1951 г. Генассамблея приняла решение распустить Специальный комитет. Взамен была учреждена Балканская подкомиссия как часть Комиссии ООН по поддержанию мира, которая получила право командировать наблюдателей в любой район напряженности на Балканах. Предполагалось небольшое число наблюдателей – 10–15 человек [46]. Подкомиссия направила наблюдателей в пограничные области Греции, которые характеризовали ситуацию на границе как в целом спокойную [47]. Балканская подкомиссия проработала до 1954 г.

Только смена руководства СССР весной 1953 г. привела к «потеплению» советско-греческих отношений, что сказалось и на отношениях Афин со странами народной демократии. Обсуждение греческого вопроса в ООН потеряло актуальность.

Таким образом, уже в самом начале холодной войны ООН стала ареной дипломатического противостояния двух сверхдержав. Отношение к греческому вопросу можно считать одной из «лакмусовых бумажек» состояния советско-американских отношений, которые к 1948 г. дошли до почти полного замораживания. С 1947 г. США нацелились на превращение ООН в инструмент проведения политики сдерживания коммунизма. Концепция коллективной безопасности все больше подменялась односторонними действиями Вашингтона, призванными поддерживать дружественные режимы.

Дебаты по греческому вопросу в органах ООН продемонстрировали дипломатическую изоляцию СССР и немногочисленных стран народной демократии. При этом с каждой сессией Генеральной Ассамблеи эта изоляция усиливалась. Если в 1946 г. США еще сохраняли надежду найти компромисс с Москвой, то к осени 1947 г. Вашингтон развернул дипломатическую войну против советского блока в ООН. Американцы обладали устойчивым большинством при обсуждении практически любого значимого вопроса. Вследствие этого во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. Организация Объединенных Наций рассматривалась Москвой скорее как трибуна для озвучивания перед мировым сообществом советской позиции по тому или иному вопросу. СССР предпринимал многочисленные попытки использовать ООН как инструмент мобилизации мирового общественного мнения против «империалистической» политики западных держав. Успехи в этом деле оказались весьма скромными, и у советского руководства крепло отношение к ООН как проамериканской организации, своего рода придатку Госдепартамента США. Можно предположить, что бойкот Совета Безопасности в 1950 г. был в связан в том числе с разочарованием И. В. Сталина в отношении ООН.

В период греческого кризиса ООН не смогла сохранить роль нейтрального посредника и фактически оказалась его участником на стороне США. Специальный комитет по Балканам не

был беспристрастным и действовал в интересах американцев и опекаемых ими официальных Афин. При этом трактовки греческого кризиса, которые озвучивались в ООН американцами и их союзниками, явно искажали его истинный характер. Так, западные державы официально не признавали, что в Греции идет гражданская война, и всю ответственность за напряженную ситуацию возлагали на ее северных соседей, используя ООН для политического давления на коммунистические режимы Албании, Болгарии и Югославии. В то же время ни СССР, ни США не были заинтересованы в том, чтобы кризис в Греции перерос в глобальный конфликт, и потому были не против использования Организации для ограничения его эскалации. Остальные государства-члены ООН имели ограниченные возможности вести самостоятельную политику.

Однако многосторонняя дипломатия в ООН оказалась сложным явлением и не всегда в полной мере вписывалась в логику биполярной конфронтации сверхдержав. Организация являлась площадкой открытой дипломатии, и в ней высказывались альтернативные точки зрения на события в Греции. Так, особую позицию по этому вопросу занимала Франция [48]. Также многие делегации не хотели, чтобы Советский Союз постоянно оказывался в меньшинстве. В связи с этим на 3-й сессии Генеральной Ассамблеи отдельные советские предложения по греческому вопросу получили поддержку большинства.

Примечания

1. *Howard H. N. Greece and its Balkan Neighbors (1948–1949). The United Nations Attempts at Conciliation // Balkan Studies. Vol. 7. 1966. No. 1. Thessaloniki, 1966. P. 1–26; Howard H. N. United States Policy toward Greece in the United Nations, 1946–1950 // Balkan Studies. Vol. 8. 1967. No. 2. P. 263–296; Nachmani A. International Intervention in the Greek Civil War: the United Nations Special Committee on the Balkans, 1947–1952. N. Y.; Westport (Conn.); L., 1990; Coufoudakis V. The United States, the United Nations, and the Greek Question, 1946–1952 // Greece in the 1940s: A Nation in Crisis / ed. by J. O. Iatrides. Hanover; L., 1981. P. 275–297.*

2. *Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН. 1945–1965 гг. М., 2012; Запарий Ю. В. Организация Объединенных Наций и «греческий вопрос» (1946–1950 гг.) // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 6. Сер. Балканика. Вып. 1. Екатеринбург, 2008. С. 118–128.*

3. *Luard E. A History of the United Nations. Vol. 1: The Years of Western Domination, 1945–1955. N.Y., 1982.*

4. *Dallin A. The Soviet Union at the United Nations. An Inquiry into Soviet Motives and Objectives. L., 1962.*

5. *United Nations. Yearbook of the United Nations, 1947–1948. N. Y., 1949. P. 63–64.*

6. ООН. Генеральная Ассамблея. Вторая сессия. Официальные отчеты. Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи. Стенографические отчеты. 16 сентября – 29 ноября 1947 года. Лейк Соксес (Нью-Йорк), 1947. Т. 1. Заседания 80–109. 16 сентября – 13 ноября 1947 г. С. 192–247.

7. *Lebe M. S. Diminished Hopes: The United States and the United Nations during the Truman Years: A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in History. Los Angeles (California), 2012. P. 120–121.*

8. Делегации СССР, УССР и БССР на второй сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций: Сб. речей и выступлений. Сентябрь – ноябрь 1947 г. М., 1948. С. 277–417.

9. ООН. Генеральная Ассамблея. Вторая сессия. Официальные отчеты. Первый комитет: Политические вопросы и вопросы безопасности, включая регулирование вооружений. Краткие отчеты заседаний 16 сентября – 19 ноября 1947 г. Лейк Соксес (Нью-Йорк), 1947. С. 5–70; *Yearbook of the United Nations, 1947–1948. P. 64–72.*

10. Документ A/RES/109 (II). URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m= A/RES/109\(II\);](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m= A/RES/109(II);) Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 47. Оп. 2. П. 6. Д. 24. Л. 8–11; *Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1947. Vol. 5. P. 889; Yearbook of the United Nations, 1947–1948. P. 74–75.*

11. *Советско-американские отношения. 1945–1948. М., 2004. С. 497.*

12. *United Nations. Yearbook of the United Nations, 1947–1948. N. Y., 1949. P. 298–299.*

13. АВП РФ. Ф. 84. Оп. 31-а. П. 32. Д. 2. Л. 7.

14. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 36. П. 142. Д. 8. Л. 1.

15. *Nachmani A. International Intervention in the Greek Civil War: the United Nations Special Committee on the Balkans, 1947–1952. N. Y.; Westport (Conn.); L., 1990. P. 42; Советский Союз в Организации Объединенных наций: в 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 275.*

16. *FRUS. 1948. Vol. 4. P. 238, 241; Nachmani A. Op. cit. P. 101.*

17. *FRUS. 1948. Vol. 4. P. 235–236.*

18. *Nachmani A. Op. cit. P. 103.*

19. *Ibid. P. 104–107, 111–112.*

20. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 37. П. 143. Д. 9. Л. 2–7.

21. *Nachmani A. Op. cit. P. 117.*

22. *Правда. 1948. 15 янв. С. 4; Шмелев Н. Еще о греческом вопросе // Новое время. 1948. № 42. С. 10–12.*

23. *Три мушкетера в Греции // Правда. 1948. 17 февр. С. 3.*

24. *Yearbook of the United Nations, 1947–1948. P. 300–302; FRUS. 1948. Vol. 4. P. 251–252, 268–269.*

25. Директивы советской делегации на 3-й сессии ГА ООН были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б) 17 сентября 1948 г.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее –

РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 39. Л. 118, 121. См. речи А. Я. Вышинского на заседаниях Первого комитета 28 октября и 2 ноября, а также Генеральной Ассамблеи 27 ноября: Вышинский А. Я. Вопросы международного права и международной политики. М., 1951. С. 113–167, 295–318. Справка «Греческий вопрос на 3-й Сессии Генеральной Ассамблеи»: АВП РФ. Ф. 84. Оп. 31-а. П. 32. Д. 2. Л. 41-43. Обсуждение греческого вопроса в Первом комитете (с 25 октября до 11 ноября): ООН. Генеральная Ассамблея. Первая часть третьей сессии. Официальные отчеты. Первый комитет: Политические вопросы и вопросы безопасности, включая регулирование вооружений. Краткие отчеты заседаний с 21 сентября по 8 декабря 1948 г. Лейк Соксес (Нью-Йорк), 1952. С. 126–297.

26. Вышинский А. Я. Цит. соч. С. 113–115, 296–299; *Lebe M. S.* Op. cit. P. 124.

27. Вышинский А. Я. Цит. соч. С. 315.

28. ООН. Генеральная Ассамблея. Первая часть третьей сессии. Официальные отчеты. Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи. Краткие отчеты заседаний 21 сентября – 12 декабря 1948 г. Париж, 1948. С. 291, 294.

29. United Nations. Yearbook of the United Nations, 1948–1949. N. Y., 1950. P. 239.

30. Документ A/RES/193 (III). URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/193\(III\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/193(III)); АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 85. Д. 1166. Л. 32–35; Yearbook of the United Nations, 1948–1949. P. 242–244.

31. Yearbook of the United Nations, 1948–1949. P. 243; ООН. Генеральная Ассамблея. Первая часть третьей сессии. Официальные отчеты. Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи. Краткие отчеты заседаний 21 сентября – 12 декабря 1948 г. С. 314. Предложения делегации СССР по греческому вопросу (опубликованы в советской печати 29 октября 1948 г.) – АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 32б. П. 336. Д. 2. Л. 387–388; Ф. 06. Оп. 10. П. 85. Д. 1166. Л. 14–15.

32. АВП РФ. Ф. 84. Оп. 31-а. П. 32. Д. 2. Л. 43.

33. Yearbook of the United Nations, 1948–1949. P. 240–241, 244–245; *Luard E.* Op. cit. P. 127–128; *Lebe M. S.* Op. cit. P. 125–126; FRUS. 1949. Vol. 6. P. 254, 274–276, 320, 333–335.

34. ООН. Генеральная Ассамблея. Четверная сессия. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Первый комитет по политическим вопросам и вопросам безопасности, включая регулирование вооружений. Приложения к кратким отчетам заседаний. 1949 г. Лейк Соксес (Нью-Йорк), 1950. С. 1–2.

35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 41. Л. 6, 84–85.

36. Вышинский А. Я. Цит. соч. С. 584–610, 689–704.

37. Обсуждение греческого вопроса: ООН. Генеральная Ассамблея. Четверная сессия. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Первый комитет: политические вопросы и вопросы безопасности, включая регулирование вооружений. Краткие отчеты заседаний 20 сентября – 6 декабря 1949 г. Лейк Соксес (Нью-Йорк), 1950. С. 16–221.

38. ООН. Генеральная Ассамблея. Четверная сессия. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи. Краткие отчеты заседаний 20 сентября – 10 декабря 1949 г. Лейк Соксес (Нью-Йорк), 1950. С. 290.

39. Резолюция A/RES/288(IV) от 18 ноября 1949 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/288%28IV%29>.

40. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 339, 373–375; *Lebe M. S.* Op. cit. P. 131.

41. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 379; *Lebe M. S.* Op. cit. P. 132; Oral History Interview with Harry N. Howard. Member, U. S. Delegation, U. N. Security Council Commission for Investigation of Greek Frontier Incidents and U. N. Special Committee on the Balkans, 1947–1951. P. 62–64. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/howardhn.htm>

42. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 44. Л. 63, 68–69.

43. Резолюция A/RES/382 (V) от 1 декабря 1950 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/382%28V%29>; United Nations. Yearbook of the United Nations, 1950. N. Y., 1951. P. 381.

44. United Nations. Yearbook of the United Nations, 1951. N. Y., 1952. P. 326–327.

45. FRUS. 1951. Vol. 5. P. 513–516.

46. Резолюция A/RES/508(VI) от 7 декабря 1951 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/508%28VI%29>; Yearbook of the United Nations, 1951. P. 330; *Lebe M. S.* Op. cit. P. 132–133. Обсуждение греческого вопроса на 6-й сессии Генассамблеи: ООН. Генеральная Ассамблея. Шестая сессия. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Пленарные заседания. Стенографические отчеты заседаний 6 ноября 1951 г. – 5 февраля 1952 г. Париж, 1952. С. 256–263.

47. United Nations. Yearbook of the United Nations, 1952. N.Y., 1953. P. 291; *Luard E.* Op. cit. P. 129.

48. Позиция французской делегации разбирается в статье: Розанцева Н. А. Франция и «греческий вопрос» в ООН (1946–1949 гг.) // Французский ежегодник. 1976. М., 1978. С. 197–206.

Notes

1. Howard H. N. Greece and its Balkan Neighbors (1948-1949). The United Nations Attempts at Conciliation // Balkan Studies. Vol. 7. 1966. No. 1. Thessaloniki, 1966. Pp. 1-26; H. N. Howard United States Policy toward Greece in the United Nations, 1946-1950 // Balkan Studies. Vol. 8. 1967. No. 2. Pp. 263-296; Nachmani A. International Intervention in the Greek Civil War: the United Nations Special Committee on the Balkans, 1947-1952. N. Y.; Westport (Conn.); L., 1990; V. Coufoudakis The United States, the United Nations, and the Greek Question, 1946-1952 // Greece in the 1940s: A Nation in Crisis / ed. by J. O. Iatrides. Hanover; L., 1981. Pp. 275-297.

2. Gaiduk I. V. *V labirintah holodnoj vojny: SSSR i SShA v OON. 1945–1965 gg* [In the labyrinths of the cold war: the USSR and the USA in the UN. 1945-1965] М. 2012; Zaparyu Yu.V. *Organizacija Obedinennyh Nacij i «grecheskij*

vopros» (1946–1950 gg.) [The United Nations and the "Greek question" (1946-1950)] // Imagines mundi: al'manah issledovaniy vseobshhej istorii XVI–XX vv. № 6. Ser. Balkanika. Vyp. 1 – Imagines mundi: journal of research of general history XVI–XX centuries. № 6. Ser. Balkanika. Vol. 1. Ekaterinburg. 2008. Pp. 118-128.

3. Luard E. A History of the United Nations. Vol. 1: The Years of Western Domination, 1945-1955. N. Y., 1982.
4. Dallin A. The Soviet Union at the United Nations. An Inquiry into Soviet Motives and Objectives. L., 1962.
5. United Nations. Yearbook of the United Nations, 1947-1948. N. Y., 1949. Pp. 63-64.
6. UNO. The General Assembly. In the second session. The official reports. Plenary meeting of the General Assembly. Verbatim records. 16 September – 29 November 1947. Lake Success (New York), 1947. Vol. 1. Meetings 80-109. 16 September – 13 November 1947, Pp. 192-247. (in Russ.)
7. Lebe M. S. Diminished Hopes: The United States and the United Nations during the Truman Years: A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in History. Los Angeles (California), 2012. Pp. 120-121.
8. Delegations of the USSR, Ukraine SSR and Belarus SSR at the second session of the General Assembly of the United Nations Organization: Sat. of the speeches and performances. September – November 1947. M. 1948. Pp. 277-417. (in Russ.)
9. UNO. The General Assembly. In the second session. The official report. First, the Committee: Political and security questions including regulation of armaments. Summary records of meetings, September 16 – November 19, 1947, Lake Success (New York), 1947. Pp. 5-70 (in Russ.); Yearbook of the United Nations, 1947-1948. Pp. 64-72.
10. Document A/RES/109 (II). Available at: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/109\(II\);](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/109(II);) Archive of foreign policy of the Russian Federation (AFP RF). F. 47. Sh. 2. Art. 6. File 24. Sh. 8-11; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (hereafter FRUS). 1947. Vol. 5. P. 889; Yearbook of the United Nations, 1947-1948. Pp. 74-75.
11. Soviet-American relations. 1945-1948. M. 2004. P. 497.
12. United Nations. Yearbook of the United Nations, 1947-1948. N. Y., 1949. Pp. 298-299.
13. AFP RF. F. 84. Sh. 31. Art. 32. File 2. Sh. 7.
14. AFP RF. F. 084. Sh. 36. Art. 142. File 8. Sh. 1.
15. Nachmani A. International Intervention in the Greek Civil War: the United Nations Special Committee on the Balkans, 1947-1952. N. Y.; Westport (Conn.); L., 1990. P. 42; Soviet Union at the United Nations Organization: in 2 vol. Vol. 1. M. 1965. P. 275.
16. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 238, 241; A. Nachmani Op. cit. P. 101.
17. FRUS. 1948. Vol. 4. Pp. 235-236.
18. Nachmani A. Op. cit. P. 103.
19. Ibid. Pp. 104-107, 111-112.
20. AVP RF. F. 084. Sh. 37. Art. 143. File 9. Sh. 2-7.
21. Nachmani A. Op. cit. P. 117.
22. *Pravda* – Truth. 1948. 15 Jan. P. 4; Shmelev N. *Eshhe o grecheskom voprose* [Once more about Greek question] // *Novoe vremja* – New time. 1948, No. 42, pp. 10-12.
23. *Tri mushketera v Grecii* – The three Musketeers in Greece // *Pravda* – Truth. 1948, 17 Febr. P. 3.
24. Yearbook of the United Nations, 1947-1948. Pp. 300-302; FRUS. 1948. Vol. 4. Pp. 251-252, 268-269.
25. Directives of the Soviet delegation at the 3rd session of the UNOGA were approved by the Politburo of the CPSU(b) on September 17, 1948: Russian state archive of socio-political history (RGASPI). F. 17. Sh. 162. File 39. Sh. 118, 121. See speeches by A. Y. Vyshinsky at the meetings of the First Committee on 28 October and 2 November, and the General Assembly on 27 November: A. Y. Vyshinsky *Voprosy mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnoj politiki* [Questions of international law and international politics]. M. 1951. Pp. 113-167, 295-318. Reference "Greek question at the 3rd Session of the General Assembly": AFP RF. F. 84. Sh. 31. Art. 32. File 2. Sh. 41-43. The discussion of the Greek question in the First Committee (from 25 October to 11 November): UNO. The General Assembly. The first part of the third session. The official report. First, the Committee: Political and security questions including regulation of armaments. Summary records of meetings 21 September-8 December 1948 Lake Success (New York), 1952. Pp. 126-297. (in Russ.)
26. A. Y. Vyshinsky Op. cit. Pp. 113-115, 296-299; M. S. Lebe Op. cit. P. 124.
27. A. Y. Vyshinsky Op. cit. P. 315.
28. UNO. The General Assembly. The first part of the third session. The official report. Plenary meeting of the General Assembly. Summary records of meetings 21 September – 12 December 1948, Paris, 1948. S. 291, 294. (in Russ.)
29. United Nations. Yearbook of the United Nations, 1948-1949. N. Y., 1950. P. 239.
30. Document A/RES/193 (III). Available at: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/193\(III\);](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/193(III);) AFP RF. F. 06. Sh. 10. Art. 85. File 1166. Sh. 32-35; Yearbook of the United Nations, 1948-1949. Pp. 242-244. (in Russ.)
31. Yearbook of the United Nations, 1948-1949. P. 243; UNO. The General Assembly. The first part of the third session. The official report. Plenary meeting of the General Assembly. Summary records of meetings 21 September – 12 December 1948 S. 314. The proposal of the delegation of the USSR to the Greek question (published in the Soviet press on October 29, 1948) – AFP RF. F. 0129. Sh. 32b. Art. 336. File 2. Sh. 387-388; F. 06. Sh. 10. Art. 85. File 1166. Sh. 14-15. (in Russ.)
32. AFP RF. F. 84. Sh. 31. Art. 32. File 2. Sh. 43. (in Russ.)
33. Yearbook of the United Nations, 1948-1949. Pp. 240-241, 244-245; E. Luard Op. cit. P. 127-128; M. S. Lebe Op. cit. P. 125-126; FRUS. 1949. Vol. 6. Pp. 254, 274-276, 320, 333-335.

34. UNO. The General Assembly. The fourth session. Official records of the General Assembly. First Committee, political and security questions including regulation of armaments. Annexes to the summary records of the meetings. 1949 Lake Success (New York). 1950. Pp. 1-2.
35. RGASPI. F. 17. Sh. 162. File 41. Sh. 6, 84-85.
36. A. Y. Vyshinsky Op. cit. Pp. 584-610, 689-704.
37. The discussion of the Greek question: UNO. The General Assembly. The fourth session. Official records of the General Assembly. First, the Committee: political and security questions including regulation of armaments. Summary records of meetings, September 20 – December 6, 1949 Lake Success (New York). 1950. Pp. 16-221. (in Russ.)
38. UNO. The General Assembly. The fourth session. Official records of the General Assembly. Plenary meeting of the General Assembly. Summary records of meetings, September 20 – December 10, 1949 Lake Success (New York). 1950. P. 290. (in Russ.)
39. Resolution A/RES/288(IV) of 18 November 1949 Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/288%28IV%29> (in Russ.)
40. FRUS. 1950. Vol. 5. Pp. 339, 373-375; M. S. Lebe Op. cit. P. 131.
41. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 379; M. S. Lebe Op. cit. P. 132; Oral History Interview with Harry N. Howard. Member, U.S. Delegation, U. N. Security Council Commission for Investigation of Greek Frontier Incidents and U. N. Special Committee on the Balkans, 1947-1951. Pp. 62-64. Available at: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/howardhn.htm>
42. RGASPI. F. 17. Sh. 162. File 44. Sh. 63, 68-69.
43. Resolution A/RES/382 (V) of 1 December 1950, Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/382%28V%29> (in Russ.); United Nations. Yearbook of the United Nations, 1950. N. Y., 1951. P. 381.
44. United Nations. Yearbook of the United Nations, 1951. N. Y., 1952. Pp. 326-327.
45. FRUS. 1951. Vol. 5. Pp. 513-516.
46. Resolution A/RES/508(VI) of 7 December 1951, Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/508%28VI%29> (in Russ.); Yearbook of the United Nations, 1951. P. 330; M. S. Lebe Op. cit. Pp. 132-133. The discussion of the Greek question at the 6th session of the UNO General Assembly: UNO. The General Assembly. Sixth session. Official records of the General Assembly. The plenary session. Verbatim records of the meetings of 6 November 1951 to 5 February 1952, Paris, 1952. Pp. 256-263.
47. United Nations. Yearbook of the United Nations, 1952. N. Y., 1953. P. 291; E. Luard Op. cit. P. 129.
48. The position of the French delegation is analysed in the article: Rozantseva N. A. *Francija i «grecheskij vopros» v OON (1946–1949 gg.)* [France and the "Greek question" in the UNO (1946-1949)] // *Francuzskij ezhegodnik* – French Yearbook. 1976, M., 1978, pp. 197-206.

К вопросу о понимании текстов классической литературы

Ставится проблема отказа от чтения классической литературы как способа освоения общечеловеческих смыслов и ценностей. Рассматриваются причины отторжения молодого поколения от подлинного чтения, связанные с массовой культурой: визуализация культуры, расширение возможности досугового времяпрепровождения, отношение к чтению как форме потребления. Описываются задания, критерии и методика эксперимента по выявлению понимания смысла рассказа А. П. Чехова «Супруга». Приводятся экспериментально полученные данные, подтверждающие неспособность испытуемых осмыслить художественный текст. Классифицируются типичные изъяны в восприятии текстов: конгломерация, рационализация и элиминирование. Определяются их причины: поверхностность восприятия, языковое и эстетическое невежество. Выделяются три уровня в понимании испытуемыми текста: отсутствие понимания, частичное понимание, адекватное понимание. Доказывается необходимость специального обучения пониманию литературы.

Is the problem of reading classical literature as a means of universal meanings and values. Examines the reasons for the exclusion of the young generation from the true reading of mass culture: visualization of culture, empowerment leisure pastime, attitude to reading as a form of consumption. Describes the tasks, criteria and methodology of the experiment on understanding the meaning of the story of Chekhov's "Wife". Are experimentally obtained data confirm the inability of examinees conceptualize artistic text. Typical defects are classified in the perception of texts: conglomeration, rationalization and eliminations. Their reasons: the shallowness of perception, language and aesthetic ignorance. There are three levels in the understanding of the human body: the lack of understanding, partial understanding and appropriate understanding. It is proved the need for special training for the understanding of the literature.

Ключевые слова: чтение классической литературы, понимание художественных текстов, смысл художественного текста, интерпретация литературного произведения.

Keywords: reading classic literature, understanding of literary texts, the meaning of the literary text, the interpretation of a literary work.

Постановка проблемы (Introduction)

Сегодня трудно найти человека, который бы не согласился с утверждением, что интерес к чтению неуклонно падает. Факты свидетельствуют о том, что мы утратили статус самой читающей страны. Несмотря на то что 90% информации люди получают через тексты, по данным социологии и статистики, читают сейчас гораздо меньше, чем 20 лет назад, хотя пишут и издают гораздо больше. Можно было бы не сокрушаться по поводу чтения, если бы другие способы коммуникации предлагали ему адекватную замену. Вопреки распространённому мнению, что человек получил возможность удовлетворять все свои духовные и эстетические запросы с помощью глобальной сети, минуя книгу в её традиционной функции, осмелимся утверждать, что проблема серьёзнее, чем кажется на первый взгляд. Дело не просто в том, что многие, особенно молодые люди, предпочитают медийные варианты книги, а планшет стал неизменным атрибутом современного человека в силу своего удобства и функциональности. Проблема, на наш взгляд, заключается не в отказе от чтения как такового, а в отказе от чтения как способа освоения общечеловеческих смыслов и ценностей.

В качестве причин такого отказа можно выделить три, наиболее очевидные. Все они связаны с развитием массовой культуры и реализуют её законы. Это визуализация культуры, расширение возможности досугового времяпрепровождения и отношение к чтению как форме потребления. Последняя причина имеет наиболее серьёзные последствия, так как принципы массовой

культуры предполагают не оказывать долговременного воздействия на личность и не требовать от читателя никакой работы, иначе будет недостижима популярность. Эти принципы закрепляют неготовность людей прилагать серьёзные усилия для понимания текстов. Вместе с тем, по Л. С. Выготскому, восприятие искусства, в частности, чтение, представляет собой определённую работу, за которую далеко не каждый человек готов взяться добровольно.

Результаты воздействия массовой культуры негативны для личности: это торможение процессов личностного роста; консервация инфантильных, примитивных структур сознания; установка на чтение только как на отдых и упрощение. Формируется объектная позиция читателя, когда выбор книг для чтения осуществляется лишь под воздействием рекламы, а читатель некритически потребляет то, что предлагает автор, так как не способен к внутреннему диалогу с произведением.

Представим исследование, подтверждающее обозначенную нами проблему: тексты классической литературы, даже прочитанные, перестают выполнять роль носителя и транслятора вечных истин, потому что молодые люди плохо их понимают. В свою очередь это вызвано неспособностью к чтению особого рода – чтению углублённому, осмысленному, чтению как «труду и творчеству», по классическому определению В. Ф. Асмуса.

Материалы и методы (Materials and methods)

Мы провели эксперимент, целью которого стало выявление уровней понимания смысла художественных текстов классической литературы. В нём участвовали студенты факультета социальных технологий ВятГГУ, учащиеся средних школ № 10, 31, 42, 46, 57, 60 г. Кирова, гимназии № 1 г. Уржума, Светозаревской средней школы Слободского района Кировской области, педагоги-словесники. Всего в эксперименте приняли участие 150 испытуемых. Из них 30 студентов IV, V курсов и 104 школьника XI классов, 16 учителей.

Методологической основой опыта стало обобщение, выработанное Д. А. Леонтьевым. Смысл (будь то смысл текстов, фрагментов мира, образов сознания и др.) определяется двумя моментами: через более широкий контекст и через интенцию (целевую направленность, предназначение или направление движения) [1]. Леонтьев рассматривает эти две характеристики – контекстуальность и интенциональность – как два основополагающих атрибута смысла, инвариантных по отношению к конкретным его пониманиям, определениям и концепциям. Проявлению этих основополагающих атрибутов смысла должны были способствовать задания для эксперимента.

Опишем задания, критерии и методику эксперимента.

Испытуемым предлагался для чтения и определения смысла рассказ А. П. Чехова «Супруга», к которому предъявлялось три задания. Выбор текста определялся тем, что он принадлежит к шедеврам классики XIX в., обращён к «вечной» теме супружеской неверности и обладает непросто художественной организацией: в нём велика роль подтекста. Чтение и понимание такого рода художественных произведений предполагало выполнение особой системы умственных действий в той полноте, в какой это необходимо для выявления адекватного смысла текста.

Уточним главный критерий, с помощью которого мы определяли уровень понимания смысла художественных текстов, – адекватность понимания. Сразу оговоримся, что мы осознаём его относительный характер. Тем не менее при всей относительности данный критерий может служить реальным инструментом для изучения интересующих нас явлений. Учитывая открытый характер процессов смыслообразования при чтении художественной литературы, адекватным мы называем тот смысл текста, который читатель определил, установив взаимосвязи всех основных компонентов художественной структуры. Подчёркнём, что адекватный смысл рассказа можно было найти лишь в результате учёта многообразных взаимосвязей между ключевыми элементами текста.

Перед началом эксперимента испытуемым давалась инструкция: «Вам предлагается прочитать рассказ, принадлежащий классике XIX века. Текст потребует внимательного чтения. После чтения ваша задача – аргументированно ответить на вопросы и выполнить творческое задание по словесному рисованию».

Приведём задания для эксперимента.

1. С какой целью Чехов назвал свой рассказ «Супруга»?
2. В чём смысл повторяющейся детали «маленькая ножка»?
3. Если бы вы были художником, то какую иллюстрацию нарисовали бы к этому рассказу?

Опишите.

Поясним функцию каждого из трёх заданий.

Поскольку текст – это всегда ситуация, задаваемая читателю уже заглавием, первый вопрос выявлял уровень понимания смысла произведения через определение целевой направленности его заголовка. Мы сознательно подчеркнули задачу выявления авторской интенции, поставив вопрос «с какой целью» вместо более привычного в практике вопроса «почему», предполагающего поиск причины авторских действий. Действия же эти имеют один источник – авторский замысел: «Потому что писатель хотел...». Вопрос «с какой целью» непосредственно связывал ответ с направлением движения авторской мысли.

С помощью второго задания мы проверяли понимание смысла художественной детали в контексте рассказа. Художественная деталь как выразительная подробность несёт значительную смысловую нагрузку. Эстетическая природа художественной детали включает в себе противоречие между частным положением её в системе компонентов произведения и устремлением сказать больше, чем она – как реалья – представляет собой, неявной претензией на обобщение, на целостный захват образа. В эксперименте испытуемые имели дело с предметными подробностями портрета («маленькая ножка»). При этом деталь, как часто в творчестве А. П. Чехова, не просто уточняла, окончательно проясняла и обнажала замысел писателя, а являлась смысловым фокусом, конденсатором авторской идеи, лейтмотивом произведения.

Третье задание содержало приём создания словесных картин. Приём вводился для проверки предположения о взаимосвязи читательского образа со степенью понимания смысла художественного текста. Испытуемые должны были выделить в художественной информации главные элементы, установить между ними отношения – связать их в смысловые «узлы» – и воплотить эти узловы моменты в словесной картине. Проверялась способность на основе целостного восприятия художественного текста конкретизировать и детализировать представления, возникшие в процессе чтения, сочетать их в единый образ и переводить этот образ во внешний, словесный план. Здесь мы исходили из предположения, что полноценный читательский образ невозможен без понимания смысла текста, а значит без проявления обоих его основополагающих атрибутов: интенциональности и контекстуальности.

Далее проанализируем протоколы эксперимента.

Результаты (Results)

Задание 1. Адекватное толкование заголовка дали 27% испытуемых, ошибочное – 73%. Отвечая на вопрос «С какой целью Чехов назвал свой рассказ "Супруга"?", испытуемые допустили четыре типичные ошибки.

1. *Непонимание лексических оттенков слова «супруга».* Уже на уровне восприятия заголовка возникает «задача на смысл» (термин А. Н. Леонтьева): каков оттенок авторского употребления слова «супруга» – официальный или иронический? Читая рассказ под углом этой задачи, мы не можем не почувствовать скрытую насмешку автора над Ольгой Дмитриевной. Приведём примеры неадекватных толкований: «Супруга – это не любимая жена, а та, которая имеет штамп в паспорте и не желает терять общественного положения»; «Чехов назвал рассказ "Супруга", так как жена изменила своему мужу»; «Название подразумевает, что речь пойдёт не о любящей жене, а о враге».

2. *Непонимание сюжета рассказа в целом.* Испытуемые неверно восприняли и произвольно истолковали события, исказив сюжет: «Он заболел из-за телеграммы»; «О Николае Евграфыче мы почти ничего не узнаем»; «На протяжении всего рассказа Чехов рассказывает только о ней, о её неверности мужу». Данная ошибка «потянула» за собой последующие искажения.

3. *Непонимание причинно-следственных связей между событиями.* В результате данной ошибки читатели нарушили смысловую связь между заголовком и другими элементами текста (сюжетом, конфликтом, персонажами, их характерами, ролью в тексте и т. д.). Это привело к ложным толкованиям смысла заглавия: «Рассказ Чехов назвал "Супруга", потому что Николай Евграфыч по сравнению со своей супругой человек со слабым, уступчивым характером. Он знает, что жена ему изменяет, но ничего не может с этим поделать»; «Чехов назвал свой рассказ "Супруга", так как в этой истории виновата супруга доктора»; «Вся суть рассказа сосредоточена на ней, на письме, которое пришло на имя Ольги Дмитриевны от возлюбленного».

4. *Подмена интерпретации репродукцией, пересказом содержания, лежащего на поверхности:* «В рассказе описывается измена Ольги Дмитриевны мужу, который старше её. Она не любит мужа, живет только в своё удовольствие. Ей хорошо с Рисом, но она не хочет навсегда уходить к нему, так как не желает терять общественного положения»; «Рассказ назван "Супруга", так как Ольга Дмитриевна не просто изменила мужу, честному и доброму человеку, но и не согласилась на развод, чтобы не терять общественного положения, денег и хорошей жизни. Она думала только о себе».

Итак, почти две трети испытуемых не поняли смысл заглавия, поскольку им оказалась недоступной «значенческая» сторона художественного текста: семантика слов, семантика событий, семантика их связей. Учащиеся не раскрыли значение слова «супруга», не поняли сюжет, не увидели связи событий с конфликтом и характерами. Тем самым для них осталась закрытой сущность произведения, зафиксированная в образно-языковой форме.

Вместе с тем треть читателей дала адекватные интерпретации. Испытуемые, толкуя смысл заглавия, произвели четыре действия, приближающих к смыслопониманию. 1. *Определили значение слова «супруга»:* «супруга звучит более официально, нежели жена»; «слово "супруга" намекает на цельность и объединение характеров, которого отнюдь нет в этом рассказе». 2. *Обнаружили иронический оттенок заглавия,* увидели горькую насмешку автора, назвавшего так героиню, по сути ничего общего с понятием не имеющую, скорее, «антисупругу»: «Отношения между супругами, действительно ценящими и понимающими друг друга, должны быть совершенно иными». 3. *Нашли связь заглавия с авторскими намерениями:* «Чехов назвал рассказ "Супруга", чтобы подчеркнуть роль этой женщины в жизни Николая Евграфыча»; «Николай Евграфыч понял, что она совсем другая, не такая, как он»; «все размышления доктора о неудавшейся жизни связаны с ней». 4. *Выявили функцию заголовка в конфликте произведения:* «супругов ничто не связывает», «автор изображает отношения двух абсолютно чужих людей, которые живут в одном доме двумя разными жизнями»; «в этой семье нет единого целого, каждый супруг живёт своей жизнью».

Задание 2. Ответ на вопрос «В чем смысл повторяющейся детали "маленькая ножка"?» нашли также 27%. Не ответили или неадекватно истолковали деталь 73%; из них 60% не решили обе задачи. Если первое задание диагностировало наличие акта смыслопонимания через определение интенции (целевой направленности) заголовка, то второе задание устанавливало данный факт через определение места и роли (назначения) фрагмента текста (художественной детали) в общей структуре – тексте как художественном целом. Здесь актуализировался такой основополагающий атрибут смысла, как контекстуальность. Требовалось увидеть широкий смысловой контекст такого образа сознания мужских персонажей из рассказа Чехова, как «маленькая ножка» Ольги Дмитриевны.

Здесь мы выделили три типа ошибок.

1. *Отказ от задания, отсутствие интерпретаций* – около 20% испытуемых.

2. *Ложное, произвольное толкование,* отсутствие каких-либо смысловых связей с контекстом: «Смыслом детали "маленькая ножка" является низкий поступок его жены – измена»; «Его раздражало, что теперь не только он может любоваться "маленькой ножкой", но и другой».

3. *Сужение контекста до одной ближайшей смысловой связи, обусловленное репродукцией, пересказом уже сказанного автором:* «Эту маленькую ножку он когда-то любил»; «Это символ легкости, воздушности, красоты и изысканности. Этой деталью Чехов показал красоту и легкость Ольги Дмитриевны»; «Отличительной чертой супруги являются её маленькие ножки. Эту черту, которая нравилась её мужу, заметил и молодой Рис»; «В повторе детали "маленькая ножка" Чехов передает раздражённое состояние доктора, ведь когда-то он любил эту женщину, восхищался её красотой и маленькой, красивой ножкой». Испытуемым не удалось вписать чеховскую деталь в более широкий контекст, так как контексту не было из чего образоваться: не хватало жизненного, культурного, литературного «материала» для его построения.

Адекватные интерпретации опирались на два открытия в области смысла. 1. *Противопоставление внешней красоты и нравственного уродства* героини: «Мы видим в супруге красоту, грациозность, маленькую, красивую ножку, но души в ней нет». 2. *Понимание разрушительной силы, искажающего влияния внешней красоты при отсутствии душевного благородства:* «Но ведь что-то привлекло в ней доктора. Красота, конечно, красота и маленькая ножка, которая свела с ума не одного мужчину»; «Именно эта ножка сводит с ума мужчин и движет разумом доктора».

Задание 3 содержало применение конкретно-образного способа смыслового структурирования текста – создание словесной картины: «Если бы вы были художником, то какую иллюстрацию нарисовали бы к рассказу? Опишите». Актуализировались такие характеристики смысла, как его связь со значимостью для субъекта определённых объектов, явлений, действий и событий и его индивидуальная неповторимость. Смысл словесной картины обуславливался уникальным опытом и биографией читателя: словесное рисование, кроме образности и эмоциональности, обладает субъективной модальностью, отличающей его от простого описания. Читательский образ текста построили 23% испытуемых; 77% с задачей не справились. Затруднения воплотились в четырёх моментах.

1. *Отказ от задания, неспособность к толкованию* – около 10% испытуемых.

2. *Подмена трактовки ссылкой на творческие намерения интерпретатора, без конкретизации и детализации картины:* «Я бы нарисовала разговор Николая Евграфыча с супругой»; «Я бы нарисовала жену, её взгляд, выражение лица, когда он говорит о разводе»; «Ольга Дмитриевна хитрая, и это хорошо можно показать на портрете лица».

3. *Подмена толкования репродукцией, пересказом текста:* «Я бы нарисовала эпизод, описанный Чеховым, когда супруга пришла, переодевшись, села в кресло, а рядом стоял её муж с чувством обиды и унижения, с телеграммой в руках»; «Супруга сидит в кресле в белой ротонде, шапке и калошах, рядом стоит её муж, очень удручённый». Здесь отсутствуют существенные для словесного рисования признаки – конкретизация и детализация образа.

4. *Произвольная трактовка, противоречащая писателю изображению, искажающая функциональные отношения компонентов текста и неточно передающая его детали:* «Муж сидит в кресле со спокойным, но в то же время напряженным лицом и передаёт ей телеграмму»; «В руках бы у мужа изобразила телеграмму и фотографию молодого человека Михаила Ивановича Риса»; «Супругу бы я изобразила высокой, её позу высокомерной и гордой. Николая Евграфыча я представила бы спокойным и уравновешенным, сидящим в кресле».

Итак, непонимание объективных свойств и связей элементов художественной структуры (сюжета, героев, характеров, событий, конфликта и т. д.), неадекватное восприятие их «значенческой» (термин М. М. Бахтина) стороны привело к искажённому воспроизведению их в читательском образе текста – словесной картине.

Приведём в то же время примеры словесных иллюстраций, на наш взгляд, не противоречащих чеховскому замыслу: «Кабинет Николая Евграфыча. В кресле сидит Ольга Дмитриевна в кружевном капоте. Мы можем ясно увидеть красивые распущенные волосы и маленькую изящную ножку в туфельке. Доктор подает ей телеграмму. Он бледен, его лицо выражает волнение, беспокойство. У супруги мелкие, хищные черты лица. Николай Евграфыч простой, великодушный»; «Николай Евграфыч, усталый и измученный, стоит с телеграммой в руках для жены от Риса. А она сидит в кресле напудренная, с заплаканными глазами, в массе розовых кружев, смотрит на него как ни в чём не бывало. Противостояние мужа и жены, супругов и просто двух разных людей, которые никогда не поймут друг друга».

Обсуждение и заключения (Discussion and conclusions)

Выявились две крайние, но одинаково ошибочные читательские позиции: 1) неограниченная свобода художественного восприятия, стирающая различие между восприятием художественного произведения и любого произвольно взятого объекта и 2) полная несвобода художественного восприятия, исключающая интерпретацию. Высказывания испытуемых тяготели к тому или иному полюсу, равно свидетельствуя об эстетической некомпетентности. Большое количество произвольных толкований указывало на то, что испытуемые не видят разницы между восприятием произведения искусства и любого иного предмета. Они не учитывали, что интерпретация диктуется авторским самовыражением, круг её вариаций ограничивается авторской трактовкой реальности. Игнорировался эстетический закон: если присутствует произвол в истолковании, читатель остается без автора. Неограниченная свобода художественного восприятия «отождествляет художественное произведение с простым эмоциональным стимулятором», а такое отождествление «глубоко ошибочно» [2]. С другой стороны, значительное число ответов, содержащих простое репродуцирование текста, также указывало на отсутствие подлинного взаимодействия с произведением. Полная несвобода художественного восприятия, исключающая интерпретацию, лишает чтение смысла. В этом случае автор остается без читателя.

Анализ протоколов позволил обобщить ошибки читателей в понимании смысла художественного произведения и определить их характерные причины.

Поверхностность восприятия: невнимание к смыслу элементов текста (сюжет, конфликт, характеры и др.). Испытуемые восприняли только верхний, «значенческий» (Бахтин) слой текста, то, о чём автор сказал «прямо». Читатели не сумели «освободиться от равнодушия значения», «пройти за него», тогда как «содержанием эстетической деятельности всегда является процесс проникновения за значение» [3]. Типичные высказывания состояли из общих фраз: «В жизни есть моменты, когда слова излишни, когда главное – чувства, мысли, переживания».

Языковое невежество: незнание лексических значений слов, в том числе обозначающих заглавие. «Супруга – это женщина, которая мужа не любит, а живёт с ним только ради чего-то»; «Ольга Дмитриевна выполняет супружеские обязанности, но не хранит верность, поэтому она только супруга». Незнание того, что супруга – это устаревшее понятие жены, употребляемое обычно в официальной речи или иронически, сразу исключило возможность понимания смысла всего художественного сообщения. Причина и в неведении о значении приставки «су», образуя-

щей существительные со значением подобия: супруги подобны упряжке. Подчеркнём ещё раз особую роль заглавия: в нём обозначены позиция и намерения автора, заявлен конфликт.

Эстетическое невежество: незнание законов литературного творчества, наличие эстетически неверных представлений. Обстоятельство, заметно снижающее уровень смыслопонимания. Рассмотрим эту причину подробнее. Мы выделили здесь три фактора, назвав их условно: конгломерация, рационализация и элиминирование.

Конгломерация (букв.: собрание в кучу) элементов текста. Представление о художественном произведении как о сумме отдельных компонентов, а не об их системе. Отсутствие концепции текста как структурного целого, определяющего смысл деталей, помешало увидеть внутри-текстовые связи или привело к их искажению. Не учитывалась связь элемента с иными структурами: характером, событием, конфликтом и др. Читатели не смогли правильно определить функцию чеховской детали «маленькая ножка», так как не увидели её связи с характером героини и конфликтом: «Чехов не имел в виду, что "маленькая ножка" – это размер ноги, а то, что супруга не очень умный человек».

Рационализация художественного образа: совмещение художественного символа с его значением. Испытуемые понимают слово как знак, совпадающий со значением образа, то есть прямолинейно несущий символическое значение. Однако художественный образ не может совпадать со значением художественного слова-символа, суть которого переживание (чувство, эмоция), а не наглядное представление или понятие. Уникальный художественный символ обладает не рациональным, а иррациональным (эмоциональным) значением [4]. Семиотическая некомпетентность испытуемых породила многочисленную группу трактовок типа: «Смысл повторяющейся детали "маленькая ножка" заключается в том, чтобы показать, какой она маленький, ничтожный человек».

Элиминирование образа автора. Смыслопониманию препятствовала редукция художественного текста, исключение из него образа автора. Сложная художественная структура сводилась к более простой, с меньшим числом элементов. Восприятие литературного произведения без образа его творца исключило диалог. Читатели не пытались выявить интенцию автора, в контексте которой только и возможно понять смысл произведения. Они подменили такую работу сознания домыслами, грубо искажающими суть художественного сообщения. Эта группа ошибок пересекается с другими, но читательский произвол достигает в ней особенно высокой степени.

Неготовность к сотворчеству. Читатели не смогли осуществить творческие акты конкретизации и детализации текста. Вместо создания читательского варианта произведения одни испытуемые ссылались на творческие намерения: «Я бы изобразил три символа: ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу»; «На обложке можно было бы изобразить телеграмму с инициалами М. Р. и знаком вопроса». Другие давали неадекватную или усеченную трактовку либо подменяли словесную картину пересказом текста.

Подытожим данные эксперимента.

Наибольшее затруднение вызывает определение смысла детали. Почти такую же сложность представляет трактовка через читательский вариант – словесную картину – сцены или эпизода. Несколько вернее толкуются заголовки произведений, то есть понимаются намерения автора в целом. В большинстве случаев испытуемые открывают лишь один атрибут смысла произведения, не увязывая его со смыслами других элементов художественной структуры.

Выделены три основных уровня в понимании испытуемыми текста. I уровень – отсутствие понимания: испытуемые либо отказываются от задания, не умея с ним справиться, либо пересказывают содержание (репродукция), либо дают ложные, произвольные интерпретации текста. II уровень – частичное понимание: испытуемые выполняют часть заданий, верно истолковывая отдельные структурные компоненты текста, но недостаточно устанавливают взаимосвязи. III уровень – адекватное понимание: испытуемые выполняют все задания, раскрывая полностью смысл рассказа и учитывая взаимосвязи всех основных компонентов художественной структуры.

Отметим, что адекватный смысл текста, который определялся читателем в результате учёта взаимосвязи трёх толкований: заглавия, ключевой детали и произведения в целом – был открыт только 15 испытуемыми из 150. Не дали ни одной верной интерпретации 43 испытуемых; верные трактовки лишь отдельных структурных компонентов текста обнаружили также 92 испытуемых. Если принять во внимание, что отсутствие той или иной интерпретации нарушает взаимосвязь основных компонентов художественной структуры и препятствует полноценному восприятию целого текста, то становится очевидным, что у 90,6% испытуемых (I и II уровни) не происходят полноценные акты чтения.

Ещё одним фактом эксперимента явилось своего рода опровержение такого, на первый взгляд бесспорного, критерия, как способность воспроизвести элементы текста в виде словесных картин в качестве показателя уровня читательского взаимодействия. Мы обнаружили, что не все

читательские образы могут быть показателем полноты и адекватности понимания текста. Общее число словесных картин (81) с той или иной степенью конкретизации и детализации образа было в три раза больше числа адекватных интерпретаций (27). Оказалось, что 54 картины или воспроизводили элементы, уже имеющиеся в тексте, ничего не добавляя к ним, то есть репродуцировали текст, или представляли произвольные, не имеющие отношения к замыслу писателя конструкции. Видимо, интуитивный опыт воссоздающего и творческого воображения играл здесь определённую вспомогательную роль. Однако «схватывание» читателем определённых предметных реалий ещё не означает смыслового понимания. Тем самым обнаружился факт, подтверждающий сложность структуры художественного познания. Мы увидели недостаточность выделения умственных действий, направленных лишь на реконструирование читателем элементов текста, необходимость выделения особых смыслопоисковых действий.

Следующий факт, заслуживающий внимания, заключается в том, что разница в уровнях понимания смысла школьниками и студентами IV–V курсов, завершающими университетскую подготовку, не очень значительна. Если учитывать, что I и II уровни ответов свидетельствуют о полном или почти полном отсутствии актов смыслопонимания, то становится очевидным, что испытуемые – выпускники средних школ и выпускники вуза, будущие редакторы – не в состоянии понять смысл шедевров художественной литературы. Данный факт подтверждает то, что не созданы условия для обучения смысловому чтению в рамках как школы, так и вуза.

Подводя итог, мы видим, что, проявляя незначительное число актов полноценного восприятия, стихийно сложившегося у некоторых читателей, эксперимент представляет собой яркое свидетельство неспособности подавляющего большинства осмыслить прочитанный художественный текст. У людей, завершающих определённый этап своего образования – среднюю школу или вуз, не сформирована читательская деятельность, приводящая к пониманию смыслов произведения. Испытуемые не готовы к чтению художественной литературы как актуально разворачивающемуся диалогу смысловых миров читателя и автора, не владеют психологической культурой взаимодействия с произведением искусства. И если языковое или эстетическое невежество можно преодолеть за счёт предоставления читателям необходимых сведений, то углубление понимания и развитие сотворчества требуют специального внимания.

Таким образом, подтверждается необходимость разработки особых способов организации чтения, формирующих характерные структуры понимания в составе читательской деятельности. На основании теоретически выявленной модели смыслового чтения была построена специальная методика, включившая в себя систему методов и приёмов взаимодействия читателя с художественным текстом. Методика отличается наибольшей обобщённостью и креативностью из числа методик развития чтения и наиболее тесной связью с личностными смыслами. Поэтому, реализуясь в конкретной деятельности во многом под воздействием актуальных мотивов, потребностей, ценностей, она приносит в учебную деятельность личностный компонент. Более полно это положение раскрыто в описании методик и результатов обучающего эксперимента[5].

Примечания

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М.: Смысл, 2003. С. 26.
2. Бранский В. П. Искусство и философия: роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград: Янтарный сказ, 2000. С. 176.
3. Леонтьев А. Н. Некоторые проблемы психологии искусства // Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. II. М.: Педагогика, 1983. С. 237.
4. Бранский В. П. Искусство и философия: роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград: Янтарный сказ, 2000. С. 124.
5. Мосунова Л. А. Структура и развитие смыслового понимания художественных текстов: монография. М.: ПЕР СЭ Пресс, 2006; Мосунова Л. А. Смысловое чтение как деятельность: её содержание и структура // Вестник ВятГГУ. 2011. № 2 (1). С. 151–157; Мосунова Л. А. Психология чтения художественной литературы: учеб. пособие. М.: МГУП имени Ивана Фёдорова, 2012.

Notes

1. Leontiev D. A. *Psichologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy realnosti*[Psychology of sense: nature, structure and dynamics of semantic reality]. 2nd rev. ed. M. Smysl. 2003. P. 26.
2. Bransky V. P. *Iskusstvo i filosofiya: rol filosofii v formirovanii i vospriyatii hudozhestvennogo proizvedeniya na primere istorii zhivopisi*[Arts and philosophy: the role of philosophy in the formation and *Nekotorye problemy psihologii iskusstva* reception of works of art from the history of painting]. Kaliningrad. Yantarny Skaz. 2000. P. 176.
3. Leont'ev A. N. [Some problems of psychology of art] // *Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya* – Selected psychological works: in 2 vol. Vol. II. M. Pedagogika. 1983. P. 237.

4. Bransky V. P. *Iskusstvo i filosofiya: rol filosofii v formirovanii i vospriyatii hudozhestvennogo proizvedeniya na primere istorii zhivopisi*[Art and philosophy: the role of philosophy in the formation and perception of works of art from the history of painting]. Kaliningrad. Yantarny Skaz. 2000. P. 124.

5. Mosunova L. A. *Struktura i razvitie smyslovogo ponimaniya hudozhestvennykh textov: monografiya*[Structure and development of the semantic understanding of literary texts: a monograph]. M. PER SE Press. 2006; Mosunova L. A. *Smyslovoe chtenie kak deyatelnost: eyo sodержanie i struktura*[Semantic reading as an activity: its content and structure] // *Vestnik VyatGGU – Herald of VyatSHU*. 2011, No. 2 (1), pp. 151-157; Mosunova L. A. *Psihologiya chteniya hudozhestvennoy literatury: ucheb. posobie*[Psychology of reading: tutorial]. M. Moscow State University of Pedagogics named after Ivan Fedorov. 2012.

УДК 821.112.2

Е. Р. Иванова

„Heimatkunst“ и бидермейер в литературном процессе Германии XIX в.

В статье рассматриваются связи немецких литературных течений бидермейер и „Heimatkunst“ («искусство родного угла»). Их общность определяется камерностью, территориальной локальностью, ограниченностью «малым» кругом жизненных проблем. Утверждение эстетики этих явлений в литературе Германии происходит примерно в одно и то же время, под влиянием схожих факторов социально-политической ситуации в стране. Эпоха внутривосточной стагнации обозначила для среднестатистического читателя ряд жизненных ценностей, которые были ему понятны и доступны. Это культ частной жизни, семьи, домашнего уюта. Особенно активно эти реалии обыденной жизни культивировались в литературе бидермейера, связанной своими корнями с немецкой бюргерской культурой XVIII в. Открытия, сделанные писателями бидермейера в области изображения простого человека и окружающего его мира, положили начало развитию реалистических традиций в немецкой литературе второй половины XIX в., когда наряду с произведениями, где немало внимания уделено политике, популярными становятся темы и проблемы частной жизни. Стараясь уйти от злободневных вопросов современности, писатели обращаются к малозначительным сюжетам, в которых делается акцент на углубленном изображении внутреннего мира героя (О. Людвиг, П. Хейзе). Особое значение обретает тема «родного угла», отражающая жизнь немецких провинций (В. Раабе). Это направление со временем получило название «Heimatkunst». Традиции литературного бидермейера своеобразно преломились в эстетике «литературы родного угла», где обрели другие акценты, новый идейный смысл, дали импульс развитию реалистического освоения действительности. Это проявилось в воздействии окружающей среды на литературного героя, в возросшем внимании к его психологии, в расширении круга тем и проблем, в появившейся отстраненности от вечных ценностей бюргерского бытия.

The article deals with the connections between German literary trends, such as Biedermeier and “Heimatkunst” (“the art of native area”). Their commonness is determined by the intimacy, small locality, and scantiness by the “minor” circle of life problems. The establishing of the aesthetics of these trends in the literature of Germany is being performed at approximately the same time and under the influence of similar factors in social and political situation in the country. The epoch of political stagnation in the country determined for a common reader the number of life values which were clear and plain for him. Those were the cult of private life, family values, and home cosiness. In the most vivid manner these realia were highlighted in the literature of Biedermeier, connected in its roots with the German burger culture of XVIII century. The discoveries made by the writers of Biedermeier in the sphere of depiction of a common man and the world, surrounding him, started the development of realistic traditions in the German literature of the second half of XIX century. At that time alongside with the pieces dealing much with politics the themes and problems of private life become very much popular as well. In their attempt to escape from the harsh questions of modern life the writers turn to minor plots accenting the deep depiction of inner world of a hero. (O. Ludwig, P. Heyse). The particular meaning is possessed by the theme of “native area”, reflecting the life of German provinces (W. Raabe). Later this trend got the name of “Heimatkunst”. The traditions of literary Biedermeier got their particular reflection in the aesthetics of “the literature of native area”, where they have gained some other angles, new ideal meaning and gave the impulse for the development of realistic exploration of reality. This was seen through the impact of the nature on a hero, through the increased interest in his psychology, through the widening of the circle of problems and themes, through the newly appeared detachment from the eternal values of burger being.

Ключевые слова: немецкая литература, бидермейер, Heimatkunst, творчество В. Раабе.

Keywords: german literature, Biedermeier, „Heimatkunst”, V. Raabe's creative work.

Литературный процесс Германии XIX в. традиционно представляется как формирование и развитие двух относительно самостоятельных художественных систем – романтизма и реализма. Сложившееся в отечественном литературоведении представление о немецкой литературе XIX в. основано на изучении ее «вершинных» достижений. Бесспорные достижения в сфере художественного творчества таких писателей, как И. В. Гете, Ф. Шиллер, Новалис, Э. Т. А. Гофман, Г. Гейне и многих других, подняли литературу Германии на новый уровень в освоении действительности, вызвали резонанс в литературной жизни Европы. Однако данный подход к изучению литературного процесса оставляет без внимания множество второстепенных явлений, составляющих «периферийные» области в развитии литературы, одним из которых является литература бидермейера, ставшая в 20–50-е гг. XIX в. значительным явлением в культурной жизни Германии.

Литература бидермейера выходит на авансцену литературного процесса Германии в постромантический период, в 20–50-е гг. XIX в., когда формируется литературное течение «бидермейер». Функционирование литературного бидермейера в новом историко-литературном контексте свидетельствует о возникновении реалистических тенденций в рамках этого литературного течения. Литературный бидермейер органически связан с немецкой реалистической литературой второй половины XIX в., в частности, с эстетикой «поэтического реализма» и явлением «областничества» («Heimatkunst» – «искусство родного края») в литературе 50–70-х гг. XIX в.

«Heimatkunst» – это течение немецкой литературы, возникшее в 50-е гг. XIX в. и основанное на идиллическом изображении немецкой глубинки: быта, нравов и традиций национальных областей Германии. Р. Хаманн отмечал, что «при всем своем истинно немецком духе, который, прежде всего, выражался в идеализации провинциального пейзажа и крепкого крестьянского быта» [1], оно, продолжая национальные традиции романтизма и бидермейера, со временем вобрало в себя целый ряд черт новаторской литературы.

С литературным бидермейером произведения, написанные в рамках течения «Heimatkunst», роднит своеобразный топос, представляющий «малый» круг бытия, детализация быта, идиллизм, поэтизация патриархального образа жизни. Истоки всего этого также схожи: в основе лежит стремление противопоставить масштабным событиям внешнего мира, которые простой человек не может объяснить или спрогнозировать, вполне ясную, идущую по уже давно заведенному порядку жизнь в провинции, в деревне, далеких от политических катаклизмов. Безусловно, в произведениях «отечественного искусства» значительной роли достигает национальный компонент, который лишь увеличил дистанцию между «малой» родиной и большим миром. Писатели этого течения, обращаясь к традициям и образу жизни отдельных областей Германии, используя в своих произведениях диалектизмы и этнографический материал, стремятся к созданию реалистического образа родного края, однако этот реализм также носит локальный национальный характер. Так, местный национальный компонент во многом определяет особенности творчества голштинца Т. Крегера (1844–1918), эльзасца Ф. Лингарда (1865–1927), ганноверца Г. Зонрея (1845–1918), уроженца Богемии Ф. Лангмана (1847–1921), баварца И. Рудерера (1851–1925) и многих других. Вместе с тем в произведениях писателей этого течения особенности местного колорита становятся средой, влияющей на личность, что присуще уже реалистической литературе.

Примером трансформации черт литературного бидермейера в немецкой реалистической литературе второй половины XIX в. могут послужить и произведения В. Раабе (1831–1910). Его творчество исследователи часто рассматривают в рамках литературы «Heimatkunst» [2], хотя сам Раабе возражал против этого, заявляя: «Я не хочу быть писателем-областником, а только немецким писателем» [3]. В целом творчество Раабе отличается двойственностью, заключающейся, с одной стороны, в ограничении художественного пространства произведений «малым» кругом бытия, вниманием к жизни рядового обывателя с ее радостями и горестями, с другой – в проявлении его критического пафоса, который обнаруживается в обращении писателя к социальным сторонам действительности, часто изображаемой в сатирическом ключе. Это объясняет противоречивые точки зрения на творчество В. Раабе. Ряд исследователей связывают его с реализмом [4], другие видят в нем наследника романтической литературы [5]. Вместе с тем в отдельных литературоведческих работах о бидермейере произведения Раабе упоминаются как пример воплощения традиций литературы этого течения (Г. Понгс, Й. Шнайдер). Остановимся на тех чертах его произведений, которые позволяют говорить о продолжении традиций литературного бидермейера в повестях и новеллах В. Раабе.

Прежде всего, следует отметить, что проблематика произведений Раабе, как и писателей бидермейера, ограничена сферой частной жизни, в которой он видит неиссякаемый источник тем и сюжетов. «И в четырех стенах на долю человека выпадают испытания, требующие не

меньше душевной стойкости, чем те, которые случаются с людьми, прошедшими огонь и воду и исколесившими половину земного шара», – писал Раабе [6]. Исследователи связывают ограниченность произведений Раабе диапазоном круга частной жизни, семьи, домашнего очага с разочарованием, постигшим писателя в период его участия в работе «Немецкого национального союза» (1862–1870). Отойдя от активной общественной деятельности, он в поисках новых идеологических ориентиров обращается к философии Шопенгауэра, Спинозы, к произведениям Гете. Не найдя у них ответа на свои вопросы, Раабе обращается к проблемам нравственности, считая, что ее основой является семья, дом, «малая» родина. В разработке этого материала в художественных произведениях Раабе обнаруживается ряд черт, присущих литературе бидермейера.

Типичными для этого течения кажутся многие герои Раабе, которых отличает наивность в восприятии окружающего мира, высокие нравственные критерии, аполитичность, привязанность к родным местам, преданность дому, семье. Среди героев Раабе – учителя, пасторы, провинциальные обыватели, то есть представители немецкого бюргерства, с которым писатель, как и многие его современники, связывает надежду на сохранение нравственных устоев общества. Это, например, бедные учителя Михель Хаазе («Записки учителя Михеля Хаазе», 1859) и Ганс Ун-вириш («Голодный пастор», 1863), аптекарь Филипп Кристеллер («Аптека „Лесной великан“», 1873), доктор права Карл Кумгарт («Летопись Птичьей слободы», 1896) и др. Герои Раабе, как правило, не сетуют на тяжелую жизнь, не задаются вопросом, почему она такова, а стараются найти в ней позитивные стороны. Однако это не всегда им удается. Они в большей мере, чем герои бидермейерской литературы, оказываются связанными с окружающей действительностью: страдает от деспотичности своих хозяев Михель Хаазе, вынужден смотреть, как под напором технической революции исчезает с лица земли Птичья слобода, Карл Кумгарт и т. д.

В ранней повести В. Раабе «Хроника Воробьиной улицы» („Die Chronik der Sperlingsgasse“, 1856) была намечена одна из основных тем творчества писателя – тема «маленького человека» и его мира, которая во многом схожа с ее бидермейерским вариантом. Герой повести профессор Вахгольдер, рассказывая историю своей жизни, упоминает важные исторические события прошлого: войну с Наполеоном, революцию 1848 г. и даже осаду Севастополя, но все они отступают на второй план, меркнут перед сентиментальными воспоминаниями о его детстве и юности, прошедших в маленьком мирке одной из окраин Берлина. Профессор напоминает жан-полевского Вуца, который в своей более чем скромной жизни умел находить положительные моменты. Не случайно Раабе упоминает в повести и самого Жан-Поля, и его учительшу Вуца. Юмор и ирония, которыми окрашены воспоминания Вахгольдера, создают особую атмосферу, характерную для многих произведений Раабе. Однако они не нарушают идилличности созданного им «малого» мира простого человека. Завершая свое повествование, Вахгольдер пишет: «...Моя лампа меркнет и скоро погаснет. Усталой рукой я закрываю окно и записываю эти последние строки: Приветствую все их сердца днем и ночью; приветствую тебя, большое, спящее отечество; приветствую тебя, маленький, тесный, темный переулок; приветствую тебя, великая, творческая сила, которой являешься ты – вечная любовь! – Аминь! Это конец Хроники Воробьиной улицы!».

Тема сна, образ «уснувшей родины», возникающие в конце произведения, довольно убедительно показывают, что автор не жаждет перемен, которые изменили бы этот тихий уголок, который столь дорог его сердцу. Жизнь обитателей Воробьиной улицы, как и сама улочка, становится равнозначной таким понятиям, как Отечество и великая любовь. «Малый» круг бытия становится единственным убежищем для простого обывателя, когда вокруг него бушуют политические грозы. В воспоминаниях Вахгольдера события, происходящие когда-то на Воробьиной улице, сливаются в обобщающий образ «старого доброго времени», идеализированного прошлого, что не характерно для реалистической литературы в целом, однако автор смотрит на это уходящее прошлое из настоящего, а это уже выводит его за границы бидермейера.

Тема «малой» родины, образ «старого доброго времени», внимание к миру обыкновенного человека возникают в большинстве произведений В. Раабе. Писатель на протяжении всего своего творческого пути не утратил веры в их позитивное значение в жизни человека. В одном из поздних произведений – романе «Летопись птичьей слободы» („Die Akten des Vogelsangs“, 1896) – Раабе вновь обращается к сюжету, очень схожему с сюжетом повести «Хроника Воробьиной улицы», что подчеркивает и их почти повторяющиеся названия. Герой романа, доктор права Карл Кумгарт, также вспоминает о годах детства и юности, которые связаны с небольшим предместьем Берлина, именовавшимся Птичьей слободой. Прожив достаточно долгую, насыщенную жизнь, он в полной мере понял, как дорого ему все, что связывает его с «малой» родиной, образ которой дополняет предметный мир. Многозначен эпизод, когда друг детства Карла Кумгарта после смерти матери сжигает оставшиеся вещи. «...Среди домашнего скарба, отправляемого в печь или топку кухонной плиты нашим скитальцем, не было ни одного предмета, с которым меня не свя-

зывали бы воспоминания, теперь так ярко разговаривая у меня на глазах, чтобы тут же превратиться в пепел. Начиная с подвала и до самой крыши не было в этом доме ни одного гвоздика, на котором не висело бы что-нибудь дорогое для меня ... Мы словно переносились в давно минувшие дни и вновь переживали их. Ту неделю, когда мы опустошали чердак, где скопился весь домашний хлам, я не забуду всю свою жизнь» [7].

Предметный мир в романе В. Раабе играет значительную роль, но, в отличие от литературы бидермейера, вещь становится не объектом любования, приметой обыденного мира, ее обобщенный образ становится своеобразным символом безвозвратно ушедшего времени.

В. Раабе, обращаясь к отдельным темам, образам, характерным для литературного бидермейера, дополняет их национальным компонентом. Если обращение к национальным традициям, языку, колориту (напр., в произведениях А. Дросте-Хюльсхоф) ведет к созданию своеобразного локуса, то Раабе стремится к выводам-обобщениям о будущем немцев. Эти лирические размышления, на наш взгляд, вносят в произведения Раабе реалистическое звучание, так как в них заключается движение от частного к общему, масштабному.

Схожие суждения содержатся во многих других произведениях писателя («Записки учителя Михеля Хаазе», «Наследство Теклы, или История одного знойного дня», «Старые гнезда» и др.). На наш взгляд, это обусловлено влиянием общего хода немецкой литературы 60–70-х гг. XIX в., нацеленной на конкретно-историческое изображение действительности.

Таким образом, в творчестве В. Раабе тенденции литературного бидермейера также получают иное толкование и наполняются иным содержанием. Художественный мир писателя, вобравший в себя, наряду с другими составляющими, традиции литературы немецкого бидермейера, менялся на протяжении многих лет под влиянием исторической и литературной среды, что и определило особенности интерпретации черт этого литературного течения и его общую динамику в немецкой литературе второй половины XIX в.

Развиваясь в иных историко-культурных условиях, тенденции литературного бидермейера обрели новое значение и дали импульс к становлению нового литературного направления. Это явилось завершающей фазой развития литературы немецкого бидермейера, когда она перестала существовать как отдельное самостоятельное явление.

Примечания

1. Hamann R. Geschichte der Kunst von der alt-christlichen Zeit bis zur Gegenwart: in 2 Bd. Brl., 1955. Bd. II. S. 62.
2. Pongs H. Wilhelm Raabe. Leben und Werk. Heidelberg, 1958. S. 134.
3. Цит. по: Лозинская Л., Фрадкина Е. Вильгельм Раабе // Раабе В. Повести и новеллы. М.: Худож. лит., 1959. С. 25.
4. Mayer G. Die geistige Entwicklung Wilhelm Raabes. Göttingen, 1960.
5. Кондратенко Л. И. Новеллы Вильгельма Раабе 60-х годов (к проблеме жанра): дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
6. Raabe W. Ausgewählte Werke: in 6 Bd. Hrsg. S. P. Goldammer, H. Tichter. Brl.: Weimar, 1964. Bd. 6. S. 222.
7. Raabe W. Ausgewählte Werke: in 6 Bd. Hrsg. S. P. Goldammer, H. Tichter. Brl.: Weimar, 1964. Bd. 6. S. 126.

Notes

1. Hamann R. Geschichte der Kunst von der alt-christlichen Zeit bis zur Institute of technology : in 2 Bd. Brl., 1955. Bd. II. S. 62.
2. Pongs H. Wilhelm Raabe. Leben und Werk. Heidelberg, 1958. S. 134.
3. Cit. by: Lozinskaya L., E. Fradkina *Vilgelm Raabe* [Wilhelm Raabe] // Raabe V. *Povesti i novelly* – Novels and short stories. M. Khudozh. lit. 1959. P. 25.
4. Mayer G. Die geistige Entwicklung Wilhelm Raabes. Göttingen, 1960.
5. Kondratenko L. I. *Novelly Vilgelma Raabe 60-h godov (k probleme zhanra) : dis. ... kand. filol. nauk*[Novels of Wilhelm Raabe of the 60-ies (to the problem of genre): dis. ... Cand. of Philology]. M. 1977.
6. W. Raabe *Ausgewählte Werke* : in 6 Bd. Hrsg. S. P. Goldammer, H. Tichter. Brl. : Weimar, 1964. Bd. 6. S. 222.
7. Raabe W. *Ausgewählte Werke* : in 6 Bd. Hrsg. S. P. Goldammer, H. Tichter. Brl. : Weimar, 1964. Bd. 6. S. 126.

Поэтика интертекстуальности в интерактивном романе Майкла Джойса «Полдень»

В статье делаются выводы о влиянии гипертекстовой организации текста на поэтику интертекстуальности романа «Полдень» американского писателя Майкла Джойса. Интертекстуальность присутствует в романе на нескольких уровнях и пронизывает весь художественный мир романа. Система персонажей произведения апеллирует к вечным образам, которые, включая роман М. Джойса в круг классических произведений литературы и культуры, выводят проблематику текста на глобальный уровень. В то же время элементы интертекстуальности, обращенные к современности, существенно снижают пафос вечных образов мировой литературы, что, во-первых, характерно для постмодернистского иронического цитирования, а во-вторых, позволяет автору создать объективный образ современной реальности. Гиперссылки, являясь средством выделения интертекстуального цитирования, изменяют привычные формы взаимодействия читателя с текстом и, следовательно, меняют его восприятие.

In the article the conclusions on the influence of the hypertextual organization on the poetics of intertextuality of the novel "afternoon, the story" by the American author Michael Joyce are made. Intertextuality in the novel is presented at several levels and covers all the fictive world of the novel. The system of characters of the book appeals to the eternal images, which bring the global level to the problems of the novel by M. Joyce, including it in the context of classical literature and art. Simultaneously, the elements of intertextuality, that refer to modernity, bring the pathos of eternal images to the lower level, which is, firstly, very common for postmodern ironic quotation and, secondly, it lets the author to create the objective image of modernity. Hyperlinks, which present the means of marking the intertextual quotation, change the habitual forms of reader's interacting with a text and, consequently, change its perception.

Ключевые слова: интерактивный роман, гипертекстовая литература, интертекстуальность, поэтика, вечные образы.

Keywords: interactive novel, hypertextual literature, intertextuality, poetics, eternal images.

Элементы гипертекстуальности имплицитно присутствуют во всей мировой литературе, начиная с Библии, которая изобилует перекрестными ссылками. Это и «Декамерон» Дж. Боккаччо, и «Алиса в стране чудес» Л. Кэрролла, и экспериментальные формы романов «Замок скрещенных судеб» И. Кальвино, «Игра в классики» Х. Кортасара, «Хазарский словарь» М. Павича и других авторов, чьи произведения, по форме приближенные к гипертекстам, исследователи называют протогипертекстами.

Большое количество элементов гипертекстуальности в мировой литературе некоторые исследователи объясняют тем, что гипертекст как форма презентации знания соответствует такому свойству человеческого мышления, как ассоциативность, а в основе семантической организации гипертекстового повествования лежат ассоциативно-образные связи [1].

Что же сделало возможным экспликацию гипертекстуальности в художественной литературе и появление таких новых форм и жанров, как гиперроман (hypernovel), гиперрассказ (hyperstory) и др.?

Все исследователи художественного гипертекста сходятся на том, что появление подобного рода литературы связано с усовершенствованиями техники, способов хранения и передачи информации, в связи с чем появилась возможность организации текста по принципам ассоциативной образности, характерной для человеческого мышления.

Термин «гипертекст» является синонимом таких терминов, как «нелинейное письмо» (non-sequential writing), «нелинейное повествование», «гипертекстовая литература», «комбинаторная литература», «интерактивное письмо», и восходит к статье Ванневара Буша «As we may think», где он описывает систему "Memex" (Memory Extender – расширитель памяти), которая позволила бы человеку создать личную медиатеку, где находились бы все нужные ему документы, книги, filmy и т. п., к коим он мог бы получить мгновенный доступ, набрав соответствующий код на клавиатуре. Предполагалось, что система "Memex" будет использовать ассоциативный принцип мышления, а ключевым механизмом этой системы является принцип ассоциативного связывания.

Термин «гипертекст» был введен американским социологом, философом и первооткрывателем в области информационных технологий Теодором Нельсоном (1937) в 1962 г. «Под гипертекстом, – пишет Нельсон, – я понимаю непоследовательное письмо, – текст, который ветвится и предлагает читателю выборы, лучше всего читается на интерактивном экране. Как принято думать, это серии кусков текста, соединенные ссылками, которые предлагают читателю различные пути» [2].

Чаще всего гипертекст рассматривается как нелинейно организованный текст, элементы которого связаны между собой при помощи системы ссылок. В качестве структурных элементов гипертекста российский литературовед О. В. Дедова [3] выделяет отдельную информационную единицу (то есть фрагменты текста с линейной организацией, который в теории гипертекста называется «лексией» (термин, позаимствованный у Р. Барта и впервые относительно гипертекста употребленный Дж. Лэндоу); средство, делающее возможным переход от одной единицы к другой (ссылки). Для описания гипертекстов используется термин «гипертекстовая ссылка», в пределах которой различают источник ссылки – часть текста, текстовое или графическое изображение на экране, через активизацию которых вызывается новый текст или изображение на экран; и объект ссылки – новый текст или изображение, появляющееся в результате активизации ссылки. Способ перехода от источника ссылки к объекту называется «скачок», «прыжок»; способ перемещения в пространстве гипертекста путем обращения к гиперссылкам получил обозначение «навигация».

В западном литературоведении «литературой гипертекста» считаются только произведения, написанные в форме гипертекста, содержанию которых иногда сопутствуют изображения, фильмы или звуки, существующие на электронных носителях. Так, в комплексном исследовании Дж. Лэндоу «Hypertext 3.0. Critical theory and new media in an era of globalization» в качестве художественных гипертекстов рассматриваются только романы, созданные при помощи программы «Storospace»: «Patchwork Girl» Шелли Джексон, «Quibbling» К. Гайер, «afternoon, the story» М. Джойса [4]. Та же тенденция наблюдается в исследовании британского литературоведа Элис Белл «The Possible Worlds of Hypertext fiction», где она уделяет внимание анализу романов «afternoon, the story» М. Джойса, «Victory Gardens» С. Молтропа, «Patchwork Girl» Шелли Джексон и «Figurski at Findhorn on Acid» Р. Хэултона [5]. То есть под термином «гипертекст» англоязычное литературоведение понимает строго «цифровой гипертекст», произведения которого существуют и могут существовать только на электронных носителях.

Романы, перечисленные выше, были написаны при помощи программного обеспечения «Storospace», одним из создателей которого в конце 90-х гг. стал М. Джойс. «Storospace» представляет собой программное обеспечение для редактирования, написания и чтения литературы гипертекста, производится компанией Eastgate Systems – единственным издателем и распространителем созданной в «Storospace» литературы.

Каждая лексия в «Storospace» доступна только отдельно от других. Белл справедливо указывает на такое отличие романов Storospace от классической печатной литературы: лексии не пронумерованы, а озаглавлены. В романах Storospace читатель может «перелистнуть» страницу, нажав на кнопку «Ввод» (Enter), нажимая на слова, отмеченные гиперссылками, в некоторых романах можно напечатать краткий ответ к прочитанному, нажать клавиши «Да», «Нет»: разные лексии появятся в зависимости от ответа читателя.

Огромным полем для исследования в литературе гипертекста является поэтика интертекстуальности, так как новый тип организации повествования меняет как форму представления знания в соответствии с образом человеческого мышления, так и форму взаимодействия текста с другими текстами: интертекст, присутствовавший в текстах имплицитно, эксплицируется, принимая форму «материализовавшихся коннотаций» – ссылок, что влияет, во-первых, на саму структуру произведения, так как интертекстуальные связи принимают иерархический вид, во-вторых, на восприятие текста читателем, который мог не разглядеть аллюзий и реминисценций в классическом тексте, но обязательно встретится с ними в гипертексте. Кроме того, читателю предоставляется возможность актуализации либо игнорирования тех или иных ассоциативных связей в зависимости от его личного выбора.

Первый цифровой интерактивный роман «Полдень» («afternoon, the story») был создан американским писателем, основателем компании Eastgate Systems и теоретиком гипертекста Майклом Джойсом в 1987 г. Роман можно прочесть только с помощью компьютера, на диске содержится 539 лексий – «линейных фрагментов», 951 связка-«гиперссылка», каждая из которых представляет собой «альтернативный путь, уводящий сюжет в сторону» [6]. Вместо предисловия роман предварен своеобразной инструкцией к применению, где читателю разъясняется, как осуществлять «навигацию» по роману.

Гипертекстовая форма романа «Полдень» позволяет автору не просто писать текст, наполненный аллюзиями на произведения классической и современной литературы, но создавать произведение, где интертекст (единственно возможная форма существования произведения постмодернизма) будет сложен, многослоен, организован по уровням и в то же время будет производить впечатление некоего целого, созданного из известного ранее.

Роман «Полдень» М. Джойса представляет собой структуру, содержащую переплетение различных культурных пластов. Действие романа М. Джойса разворачивается в современной автору Америке.

В тексте «Полдня» интертекстуальные заимствования присутствуют на нескольких уровнях: во-первых, в именах двух главных героев – Навсикаи и Вертера, во-вторых, в названиях глав, которые апеллируют к греческой мифологии и эпосу («Пенелопа», «Лета», «Медуза», «Навсикая», «Олимпия», «Психея», «Сцилла», «Сирена»), в-третьих, в отсылках к произведениям Дж.Чосера, Х. Кортасара, У. Фолкнера, Дж. Барта, Дж. Оруэлла, Дж. Джойса, Р. Крили и Т. Рётке.

Система персонажей произведения носит интертекстуальный характер: «Главный герой романа – Питер. Он работает с Вертом, который, возможно, является любовником его жены и Лолли, его секретаря и поверенной. Лолли также дает психологические консультации Навсикае, которая, возможно, является любовницей Питера. Верт и Навсикая, возможно, тоже имеют любовную связь» [7]. Очевидно, что образ Вертера восходит к роману «Страдания юного Вертера» И. Гёте, а образ Навсикаи – к поэме «Одиссея» Гомера.

Питер же – герой-повествователь – является в романе своеобразным профессором Франкенштейном, создавшим гомункула – так называемую «мертвую книгу», оживающую под рукой читателя. На сходство Питера с профессором-создателем указывают рассуждения Навсикаи, где она связывает образ Питера с образом монстра в ироническом ключе: его самого нужно защищать от жизни и от людей. Сам же Питер сравнивает себя с Виктором Франкенштейном: он хочет вернуть погибшего сына и жену, в связи с чем вспоминает фильм «Творец», в котором сумасшедший ученый пытается клонировать умершую жену. Но по мере прочтения главы «Воздух» читатель понимает, что рассказчик воссоздает образ жены на страницах книги: *«Это была моя вина. Я ничего ей не давал. Я все еще хочу поместить ее в какой-нибудь рассказ собственного изготовления. Я все еще хочу изменить факты, не только, как произошли события, но и то, в каком порядке».*

Образ гомункула является важным не только для данного романа, но и для других произведений гиперпрозы: сюжет романа «Лоскутушка» Шелли Джексон построен на сочетании мотивов произведений «Лоскутушка из страны Оз» Л.Франка Баума и «Франкенштейн, или Новый Прометей» М. Шелли, а также работ французского философа-деконструктивиста Ж. Деррида. В оригинале романа М. Шелли профессор Виктор Франкенштейн начинает создавать так называемую женскую версию монстра, но отказывается от этой идеи, которую продолжает Ш. Джексон – писатель, которая взяла псевдоним (Шелли) для большей убедительности.

И сами произведения гипертекста напоминают гомункула – искусственно созданное произведение, состоящее из «ломтей» (по определению Т. Нельсона), «лексий», которые начинают взаимодействовать по воле читателя. Именно читатель является той силой, которая может оживить «монстра», созданного автором.

Также в образе Питера можно найти черты Одиссея. Лейтмотивом романа, который сопровождает образ главного героя, является мотив тоски по дому, жене и сыну. Так, в главе «Пенелопа» Питер в беседе с Лолли начинает говорить о сыне, хотя это и не вписывается в логику разговора: П: *«Я скучаю о нем, – говорю я, – когда я нашел его школьный листок, я начал плакать. Эти слезы лишь продолжение».* Л: *«Я понимаю, – говорит она. Но я имела в виду Вертера».* Их разговор снова и снова возвращается к сыну и жене Питера: глава «Дом» начинается с его вопроса: *«Что если они мертвы?»* Затем Питер рассказывает историю, изложенную ему Вертом, о мужчине, который бежал марафон и, когда до финиша оставалось пятьдесят ярдов, сошел с дистанции. Внесюжетный элемент – рассказ о спортсмене-любителе – вкуче с названием главы «Дом» усиливает мотив стремления Питера к сыну (таким же образом при помощи заглавия усиливается мотив тоски в лексии «Пенелопа»). На сходство образа героя с образом Одиссея (Улисса) также указывают средства художественной выразительности, используемые при упоминании Питера: его образ тесно связан с морскими образами. В главе «Монстры» Навсикая говорит о Питере: *«Есть великое море денег и власти, и оно течет от места к месту бессмысленно и без какой-либо цели».* Навсикая рассуждает о том, что Питер не приспособлен к жизни, а значит он дрейфует в этом море. Кроме того, к образу Одиссея нас отсылает повествование Питера о любви к жене (глава «СТ»), где он описывает пляж, *«прогулку среди одиноких крачек»* и бухту, куда причалила *«большая парусная шлюпка»*, чьи паруса были *«натянутыми, как тугие рубахи»*, *«с женщиной, машущим и*

машущим кому-то невидимому». Любовь к жене для Питера тесно связана со звуками «*постоянного прилива или штормов*».

Интересным для рассмотрения является образ Вертера. К бессмертному произведению И. Гёте апеллирует прежде всего имя героя и многочисленные детали: повествователь неоднократно указывает на немецкое происхождение Вертера («*Верт выглядит одним из тех, кого можно назвать пруссаком*»), его немецкий акцент («*...ухмыльнулся Верт, говоря мне, ударяя на каждый слог, приближаясь к немецкому*», «*Сейчас он [Вертер] сосредоточился на акценте...*»). Портретная характеристика Верта дана в ироническом ключе: «*Худое, ангелоподобное лицо, щечки-япфлочки, что заставляет его выглядеть так, как будто он всегда улыбается, хотя бы дьявольски. Монашеские волосы, выбритая по шаблону тонзура над высоким отполированным лбом. Зубы: обычно ты не замечаешь зубов у других людей, но ты замечаешь, что у Верта есть зубы, как будто это объясняет, почему имя Верт для грызунов*». С одной стороны, это «*ангелоподобное лицо*», с другой – это дьявольская улыбка и зубы, напоминающие зубы грызунов. В данном портретном описании Вертер предстает созданием демоническим, неприятным, что сильно отличает образ Вертера в романе Джойса от классического образа.

Но Вертер Джойса отличается от романтического персонажа не только внешностью. Сложна и противоречива психологическая характеристика персонажа, данная ему Навсикаей: «*Верт – такой эгоцентричный, опрометчивый, грубый – весь энергия и выглядящий, как грешник, иногда плачущий от вины, которую он чувствует, иногда смеющийся от чистой радости или о том, что он воображает, должно быть завоевано*». Нельзя не указать на сложность внешних проявлений внутреннего мира героя: с одной стороны, он «*эгоцентричный, опрометчивый, грубый*», с другой – «*грешник, иногда плачущий от вины*», «*смеющийся от чистой радости*». Сложность характера Вертера подтверждается и характеристикой, которая дает герою его жена – Лолли: «*Вертер любит усложнять, – говорит она, – все истории ему кажутся переплетенными*», что вполне соответствует классическому образу Вертера. От Питера мы также узнаем, что Вертер склонен к самоистязанию: «*Серебряная побрякушка покачивается в мочке его уха от рвения*», «*Он узнал, что в Нью Джерси есть пластический хирург, который годен для дуэли со шрамами. Он интересуется этим, но сейчас удовлетворяется более простыми увечьями: проколотым наименьшим из блесен Меррз левым ухом чаще всего даже без тройных крючков*». Сам Вертер сравнивает свое имя с названием болезни «вертиго» («*Или Верт. «Как в Верт-иге», – говорит он*»), которая характеризуется потерей равновесия.

Образ Навсикаи также является интертекстуальным: нельзя не вспомнить, что он присутствует не только в «Одиссее» Гомера, но и в трагедии Софокла «Навсикая, или Прачки», комедиях Евбула и Филиллия. Приближаясь к современной эпохе, этот образ приобрел отличные от оригинала черты: так, к образу Навсикаи в своем романе, ознаменовавшем эпоху модернизма, обращается Джеймс Джойс в эпизоде 13 части II. Сцена встречи Одиссея и Навсикаи, по замечанию переводчика «Улисса» С. Хоружего, «перешла из высокого ключа в остропародийный» [8]. Герти (новая Навсикая) «Подданая Ее величества Моды», «настоящая барышня» [9] демонстрирует Блуму свое исподнее, он в это время мастурбирует, после чего девушка удаляется на хромых ногах. Переход от эпического образа к пародийному С. Хоружий комментирует емкой фразой: «...где был лиризм – теперь онанизм», отмечая, что ««Навсикая» – «один из первых образцов постмодернистской литературы. Она разделяет с нею прежде всего огромную зависимость от некоей предшествующей литературы, опору текста – на предыдущие тексты, которые всячески переосмысливаются и переворачиваются» [10]. Характеризуя рассматриваемую главу, исследователь творчества Дж. Джойса также отмечает такую постмодернистскую черту, как исчезновение различия высоких и низких жанров, использование «большой» литературой приемов литературы массовой, «макулатурной».

Навсикая из романа «Подень» имеет физическую связь со всеми персонажами, составляющими систему образов произведения, что даже в сравнении с действиями легкомысленной барышни из «Улисса», демонстрирующей свое нижнее белье Блуму, является распутством. Майкл Джойс так же, как его великий предшественник, вводит в повествование поток сознания героини, который композиционно делится на главы «Любовники» (LOVERS), «Трогая себя» (TOUCHING MYSELF), «Монстры» (MONSTERS), «Саморазрушение» (SELF-DESTRUCTION), «Хороший солдат» (THE GOOD SOLDIER), «Озера сновидений» (DREAM POOLS), «Звездные войны» (STAR WARS). Как видно из названий глав, М. Джойс пользуется тем же приемом, что и его однофамилец: прием коллажа. Сам Джеймс Джойс охарактеризовал «коллажный голос» Герти следующим образом: «Особенный новый стиль... жеманно-джемово-мармеладный, панталонный, с добавлением благовоний, молений Пречистой, мастурбации, вареных моллюсков, палитры художника, бабьих сплетен и словолитий и т. д. и т. п.» [11]. Некоторые из составляющих, перечисленных Дж. Джойсом, мы можем обнаружить и в потоке сознания «современной Навсикаи»: мастурбация («Трогая

себя» (TOUCHING MYSELF)), нижнее белье («Я бы надела черные чулки, если бы он попросил меня»), современные фильмы («Дочь Франкенштейна», «Звездные войны»), журнал о современных IT-технологиях (Dataquest), прочие рутинные вещи («параметры, звонки, прибыль, сделки, экспертные системы...»). Так же, как поток сознания Герти сопровождается семяизвержением Блума, поток сознания Навсикаи периодически возвращается к этому процессу, завершаясь мыслями о произошедшей эякуляции. То есть можно сделать вывод о том, что лейтмотивами обоих женских монологов (в «Улиссе» и в «Полдне») является мастурбация – соитие с самим с собой, ни к чему не приводящее – символ эпохи постмодернизма. Очевидно, что роман М. Джойса «помнит свое прошлое» и восходит к жанрам серьезно-смехового: «...герои мифа и исторические фигуры прошлого... нарочито и подчеркнута осовременены, и они действуют и говорят в зоне фамильярного контакта с незавершенной действительностью» [12].

Гипертекстовая организация повествования позволяет автору романа «Полдень» соединить множество интертекстуальных пластов на сюжетно-мотивном и образном уровнях, а также органично вплести в текст отсылки к произведениям литературы, экфрастические элементы (описания фильмов «Звездные войны», «Творец», «Фотоувеличение» и «Красная пустыня» М. Антониони, С. Кубрика, архитектурных произведений Фрэнка Ллойда Райта); отрывки из «Новой науки» Дж. Вико и цитаты из Хейзинги. Все эти фрагменты представляют собой подвижную структуру, которая изменяется по воле читателя. При каждом новом прочтении элементы интертекста складываются определенным образом, наподобие калейдоскопа, где набор одних и тех же стекол создает совершенно разные и никогда не повторяющиеся узоры. Таким образом, свобода читателя, декларируемая авторами и критиками гипертекста, состоит отнюдь не в возможности влиять на сюжет произведения, но в возможности строить текст согласно своим ассоциациям, которые, как известно, зависят в том числе и от культурного «багажа» читателя.

Примечания

1. Барст О. В. Структурно-семантические особенности организации гипертекстового нарратива: На материале гиперромана М. Джойса *Twelve Blue*: автореф. дис. .... канд. филол. наук, СПб., 2005. С. 12.
2. Nelson T. *Literary machines*, 1982. P. 11.
3. Дедова О. Путеводитель по саду расходящихся троп // НЛО. 2011. № 110. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/110/d37.html> (дата обращения: 28.10.2014).
4. Landow G. *Hypertext 3.0: critical theory and new media in an era of globalization* The John Hopkins University Press, 2006.
5. Bell Alice. *The possible worlds of hypertext fiction*. Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010.
6. Визель М. Поздние романы Итало Кальвино как образцы гипертекста. URL: <http://www.netslova.ru/viesel/viesel.htm> (дата обращения: 28.10.2014).
7. Bell Alice. *Op. cit.* 2010. P. 29.
8. Джойс Дж. *Улисс: роман* / [пер. В. Хинкиса, С. Хоружего; коммент. С. Хоружего]. М.: Эксмо, 2009. С. 855.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Бахтин М. М. *Проблемы поэтики Достоевского*. М., 1972. С. 65.

Notes

1. Burst O. V. *Strukturno-semanticheskie osobennosti organizacii gipertextovogo narrativa: Na materiale giperromana M. Dzhoyisa Twelve Blue: avtoref. dis. .... kand. filol. nauk*[Structural-semantic peculiarities of the organization of hypertext narrative: On the material of hipernovel of M. Joyce's *Twelve Blue*: autoref. dis. .... Cand. of Philology]. St. Petersburg, 2005. P. 12.
2. Nelson T. *Literary machines*, 1982. P. 11.
3. Dedova O. *Putevoditel po sadu rashodyashhihsya trop*[Guide to the garden of forking paths] // UFO. 2011, No. 110. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/110/d37.html> (reference date: 28.10.2014).
4. Landow G. *Hypertext 3.0: critical theory and new media in an era of globalization* The John Hopkins University Press, 2006.
5. Bell Alice. *The possible worlds of hypertext fiction*. Basingstoke; N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010.
6. Wiesel M. *Pozdnie romany Italo Kalvino kak obrazcy gipertexta*[Late novels of Italo Calvino as models of hypertext]. Available at: <http://www.netslova.ru/viesel/viesel.htm> (reference date: 28.10.2014).
7. Bell Alice. *Op. cit.* 2010. P. 29.
8. Joyce J. *Ulysses: roman*[Ulysses: novel] / [trans. Hinkis V., S. Horuzhiy; comments of S. Horuzhiy]. M. Eksmo. 2009. P. 855.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo*[Problems of Dostoevsky's poetics]. M. 1972. P. 65.

Исследование репертуара православной литературы, издававшейся в Вятском крае в XIX – начале XX в.

В статье представлены результаты анализа православного книгоиздания в Вятском крае в XIX – начале XX в. Воссозданный репертуар проанализирован в соответствии с типологией, в основе которой находится признак «целевое назначение издания». В ходе анализа выявлены сведения об авторах-составителях и типографиях. Актуальность исследования состоит в том, что в научном плане православная литература дореволюционного периода Вятки комплексно описана впервые.

The article presents the results of the analysis of the Orthodox knigoizd deposits in Vyatka edge of the XIX – beginning of XX centuries. Recreated repertoire analyzed in accordance with the typology, which is a sign of "purpose publica-tion". The analysis revealed information about the authors-compilers and publish-ers. The relevance of the study is that in scientific terms, Orthodox literature of the pre-revolutionary period Vyatka comprehensively described for the first time.

Ключевые слова: православная литература, книгоиздание Вятского края, типология книги, репертуар фондов библиотек / репертуар вятских издательств, целевое назначение книги.

Keywords: Orthodox literature, publishing Vyatsky Krai, typology books, the repertoire of the holdings of libraries / the repertoire of Vyatka publishers, the purpose of the book.

Одна из основных задач нашего исследования «Издание православной книги в Вятском крае: историко-книговедческая характеристика» – воссоздание репертуара православной литературы, выпускавшейся в Вятской губернии в XIX – начале XX вв.

О значении реконструкции книгоиздательского репертуара говорят многие исследователи. Подробно этот вопрос раскрывает С. Н. Русских в новейшем исследовании «Книжная культура Вятского региона в 1917–1945 гг.» [1], посвящая данной теме параграф «Издательский репертуар как историко-книжный источник. Источники реконструкции репертуара печати Вятского региона». С. Н. Русских указывает на труды известных книговедов, наших современников, чьи исследования представляют интерес в этом вопросе, в частности на работы Н. Ф. Авериной, М. В. Курмаева, Е. К. Соколинского, И. М. Троицкой. О значении репертуара печати как важного источника культурной истории страны говорили в разное время многие учёные, в том числе такие известные книговеды, как С. А. Венгеров, Г. Н. Геннади, С. А. Соболевский, В. И. Межов, А. Г. Фомин. Вместе с тем особую теоретическую и практическую значимость результатам исследования С. Н. Русских придаёт созданный на их основе единственный в своём роде библиографический указатель «Репертуар печатной продукции Вятского региона (1917–1945 гг.)» [2]. В предисловии к этому изданию доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета печати имени Ивана Фёдорова О. В. Андреева пишет: «Реконструкция репертуара печатной продукции является не просто важным, но ключевым этапом в изучении книжной культуры любой эпохи, любой страны или региона. Именно репертуар помогает представить адекватную картину развития книгоиздания, полиграфии, книгораспространения, читательских потребностей. Объёмы книгоиздания в Вятском регионе действительно впечатляют и выделяют его из числа многих других областей страны. Значительное количество издательств, издающих организаций, типографий, их напряжённая работа говорит о сосредоточении в Вятке большого культурного, научного потенциала и творческих сил. Местные учёные, писатели, поэты активно публиковали свои научные, научно-популярные труды, художественные произведения» [3]. Следует заметить, что данные выводы отнесены к периоду 1917–1945 гг., книжную культуру которого рассматривает в своём исследовании С. Н. Русских. Однако по отношению к православному книгоизданию Вятского края XIX в. данная характеристика также может быть справедлива, поскольку в дореволюционной Вятке активно публиковали свои труды, открывали типографии, в числе прочей интеллигенции, священнослужители и церковные деятели (миссионеры, преподаватели духовной семинарии, регенты).

Если говорить о России в целом, то сегодня существует несколько попыток создания региональных издательских репертуаров. Примечательно, что практически во всех из них рассматривается дореволюционный период. Таковы, например, исследования Н. Ф. Авериной по Пермской губернии, М. В. Курмаева – по Самарской губернии. Предприняты попытки изучить репертуары печати Ярославской, Курской, Рязанской губерний. Что касается изучения репертуара собственно православной литературы, М. Н. Злыгостевой была сделана попытка воссоздать репертуар Омской и Томской епархий Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. [4]

Если говорить об изучении книжного репертуара Вятского края, отметим, что к настоящему времени исследователи оставили несколько работ, в которых репертуар представлен достаточно полно. С 1969 по 1995 г. библиотекой Герцена по инициативе библиографа Г. Ф. Чудовой выпускались ежегодники, в которых отражался краеведческий репертуар. В 1972 г. к 175-летию Вятской областной типографии был издан указатель «Основные издания, отпечатанные в Кировской областной типографии (1837–1971)», который частично отражает репертуар вятской печати на протяжении длительного исторического периода. Попытка реконструировать как можно более полно репертуар печати Кировской области впервые предпринята С. Н. Русских, в рамках ее диссертационной работы был составлен репертуар печати Кировской области (Вятской губернии) 1917–1945 гг. Однако воссозданный книжный репертуар охватывает лишь определённые исторические периоды, иными словами, представление о нём носит фрагментарный характер. Комплексного репертуара книгоиздания Вятского края, начиная от первых печатных книг и заканчивая современной литературой, пока не существует. Именно это может стать перспективой научных исследований. Мы же в своём исследовании предпринимает попытку изучения и реконструкции репертуара православных изданий, выпускаемых в разные исторические периоды в Вятском крае. Однако в данной статье речь пойдёт о репертуаре православной книги, издававшейся в Вятском крае до 1917 г.

Перед нами стояли четыре задачи: 1) выявить книги православного содержания в фондах библиотек; 2) упорядочить полученный в результате анализа массив изданий в соответствии с общепринятой типологией православной литературы; 3) обозначить особенности книгоиздания дореволюционной Вятки; 4) выявить сведения об авторах-составителях и типографиях. Актуальность исследования заключается в том, что в научном плане православная литература дореволюционного периода, изданная в Вятском крае, впервые будет описана комплексно и репертуар православной книги XIX – начала XX в. рассмотрен в ракурсе вопросов типологии.

Воссоздание репертуара православной литературы, издававшейся в Вятской губернии в XIX – начале XX в. мы осуществили на основе трёх источников. Во-первых, были изучены фонды библиотеки Вятского Духовного училища; во-вторых, проанализирован каталог вятской Губернской Публичной Библиотеки имени императора Николая I (издание 1910 г.); в-третьих, мы обратились к хронологическому алфавитному указателю местных изданий – специальному каталогу Кировской областной научной библиотеки имени А. И. Герцена.

Полученный массив изданий для наглядности считаем логичным представить в разрезе типологии православной литературы на основании признака – по целевому назначению. Считаем, что целевое назначение издания – аспект, который характеризует функционирование книги в обществе, её функциональное предназначение. Классификация книжного массива согласно типологии книги по признаку целевого назначения позволит наглядно представить, книги какой тематики и для каких целей издавались в исследуемый период. На основании признака целевого назначения виды и типы православной литературы рассматривает М. Н. Злыгостева в указанном ранее исследовании «Православная книга Западной Сибири» [5]. Классификация, предложенная Злыгостевой для православных изданий Западной Сибири, заслуживает внимания, поскольку в ней намечены определённые позиции, ориентированные в первую очередь на специфику религиозных изданий второй половины XIX – начала XX в. Считаем целесообразным применить данную классификацию относительно православной литературы Вятского края. Основанием для этого служит также и то, что автором данного варианта видотипологической характеристики религиозных изданий при составлении классификации учитывается видовая характеристика изданий, зафиксированная современным ГОСТ 7.60–2003. По М. Н. Злыгостевой, религиозные издания по целевому назначению представлены следующими видами: *издания религиозного первоисточника; официальные издания, обслуживающие официальную жизнь церкви; богослужебные, или литургические, издания; научные богословские издания; религиозно-популярные издания; информационные религиозные издания; церковно-практические издания; религиозные справочные издания; религиозные учебные издания; религиозные литературно-художественные издания* [6]. Итак, рассмотрим православную литературу, издававшуюся в Вятском крае в дореволюционный период, и конкретизируем выявленные книги согласно их целевому назначению.

Анализ репертуара интересующего нас периода начат с книг, хранящихся в **библиотеке Вятского Духовного училища**. При обследовании фондов библиотеки мы выявили 27 православных дореволюционных изданий. В данное количество не входят «Вятские епархиальные ведомости» и журналы съезда духовенства Вятской Епархии, поскольку те и другие относятся к периодике. Больше всего изданий, относящихся к типам *«религиозные литературно-художественные издания»* (включая копии дореволюционных книг, переплетённые уже в нынешнее время), – 12 книг и *«религиозно-популярная»* – девять источников. К *официальным изданиям* мы причислили пять источников (издания, содержащие протоколы епархиальных съездов, документы консистории и внутриепархиальные ведомости). Одну книгу отнесли к типу *«религиозное учебное издание»*: «Священная история Нового Завета» (Попов, 1913). Книг описываемого периода, относящихся к типам *«религиозное справочное издание»*, *«информационная религиозная литература»*, *«издания религиозного первоисточника»*, *«научные богословские издания»* и *«богослужебные издания»* нами в библиотеке ВДУ (официальная аббревиатура названия учебного заведения – Вятское Духовное училище) не обнаружено. Если говорить о жанрах и тематике описываемых книг из фондов библиотеки, следует отметить, что в основном издании представлены проповедями духовенства («словами» и обращениями к пастве на праздники), очерками о чудотворной иконе Нерукотворного образа Христа Спасителя, находящейся в Вятском Спасском соборе, очерками по истории Свято-Трифонова монастыря. Имеются повести, посвящённые явлению образа святителя Николая Чудотворца при реке Великой. Более всего книг посвящено жизнеописанию преподобного Трифона Вятского Чудотворца. Имеют место издания, вмещающие житие двух вятских святых – преподобного Трифона и блаженного Прокопия. Наличие данных книг закономерно в библиотеке, находящейся при Успенском монастыре, основанном самим преподобным Трифоном.

Вместе с тем следует отметить в целом малую долю дореволюционных книжных изданий в фондах библиотеки ВДУ. Скудость репертуара XIX в. объяснима вполне объективными причинами: библиотека Духовного училища возобновила своё существование в 1996 г., и фонды в это время формировались заново. За советский период богатые фонды библиотеки Вятской Духовной семинарии были расформированы, часть их, по нашему предположению, пополнила фонды библиотеки имени Герцена, другая часть – утрачена безвозвратно. Представленная картина не отражает объективно православное книгоиздание дореволюционной Вятки, но может служить одним из аспектов нашего исследования.

Чтобы создать наиболее правдивое представление об издании православной книги дореволюционной Вятки, мы проанализировали издание 1910 г. **«КАТАЛОГЪ вятской Губернской Публичной Библиотеки имени императора Николая I 1910 года»** [7]. Издания в каталоге представлены по разделам. Книги православного содержания, изданные в Вятской губернии, выявлялись в разделе: «Отделъ I. Богословіе». Всего в разделе отражено 731 издание, однако эта цифра вмещает всю литературу по данной тематике, представленную на 1910 г. в библиотеке, в том числе книги, изданные в других городах России. Что касается *православных изданий, выпущенных непосредственно в Вятке*, таковых выявлена всего 41 книга.

В результате соотнесения данных изданий с типологией православной книги, предложенной М. Н. Злыгостевой, приходим к выводу, что в начале XX в. в центральной областной библиотеке хранились православные книги различного целевого назначения, а именно:

– *Религиозные литературно-художественные издания* – 16. В соответствии с типологией Злыгостевой мы относим к данному типу жития святых, изданные в Вятском крае, размышления «О спасении», «О молитве» и «Объ ожиданіи смерти и приготовленіи къ вечной жизни» и другую подобную литературу.

– *Религиозно-популярные издания* – 11. В основном представлены поучениями местного духовенства, адресованными пастве. Например: Куртбевъ «Беседы о служеніи Богу въ праздничные дни» (Вятка, 1976).

– *Научные богословские издания* – девять. Включают как труды местного духовенства, разъясняющие отдельные постулаты веры, например: Мышкин, свящ. «Очеркъ православнаго ученія объ ангелахъ» (Вятка, 1864 и 1875), так и учения святых отцов: «Краткое ученіе о литургіи св. Иоанна Златоуста» (Вятка, 1858).

– *Издания религиозного первоисточника* представлены двумя книгами: 1) «Книга Іова въ русском переводе» (Вятка, 1861); 2) Н. Поповъ протоиерей. «Краткая священная исторія. Ветхій заветъ» (Вятка, 1871).

– *Религиозные учебные издания*. Выявлено всего две книги: 1) Владиславлевъ прот. «Записки по классу Закона Божія» (Вятка, 1871); 2) «Преподаваніе Закона Божія въ образцовой церковно-приходской школе при Вятской духовной семинаріи» (Вятка, 1897).

– *Богослужбные издания*. Найдена всего одна книга данного типа: Псалмопение (Вятка, 1881).

Примечательно, что в отделе «Богословие» не обнаружено некоторых типов книг, отражённых в типологии Злыгостевой: нет официальных, информационных религиозных, церковно-практических и религиозно-справочных изданий. Все выявленные и проанализированные издания не противоречат типобразующим признакам понятия «православная книга».

Чтобы сформировать более полное представление об издании православной книги в Вятке, мы обратились к *специальному каталогу краеведческого отдела Кировской областной научной библиотеки имени А. И. Герцена – хронологическому алфавитному указателю местных изданий*. Это каталог для внутреннего пользования сотрудников, в котором книги, изданные в Вятском крае, представлены по годам. По информации библиографов, это наиболее полный каталог изданий, хранящихся в библиотеке. Поскольку на данном этапе исследования мы изучаем издание православной литературы до революции 1917 г., каталог проанализирован на наличие книг этого периода, начиная с 1836 г. (именно с этого года в библиотеке хранятся книги, изданные в Вятке).

Представим результаты анализа карточного каталога. Всего в хронологическом алфавитном указателе отражено порядка 245 изданий, названия которых указывают на принадлежность содержания к церковному и религиозному аспектам. Как и в предыдущих анализируемых источниках, наиболее полно представлены религиозно-популярные издания (77 источников) и религиозные литературно-художественные издания (64 источника). Однако необходимо учитывать, что тип «*религиозно-популярные издания*» согласно типологии Злыгостевой объединяет весьма широкий спектр изданий в содержательно-жанровом отношении. В рамках данной статьи не представляется возможным отразить подробный обзор типов и видов обнаруженных изданий. Однако отметим ряд наблюдений и выводов, к которым мы пришли в результате исследования книжного репертуара.

Больше всего изданий среди житийной литературы посвящено жизни преподобного Трифона Вятского. Среди печатных изданий имеются жизнеописания преподобного, духовная грамота святого к ученику, «Слово на день преподобного...», исторический очерк почитания святого, очерк о патриотической деятельности Трифона Вятского Чудотворца в смутное время. Некоторые книги являются изданиями Вятского Успенского Трифонова монастыря. Пик издания литературы о преподобном Трифоне пришёлся на начало XX столетия в связи с празднованием в 1912 г. 300-летия со дня преставления святого. В хронологическом указателе отражено порядка 12 источников, содержание которых связано с именем преподобного.

Тип «*религиозные литературно-художественные издания*» в результате анализа книг считаем целесообразным конкретизировать тремя видами изданий, на которые в типологии М. Н. Злыгостевой прямого указания нет:

1) художественная литература нравственного содержания, несущая в мир христианские ценности. Примерами могут служить книги: «Праздник на реке Великой», «Женщина в патриархальной семье»;

2) проза исторического содержания, отражающая те обычаи нашего государства, в основе которых лежит православная традиция. К примеру, книга «Дни Священного Коронования Их императорского Величества государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Федоровны» (Макаров, 1899);

3) летописи об истории Земли Вятской, повествующие о событиях, связанных с жизнью Церкви, с церковной историей, с православной верой предков. Примерами могут служить «Летописец старых лет. Памятник Вятской письменности XVII–XVIII вв., «Повесть о стране Вятской (Вятский летописец)» и «Сказание русских летописцев о Вятке с указателем». Составителем всех трёх изданных в 1905 г. летописей в формате печатной книги является исследователь истории Вятского края А. С. Верещагин.

Проведённый анализ трёх источников воссоздания репертуара позволил выявить авторов православных книг, а также издательства и типографии, где печаталась православная литература. До сих пор в научном плане обобщающих сведений об этом не встречалось.

Прежде всего выделим епископов Вятской Епархии. Палладий (епископ Сарапульский) и Сергей (епископ Вятский) оставили след в научной богословской литературе. Их труды в основном представляют историко-канонические исследования для членов Православной Церкви, носящие практический характер. «Собрание слов, поучений и речей Преосвященного Макария, бывшего епископа Орловского и Севского» выдержало несколько переизданий. Духовным завещанием на страницах книг до нас дошли беседы и поучения архиереев Вятской епархии. Назовём только несколько изданий: «Почтения на дни воскресные и праздничные и на некоторые осо-

бенные случаи, говоренные Елпидифором, епископом Вятским и Слободским» (Елпидифор, епископ Вятский и Слободской, 1857), «Беседа Его Преосвященства Преосвященнейшего Аполлоса, Епископа Вятского и Слободского к пастырям Вятской Епархии» (Аполлос, 1878). «Беседы, сказанные Геннадием, Епископом Сарапульским, викарием вятским в 1869 году, при обозрении Вятской епархии» (Вятка, 1899).

Кроме того, на научно-богословской ниве потрудились священники: Симеон Попов, составив «Катехизические поучения на Символ веры, Молитву Господню и десять заповедей» (Сарапул, 1874), и Игнатий Фармаковский – «Некоторые сведения о книгах Нового Завета» (Вятка, 1871). Николай Попов является автором-составителем учебных пособий для гимназистов – «Священной истории Ветхого и Нового Завета». Авторами религиозно-популярных книг являются священники: Дмитрий Рязанцев, Ипполит Мышкин, Стефан Кашменский, Яков Шестаков, Герасим Никитников, Петр Дрягин, Иоанн Скарданицкий, Александр Флоров, В. Огнев, А. Игнатъев, иеромонах Зиновий (Дроздов), Александр Верещагин. В основном их произведения представляют собой миссионерские труды («слова», проповеди, обращения к старообрядцам) либо очерки историко-краеведческой тематики (описания храмов, монастырей, «церковно-исторические опыты»). Особенный вклад в духовное наследие не только Вятского края, но и всей Русской Православной Церкви оставил иеромонах Стефан (после преставления прославленный в лике святых, ныне преподобный Стефан Филейский). Диакон Вятской градской больничной церкви Михаил Чемоданов составил несколько книг, посвящённых почитанию общероссийских святых: «Жизнеописание преподобной матери Пелагеи» (Вятка, 1893), «Преподобный Сергей Радонежский чудотворец» (Вятка, 1893), «Собор Святого Архистратига Михаила и прочих бесплотных сил небесных» (Вятка, 1893).

Помимо представителей духовенства, среди авторов православных изданий встречаются церковные деятели. Много трудов, связанных с празднованием 300-летия юбилея со дня преставления преподобного Трифона Вятского, оставил И. Осокин. Автор методических изданий «О преподавании Закона Божия в начальных народных училищах» – преподаватель вятской Духовной семинарии А. Крассов. Среди авторов вятской православной литературы неоднократно встречаются следующие фамилии: К. Десницкий, А. Спицын, В. Юрьев, Н. Тихвинский, А. Бувевский.

Анализ православной литературы, выпущенной в Вятском крае в XIX – начале XX в., позволил сформировать картину издательств и типографий, которые печатали в этот период православные книги. Чаще всего встречаются следующие названия: издательство Вятского Успенского Трифонова монастыря, Вятская Губернская типография, Скоропечатня Анисимовых и Блиновой, типография Куклина, типография Маишеева, бывшая Куклина и Красовского, Вятская типография Шкляевой, типография А. М. Сычёвой, типографии А. А. Сильвинского, типография П. В. Котлевич, скоропечатная Огородникова, типография К. Блинова.

Таким образом, в ходе исследования репертуара православной литературы XIX – начала XX в. нами был проведён анализ фондов Кировской областной научной библиотеки имени Герцена (на основании хронологического указателя и одного из первых каталогов 1910 г.), а также обследованы фонды специализированной библиотеки Вятского Духовного училища на выявление православных книг интересующего периода. Результаты исследования представлены в соответствии с целевым назначением изданий, для этого обнаруженные литературные источники были проанализированы на основе типологии, предложенной М. Н. Злыгостевой. Исследование подтвердило состоятельность данной типологии не только для книгоиздания Западной Сибири, но и в целом для православной литературы, издаваемой в России в XIX – начале XX в.

В рамках данной работы мы не претендуем на полное восстановление репертуара. Как указывает в своём исследовании Светлана Русских, это труд, с которым одному человеку не справиться: «Многими исследователями, занимающимися этой проблемой, отмечается, что реконструкция репертуара печати – дело практически бесконечное, и силами одного исследователя его не довести до конца...». Поэтому мы не считаем, что собранный массив полностью отражает объёмы вятского книгоиздания. Можно лишь утверждать, что собрано подавляющее большинство печатной продукции, выпущенной на территории региона. Дальнейшая работа по реконструкции репертуара может проходить по многим направлениям.

Новизна исследования заключается в том, что в научном плане православная литература дореволюционного периода комплексно описана впервые. На основании восстановленного репертуара православной книги можно получить представление о книгоиздании дореволюционной Вятки в целом, поскольку в основе выпускаемой книжной продукции находилась литература православного содержания. Полученные выводы могут представлять практический интерес в профессиональной деятельности краеведов, преподавателей «Основ православной культуры», быть полезными учащимся гуманитарных факультетов светских вузов и духовных учебных заве-

дений. Изучение регионального православного книгоиздания Вятки XIX – начала XX столетий позволяет выявить издания, актуальные и сегодня в содержательном плане (для обращения к опыту святых отцов церкви современных миссионеров, мирян). Кроме того, реконструкция репертуара способна повлечь другие исследования книговедов: более тщательную проработку вопроса типологии православной литературы, более глубокий поиск сведений о православных авторах изданий и деятельности типографий ушедшего времени.

Примечания

1. Русских С. Н. Книжная культура Вятского региона в 1917–1945 гг.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2013.
2. Репертуар печатной продукции Вятского региона (1917–1945 гг.): библиографический указатель / сост. С. Н. Русских; науч. ред. О. В. Андреева. Киров: ИД «Герценка», 2014.
3. Там же. С. 1–2.
4. Злыгостева М. Н. Православная книга Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.
5. Там же.
6. Там же. С. 10.
7. КАТАЛОГЪ вятской Губернской Публичной Библиотеки имени императора Николая I-го 1910 года / Издание Попечительского Комитета Библиотеки. Вятка: Губ. типография, 1910. С. 1–28.

Notes

1. Russkikh S. N. *Knizhnaya kultura Vyatskogo regiona v 1917–1945 gg. : dis. ... kand. istor. nauk*[Book culture of Vyatka region in 1917-1945 : dis. ... Cand. Historical. Sciences]. М. 2013.
2. *Repertuar pechatnoy produkcii Vyatskogo regiona (1917–1945 gg.)* – The repertoire of printed products of Vyatka region (1917-1945): a bibliography / comp. S. N. Russkikh; scientific ed. O. V. Andreeva. Kirov. Publ. house "Hertsenka". 2014.
3. Ibid. Pp. 1-2.
4. Zlygosteva M. N. *Pravoslavnaya kniga Zapadnoy Sibiri (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*[Orthodox book of Western Siberia (second half of XIX — beginning of XX centuries): autoref. dis. ... Cand. of Philology]. SPb. 2011.
5. Ibid.
6. Ibid. P. 10.
7. DIRECTORY of Vyatka Governorate Public Library named after Emperor Nicholas I-th of 1910 / Issue of Trustees Committee of the Library. Vyatka. Prov. printing hous. 1910. Pp. 1-28. (in Russ.)

УДК 821.161.1–31

Е. М. Гордеева

**Жанровое своеобразие романа-идиллии
А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»***

Статья посвящена исследованию жанровой специфики романа-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (2001). Данное произведение изучается в свете пасторально-идиллической традиции. В центре исследовательского внимания находятся многочисленные любовные коллизии. Рассматриваются матримониальные отношения разных поколений «патриархального клана» Саввиных-Стремоуховых. Выясняется, что на фоне пасторальной любви старших членов семейства любовные истории их детей, повторяющих родительский опыт «с точностью до наоборот», воспринимаются как антипасторали, что на контрасте изображаются две первые любви младшего представителя рода. Отмечается, что указанные противопоставления восходят к принципиальной для пасторали оппозиции естественное / искусственное, что традиционные пасторальные схемы подвергаются заметному переосмыслению, используются с целью создания комического эффекта. В заключение подчеркивается, что «Ложится мгла на старые ступени» – роман не только идиллический, но и пасторальный.

Genre peculiarity of A. P. Chudakov's novel-idyll 'Haze lies on old steps' (2001) is analyzed in the article. This work is studied in the light of pastoral-idyllic tradition. Numerous love collisions are in the center of attention. Matrimonial relationships of different generations of Savviny-Stremoukhovy 'patriarchal clan' are described. It turned out that together with pastoral love of the elder family members, love stories of their children, repeating their parents' experience 'quite opposite', are considered to be anti-pastorals, that two first loves of the younger family

* Материал опубликован в рамках РГНФ № 14-14-59005.

© Гордеева Е. М., 2015

members are depicted in contrast. It is noted that mentioned oppositions date back to essential pastoral opposition of natural / artificial, that traditional pastoral schemes go through significant rethinking, they are used to create comic effect. In conclusion it is emphasized that 'Haze lies on old steps' – is a novel not only idyllic, but also pastoral.

Ключевые слова: А. П. Чудаков, «Ложится мгла на старые ступени», жанр, роман-идиллия, пасторально-идиллическая традиция, идиллический хронотоп, пасторальная топика.

Keywords: A. P. Chudakov, 'Haze lies on old steps', genre, novel-idyll, pastoral-idyllic tradition, idyllic chronotope, pastoral topics.

«Современный человек: Движение к пасторали?» (2011). Так называется ежегодник ИНИОНа, посвященный «анализу пасторального идеала в современном культурном сознании и его философской рефлексии» [1]. «Ложится мгла на старые ступени» А. П. Чудакова – произведение, позволяющее утвердительно ответить на вопрос, содержащийся в названии ежегодника, свидетельствующее о том, что для современного человека «движение к пасторали» – это не утопия, а реальность*.

Роман Чудакова неоднократно привлекал к себе внимание критиков. Изучая жанровую специфику произведения, они сосредоточивали интерес главным образом на его связях с традиционной идиллией. Наиболее развернутый и аргументированный анализ взаимодействия идиллического и антиидиллического начал предложил А. Степанов. В ходе своих наблюдений он пришел к весьма важному выводу о том, что расхождения чудаковского романа с идиллическим каноном не означают разрушения идиллии как жанра, они свидетельствуют о его трансформации в рамках нового жанрового образования.

Опираясь на бахтинское определение идиллического хронотопа, А. Степанов показал, что роман Чудакова «соответствует, по крайней мере, трем из четырех» его разновидностей: «земледельчески-трудовому, ремесленно-трудовому и семейному» [3]. Как известно, в ряду упомянутых «чистых типов» идиллического хронотопа у М. М. Бахтина имелся еще один, а именно: «любовная идиллия (основной вид – пастораль)» [4]. На наш взгляд, исключать его из рассуждений о жанровой специфике романа Чудакова – значит оставлять без внимания весьма значимый пласт произведения.

«Ложится мгла на старые ступени» – роман не только о выживании, о «натуральном хозяйстве XX века», но и о любви. Она знакома всем его героям. Как переживаемые ими чувства соотносятся с пасторальной любовью, нам предстоит выяснить.

Собственно пасторальными показаны отношения, связывавшие бабу и деда. Несмотря на то что их брак пришелся на время отнюдь не пасторальное (они сыграли свадьбу в преддверии революции), им удалось сохранить свои чувства в первоначальном виде на протяжении семи десятилетий. Любовь бабу и деда непосредственно изображается лишь в трех сценах. Дважды речь идет об обстоятельствах их знакомства, рассказывается о них в начале и в середине повествования, в результате чего тема «первого свидания» становится в романе-идиллии сквозной, отмеченный повтор усиливает ее значимость, переводит рассказ о том, как сложился брачный союз, в разряд семейного предания. О крепости уз, связывавших бабу и деда, свидетельствует сцена прощания: перед смертью дед просит у бабу прощения, за то, что обещал ей «счастье, покой, довольство, а дал бедность, беспокойство и изнурительный труд», она же убеждает его в том, что он ни в чем не виноват. Прожившие жизнь в любви и согласии, они и у «последней черты» остаются близкими людьми, беззаветно преданными друг другу.

Рассмотрим названные эпизоды в подробностях, указывающих на их пасторальную подоплеку. Прежде всего, отметим, что линия личной жизни героев представлена в произведении ее начальной и конечной точками. О том, как складывались отношения деда и бабу между «встречей» и «расставанием», говорится немного, однако сказанное вполне укладывается в пасторально-идиллические представления о счастливом браке. Став женой и матерью, Ольга Петровна любила своего мужа как главу семьи, выражая свои чувства в заботе о его силе и здоровье. Например, при так называемой дележке еды она всегда «ему накладывала больше и лучшие куски», охраняла от назойливых соседей его послеобеденный отдых (дед имел обыкновение спать днем

* В данной статье мы опираемся на определение пасторали, данное Т. В. Саськовой. Под пасторалью она понимает «модальность как совокупность содержательных признаков, подразумевающих особое мироощущение, систему ценностей, идеал, тип героев». Согласно Т. В. Саськовой, «эти содержательные компоненты, связываясь с определенным набором формальных признаков, образуют разные жанровые варианты (эклога, идиллия, георгика, пасторальная поэма, пасторальная драма, пасторальный роман)» [2].

ровно час). Муж для нее, прежде всего, кормилец, без которого семья не смогла бы выжить. На протяжении всего повествования ни разу не заходит речь о том, что герои ссорились или хотя бы выражали недовольство друг другом. Напротив, подчеркивается, что дед «никогда не спорил» с бабкой. Например, если она настаивала на том, что картофель из блюда для репы не едят, дед соглашался и перекладывал его в миску. Когда бабка сожалела, что, уезжая из Вильно (убегая «от немцев еще в ту войну»), они не захватили с собой еще и редкой красоты фарфоровые лампы, дед лишь замечал, что «с него достаточно и того, что с собой всюду возили козетку а ля Луи Каторз» [5]. Создается впечатление, что в течение всей жизни их связывали отношения гармоничные, основанные на полном взаимопонимании и любви.

Леонид Львович впервые увидел свою будущую супругу в «Семейных обедах» – в столовой, открытой матерью Ольги Петровны. Семнадцатилетняя Оля, только что окончившая Институт благородных девиц, помогала матери. «И Оля, и обеды деду настолько понравились, что он обедал целый год, пока не сделал предложение» [6]. У Леонида Львовича имелся соперник – гвардейский офицер из Петербурга, приехавший в Вильно за покупкой полковых лошадей. Через неделю он преподнес Ольге Петровне «гелиотроп и адонис весенний», что на языке цветов означало серьезность намерений: «всепоглощающую любовь и просьбу о сближении». Ольга Петровна, приняв цветы от офицера, замуж пошла за деда – в то время выпускника Виленской духовной семинарии, ожидавшего прихода. И конногвардеец, и священник были красавцами, однако счастье улыбнулось только одному из них.

Важно заметить, что, говоря о любви бабки и деда, автор сосредоточивает внимание главным образом на конфетно-букетном ее периоде, весьма непродолжительном по времени (один год) и безоблачном по своей сути, когда единственную «сложность» (и то, похоже, лишь для бабки) являл собою конкурент в борьбе за руку и сердце красавицы. В жизни героев этот период – пастораль в чистом виде: они молоды, они любят и любимы, их любовь ничем не омрачена, она естественна и в то же время целомудренна.

Не менее важно и то, что автор «увязывает» столь высокое чувство с пищей (подчеркивая, что герои познакомились в столовой, что выпускница Института благородных девиц хорошо готовила и т. п.). Нет никакого лукавства и в ответе деда на вопрос, за что он полюбил свою будущую супругу: «Она очень изящно разливала чай» [7]. Пища – источник жизни, основа человеческого существования, которое невозможно также и без любви. Пища и любовь уравниваются в правах как некие «базисы», на которых покоится жизнь. Закрепленная сюжетно, связь пищи и любви символична. Она натурализует высокие чувства, придает им статус отприродного явления, подчеркивает их «насущность», формирует отношение к ним как к одной из важнейших человеческих потребностей. В художественном мире рассматриваемого романа-идиллии соседство пищи и любви приобретает концептуальное значение и указывает на принадлежность произведения к пасторально-идиллической традиции.

Следует подчеркнуть, что речь идет о любви, которая увенчалась заключением брака и последующим рождением девяти детей. Она изначально имела вполне чувственный, плотский характер. Молодой человек нравился Ольге Петровне как мужчина «очень представительный»: «Рост, фигура. Усы!». На требование Василия Илларионовича признаться, «было» ли у них «что-нибудь» с невестой до свадьбы, дед «несколько смущенно» отвечал: «Было <...>. Я сколько хотел мог целовать ей ручку, и не только при матушке. Ну, конечно, приобнимешь слегка, как бы случайно, где-нибудь на лестнице... Времена были уже не такие строгие» [8]. Спустя годы, ласково глядя на свою жену, дед вспоминал собственные «вольности» со смущением. Бабка, услышав от него комплемент в свой адрес, тоже испытывала смущение, опуская глаза. Когда все тот же Василий Илларионович намекал, что «изящество» Ольги Петровны состояло, вероятно, в умении не столько чай разливать, сколько в нужный момент обнажить «локотки, шейку», бабка «удивленно вскидывала глаза» и объясняла, что «оголенные руки и плечи – это могло быть исключительно на балу». Во время обеда, подчеркивала она, допускалось только закрытое платье «с рукавами до запястья».

Кажется, что в данной ситуации (как и в других, ей подобных) и дед, и бабка со своими «откровениями», по меньшей мере, старомодны, они вроде бы даже и не понимают (или не хотят понимать), к чему клонит и чего добивается зять. Однако их признания отнюдь не анахронизм, и дело, конечно, не в длине рукава, на которой настаивала бабка. Дед и бабка выражают традиционные представления о том, какими должны быть отношения между мужчиной и женщиной. То, что для них было нормой, элементарным приличием, их детьми воспринимается как исключение из правила. Неправдоподобными, старомодными (в значении – далекими от реальности) их отношения кажутся тем, кто любить не умел, не научился, не хотел.

Жизненный опыт деда и бабушки убеждал в том, что любовь, укладывающаяся в норму, отнюдь не противоречит человеческому естеству. «Человек по воле Господа состоит из духа и плоти. И неправы и атеисты-гедонисты, и умерщвители плоти. Благоустроить по мере сил окружающий нас живой и косный мир – богоугодно» [9], – утверждал дед, и писатель солидарен с ним.

Актуализируя характерную для пасторали оппозицию естественное / искусственное, автор подчеркивал естественность искусственности, воспринимая бабушкины апелляции к норме не как старческую причуду, а как (пусть и несколько утрированные) напоминания о том, что отношения между людьми (любые, в том числе и интимные) – это всегда конвенция. Когда общественные договоренности нарушаются, человеческая жизнь превращается в животную.

Почему же тогда бабушкины правила хорошего тона вызывают неизменную усмешку окружающих, кажутся им неуместными? Неуместность хорошего тона – дурной тон, и это проблема не бабушки, а ее собеседников. Отсутствие вещей, о которых гласили правила, автоматически освобождало людей от соблюдения самих правил и подрывало авторитет нормы как таковой. Комически освещая пристрастие героини к «этикету», писатель пытался таким образом закамуфлировать свое глубокое сожаление о том, что в жизни, лишенной регламентирующих ее правил и норм, становится возможным все и все возможно. Комизм помогал ему сказать о сокровенном, избегая ненужной патетики, выразить «эталонные» представления о должном, не впадая в набившее оскомину морализаторство, дидактизм.

На фоне пасторальной любви деда и бабушки матримониальные отношения их детей и внуков выглядят весьма далекими от идеала. Засиделась «в девках» старшая дочь Тамара, «всю жизнь прожившая со стариками, так и не вышедшая замуж». В роковые тридцатые годы осталась вдовой с тремя детьми на руках Татьяна, считавшаяся самой красивой дочерью в семье и вышедшая замуж первой из своих сестер. С точностью до наоборот «повторила» судьбу своих родителей в браке с Василием Илларионовичем Лариса.

Примечательно, что, рассказывая историю Ларисы, автор, как и в случае с ее родителями, фиксировал внимание на обстоятельствах, сопутствовавших ее вступлению в брак, и на финальной его точке, поставленной смертью супруга. За руку и сердце Ларисы (как некогда ее матери) соперничали два претендента; муж перед своей кончиной также извинялся перед ней. Однако, если между «встречей» и «расставанием» ее родителей лежала семейная идиллия, то для нее супружество оказалось настоящей личной трагедией, связанной с постоянными изменами не в меру любвеобильного мужа. Этот брак был обречен, потому что Василий Илларионович не любил Ларису. Он считал свою жену «хорошей женщиной», но «инфантильной», тогда как ему нравилось, чтобы женщина в его руках «пищала и билась!». Герой завершил свой жизненный путь в тубдиспансере, куда Лариса привезла его с Севера, уже тяжело больного, брошенного очередной молодой любовницей. Он «просил у жены прощенья, говорил, что испортил ей жизнь». Она его «не простила: завещала похоронить себя отдельно, а не рядом с ним» [10].

Отмеченной «зеркальностью» подчеркивается разница между историями любви родителей и их дочери; пасторально-идиллическая любовь противопоставляется несчастной любви, ломающей судьбы людей, становящейся их болезненной «зависимостью». Василия Илларионовича приводили в восторг поэтические строки: «Люблю как-то странно, туманно, нежданно, гиппнозно-полночно, блудливо-порочно, так нежно-мимозно, так тайно-наркозно...» [11] Особенно его пленяли слова «тайно-наркозно». Во власти этого любовного «наркоза», в погоне за все новыми и новыми «дозами» он прожил жизнь и умер своей законной супругой не прощенным. История любви Ларисы и Василия Илларионовича – пастораль «наоборот», пастораль, словно «вывернутая наизнанку» – «любовная идиллия железного века».

В плане связи рассматриваемого произведения с пасторально-идиллической традицией заслуживает внимания любовный опыт младшего представителя семьи Саввиных-Стремоуховых – Антона. Тетя Лариса знала, о чем говорила, когда замечала, что ее губастый племянник «даст шороху» по женской части. Однако о двух браках героя (себя отъявленным Дон Жуаном отнюдь не считавшего) автор лишь упоминает, уделяя главное внимание изображению его первой любви.

Первой любовью Антона стала девочка по имени Клава. Вместе с другом Петькой, влюбившимся в Асю, они решили, что будут ухаживать за своими «прекрасными дамами», как подобает настоящим кавалерам. В этой любви были и вечерние «проходки» «с мрачным видом» между домами избранниц, и разорванные на клочки записки, «которые полагалось составлять-склеивать по ночам». Были цветы, «бросаемые в окно» (огромные букеты персидской белой махровой сирени, еле-еле влезавшие в ведро), были и танцы под патефон, «когда девочки трогательно показывали, куда класть вторую руку».

Второй первой любовью Антона стала Валя, с которой «все было иначе, проще». Она сама выбрала Антона: «не смущаясь», попросила разрешения у классной руководительницы сесть ря-

дом с ним, когда за его партой освободилось место. Валя была старше Антона на три года. Заметив, что у него «болтается пуговица на куртке, тут же на переменке ее пришила». Она «не отодвигалась, когда наши колени под партой оказывались слишком близко» [12].

Очевидно, что две первые любви героя показаны на контрасте. Если первая первая любовь – книжная (не случайно юные рыцари называются мушкетерами, известными им прежде всего по роману А. Дюма), то вторая первая любовь какого бы то ни было книжного ореола на чисто лишена. Если к выражению своих высоких чувств кавалеры тщательно готовились, полагая, что для этого требуется подходящая обстановка (в школе, например, они решили скрывать свои чувства и знаки внимания своим избранницам не оказывать), то вторая первая любовь застает Антона едва ли не врасплох и, что характерно, именно в школе. Если первая первая любовь – мероприятие коллективное (в нем участвовали и друзья), то вторая первая любовь – дело исключительно личное (и о друзьях здесь речи нет). Если первая первая любовь – возвышенная, «неземная», в конечном счете – придуманная, то вторая первая любовь – хотя еще не плотская, но уже чувственная, вполне земная, не случайно с ней связывается такая бытовая подробность, как пришивание пуговицы. В символическом плане (на его наличие указывает автор, заметивший, что Валя «на мгновение *архетипически* прижалась, перекусывая нитку») пришивание пуговицы выражает сердечную привязанность героини, ее стремление «пришить», в значении – привязать к себе юношу. И вряд ли случайно, что именно эта первая вторая любовь, для обеих последней не ставшая, получила вполне пасторальное «продолжение»: в один из своих приездов в Чебачинск Антон вновь оказался у знакомого плетня, и на этот раз любовь задержала его до утра.

В основе отмеченного контраста первой первой любви и второй первой любви лежит восходящее к Платону («Пир») противопоставление Афродиты Урании («небесной») и Афродиты Пандемос («всемирной»), одухотворенной любви и любви, плотской, доступной, понятной. Поскольку речь идет о юношеских чувствах, никакой «грубятины» в изображении «земной» любви здесь нет. Более того, ее изображение лишено иронического освещения, которое получает в произведении любовь «неземная». «Земная» противостоит «неземной» любви, как истинное, настоящее противостоит мнимому, искусственному. Для ребят их «служение» «прекрасным дамам» – игра в мушкетеры, причем любовь здесь, скорее, – плод воображения. Примечательно, что в самую «пиитическую» минуту, когда брошенный в окно букет достигал цели и «воображение живо рисовало ему соблазнительные картины», Антон, отличавшийся завидной памятью, «никак не мог подобрать подходящих строк, и приходилось довольствоваться лишь близкими по теме <...>» [13]. Когда под партой колени Антона и Вали «оказывались слишком близко», потребность найти соответствующие моменту стихотворные строки не возникала. Пробуждение чувственности означало вступление героя во взрослую жизнь. Однако его взрослая жизнь и взрослая любовь автора занимали гораздо меньше.

В романе-идиллии с разной степенью детализации рассказывается бесчисленное количество жизненных историй, излагается содержание берущих за душу песен, звучавших в исполнении членов «патриархального клана». Сказать, что рассказчики и исполнители отдавали предпочтение исключительно пасторальным сюжетам, было бы неверно. Как неверно считать, что в их репертуаре пасторальных историй не было совсем. Изучать произведение в свете пасторально-идиллической традиции, игнорируя их, на наш взгляд, невозможно. Обратимся к двум характерным примерам.

Один из них – история старшей дочери Саввиных: Татьяна, работая скотницей, отказалась отвечать на домогательства со стороны заведующего фермой и за это была лишена сколько-нибудь сносных условий существования (вместе с тремя детьми она вынуждена была ютиться в хлеву, рядом с животными). В основе данного «микросюжета» лежит типично пасторальная коллизия: прекрасная скотница (автор неоднократно подчеркивает красоту героини) противопоставляется «соблазнителью», имеющему более высокий социальный статус. Высоконравственная «пастушка» (несмотря на трудности и невзгоды) одерживает моральную победу над низким в своих помыслах и поступках, недостойным ее «обожателем». Добродетель торжествует. Порок остается ни с чем, хотя пока и не наказывается.

Однако нельзя не заметить, что типично пасторальная «форма» наполняется Чудаковым отнюдь не пасторальным жизненным «содержанием». Татьяна не юная «пастушка», а мать, вдова; искать работу на ферме ее заставила не любовь к природе, а семейные обстоятельства, нужда. Начальник, помогающий ей, будучи пастухом по профессии, лишен качеств, присущих пасторальным пастухам, являвшимся, как известно, защитниками, кормильцами, знатоками природных тайн и т. п. Вместо даже не начавшейся истории любви, с одной стороны, похоть, вседозволенность, с другой – воля, нравственная стойкость, порядочность. Пастораль оборачивается трагедией: не мирная жизнь на лоне природы, не гармония в отношениях между людьми, а разлад,

ненависть, жажда возмездия. Страшная смерть заведующего фермой (чеченка в отместку заколола его вилами) – лишь еще одна трагическая подробность в череде ей подобных.

В произведении Чудакова пасторальные темы и образы получают не только трагическую, но и комическую аранжировку, о чем свидетельствует, например, «монархически-жалостный» песенный репертуар членов семьи Саввиных-Стремоуховых. Заметное место в нем отводилось текстам «городской низовой культуры» (жестокие романсы, песни из иностранной жизни и т. п.). «Была в репертуаре Антона песенка, которую надо было петь, надев Тамарин цветастый ситцевый платочек. Ему песня не очень нравилась: “Лет пятнадцати не боле Лиза погулять пошла и, гуляя в чистом поле, птичек гнездышко нашла”. Все веселились, особенно в конце, когда Лиза говорила случившемуся тут барину “мое гнездышко не тронь”; Антон не находил в этом ничего смешного» [14].

Антону были по душе героические произведения, «песенка», требующая к тому же использования женских аксессуаров, особого удовольствия ему не доставляла. Веселье окружающих вызывалось неожиданным сходством Антона с героиней пасторали Лизой. Оба были слишком наивными: Лиза не понимала, чего хочет от нее барин, Антон не понимал, о чем вообще идет речь. Взрослые потешались и над незатейливым фривольным содержанием музыкального сочинения, и над его инсценировкой с «переодеванием», и над юным «артистом» в цветастом платочке, который играл свою роль, не находя в ней «ничего смешного». Пастораль с участием прекрасной поселянки и дворянина слишком далека от повседневной жизни исполнителей. Она воспринимается ими как произведение легковесное, легкомысленное, вызывающее не только улыбку умиления, но и иронию. Здесь традиционная пасторальная схема подвергается очевидному травестированию, используется с целью создания комического эффекта.

Пасторальные «микросюжеты» в романе Чудакова довольно многочисленны. Они формируют фон, на котором крупным планом изображается любовь деда и бабушки, первая любовь Антона, любовь Ларисы и Василия Илларионовича. Художественная аранжировка всех этих жизненных историй, рассказанных подробно или «пунктирно», прямо указывает на то, что «Ложится мгла на старые ступени» – «любовная идиллия», то есть пастораль. Предпринятые нами наблюдения убеждают в том, что не учитывать любовную топику романа – значит обеднять представления о его жанровом своеобразии.

Примечания

1. Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: ежегодник / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. философии. Отд. языкознания; ред. кол.: Л. В. Скворцов, гл. ред., и др. 2011. Современный человек: Движение к пасторали? / ред.-сост. вып.: Н. Т. Пахсарьян, Г. В. Хлебников. М., 2011. С. 2. (Сер.: Проблемы человека).

2. Саськова Т. В. «И сияла им серебряная Пастушья звезда...»: Русская прозаическая пастораль эпохи перестройки // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: ежегодник / РАН. ИНИОН. Указ. изд. С. 85–86.

3. Степанов А. Идиллия vs. прогресс: заметки о прозе А. Чудакова // Тыняновский сборник. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 401.

4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 373.

5. Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия. М.: Время, 2014. С. 132.

6. Там же. С. 24.

7. Там же. С. 204.

8. Там же. С. 203.

9. Там же. С. 303.

10. Там же. С. 205–206.

11. Там же. С. 195.

12. Там же. С. 49.

13. Там же. С. 48.

14. Там же. С. 230.

Notes

1. *Chelovek: Obraz i sushhnost. Gumanitarnye aspekty: ezhegodnik* – Man: Image and essence. Humanitarian aspects: Yearbook / RAS. INION. Center of humanit. science-inform. Researches of Philosophy Dept. Dept. of linguistics; ed.: L. V. Skvortsov, ed. in chief, etc. 2011. *Sovremennyj chelovek: Dvizhenie k pastoralim?* – Modern man: Movement to the Pastorals? / red.-comp. is.: N. T. Pakhsaryan, G. V. Khlebnikov. M. 2011. P. 2. (Ser.: The problems of man).

2. *Saskova T. V. «I siyala im serebryanaya Pastushya zvezda...»: Russkaya prozaicheskaya pastoral epohi perestroyki* [“And shone silver Shepherd's star for them...”: Russian prose pastoral of the era of perestroika] // *Chelovek: Obraz i sushhnost. Gumanitarnye aspekty: ezhegodnik* – Man: the Image and essence. Humanitarian aspects: Yearbook / RAS. INION. Op. ed. Pp. 85–86.

3. Stepanov A. *Idilliya vs. progress: zametki o proze A. Chudakova* [Idyll vs. progress: notes on the prose of A. Chudakov] // *Tynyanovskiy sbornik* – Tynyanov collection. Is. 13: XII–XIII–XIV Tynyanov reading. Research. Materials. M. Vodoley. 2009. P. 401.

4. M. M. Bakhtin *Formy vremeni i hronotopa v romane: Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and chronotope in the novel: Essays on the historical poetics] // Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznyh let* – Problems of literature and aesthetics. Studies in different years. M. Khudozh. lit. 1975. P. 373.

5. Chudakov A. P. *Lozhitsya mgla na starye stupeni: Roman-idilliya* [Lies the haze on old steps: a novel-idyll]. M. Vremya. 2014. P. 132.

6. Ibid. P. 24.

7. Ibid. P. 204.

8. Ibid. P. 203.

9. Ibid. P. 303.

10. Ibid. Pp. 205-206.

11. Ibid. P. 195.

12. Ibid. P. 49.

13. Ibid. P. 48.

14. Ibid. P. 230.

УДК 821.161.1-94

М. А. Михайлова

«Невымысленные рассказы» писателей XX в.: проблема синтеза художественного и документального в мемуарах «Нового мира» эпохи А. Твардовского

В работе представлен жанровый анализ произведений Б. Пастернака «Люди и положения» (1967), И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (1960–1963, 1965), В. Катаева «Трава забвения» (1967), опубликованных в журнале «Новый мир» в эпоху «оттепели». Мемуары рассматриваются как самостоятельный жанр, обладающий свойствами как документальной литературы (установка на подлинность, устойчивая хронологическая паспортизация категории времени, цитация), так и художественной литературы (беллетризация фактов, стилевая образность, система персонажей, присутствие образа автора, субъективность повествования). В зависимости от целевой установки автора воспоминания могут в большей степени концентрировать в себе черты художественного или документального текста. Особое значение отводится роли журнала «Новый мир», благодаря принципам которого (правдивое отображение событий, высокое качество текста и авторитет автора) смогли увидеть свет и занять важное место в литературном процессе второй половины XX в. «автобиографический очерк» Б. Пастернака, «мемуарная хроника» И. Эренбурга и «повесть памяти» В. Катаева.

This paper presents a genre analysis in works of B. Pasternak «The people and the positions» (1967), I. Ehrenburg «People, years, life» (1960-1963, 1965), V. Kataev «Grass of oblivion» (1967), published in the magazine «New World» in the era of the «thaw». The author explores the memoirs as a separate genre, which has the properties of both nonfiction (set to truth, stable chronology, citation) and fiction (fictionalization of the facts, the style imagery, the system characters, the presence of the author's image, the subjectivity of the narrative). Depending on the target installation author, memories may be more concentrated in the features of an artistic or documentary text. Particular importance is attached to the role of the magazine «New World», thanks to its principles (a true display of events, high quality text and credibility of the author) were able to see the light and take an important place in the literary process of the second half of the twentieth century «an autobiographical sketch» by B. Pasternak, «memoir chronicles» I. Ehrenburg and «novel memory» V. Kataev.

Ключевые слова: русская литературы XX в., воспоминания, журнал «Новый мир», документальная литература, художественная литература, А. Твардовский, Б. Пастернак, И. Эренбург, В. Катаев, мемуары.

Keywords: Russian literature of the twentieth century, memories, the magazine «New World», nonfiction, fiction, A. Twardowsky, B. Pasternak, I. Ehrenburg, V. Kataev, memoirs.

Проблема соотношения документального и художественного является одним из постоянных научных сюжетов, связанных с мемуарными текстами. Особенно остро этот вопрос встал в 60-е гг. XX в., когда на литературном поле произошел «взрыв» мемуарной литературы. В «отте-

пельное» время писатели смогли не только расширить фактографическое поле своих произведений и обратиться к событиям, ранее не освещенным в литературе, но и воспользоваться предоставленной им относительной творческой свободой и облечь выбранный документальный материал в индивидуальную художественную форму.

Литературоведение относит мемуары к так называемым «промежуточным жанрам» между художественными и научными. С точки зрения Л. Я. Гинзбург, документальная литература, в отличие от художественной прозы, живет открытой соотнесенностью и борьбой между фактической достоверностью изображаемого и художественной образностью, в то время как «...литература вымысла черпает свой материал из действительности, поглощая его художественной структурой; фактическая достоверность изображаемого, в частности происхождение из личного опыта писателя, становится эстетически безразличной...» [1]. Основопологающим принципом мемуарной литературы является установка на подлинность, а эстетическая организованность делает ее явлением искусства. Сочетание особенностей документального текста и художественного предписывает не только основные параметры функционирования мемуарной прозы в литературе, но и обуславливает уникальность данного жанра: «В соизмерении, в неполном совмещении двух планов, плана жизненного опыта и плана его эстетического истолкования, – особая динамика документальной литературы» [2].

В 60-е гг. мемуары пережили своеобразную реабилитацию жанра благодаря деятельности А. Твардовского, главного редактора журнала «Новый мир», опубликовавшего многие десятки воспоминаний о разных периодах истории первой половины XX в. В первоочередную задачу журнала входило не «сквозь советские факты» смотреть на прошлое, а следовать исторической правде при отборе материала [3]. Особое внимание редакция уделяла качеству публикуемых текстов. Как писал А. Твардовский, «деятельность журнала невозможно представить без обычной нашей заботы о качестве произведений, с какими бы трудностями ни было сопряжено последовательное проведение в жизнь этого правила и как бы ни противоречили этому правилу отдельные вольные или невольные отступления от него» [4]. В связи с этим важнейшим принципом «Нового мира» особое место в журнале отводилось мемуарам писателей-классиков русской литературы советского периода: «Люди и положения» Б. Пастернака, «Люди, годы, жизнь» И. Эренбурга, «Трава забвения» В. Катаева. В этих произведениях искусно сочетаются установка авторов на правдивое освящение событий и высокий уровень индивидуальной творческой манеры письма.

Об установке авторов на документальность свидетельствует характер функционирования в них категории времени. Так, в «Людах и положениях» Б. Пастернака сквозящие по всему тексту упоминания дат тех или иных событий относят воспоминания к определенным фактам истории: «С этого балкона население дома наблюдало в 1894 г. церемониал перенесения праха императора Александра Третьего, а затем, спустя два года, отдельные сцены коронационных торжеств при воцарении Николая Второго» [5]; «В ответ на выступления студенчества после манифеста 17 октября буйствовавший охотнорядский сброд громил высшие учебные заведения, университет, Техническое училище» [6]; «В конце 1905 года в Москву, охваченную всеобщей забастовкой, приехал Горький. Стояли морозные ночи. Москва, погруженная во мрак, освещалась кострами. По ней, повизгивая, летали шальные пули, и бешено носились конные казачьи патрули по бесшумному, пешеходами не топтанному, девственному снегу» [7]; «Летом 1935 года я, сам не свой и на грани душевного заболевания от почти годовой бессонницы, попал в Париж, на антифашистский конгресс. Там я познакомился с сыном, дочерью и мужем Цветаевой и как брата полюбил этого обаятельного, тонкого и стойкого человека» [8].

Повествование о реально живущих / живших людях, в особенности об известных деятелях искусства и культуры, также является чертой документальной литературы. Так, в «Людах и положениях» Пастернак рассказывает о ведущих литераторах первых десятилетий XX в.: А. Блоке, В. Маяковском, С. Есенине, М. Цветаевой; упоминает Вяч. Иванова, А. Белого, В. Хлебникова, И. Эренбурга.

Художественность мемуаров проявляется в литературной обработке и беллетризации известных фактов. Б. Пастернак вводит в свои воспоминания описательные лирические отступления: «Быстро проходила короткая весенняя ночь. В раскрытое окошко веяло утренним холодом. Его дыхание подымало полы занавесей, шевелило пламя догоравших свечей, шелестело лежавшими на столе листами бумаги. И все зевали, гости, хозяин, пустые дали, серое небо, комнаты, лестницы» [9]. Персонажей своего произведения он «подсвечивает» выразительной образностью: «Он Иван-царевичем на сером волке перелетел океан и, как жар-птицу, поймал за хвост Айседору Дункан. Он и стихи свои писал сказочными способами, то, как из карт, раскладывая пасьянсы из слов, то записывая их кровью сердца» [10], – такой развернутой метафорой характеризует автор Сергея Есенина. На страницах автобиографического очерка Пастернак помещает

переводы двух стихотворений Р. М. Рильке: «За книгой» и «Созерцание». Обилие деталей, фокусировка внимания на отдельных частях изображаемого также способствует художественному прочтению текста: «Длинный ряд распахивающихся и захлопывающихся дверей вдоль всей стены вагона, по отдельной дверце в каждое купе. Четыре рельсовых пути по кольцевой эстакаде, высящейся над улицами, каналами, скаковыми конюшнями и задними дворами исполинского города. Нагоняющие, обгоняющие друг друга, идущие рядом и расходящиеся поезда. Двоящиеся, скрещивающиеся, пересекающие друг друга огни улиц под мостами, огни вторых и третьих этажей на уровне свайных путей, иллюминированные разноцветными огоньками автоматические машины в вокзальных буфетах, выбрасывающие сигары, лакомства, засахаренный миндаль. Скоро я привык к Берлину, слонялся по его бесчисленным улицам и беспредельному парку, говорил по-немецки, поддельваясь под берлинский выговор, дышал смесью паровозного дыма, светильного газа и пивного чада, слушал Вагнера» [11]. «Был в Берлине и Горький. Отец рисовал его. Андреевой не понравилось, что на рисунке скулы выступили, получились угловатыми. Она сказала: “Вы его не поняли. Он – готический”. Так тогда выражались» [12]. И, напротив, намеренное умолчание о тех или иных событиях, рассказа о которых ждет читатель, – свидетельство присутствия в мемуарах образа автора, творца, по своему усмотрению отбирающего жизненный материал для включения его в свой текст. В «Людях и положениях» это намеренный авторский шаг, который связан не столько с цензурными и идеологическими ограничениями (хотя также играющими роль), сколько с переосмыслением своей жизни и расстановкой акцентов, а следовательно, опущением определенных событий, и с выбранной темой – темой искусства. Поэтому в сфере мемуарных интересов Пастернака – только те факты и люди, которых он считает особенно важными и дорогими в своей жизни. Собственная литературная и моральная цензура со всей строгостью определяет круг областей, входящих в автобиографический очерк. Соответственно, политика, философия, личная жизнь не находят отражения в его произведении; в то время как литература и музыка – основные предметы, вокруг которых строится мемуарный текст.

Несомненно, основополагающим фактором художественности мемуаров является субъективность авторского видения событий и людей и соответственная их передача на страницы своего произведения. Подчас эта черта даже оговаривается автором в мемуарах: «Я постараюсь дать, насколько могу, общую характеристику Маяковского и его значения. Разумеется, то и другое будет субъективно окрашено и пристрастно» [13]. Но подчас подчеркнутая субъективность становится отличительной чертой мемуаров, «толкая» текст в область художественной прозы.

Таковыми стали воспоминания В. Катаева о Бунине и Маяковском, опубликованные в 1967 г. в журнале «Новый Мир» под названием «Трава забвения». Главного редактора журнала не смущали не только пристрастность и субъективизм воспоминаний, но и едкие замечания автора об одном из героев книги – Бунине, которого глубоко почитал А. Твардовский как своего учителя. В этих мемуарах было то, что соответствовало концепции самого журнала и чего так не хватало литературе того времени, – искренность свидетельства и «субъективная правдивость». Естественно, что появление мемуаров Катаева было встречено большинством критиков с недоумением. Первые претензии к книге предъявлялись именно как к мемуарной [14].

Жанр своей книги В. Катаев определяет в репликах-размышлениях, подчас противоречащих друг другу: «Книга, которую я сейчас пишу, есть в какой-то мере “История собственного произведения”...», «Я ищу чего-то, что не походило бы на роман. Отсутствие интриги для меня недостаточно. Я хотел бы, чтобы эта книга носила характер мемуаров одного лица, написанного другим... Если не мемуары, не роман, то что же я сейчас пишу? Отрывки, воспоминания, куски, мысли, сюжеты, очерки, заметки, цитаты...» [15] Б. Сарнов связывает вольность авторского повествования с поисками новой формы, которую он видел в принципах теории мовизма, со стремлением «оказаться на уровне самых последних художественных веяний эпохи» [16]. Поиски нового выражения привели Катаева к созданию «ультрасовременной художественной формы» [17], что совпало по времени с процессом видоизменения мемуарной прозы, которая ощутила потребность вызвать интерес к себе не только воспроизведением фактов, но и художественной их обработкой, придающей воспоминаниям подлинный литературный блеск.

Влияние художественной прозы на мемуарную книгу Катаева «Трава забвения» обнаруживается в создании образной системы. Наряду с подлинными историческими фигурами появляются вымышленные персонажи: девушка из совпартшколы Клавдия Заремба, корреспондент ЮгРоста Рюрик Пчелкин. По мнению Т. Симоновой, задача образов вымышленных персонажей заключается в том, чтобы усилить кардинальные нравственно-философские проблемы, встающие при изображении реальных лиц, и способствовать их разрешению. Драматизм судеб Клавдии Зарембы и Пчелкина порождается суровостью революционной эпохи, ставящей человека перед сложным выбором. Таким образом, дублируется и делается типичным общественное поведение Бу-

нина и Маяковского, которые являют собой два противоположных варианта ориентации человека в революции [18].

Художественность и документальность переплетаются между собой в повести «Трава забвения». Установка на достоверность подтверждается введением в текст чужих воспоминаний: «Очень хорошо об этом у Олеси: «Мы с Валентином Катаевым сидели в ложе и с неистовым любопытством ждали выхода на сцену того, чье выступление только что возвестил председатель. На сцене не было ничего, кроме столика, за которым сидел президиум – по всей вероятности, люди из городского комитета партии, из редакций, из руководства комсомола. Пустая огромная сцена, в глубине ее голые стены даже с какими-то балконами...

<...> Я был уверен, что выйдет человек театрального вида, рыжеволосый, почти буффон... Такое представление о Маяковском могло все же возникнуть у нас: ведь мы-то знали о желтой кофте и о литературных скандалах в прошлом!

Совсем иной человек появился из-за кулис!

Безусловно, он поразил тем, что оказался очень рослым; поразил тем, что из-под чела его смотрели необыкновенной силы и красоты глаза... Но это вышел, в общем, обычного советского вида, несколько усталый человек, в полушубке с барашковым воротником и в барашковой же, чуть сдвинутой назад шапке» [19].

Далее Катаев предлагает читателю свои воспоминания об этом вечере. Разногласия с Олешей проявляются в деталях, однако невольно встает вопрос: кто из мемуаристов более объективен?

«Хорошо помню и я этот вечер – Ингулов в президиуме! может быть, рядом с ним и Клавдия Заремба! – и Маяковского, так прекрасно описанного Олешей. Однако я бы не сказал, что Маяковский был в полушубке с барашковым воротником и барашковой шапке. Это неточно. Я бы сказал так: на Маяковском было темно-серое, зимнее, короткое, до колен, полупальто с черным каракулевым воротником и такая же черная – но не шапка, а скорее круглая неглубокая шапочка, действительно несколько сдвинутая на затылок, открывая весь лоб и часть остриженной под машинку головы» [20].

Вопрос о степени субъективности или достоверности воспоминаний поднимался литературоведами и литературными критиками неоднократно. Большинство исследователей допускают определенную степень авторского вымысла при установке мемуаров на достоверность и даже настаивают на том, что субъективность – неперемное условие создания мемуарного произведения.

Применительно к книге Катаева «Трава забвения» вопрос о субъективности углубляется и усложняется тем, что в сознании автора происходит сближение воспоминания с воображением: «Рассматривая и перебирая эти чудом уцелевшие в моих папках полуистлевшие бумажки, я как бы на ощупь прокладывал путь сквозь безмолвные области подсознательного в темные хранилища омертвевших сновидений, стараясь их оживить, и сила моего воображения оказалась так велика, что я вдруг с поразительной, почти осязаемой достоверностью и ясностью увидел внутренность тесной мазаной хаты» [21].

Память субъективна и потому, что субъективен сам процесс восприятия, ибо в зависимости от настроения, возраста и других условий человек по-разному может видеть один и тот же предмет. Так, в ожидании первой встречи с Буниным автобиографический герой воспринимает дачу, на которой остановился его кумир, «по меньшей мере древнеримской виллой в духе живописца Семирадского; даже скромная полоса не слишком красивого Черного моря, откуда доносились резкие восклицания купальщиков, представлялась мне пламенным Неаполитанским заливом с красными парусами» [22]. Через несколько недель, когда герой вновь посещает великого поэта, оставившего у себя тетрадку со стихами Катаева, исчезает ощущение недостижимости желаемого, и герой уже другими глазами смотрит на жилище Бунина: «...хотя стояло все то же горячее приморское утро, но дача уже не показалась мне римской виллой и над кубовой полосой беспокойного Черного моря я не увидел красных парусов Неаполитанского залива, а комната, куда меня пригласил хозяин, была проста, как дворницкая» [23].

Таким образом, беря во внимание большую роль художественности «Травы забвения», нельзя не отметить и большую степень субъективности книги.

В мемуарах публицистического характера, где установка на достоверность является стержнем всего повествования, а художественная обработка допустима только в рамках оформления воспоминаний как литературного произведения, особую роль играет понятие «игры с памятью» [24], что очевидно при обращении к книге мемуаров Эренбурга «Люди, годы, жизнь», которые были опубликованы в журнале «Новый мир» в шестидесятые годы, несмотря на жесткие ограничения идеологического характера.

Как свидетельствует А. И. Кондратович, заместитель главного редактора журнала «Новый Мир», Эренбург осознавал, что свою первую книгу воспоминаний он не сможет напечатать нигде,

кроме «Нового мира»: «...что за журнал “Новый мир” и что за человек Твардовский, он все-таки понимал» [25]. После того как Твардовский ознакомился с рукописью, ей предстояло еще пройти через цензуру (Главлит) и Отдел культуры ЦК КПСС, где ею занимался заведомо Д. А. Поликарпов. Таким образом, рукопись Эренбурга попадала на стол Поликарпова, предварительно пройдя два цензурных круга: авторский и редакционный.

Эренбург вынужден был о многом умалчивать, о многом лишь намекать, выражаться очень взвешенно и корректно во всех случаях, когда речь шла о «запретных» темах и событиях. Нет в воспоминаниях Эренбурга даже такого замечательного и даже героического факта из его биографии, как отказ подписать антиеврейский документ, о чем очень любопытно пишет Григорий Свирский в своей книге «На лобном месте. Литература нравственного сопротивления»: «В комбинате “Правды” собрали “государственных евреев” – подписываться под статьей, одобряющей высылку всех евреев, до грудных детей включительно, чтоб спасти-де их от гнева народа... Лев Кассиль, который вслед за генералом Драгунским, историком Минцем и другими уже подписал этот документ (“А куда деваться?” – бурчал он), рассказывал, как Илья Эренбург поднялся и, ступая по ногам и пошатываясь, пошел к выходу... На него смотрели с ужасом, как на человека, выпавшего из окна небоскреба. Илья Григорьевич позже сам рассказывал, что испытал в эти минуты, когда впервые решился воспротивиться воле Сталина, то есть умереть. “Я думал, меня возьмут тут же, у выхода из конференц-зала... Вижу, в коридоре никого. Ну, думаю, у гардероба... Нет, дали одеться. Вышел, сказал шоферу: “На дачу самой длинной дорогой...” Эренбург писал в машине письмо-завещание, ни минуты не сомневаясь, что его возьмут у дачи... Эренбург распрямился в конце жизни» [26]. В частности, в конце шестой книги Эренбург, говоря о своем прежнем обещании подробнее написать о Сталине, публично назвал это обещание легкомысленным и сказал, что вынужден от него отказаться [27]. С. Довлатов писал на сей счет, что вся его семья знала, каким человеком был Сталин. И добавил с иронией: «Я одного не понимаю. Почему мои обыкновенные родители все знали, а Эренбург – нет?» [28].

Б. Фрезинский свидетельствует о том, что обращался Эренбургу с просьбой написать о Н. И. Бухарине, на что мемуарист, не называя имени Бухарина впрямую, ответил, что удивлен просьбой: «Главы давно написаны, не могли быть включены в журнал, но, надеюсь, войдут в отдельное издание» [29].

Итак, несмотря на либеральную направленность журнала, редакция «Нового Мира» не пропустила несколько целых глав, а также массу эпизодов и высказываний в цикле воспоминаний. При этом «Новый мир» был единственным журналом в Советском Союзе, который в течение шести лет при всех изгибах идеологической политики продолжал публикацию мемуаров Эренбурга, подчас вызывавших яростные нападки.

Таким образом, мемуары 60-х гг. XX в., опубликованные в «Новом мире», представляют собой промежуточный жанр между художественной и документальной литературой. В зависимости от целевой установки автора, они могут в большей степени концентрировать в себе черты художественного или документального текста. Каждый из проанализированных текстов имеет свою степень субъективности в интерпретации известных событий и характеристике персонажей. Мемуары Эренбурга – это классический пример соединения фактографии и образности. Автобиографический очерк Пастернака сочетает субъективное свидетельство со стремлением автора к максимальной объективности и беспристрастности, облакаемое в точный поэтический слог. Вымысел в повести Катаева создает «вторую действительность» (термин Л. Я. Гинзбург [30]), дублирует и углубляет основные проблемы, поставленные перед персонажами мемуарных частей книги. Пристрастность автора, находясь в рамках допустимого, сделали его мемуары полемичными и злободневными.

Примечания

1. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1971. С. 9.
2. Там же. С. 9.
3. Снигирева Т. А. А. Т. Твардовский. Поэт и его эпоха. Екатеринбург, 1997. С. 19.
4. Твардовский А. Т. По случаю юбилея // Новый мир. 1965. № 1. С. 15.
5. Пастернак Б. Люди и положения. СПб., 2012. С. 225.
6. Там же. С. 238.
7. Там же. С. 239.
8. Там же. С. 278.
9. Там же. С. 250–251.
10. Там же. С. 272–273.
11. Там же. С. 244.
12. Там же. С. 244.

13. Там же. С. 267.
14. Литовская М. А. «Феникс поет перед солнцем»: Феномен Валентина Катаева. Екатеринбург, 1999. С. 289.
15. Катаев В. Трава забвения: собр. соч.: в 9 т. Т. 9. М., 1972. С. 379.
16. Сарнов Б. Величие и падение мовизма // Октябрь. 1995. № 3. С. 183.
17. Там же. С. 184.
18. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра: Учеб. пособие / Т.Г.Симонова. – Гродно: ГрГУ, 2002. С. 43.
19. Катаев В. Трава забвения: собр. соч.: в 9 т. Т. 9. М., 1972. С. Там же. С. 400–401.
20. Там же. С. 401.
21. Там же. С. 340.
22. Там же. С. 251.
23. Там же. С. 257.
24. Снигирева Т. А. А. Т. Твардовский. Поэт и его эпоха. Екатеринбург, 1997. С. 28.
25. Кондратович А. Новомирский дневник 1967–1970. М., 1991. С. 107.
26. Сvirский Г. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления // Либрусек. URL: <http://lib.ru/NEWPROZA/SWIRSKIJ/svirsky1.txt>
27. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь // Новый мир. 1965. № 4. С. 60.
28. Довлатов С. Собрание прозы: в 3 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 189.
29. Фрезинский Б. Илья Эренбург и Николай Бухарин (Взаимоотношения, переписка, мемуары, комментарии) // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 334.
30. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л., 1979. С. 7.

Notes

1. Ginzburg, L. Y. *O psihologicheskoy proz*[On psychological prose]. L. 1971. P.9.
2. Ibid. P. 9.
3. Snigireva T. A. A. T. *Tvardovskiy. Poet i ego epoha*[A. T. Tvardovsky. The poet and his era]. Ekaterinburg. 1997. P. 19.
4. A. T. Tvardovsky *o sluchayu yubileya*[On the occasion of the anniversary] // *Novyj mir* – New world. 1965, No. 1, p. 15.
5. Pasternak B. *Lyudi i polozheniya*[People and conditions]. SPb. 2012. P. 225.
6. Ibid. P. 238.
7. Ibid. P. 239.
8. Ibid. P. 278.
9. Ibid. Pp. 250-251.
10. Ibid. Pp. 272-273.
11. Ibid. P. 244.
12. Ibid. P. 244.
13. Ibid. P. 267.
14. Litovskaya M. A. «*Fenix letit pered solncem*»: *Fenomen Valentina Kataeva*["Phoenix flies in front of the sun": the Phenomenon of Valentin Kataev]. Ekaterinburg. 1999. P. 289.
15. Kataev V. *Trava zabveniya*[Oblivion grass]. P. 379.
16. Sarnow B. *Velichie i padenie movizma*[Greatness and the fall of movism] // *Oktyabr* -October. 1995, No. 3, p. 183.
17. Ibid. P. 184.
18. Simonova G. T. *Memoirs prose of the Russian writers of the XX century: poetics and typology of a genre*. Grodno: GRGU, 2002. P. 43.
19. Kataev V. *Trava zabveniya*[Oblivion grass]. P. 379.
20. Ibid. P. 401.
21. Ibid. P. 340.
22. Ibid. P. 251.
23. Ibid. P. 257.
24. Snigireva T. A. A. T. *Tvardovskiy. Poet i ego epoha*[A. T. Tvardovsky. The poet and his era]. Ekaterinburg. 1997. P. 20.
25. Kondratovich A. *Novomirskiy dnevnik 1967–1970* [Novomirski diary 1967-1970]. M. 1991. P. 107.
26. G. Svirsky *Na lobnom meste. Literatura npravstvennogo soprotivleniya* [On Calvary. Literature of moral resistance] // Librussek . Available at: <http://lib.ru/NEWPROZA/SWIRSKIJ/svirsky1.txt>
27. Ehrenburg I. G. *Lyudi, gody, zhizn*[People, years, life] // *Novyj mir* – New world. 1965, No. 4, p. 60.
28. Dovlatov S. *Sobranie prozy*[Collection of prose]: in 3 vol. Vol. 2. SPb. 1993. P. 189.
29. Frezinski B. *Ilya Erenburg i Nikolay Buharin (Vzaimootnosheniya, perepiska, memuary, kommentarii)*[Ilya Ehrenburg and Nikolai Bukharin (Relationships, correspondence, memoirs, comments)] // *Voprosy literatury* – Questions of literature. 1999, No. 1, p. 334.
30. Ginzburg L. Ya. *O literaturnom geroe* [About the literary hero]. L. 1979. P. 7.

Мотив холода в повести З. Прилепина «Восьмерка»

В статье рассматривается мотив холода в качестве основного идейного образа повести Захара Прилепина «Восьмерка», а также выявляется связь данного мотива с главными темами произведения – одиночества и отчужденности, грязи и повсеместного бардака, безысходности и страдания. Подробный анализ системы персонажей повести (внешнего вида героев, их манеры поведения, окружающей обстановки) позволяет сделать вывод о том, что холод является в произведении лейтмотивом. Тщательному анализу текстового материала повести З. Прилепина предшествует обзор произведений зарубежной и русской литературы (романов Ч. Диккенса «Домби и сын», «Холодный дом»; повести Н. В. Гоголя «Шинель»; романа А. Белого «Петербург»), авторы которых через образ холода пытались выразить неустроенность частной жизни, социальное неблагополучие или отсутствие взаимопонимания между людьми. Рассмотрение повести в интертекстуальном контексте позволяет выявить и связь художественных образов произведения З. Прилепина с романом Б. Пастернака «Доктор Живаго», а также сделать вывод о том, что обращение к традиционному для литературы мотиву холода помогает писателю воссоздать картину русской действительности 1990-х гг.

The article deals with the motive of the cold as the main ideological image of Zahar Prilepin's story "Eight" and also reveals the connection of this motive with the main themes of the work such as: the loneliness and alienation, dirt and widespread chaos, despair and suffering. A detailed analysis of the story characters: the appearance of the characters, their manners, their surrounding leads to the conclusion that the image of cold in the story is the motive of it. An overview of the works of foreign and Russian literature (novels "Dombey and Son", "Bleak House", by Charles Dickens, "The Overcoat" by N. Gogol, "Petersburg" by A. Bely preceded by a thorough analysis of textual material to lead Z. Prilepin. Through the image of the cold authors tried to express disorder privacy, social disadvantages or lack of understanding between people. The Consideration in the intertextual context of the story reveals both, the connection of artistic images of Z. Prilepin's narrative with the novel "Doctor Zhivago" by Boris Pasternak, and come to the conclusion that the appeal to the traditional for literature motive of cold helps the writer to reconstruct a picture of Russian reality of the 1990s.

Ключевые слова: мотив холода, Захар Прилепин, повесть «Восьмерка», тема одиночества.

Keywords: the motive of cold, Zakhar Prilepin, the novel "The Eight", the theme of loneliness.

В литературоведении под мотивом понимается основное психологическое или образное зерно художественного произведения, устойчивый смысловой элемент, повторяющийся в фольклорных и литературных произведениях [1].

Как в зарубежной, так и в русской литературе писатели через мотив холода пытались выразить неустроенность частной жизни, социальное неблагополучие или отсутствие взаимопонимания между людьми. Так, у классика английской литературы Ч. Диккенса в романе «Домби и сын» слова *холод* и *лед* (величественный, но мрачный и холодный особняк Домби, холодные комнаты, ледяное шампанское и т. д.) становятся главными символами романа. С помощью их автор показывает суть современного ему общества, которое идет по пути технического прогресса, но которому чужды такие понятия, как духовность и сострадание к несчастьям близких. Холод становится главным лейтмотивом и в другом романе Ч. Диккенса «Холодный дом», где предметом сатиры становится судопроизводство, погрязшее в волоките.

В повести Н. В. Гоголя «Шинель» холод передает не только душевное состояние героя, но и становится символом нищеты: Акакий Акакиевич Башмачкин из-за морозов вынужден потратить все накопления и взять в долг, чтобы купить себе новую шинель: «Он шел по выюге, свистевшей в улицах, разинув рот, сбиваясь с тротуаров; ветер, по петербургскому обычаю, дул на него со всех четырех сторон, из всех переулков. Вмиг надуло в горло ему жабу и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и лег в постель» [2]. Как отмечает исследователь В. М. Маркович, анализируя «Шинель» Н. В. Гоголя, «...мотив холода, оборачиваясь своеобразной метафорой, легко переходит из физического мира в "нравственное пространство" (С. Г. Бочаров) петербургских повестей. Происходит это и в самой "Шинели", где гибель героя посреди холода и мрака бесконечной зимы соотносится с холодом бездушия, окружавшим его всю жизнь» [3]. Вообще на страницах гоголевских произведений Петербург предстает как город, соединивший в себе мистическое и реальное начала, как нечто враждебное человеческой личности, как царство холода и тумана: «...В Петербурге небо серое и туманное»; «...в Петербурге вы уже

мёрзнете и топите печи», – писал Н. В. Гоголь к А. В. и Е. В. Гоголь от 15 октября 1838 г. [4] Эта традиция будет продолжена и в XX в. У А. Белого в романе «Петербург» в спину прохожего, идущего по Невскому проспекту, задувают сквозняки Вселенной, в данном случае мотив холода передавал ощущение катастрофичности человеческого бытия в целом и русской жизни в частности. Здесь можно провести параллель с провинциальным городком Захара Прилепина, в котором происходит действие повести «Восьмерка»: «На улице, как собаки, переругивались и тянули друг у друга мусор местные сквозняки...» [5]

Обращаясь к традиционному в литературе мотиву холода, З. Прилепин в «Восьмерке» создает картину русской действительности 1990-х гг. Автор нигде точно не указывает времени происходящих событий, равно как и места. Действие происходит в небольшом безымянном провинциальном городке, который является неким собирательным образом. Если же говорить о времени действия, то мы с уверенностью можем говорить, что это сложный период в истории российской действительности – 1990-е гг. На это указывает все: враждующие между собой преступные группировки, безработица («Работы в городе все равно нет никакой... [6]»), «очереди за дешевой курицей» [7], «медленно звереющие и живущие исключительно продажей лома заводчане...» [8], листовки, полные «человеческого бешенства, возражать которому не имело смысла» [9] – и это лишь малая часть реальности 1990-х, воплощенная в повести З. Прилепина. Нужно отметить, что для автора важны не столько факты того времени, сколько мироощущение людей, переживших 1990-е. Холод проходит лейтмотивом через все произведение З. Прилепина, передавая неустроенность и неблагополучие жизни, с одной стороны, с другой – чувство покинутости, одиночества и безысходности сложившейся ситуации.

Действие повести происходит в начале марта, когда зима еще не закончилась, а весна в средней полосе России и не начиналась: «На улице *холодно*, седьмое марта, *мерзость*» [10]. Несколько раз временные рамки произведения расширяются, происходит это тогда, когда главный герой вспоминает свое знакомство и последующую встречу на ипподроме с возлюбленной Аглаей, или, как он ее называет, Гланькой. В обоих случаях это опять же холодное время года – поздняя осень – холодный октябрь и ноябрь.

На все происходящее мы смотрим глазами главного безымянного героя, омовца, который с друзьями-сослуживцами (Лыковым, Грехом и Шорохом) пытается бороться с несправедливостью и злом в лице Буца, главаря одной из преступных группировок: «Мы ж люди государевы, склоняющиеся без большой заботы опричники – омонцы, нищоброды в камуфляжной форме» [11]. Главный герой и его друзья едят изо дня в день одни и те же консервы («Зарплату нам не платили уже три месяца, зато дважды выдавали паек консервами»), среди которых «консервированная гречневая каша с мясом – *ледяная и белая, как будто ее привезли с Северного полюса...* Чтоб все мясо не растаяло, приходится снимать сковороду с огня раньше времени – и глотаешь потом гречневые комки, с одной стороны горячие, как огонь, а с другой – *ледяные и хрусткие*» [12]. Иногда один из приятелей, Лыков, угощает друзей едой, принесенной им из дома, – это или «завернутый в восемь слоев полотенцем, *как младенец на морозе, душистый плов*» или пельмени – «маленькие, симпатичные – у каждой *озябшие* губки бантиком» с «*заледеневшим, как мартовское солнце*» маслицем» [13]. Утром, после ночной смены, приятели умываются «*ледяной* водой», вытирают «мокрую и *озябшую* шею тельником» [14] и «нахватавшись *холодных* мясных кусков» [15] идут по домам, чтобы вечером встретиться вновь и отправиться на очередной рейд по клубам, где «при появлении двух камуфляжных бродяг по ночной публике пробегает брезгливый *озноб...*» [16].

При этом нужно отметить, что как такового Дома, где ждут родные и близкие и где можно «согреться», нет ни у одного из героев повести. Холод в данном случае выражает отчужденность и непонимание, царившие в семьях друзей-омовцев. Лыков совсем не общался со своим отцом, «слабо ощущая свое родство» [17], хотя «родители были, что называется, приличные – мать в шубке, отец в шляпе, интеллигенция» [18]. Грех «обитался с бабкой и дедом», которым дела не было до повзрослевшего внука. «Семья Шороха проживала в трешке, но там помимо пропойных родителей – бывших кадровых заводчан с похеренного завода – находились также младшие сестра и братик Шороха, на пропитание которых он вечно спускал почти всю зарплату, пока ее выдавали, а сейчас лично скармливал деткам по банке консервов, хранимых под кроватью в ящике, закрытом от отца с матерью на замок» [19]. Оставил семью отец-дипломат Гланьки, «и об отце она говорила так, словно он давно умер» [20].

О своей семье главный герой не упоминает ни слова. Известно, что он живет один и что у него «нет никакой жены» [21] и «даже матери нет» [22]. И, возвращаясь со смены домой, он всякий раз ощущает холод: «Добравшись в свою квартиру, я сразу лег спать – хорошо заснуть, когда ты пришел с ночи, пахнешь *морозцем* и молодым потом и лезешь с *холодными* ногами под тол-

стое одеяло...» [23]. Но холод, особенно там, где речь идет о чувствах к Гланьке, всегда соседствует с образами жара и огня: «Из полубреда, где все ближе наплывал невыносимый, пахнущий *кипящей* карамелью Гланькин рот, меня вырвал звонок» [24]. Или еще примеры из текста: «На этот раз, выныривая из сна, с *холодным* ртом и *горячим* животом, я вдруг с кошмарным, бешеным, обнаженным удивлением осознал, как глупо то, что происходит между мужчиной и женщиной» [25]. «Дома я разоспался до такой степени, что когда пацаны за мной заехали – в моей голове стояла *теплая*, бесшумная, мягкая, с привкусом густого портера тьма, в которой неожиданно, как стекло, рассыпался звонок» [26].

Какая-то «холодная» черта присутствует в описании каждого из персонажей повести: и если это не внешний вид, то манера поведения или окружающая героя среда. В подтверждение приведем несколько примеров из произведения. У Шороха лицо «было как будто *обмороженное* – оттого на его щеках всегда странно смотрелась щетина: бомжа напоминал» [27]. Или: «Меж нас, твердый, как *перемороженное мясо*, вклинился Шорох...» [28]. Он же, Шорох, говорит об Аглае:

« – Только не помню, как ее зовут. Имя такое, типа, *холодное*. Как водка “Алтай”, только другое. – Аглая, – сказал я» [29].

Интересно, что образ Аглаи построен на антитезе холод – огонь: с одной стороны, «холодное» имя и «*холодные, почти ледяные* – с серым оттенком кожи, с голубыми прожилками» кисти [30]. При этом о «ледяных руках» Гланьки упоминается в повести не раз: «...Гланька... морщилась с таким видом, словно я перетягивал ей *ледяной* палец тонкой ниткой» [31]; «Гланя эдак двумя издевательскими пальчиками тронула его за подбородок – поощрила. Клоун оглянулся на Гланьку, все еще сияя, и, неосознанно, поскорей ладонью стер ее пальцы с подбородка – наверняка, касанье было *ледяным*» [32]. И еще несколько деталей дополняют «ледяной» образ возлюбленной главного героя: «...на ресницах *вспыхнул* первый *снежок* – так вспыхивает табак, когда затягиваешься сигаретой...» [33] (в данном примере – *вспыхнул снежок* – можно наблюдать такой прием, как оксюморон – соединение двух понятий, противоречащих друг другу); «Голос у нее был такой, *словно она простыла* и умеет только шепотом» [34]; «Гланька сжимала руками чашку так, словно о нее можно было *согреться*» [35]. С другой стороны, в образе Гланьки присутствуют и «огненные» черты, выражающие, в основном, чувства повествователя к девушке: «...и опять стоит напротив меня, как *мина с часовым механизмом, которой не терпится взорваться*» [36]; «пахнущий *кипящей* карамелью Гланькин рот» [37]. Однако «потеплевшей» Гланька покажется герою лишь в конце произведения, когда он увидит ее в один из двух последних раз: «...живот у нее был огромный, а сама Гланька какая-то *потеплевшая* – даже со стороны чувствовалось, что руки у нее теперь не *ледяные*, а мягкие, *отогретые*. Но, может, это в моем летнем троллейбусе, откуда я любовался на беременную Гланю, была такая жара» [38]. Беременная, пусть от другого мужчины, Аглая кажется герою «потеплевшей», потому что уже не одинока, как была когда-то в своей холодной и опустевшей квартире: «От Гланькиной квартиры исходило твердое ощущение, что постоянный мужик тут сто лет не живет, а те, кто заходят, – не остаются надолго, об этом вопило все, что я видел: вешалки, линолеум, батареи, шкафы, краны» [39]. Но картину, казалось бы, устроенной, счастливой семейной жизни Аглаи нарушает вторая и последняя встреча героя с уже пьяной возлюбленной.

Образы огня и жара выражали на протяжении всего произведения не только любовь героя к Аглае, но и его желание иметь семью, заботиться о любимой женщине: «В общем, говорила про кого угодно, только не про меня.

Дура.

Я бы прятал ее за пазуху, я бы мыл ее, я бы готовил ей молочный суп и кормил с ложки, я бы замолкал по первой же ее просьбе и по первой же, скажем, пел, я бы слушал, когда она кричала, и улыбался в ответ на любую ее улыбку – пусть даже надо мной – всё бы я делал.

Я люблю продолжать этот список, там всегда много пунктов, они самые разные, – причем их всякий раз не хватает, пока не заснешь» [40].

Другой персонаж повести – Грех – мерзнет без куртки в роковую ночь, когда погибает главный враг друзей, главарь преступной группировки и любовник Аглаи Буц: «Уже по дороге я заметил, что Грех без куртки – на улице, между тем, стоял *натуральный ночной холодок*, и Грех, чувствуя его, время от времени обнимал себя длинными руками» [41]. И еще одно интересное сравнение, дополняющее образ Греха и содержащее прилагательное «холодный»: «Грех, напротив, дрался, как чистят картошку в мужской компании, – весело, с шуточками, делая издалека длинные пассы и попадая в любую кастрюлю так, что *холодные* брызги летели во все стороны» [42].

Если говорить о третьем друге главного героя – Лыкове, то в его образе «холодные» черты не прослеживаются, но именно Лыков является обладателем «*хрупкой белой “восьмерки”*» [43],

которая не раз объединяет и спасает от холода друзей: «...Портер с пельмешками, одной пластмассовой ложкой, в марте, в маленьком и прогретом салоне “восьмерки” – плохо ли...» [44]. Лыков же, находясь за рулем «восьмерки», становится и виновником смерти Буца: «Лобовуху “восьмерки” украшала свежая, яркая, как зимняя ветка, трещина – того и гляди стекло посыплется» [45]. Интересно, но холод, в конечном итоге, и «помогает» разрешить сложившуюся не лучшим образом для друзей ситуацию: «восьмерку» с уже мертвым Буцем «на мартовской наледи, немного вывернуло влево», и она очутилась под колесами встречной фуры: «Оглянувшись, я успел рассмотреть другую фуру, как метеорит ниспадающую на хрупкую белую «восьмерку», резко вставшую посередине ее пути» [46]. Однако после произошедших событий крепкая дружба приятелей-сослуживцев распадается. Мотив холода сменяется другой темой – невыносимого одиночества и бездушия в мире людей. Эта тема всегда шла рядом и, по сути, определяла мотив холода в повести, но именно после непредумышленного убийства Буца вышла на первый план, а друзья превратились во врагов, постепенно теряющих человеческий облик:

« – Догнать на машине и грохнуть! – снова повторил Грех, ненавидяще глядя мне в глаза. – Иначе она сдаст всех! И эту суку глупую тоже! – и Грех ткнул в меня пальцем.

Я задохнулся и, не закрывая рта, оглядел внимающих Греху пацанов, отчетливо, по буквам, спросив у себя: кто это?

“Кто это? – спросил. – Твои друзья? С чего ты взял? Если вы жрали с одной тарелки по утрам в раздевалке – это называется друзьями?”

– Ты, хорош гнать! – сказал вдруг Шорох, повернувшись всем телом к Греху. – Чего за гон, ты?

В одну секунду они сцепились и, с тяжелым стуком мясных оледеневших туш, перекинулись через невысокий заборчик вдоль тротуара» [47].

Буц – олицетворение зла – напротив, из главаря преступной группировки превращается в жертву – Буцева Вячеслава Егоровича, в гибели которого окажется виновным Лыков:

«Грех сразу ушел в отпуск и пропал – хотя бежать оказалось не за чем.

Рассказывали потом, что отец Лыкова договорился в морге – у него там были давние друзья по медицинской учебе. Они дали искомое заключение, в котором говорилось о Буцеве Вячеславе Егорыче, погибшем под колесами фуры, а не за полчаса до этого вследствие столкновения с “восьмеркой” и последующего удара головой об асфальт» [48].

Ни у одного из друзей-омоновцев мы так и не узнаем имени – лишь клички и фамилия у Лыкова. Герой-повествователь остается вообще безымянным, несмотря на свой богатый внутренний мир. А вот представитель преступного мира Буц, которого за что-то же любила Гланька, становится после смерти обладателем и имени, и отчества, и фамилии. Узнаем мы также и о том, что у гражданина Буцева осталась мать, поверившая медицинскому заключению. Преступник Буц оказывается обычным человеком, а его нелепая смерть вызывает даже чувство жалости у читателя, чего не скажешь о предприимчивых Лыкове и Грехе.

Тема холода, одиночества, отчужденности и непонимания в повести З. Прилепина сочетается с еще одной из главных тем – грязи, бардака и хаоса. В произведении несколько раз упоминается мартовская грязь: «На улице холодно, седьмое марта, мерзость» [49]; «На улице, как собаки, переругивались и тянули друг у друга мусор местные сквозняки...» [50]; «Зато не вздрогнул Грех и невесть откуда взявшимся снежком из последнего грязного снега засадил в окно...» [51]; «– Буц! – неожиданно позвала Гланька, оглядывая деревья, дома, вечно покореженные лавочки, залежавшийся грязный снег в палисаднике...» [52]; «...я заметил, как Грех и Шорох все еще кувыркаются в грязном снегу» [53].

Неприятные ощущения испытывает главный герой, находясь в неудобной квартире Гланьки: «Сама квартира тоже была темная, нигде не горел свет. Полы Гланька явно мыть не любила. На вешалках виднелось очень много разнообразной, спутавшейся, старой одежды, будто в доме когда-то принимали гостей – но все пришедшие странным образом растворились и сгнули – а вещи их так и остались висеть. Никому не нужные, никем не надеваемые.

Обувь на полу лежала вповалку, зимняя вместе с летней, калоши, туфли, тапки, башмаки – и все потерявшие пары. Смотреть на это было грустно» [54]; «Кухня была освещена большим и прямым светом из окна, смутно-белым и противным, как старая простыня» [55]; «(На балконе было холодней, чем на улице, и ужасный бардак)» [56].

Страдание и мука – еще один мотив, сопряженный с темой холода, одиночества и повсеместного бардака. Несчастливыми предстают в повести практически все персонажи: мать Лыкова («Еще я как-то опознал лыковскую мать в очереди за дешевой курицей, – она сразу отвернулась, но в глазах и губах ее я успел заметить невыносимую муку. Преподаватель речи в театральном училище, она не должна была стоять в очереди никогда» [57]; младшие братик и сестренка Шо-

роха, вынужденные постоянно прятаться от пьяных родителей в комнате старшего брата; «медленно звереющие и живущие исключительно продажей лома заводчане» [58]. Измученной кажется герою и Гланька: «Даже со стороны было заметно, что кисти у неё холодные, почти ледяные – с серым оттенком кожи, с голубыми прожилками...

Я поспешно отогнал от себя мысль о том, что ж такого особенного делает этими руками Гланька, чтоб так их измучить...» [59]; «В ее словах была какая-то не совсем понятная мне, показавшаяся нарочитой мука» [60]. В образе Гланьки прослеживаются черты одной из ее литературных предшественниц – Лары Гишар из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». И та, и другая воспитывались в неполных семьях и пережили раннее взросление. Но если Лара освободилась от губительного влияния матери, брата и Комаровского и встала на путь добра, превратившись из «падшей» девушки в совершенную женщину, музу поэта, то Гланька так и не смогла изменить себя и свою жизнь. В повести З. Прилепина есть эпизод, который явно указывает на связь с великим романом Б. Пастернака: «Путь шел мимо дома Гланьки. Я посмотрел на ее окна. В окнах кто-то включал и выключал ночник, как будто задумался о чем-то то ли совсем неразрешимом, то ли вовсе пустячном» [61]. В романе Б. Пастернака горящая на столе свеча, которую видит Юрий Живаго в окне Лары, – это некий символ надежды и веры во что-то светлое и доброе. Загорающаяся и гаснущая лампочка ночника в окне Гланьки – символ неопределенности и, действительно, какой-то неразрешенности, тупиковости.

Страдают в повести не только люди, но и неодушевленные предметы: «облезлые дома» [62], «вечно покореженные лавочки» [63], «неумытые чашки» [64], «чумазные кружки» [65], «квеляя и липкая, как обсосанный леденец, лампочка» [66], «никому не нужные, никем не надеваемые вещи» [67], «чайник, переживший, судя по виду, смертельные пытки огнем и водой» [68] и т. д.

Итак, холод в повести З. Прилепина «Восьмерка», являясь главным идейным образом, одновременно предопределяет и другие темы произведения: одиночества, хаоса, безысходности и страдания: «...я думаю: вот вокруг, и дальше, и еще дальше, и всюду – огромная земля, на ней лежат камни и разное железо, а сверху над землей небо, а за ним еще небо, и вообще черт знает что – а ты вообще один тут. Ну, то есть, нет никаких таких друзей толком, даже матери нет – торчишь один, смешной, как вафельный стаканчик, даже еще смешней... Один!» [69].

Примечания

1. Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева. М.: Просвещение, 1974. С. 509.
2. Гоголь Н. В. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1- М.: Худож. лит., 1978. С. 518.
3. Маркович В. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л.: Худож. лит., 1989. С. 60.
4. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс: Культура, 1995. С. 217.
5. Прилепин З. Восьмерка: маленькие повести. М.: Астрель, 2012. С. 35.
6. Там же. С. 31.
7. Там же. С. 35.
8. Там же. С. 44.
9. Там же. С. 96.
10. Там же. С. 31.
11. Там же. С. 37.
12. Там же. С. 31.
13. Там же. С. 101.
14. Там же. С. 95.
15. Там же. С. 98.
16. Там же. С. 38.
17. Там же. С. 41.
18. Там же. С. 35.
19. Там же. С. 36.
20. Там же. С. 73.
21. Там же. С. 41.
22. Там же. С. 122.
23. Там же. С. 42.
24. Там же.
25. Там же. С. 52.
26. Там же. С. 101.
27. Там же. С. 34.
28. Там же. С. 114.
29. Там же. С. 47.
30. Там же. С. 72.
31. Там же. С. 74.

32. Там же. С. 104.
33. Там же. С. 51.
34. Там же. С. 68.
35. Там же. С. 72.
36. Там же. С. 38.
37. Там же. С. 42.
38. Там же. С. 120.
39. Там же. С. 73.
40. Там же. С. 120.
41. Там же. С. 109.
42. Там же. С. 34.
43. Там же. С. 116.
44. Там же. С. 101.
45. Там же. С. 110.
46. Там же. С. 116.
47. Там же. С. 114–115.
48. Там же. С. 118.
49. Там же. С. 31.
50. Там же. С. 34.
51. Там же. С. 94.
52. Там же. С. 113.
53. Там же. С. 115.
54. Там же. С. 70.
55. Там же. С. 71.
56. Там же. С. 74.
57. Там же. С. 35–36.
58. Там же. С. 44.
59. Там же. С. 72.
60. Там же. С. 73.
61. Там же. С. 37.
62. Там же. С. 53.
63. Там же. С. 113.
64. Там же. С. 70.
65. Там же. С. 74.
66. Там же. С. 71.
67. Там же. С. 70.
68. Там же. С. 71.
69. Там же. С. 122.

Notes

1. *Slovar literaturovedcheskih terminov* – Dictionary of literary terms / ed. by L. I. Timofeev, S. V. Turaev. M. Prosveshcheniye. 1974. P. 509.
2. Gogol N. V. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]: in 2 vol. Vol. 1. M. Khudozh. lit. 1978. P. 518.
3. Markovich V. M. *Peterburgskie povesti N. V. Gogolya* [Petersburg novels of N. V. Gogol] L. Khudozh. lit. 1989. P. 60.
4. Toporov V. N. *Mif. Ritual, Simvol. Obraz* [Myth. Ritual, Symbol. Image]. M. Progress: Culture. 1995. P. 217.
5. Z. Prilepin Z. *Vosmerka: malenkie povesti* [Eight: little stories]. M. Astrel'. 2012. P. 35.
6. Ibid. P. 31.
7. Ibid. P. 35.
8. Ibid. P. 44.
9. Ibid. P. 96.
10. Ibid. P. 31.
11. Ibid. P. 37.
12. Ibid. P. 31.
13. Ibid. P. 101.
14. Ibid. P. 95.
15. Ibid. P. 98.
16. Ibid. P. 38.
17. Ibid. P. 41.
18. Ibid. P. 35.
19. Ibid. P. 36.
20. Ibid. P. 73.
21. Ibid. P. 41.
22. Ibid. P. 122.
23. Ibid. P. 42.

24. Ibid.
25. Ibid. P. 52.
26. Ibid. P. 101.
27. Ibid. P. 34.
28. Ibid. P. 114.
29. Ibid. P.47.
30. Ibid. P. 72.
31. Ibid. P. 74.
32. Ibid. P. 104.
33. Ibid. P. 51.
34. Ibid. P. 68.
35. Ibid. P. 72.
36. Ibid. P. 38.
37. Ibid. P. 42.
38. Ibid. P. 120.
39. Ibid. P. 73.
40. Ibid. P. 120.
41. Ibid. P. 109.
42. Ibid. P. 34.
43. Ibid. P. 116.
44. Ibid. P. 101.
45. Ibid. P. 110.
46. Ibid. P. 116.
47. Ibid. Pp. 114–115.
48. Ibid. P. 118.
49. Ibid. P. 31.
50. Ibid. P. 34.
51. Ibid. P. 94.
52. Ibid. P. 113.
53. Ibid. P. 115.
54. Ibid. P. 70.
55. Ibid. P. 71.
56. Ibid. P. 74.
57. Ibid. Pp. 35–36.
58. Ibid. P. 44.
59. Ibid. P. 72.
60. Ibid. P. 73.
61. Ibid. P. 37.
62. Ibid. P. 53.
63. Ibid. P. 113.
64. Ibid. P. 70.
65. Ibid. P. 74.
66. Ibid. P. 71.
67. Ibid. P. 70.
68. Ibid. P. 71.
69. Ibid. P. 122.

УДК 81'37

А. В. Марьина

Функционирование концепта HOME/HOUSE в современном рекламном дискурсе Великобритании

В статье описан один из методов концептуального анализа – изучение функционирования концепта в рекламном дискурсе. Метод подразумевает два этапа: анализ концепта в национальной картине мира и определение особенностей экспликации концепта в рекламном дискурсе. Метод проиллюстрирован на примере выявления специфики реализации в рекламных сообщениях Великобритании концепта HOME/HOUSE. Построена модель концепта в картине мира на основе этимологического анализа ключевого слова, словарных толкований, паремиологического и ассоциативного полей. Выявлены особенности актуализации се-

мантических, образных и ценностных компонентов концепта, а также определены основные цели привлечения концепта HOME/HOUSE в рекламное сообщение. Отмечено влияние особенностей экспликации концепта в языке рекламы на его модель в картине мира.

The article describes one of the methods of conceptual analysis called the operation of concept in the advertising discourse. The method implies 2 stages: the concept analysis within the national worldview and the definition of the peculiarities of the explication of the concept in the advertising discourse. The method is illustrated by therevelation of the specific realization of the concept HOME/HOUSE in Great Britain. The model of the concept is built based on the etymological analysis of the keyword, dictionary interpretations, paremiological and associative fields. The article features the peculiarities of the actualization of semantic, figurative and value components of the concept and shows the main goals of bringing the concept of HOME/HOUSE in the advertising message. The work points out the influence of the specific characteristics of the explication of the concept on the national worldview.

Ключевые слова: дискурс, рекламный дискурс, концептуальный анализ, концепт, концептосфера, концепт HOME/HOUSE.

Keywords: discourse, advertising discourse, conceptual analysis, concept, sphere of concepts, concept HOME/HOUSE.

HOME/HOUSE является одним из ключевых концептов в английской лингвокультуре. Некоторые американские ученые считают, что HOME/HOUSE – центральный концепт универсального человеческого бытия [1]. Согласно данным В. А. Масловой, исследуемый концепт занимает у англичан 22-е место в списке ключевых концептов [2]. Е. А. Чернякова, проведя анализ англоязычных фразеологизмов, также приходит к выводу, что концепт HOME обладает особой значимостью для англичан [3].

Целью проводившихся ранее исследований было построение модели концепта HOME/HOUSE в английской картине мира. В частности, этому посвящен целый ряд работ И. В. Давыденко, в которых автор проводит этимологический, лексический анализ концепта и выявляет его когнитивные характеристики [4]. А. А. Подкопаева в рамках исследования художественного концепта HOME/HOUSE выявляет специфику выражения данного концепта в лексической и фразеологической семантике английского языка вообще [5].

Исследования позволяют опираться на полученные данные, однако работ, посвященных изучению функционирования концепта в рекламном дискурсе, не обнаружено. Возможно, это связано с тем, что в отечественной лингвистике чаще встречается коммуникативно-прагматический подход [6] к изучению рекламного дискурса: выявление характеристик информационно-коммуникативного пространства (Е. В. Чиликина [7]), выделение коммуникативных стратегий и изучение средств их реализации (С. В. Броженко [8], О. В. Стрижкова [9], И. Ю. Егорова [10]), изучение жанровых особенностей (Н. П. Белоусова [11]) и стилистики (Ю. В. Попова [12]). Методика концептуального анализа рекламного дискурса четко не разработана и не опробована. Можно выделить два подхода: концептуальный анализ рекламного дискурса как объекта (изучение концептосферы какого-либо дискурса) и как материала (изучение функционирования определенного концепта в рекламном дискурсе).

Второй подход (изучение функционирования определенного концепта в рекламном дискурсе) включает два этапа:

- анализ концепта в картине мира (проведение этимологического анализа ключевого слова, анализ словарных толкований, рассмотрение паремиологического и ассоциативного полей), позволяющий построить модель концепта, которая отражает содержательные компоненты (семантическое поле), образные элементы и ценности, ассоциирующиеся с ним. Данный этап основан на методе концептуального анализа, предложенном И. А. Стерниным и З. Д. Поповой [13], с некоторыми модификациями;
- определение особенностей экспликации концепта в рекламном дискурсе. Данный этап связан с изучением актуализированных семантических, образных и ценностных компонентов концепта в дискурсе, цели привлечения концепта.

Концепт HOME/HOUSE в сознании англичан

Согласно исследованиям, проведенным А. А. Подкопаевой и И. В. Давыденко, исследуемый концепт включает в себя две лексемы (И. В. Давыденко называет их «именем концепта»): HOME и HOUSE. Подробный анализ дефиниций позволяет выявить четыре микрополя концепта [14].

Основные семантические элементы для леммы HOME:

• 'семейный очаг' (дом – здание, дом – семья). Для данного компонента важна эмоциональная составляющая, привязанность к месту, это место с родными/близкими людьми;

• 'географическая местность' (дом – родина, место происхождения).

Значимость данного компонента напрямую связана с локацией Великобритании (вдали от материка) и колониальным прошлым государства (для путешественников и эмигрантов дом (home, homeland) был на Британских островах).

Основные семантические элементы для лексемы HOUSE:

• 'постройка' (в т. ч. здание, занимаемое одной семьей): акцент ставится именно на помещении, в котором располагается семья;

• 'организация' (учреждение): люди, объединенные каким-либо видом деятельности под одной крышей.

Обе лексемы имеют значение 'здание', однако HOUSE – это в первую очередь физическое воплощение дома, в то время как HOME – именно семейный очаг, то есть «в понятии house на первый план выходит денотативное содержание, а в понятии home – коннотативное содержание» [15].

Анализ фразеологизмов с использованием лексем HOME и HOUSE [16] позволяет выделить две основные ценности данного концепта:

• комфорт/уют: *Home, sweet home* (Дом, милый дом), *There is no place like home u Eastor West, home is best* (аналог: *В гостях хорошо, а дома лучше*); *Dry bread at home is better than roast meat abroad* (Сухой хлеб дома лучше, чем жареное мясо за границей); *To feel at home u Make yourself at home* (Чувствовать себя как дома); *Keep a good house* (Хорошо принимать гостей) и т. д. Ценность «комфорт» связана с ценностью «забота» (забота о семье, так как домашний очаг – это в первую очередь близкие родственники). Это подтверждается:

а) данными ассоциативного словаря [17]: home тесно связан в создании англичан со следующими словами: family (семья), mother (мать), parents (родители), help (помощь), comfort (комфорт) и т. д.;

б) устойчивыми выражениями: *Bring home the bacon* (аналог: *Дом – полная чаша (добиваться успеха)*); *Charity begins at home* (Благотворительность начинается дома); *A woman's place is in the home* (Место женщины – в доме или Роль женщины – забота о доме) и т. д. Таким образом, дом – это необязательно конкретное место проживания семьи, дом – это место, где человек чувствует себя комфортно: *Spiritual home* (Духовный дом); *Home is where the heart is* (Дом там, где твое сердце);

• безопасность (личное пространство): *Safe as houses u At home ground* (Безопасно или Как на родной земле); *Be home and dry* (В целостности и сохранности); *An Englishman's home is his castle* (аналог: *Мой дом – моя крепость*). Исследования показывают, что англичане теснее других наций отождествляют себя с домом ('house') [18]. Загородный дом жителя Англии (the English country house) уединен и символизирует собой государственность [19]. Ценность подтверждается и данными ассоциативного словаря: secure (безопасный), safe (безопасный), peace (мирный).

Таким образом, различие когнитивных признаков двух лексем также можно проследить на примере фразеологизмов и данных ассоциативного словаря: особенное отношение к дому как к семейному очагу выражается с помощью использования лексемы HOME (*A house is not a home – пер.: Не каждую постройку можно считать домом*), в свою очередь у лексемы HOUSE тесная связь в сознании именно со зданием, его частями и характеристиками, а не с атмосферой (в словаре ассоциаций встречается следующий набор слов: garden (сад), door (дверь), roof (крыша), flat (квартира), brick (кирпич) и т. д.

Концепт HOME/HOUSE в английском рекламном дискурсе

Материалом для исследования послужили рекламные тексты, содержащие ключевые слова home и house. Для поиска примеров привлекалась современная реклама различных видов (наружная, печатная, телевизионная, базы объявлений), которая была размещена в Великобритании (целевая аудитория рекламы – жители Англии). В результате было собрано около 150 рекламных текстов. Важно отметить, что из анализа не исключались примеры международных кампаний, если они были размещены на территории Великобритании.

В исследовании функционирования концепта в том или ином дискурсе важно определить:

• особенности актуализации семантических и образных компонентов, ценностей концепта, выявленных при анализе национальной картины мира;

• цели привлечения концепта.

Концептуальный анализ позволил выявить основные семантические компоненты:

• для лексемы HOME: 'семейный очаг' ('здание'), 'географическая местность';

- для лексемы HOUSE: 'постройка'; 'организация' ('учреждение').

Самым употребляемым случаем использования концепта можно считать лексему HOUSE в значении 'здание'. Она выполняет в рекламе номинативную функцию. Привлечение целевой аудитории достигается за счет использования стилистических приемов, неязыковых средств (графическая образность, шрифтовые выделения и т. д.) или методов эмоционального и психологического воздействия. Рассмотрим примеры:

✓ *Every house needs Westing house* (электротехническая продукция, пер.: *Каждому зданию нужен Westing house*). Эффект воздействия достигается за счет дублирования лексемы house в названии рекламируемого бренда. HOUSE используется в значении 'здание', функция номинативная.

✓ *We will sell your house, or ERA will buy it!* (риэлторское агентство ERA, пер.: *Мы продадим Ваш дом или купим его сами*): коммуникативная функция – привлечение внимания и убеждение потенциальных клиентов – достигается за счет апелляции к выгоде; HOUSE используется в значении 'здание', функция номинативная.

✓ *Today's fine houses are built with Fit Ply wood* (строительная компания, пер.: *Хорошие дома строятся сегодня из материала Fit Ply wood*): эффект достигается за счет ассоциативной связи с высоким качеством продукции; HOUSE используется в значении 'здание', функция номинативная.

✓ *The sein spiring ideas and terrific products will improve any room in the house* (салон обоев, пер.: *Эти вдохновляющие идеи и потрясающие предложения украсят любую комнату в доме*): эффект достигается за счет использования оценочных слов *inspiring* и *terrific*, HOUSE используется в значении 'здание', функция номинативная.

✓ *This 1950s house is arich mix of colorful retro and contemporary design* (реклама отдельного дома, пер.: *Этот дом 1950-х – богатое соединение красочного ретро и современного дизайна*): эффект достигается за счет описания характеристик товара и визуального ряда, который играет ключевую роль, HOUSE используется в значении 'здание', функция номинативная.

Лексема HOME значительно реже употребляется в значении 'жилище' ('здание'). Для достижения коммуникативной функции рекламного сообщения используются те же приемы, что и в случаях употребления лексемы house в значении 'здание':

✓ *If you can't sell your home – I KEN!* (риэлторское агентство KEN, пер.: *Если ты не можешь продать свой дом, я могу*): HOME как 'здание' используется для номинации объекта, эффект привлечения внимания достигается за счет каламбура, построенного на использовании омофонов (название компании KEN и глагол *can* (*I can* (*я могу*) – *IKEN*).

✓ *Buying a bigger home doesn't necessarily mean spending more money* (риэлторское агентство, пер.: *Купить дом побольше не обязательно означает потратить больше денег*): HOME как 'здание' используется для номинации объекта, эффект убеждения потребителя достигается за счет апелляции к выгоде – экономии.

Номинативная функция лексемы HOME чаще реализуется в значении 'жилище'/'семейный очаг': *Get a new home and get a second new home free* (риэлторское агентство, пер.: *Купи новый дом и получи второй в подарок*); *Bringing law school in to your home* (домашнее образование, пер.: *Юридический колледж на дому*); *Just a step away from home* (торговый центр, пер.: *В шаге от дома*). В данных примерах эффект вновь достигается за счет эмоционального воздействия (апелляция к выгоде: второй дом в подарок, удобство – обучение не выходя из дома, торговый центр в шаговой доступности от дома). Однако выявлены примеры использования лексемы HOME и в значении 'географическая местность': *Go home or face arrest* (социальная реклама для снижения незаконной миграции: *Отправляйся домой или будешь арестован*, функция номинативная).

В случае если HOME и HOUSE используются исключительно для номинации и именно дом является объектом сообщения (реклама недвижимости), особая роль в тексте отводится неязыковым средствам воздействия, в том числе визуальному ряду. Здание (или дом) должно отражать характеристики рекламируемого товара (например, в рекламе кирпичных домов здание обязательно будет из данного строительного материала и т. д.), кроме того, визуальный ряд должен быть привлекательным.

Таким образом, обе лексемы могут использоваться в рекламе исключительно для номинации объекта (в значении 'здание' house используется значительно чаще, чем home), однако в этих случаях авторы текстов достигают эффекта воздействия или привлечения внимания за счет стилистических или неязыковых приемов.

Важная цель использования концепта в рекламном сообщении – привлечение внимания. Для обеих лексем актуально употребление в рекламном дискурсе в значении 'место распространения': *The home of Port* (магазин алкоголя, пер.: *Дом портвейна*); *The home of professional trans*

lation (бюро переводов, пер.: *Дом профессионального перевода*); *The home of radiant smile* (стоматология, пер.: *Дом лучезарной улыбки*); *Home of the world's finest coffees* (кофейня, пер.: *Дом лучшего в мире кофе*); *Home of the lowest prices* (супермаркет, пер.: *Дом самых низких цен*); *The House of Menthol* (сигареты с ментолом, пер.: *Дом ментола*); *Your inspiration has a home* (строительная компания, пер.: *Дом для вашего вдохновения*).

В приведенных текстах внимание потребителя привлекается за счет того, что в обыденной жизни англичане редко используют слова *house* и *home* по отношению к подобным предметам/явлениям.

Одним из самых ярких примеров использования концепта с целью привлечения внимания является рекламная кампания Британского музея. Основной темой серии рекламных постеров стал дом. Персонажей различных эпох поместили в окружение типичного британского быта (в частности, Клеопатра гордо восседает на современной кушетке, римский гладиатор готовит гриль, ацтек загорает на пляжном лежаке). Идея рекламы в том, что в Британском музее «живут» артефакты уже исчезнувших с лица земли цивилизаций, музей – их дом. Рекламная цель – привлечение внимания – достигается за счет иконической составляющей (контраст эпох) и, конечно, за счет использования лексемы HOME в значении ‘жилище’ по отношению к подобным персонажам и объектам.

В английской рекламе привлекают все выявленные ценности изучаемого концепта. Поскольку HOUSE и HOME актуализируют разные участки концептуальной области, популярным приемом является одновременное использование двух лексем. Это позволяет акцентировать внимание на эмоциональной составляющей дома (*home*) как семейного очага, когнитивных признаках, относящихся исключительно к лексеме HOME. Например: *I don't find you a house... I find you a home!* (риэлторское агентство, пер.: *Я найду не просто дом (house), я найду семейный очаг (home)*); *Smart House. Safe home* (системы безопасности, пер.: *Умный дом (house). Безопасное жилье (семейный очаг)*); *Building Houses to make homes in* (девелопер, пер.: *Строим здания, чтобы создавать дома*); *For a healthier house and a happier home* (моющее средство, пер.: *Для здорового и счастливого дома*); *It's not about buying a house... It's about finding a home* (риэлторское агентство, пер.: *Это реклама не о покупке здания, а о том, как найти свой дом*); *Opt for a modular house and you can have the home you've dreamed* (девелопер модульных домов, пер.: *Выберите модульное здание, и у вас будет дом вашей мечты*); *A student house has been restored to an elegant family home* (реклама проекта реконструкции на конкурсе архитекторов, пер.: *Студенческая постройка превратилась в изящный семейный дом*).

Ценность личного пространства/безопасности усиливается в рекламном сообщении с помощью притяжательных местоимений *your* (твой), *their* (их) и т. д., прилагательного *own* (свой собственный). Например: *Happy family deserve their own happy home. SO DOES YOURS!* (кредиты на недвижимость, пер.: *Счастливая семья заслуживает собственный счастливый дом. И твоя тоже!*); *We believe in Creating your ideal home* (салон мебели Room&Board, пер.: *Мы верим в создание вашего идеального дома*); *Our products play a major role in the transformation of your home* (салон окон и дверей, пер.: *Наши товары играют главную роль в преобразовании вашего дома*); *Bringing the fresh perfume of the season's new blooms in to your home couldn't be easier with the latest collection of fragrances from Febreze* (освежитель воздуха, пер.: *Новые ароматы сезона в вашем доме с последней коллекцией от Febreze*). Апелляция к ценности личного пространства также может быть выражена с помощью прямого указания на то, кому подойдет товар: *It's a delightful, practical and adaptable FAMILY HOME* (реклама отдельного дома, пер.: *Это восхитительный, практичный и многофункциональный СЕМЕЙНЫЙ ДОМ*); *Homes for your future* (строительная компания, пер.: *Дом твоего будущего*); *Hatching plans for your beautiful home* (салон интерьера, пер.: *Вынашивая идеи для вашего красивого дома*).

Еще одним приемом воздействия с помощью привлечения концепта в рекламное сообщение является «привязка» товара к ценностям дома (создается ощущение, что без данного товара дом лишается своих ценностей): *A home's not home without Homewheat* (печенье, пер.: *Без печенья Home wheat дом не дом*); *Bring style home* (мебельный салон, пер.: *Добавь стиля своему дому*). В некоторых случаях маркетологи используют привязку к совокупности ценностей, ассоциирующихся с домом, не выделяя одну из них. Убеждение достигается именно за счет образа дома в сознании потребителя: *Your home from home* (кофейня, пер.: *Твой второй дом*); *Make yourself at home* (сеть отелей, пер.: *Чувствуйте себя как дома*); *Your home while you are here* (отель, пер.: *Пока вы здесь, это ваш дом*); *You will feel at home every time you return* (отель, пер.: *Ты будешь чувствовать себя как дома, каждый раз, когда вернешься*); *Stay with us and feel like home* (отель, пер.: *Оставайся с нами и будь как дома*).

Стоит более подробно остановиться на привлечении ценностей концепта HOME/HOUSE в рекламе товарных категорий, которые не обладают ими. Этот способ можно выделить как отдельный прием для разработки рекламных кампаний. Рассмотрим несколько примеров. Слоган популярного освежителя воздуха гласит: *It's good to be home* (международная кампания бренда AirWick, пер.: *Хорошо быть дома*). На самом деле освежитель воздуха содержит в себе лишь практическую ценность, однако маркетологи смогли повысить значимость товара для человека. Этот эффект достигнут за счет привлечения концепта HOME в рекламу: в данном примере осуществляется искусственная «привязка» к ценности, с которой ассоциируется дом, – к комфорту. Похожим примером является слоган компании MERCEDES: *Welcome home!* (международная кампания MERCEDES-BENZ E-Класса, пер.: *Добро пожаловать домой!*). Спикер рекламного ролика – архитектор – заявляет: вы забудете, что сидите в автомобиле. Описание большого салона, удобных сидений не передали бы потребителям того ощущения комфорта, которое предоставляет данная модель автомобиля. К тому же осуществляется привязка и к другой ценности – безопасности (личного пространства). Удачность данных слоганов объясняется еще и тем, что маркетологи выбирают совершенно нестандартный метод: они не просто говорят о преимуществах своего продукта, они передают ощущения с помощью знакомого каждому явления – ощущения домашнего комфорта.

Таким образом, с помощью языковых средств маркетологи имеют возможность задействовать в рекламе ценности, ассоциирующиеся с домом в сознании англичан, – безопасность, комфорт. Реклама некоторых товаров для дома строится на убеждении потребителя в том, что они являются обязательным атрибутом для формирования ценности дома. Специфическим приемом является одновременное использование двух лексем HOME и HOUSE для акцентирования внимания на ценностях дома как семейного очага.

Анализ функционирования концепта HOME/HOUSE показал, что наиболее употребительными семантическими компонентами концепта HOME/HOUSE в рекламном дискурсе являются лексема HOUSE в значении 'здание' и HOME в значении 'жилище'. Это позволяет определить HOME/HOUSE как концепт с сильной денотативной составляющей. Актуализация образных компонентов напрямую зависит от объекта и цели рекламного сообщения. Концепт может выполнять несколько функций: номинативную, привлечения внимания и воздействия. В случае, если концепт выполняет исключительно номинативную функцию, в рекламном сообщении должны присутствовать другие средства для достижения целей рекламного сообщения (стилистические и неязыковые приемы, методы психологического и эмоционального воздействия, в том числе в визуальном ряду с целью запоминающегося отображения образных компонентов концепта). Функция привлечения внимания достигается либо за счет использования редко употребляемого семантического компонента концепта, либо путем употребления распространенного семантического компонента по отношению к нестандартным объектам. Использование концепта HOME/HOUSE для воздействия, как правило, основано на привлечении ценностей данного концепта (комфорт/уют и безопасность/личное пространство) или переносе ценностей на товары, в действительности ими не обладающие.

Примечания

1. Jackson N. Home in Russia: Cultural Values Embedded in Russian Homes // Materials of NCA National Convention «Moving Forward / Looking Back». Chicago, 2004. P. 111–123.
2. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пос. М.: Флинта; Наука, 2004. С. 262.
3. Чернякова Е. А. Выражение наиболее значимых концептов английского и французского национальных культурных миров через фразеологические единицы. URL: <http://tea4er.ru/home/volume2/3051-2012-09-30-17-37-06>
4. Давыденко И. В. Когнитивные характеристики ДОМ–HOME/HOUSE в английской ЯКМ. Х.: Вісник Харків. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. 2009. № 866. С. 40–44.
5. Подкопаева А. А. Вербализация художественного концепта Home/House в произведениях английских писателей XIX–XX вв. Ставрополь, 2010. С. 65.
6. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks321422
7. Чиликина Е. В. Информационно-коммуникативное пространство англоязычного рекламного дискурса. Пятигорск, 2012.
8. Броженко С. В. Стратегия дифференциации и языковые средства её реализации в рекламном дискурсе. Челябинск, 2011.
9. Стрижкова О. В. Специфика реализации коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе – тема диссертации и автореферата. Челябинск, 2012.
10. Егорова И. Ю. Акцентирование в рекламном интернет-дискурсе. Волгоград, 2008.

11. Белоусова Н. П. Основные характеристики слогана как субжанра российского рекламного дискурса. Самара, 2006
12. Попова Ю. В. Феномен языковой игры в рекламном дискурсе: лингвокультурологический и гендерный аспекты (на материале английского, немецкого и русского языка). Ростов н/Д, 2013.
13. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пос. М., 2007.
14. Подкопаева А. А. Указ. соч.
15. Желонкина Т. П. Языковая репрезентация концепта жилище как национальная особенность англоговорящего социума. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-kontsepta-zhilische-kak-natsionalnaya-osobennost-anglogovoryaschego-sotsiuma>.
16. Чернобай С. Е. Концепт «дом» в английской фразеологической картине мира. URL: http://www.science.crimea.edu/zapiski/2010/filologiya/uch_23_62_3fn/136-140.pdf.
17. The Edinburgh Associative Thesaurus. URL: <http://www.eat.rl.ac.uk/>.
18. Paxman Jeremy. The English. A Portrait of a People. L.: Penguin Group Ltd., 2007.
19. Там же.

Notes

1. Jackson N. Nome in Russia: the Cultural Values Embedded in Russian Homes // Materials of NCA National Convention "Moving Forward / Looking Back". Chicago, 2004. Pp. 111-123.
2. Maslova V. A. *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku: ucheb. pos* [Introduction to cognitive linguistics: tutorial] M. Flinta; Nauka. 2004. P. 262.
3. Chernyakova E. A. *Yrazhenie naibolee znachimykh konceptov angliyskogo i francuzskogo nacionalnykh kulturnykh mirov cherez frazeologicheskie edinicy* [Expression of the most significant concepts of the English and French national cultural worlds through phraseological units]. Available at: <http://tea4er.ru/home/volume2/3051-2012-09-30-17-37-06>
4. I. V. Davydenko *Kognitivnye harakteristiki DOM-HOME/HOUSE v angliyskoy YaKM* [Cognitive characteristics of a DOM-HOME/HOUSE in the English]. Harkov. ВісникХарків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. 2009, No. 866, pp. 40-44.
5. Podkopayeva A. A. *Verbalizaciya hudozhestvennogo koncepta Home/House v proizvedeniyah angliyskikh pisateley XIX-XX vv.* [Verbalization of art concept Home/House in the works of English writers of the XIX-XX centuries] Stavropol. 2010. P. 65.
6. Malysheva E. G. *Russkiy sportivnyj diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie* [Russian sports discourse: linguistic and cognitive research]. Available at: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks321422
7. Chilikina E. V. *Informacionno-kommunikativnoe prostranstvo angloyazychnogo reklamnogo delovogo diskursa* [Information-communicative space of English-language advertising business discourse]. Pyatigorsk. 2012.
8. Brozhenko S. V. *Strategiya differenciacii i yazykovye sredstva eyo realizacii v reklamnom diskurse* [The strategy of differentiation and linguistic means of its implementation in advertising discourse]. Chelyabinsk. 2011.
9. Strizhkova O. V. *Specifika realizacii kommunikativnykh strategiy v reklamnom diskurse – tema dissertacii i avtoreferata* [Specificity of the communicative strategies in advertising discourse is the topic of the dissertation and autoreferat]. Chelyabinsk. 2012.
10. Egorova I. Yu. *Akcentirovanie v reklamnom internet-diskurse* [Emphasis in advertising discourse]. Volgograd. 2008.
11. Belousova N. P. *Osnovnye harakteristiki slogana kak subzhanra rossiyskogo reklamnogo diskursa* [Main characteristics of the slogan as subgenre of Russian advertising discourse]. Samara. 2006
12. Popova Y. V. *Fenomen yazykovoy igry v reklamnom diskurse: lingvokulturologicheskiy i gendernyy aspekt (na materiale angliyskogo, nemeckogo i russkogo yazyka)* [Phenomenon of language play in advertising discourse: linguistic, cultural and gender aspects in English, German and Russian language]. Rostov-na-Donu. 2013.
13. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika: ucheb. Pos.* [Cognitive linguistics: tutorial]. 2007.
14. Podkopayeva A. Op. cit.
15. Zhelonkina T. P. *Yazykovaya reprezentaciya koncepta zhilishhe kak nacionalnaya osobennost anglogovoryashhego sociuma* [Linguistic representation of the concept of housing as a national characteristic of the English-speaking society]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-kontsepta-zhilische-kak-natsionalnaya-osobennost-anglogovoryaschego-sotsiuma>.
16. Chernobay S. E. *Koncept «dom» v angliyskoy frazeologicheskoj kartine mira* [Concept of "home" in English phraseological picture of the world]. Available at: http://www.science.crimea.edu/zapiski/2010/filologiya/uch_23_62_3fn/136-140.pdf.
17. The Edinburgh Associative Thesaurus. Available at: <http://www.eat.rl.ac.uk/>.
18. Paxman Jeremy. The English. A Portrait of a People. L.: Penguin Group Ltd., 2007.
19. Ibid.

Приобщение доказательственных сведений, собранных защитником, к материалам дела как способ преобразования их в доказательства

В статье автор анализирует процедуру приобщения к материалам дела доказательственных сведений, собранных защитником, и проблемы, возникающие при этом на практике. Приобщение сведений к материалам дела является единственным способом вовлечения их в процесс доказывания по делу, поэтому исследование и изучение данной темы имеет большое значение для теории уголовного процесса, доказательственного права и применения на практике законодательных положений, регламентирующих указанные правоотношения.

In this article the author analyses the procedure of deposition to the case files of evidentiary information assembled by the defendant and practical problems related to it. Deposition of information to the case files is the only means to involve it in the proof process in the case, therefore study and research of this theme is of great importance for the theory of criminal procedure, evidence law and practical application of legislative provisions which regulate the abovementioned legal relationship.

Ключевые слова: доказательства, приобщение сведений, собирание доказательств, адвокат-защитник, допустимые доказательства, процессуальные действия, защита, следственные действия.

Keywords: fact of evidence, deposition of information, collection of evidence, defense counsel, admissible evidence, procedural action, defense, investigative activities.

В соответствии с принципом равенства сторон сведения, собранные защитником, сразу же должны становиться доказательствами, так же как и сведения, собираемые его процессуальными противниками – следователем, органом дознания, дознавателем [1]. На практике этого не происходит.

«В теории доказательственного права ведутся дискуссии, суть их в том, являются ли собранные защитником сведения доказательствами уже в момент их представления органу расследования или суду или же они становятся таковыми после совершения официального акта по принятию этих документов и предметов. Говоря иными словами, собирает ли защитник доказательства или сведения, которые могут стать доказательствами. Обсуждаемая проблема может показаться не имеющей практического значения. Однако это не так. Если защитник собирает и представляет доказательства, то следователь и суд обязаны их принять и приобщить к делу. Если защитник представляет сведения, не являющиеся доказательствами, то следователь или суд вправе отказать в их принятии, оценив как не имеющие значение для дела или вызывающие сомнения в своей достоверности. Поэтому непринципиальный, с точки зрения здравомыслящего человека, этот вопрос в некоторых условиях может приобрести значение весьма принципиального»[2].

В связи с этим нельзя не отметить и *некоторые различия в терминологии законов, содержащих право защитника собирать доказательственные сведения: в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ получение предметов, документов, иных сведений, опрос лиц с их согласия, истребование справок, характеристик ... является способом собирания защитником доказательств. В соответствии же с буквальным смыслом п. 3 ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат вправе собирать сведения, необходимые для юридической помощи... опрашивать лиц с их согласия... собирать и представлять предметы и документы, которые могут*

быть признаны вещественными и иными доказательствами... Вполне справедливо замечает С. А. Шейфер, что «в последнем нормативном акте речь идет опять-таки о предметах и документах, а не о доказательствах» [3]. Таким образом, из смысла положения Закона об адвокатуре объектами собирания являются не доказательства, а предметы и документы, которые могут стать в последующем доказательствами по делу, а могут и не стать.

Многие ученые-процессуалисты высказываются по вопросу о доказательственном статусе сведений, собранных защитником, отрицательно. Обоснованно мнение И. Б. Михайловской о том, что сведения, собранные адвокатом, не являются доказательствами и могут стать таковыми только после проведения соответствующих следственных и судебных действий, результатом которых будет придание свойства допустимости относящимся к делу сведениям, ставшим известными защитнику [4]. С точки зрения Е. В. Селиной, защитник вправе участвовать в собирании доказательств, но результаты его деятельности должны быть легализованы путем допросов лиц или приобщения к делу представленных им предметов, документов органами, ведущими процесс [5]. Б. Т. Безлепкина считает, что норма п. 2 ч. 1 ст. 53, содержащая право защитника собирать и представлять доказательства, заслуживает критического комментария, так как она не стыкуется с основными положениями доказательственного права и теории судебных доказательств. Ни предмет, ни документ не могут считаться доказательством до тех пор, пока они не приняты дознавателем, следователем, прокурором или судом, в производстве которых находится уголовное дело, и не оценен ими с точки зрения допустимости, относимости и достоверности. Поэтому защитник может собирать не доказательства, а лишь предметы, документы и сведения, а также ходатайствовать перед дознавателем, следователем, прокурором и судом об использовании их в процессе доказывания [6]. Ю.П. Гармаев считает: «Показания лиц, опрошенных защитниками, предметы, документы и иные сведения могут по своему содержанию являться доказательствами (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), но сами по себе, вне их процессуального оформления судом, прокурором, следователем или дознавателем, не могут быть признаны допустимыми» [7]. М. А. Фомин считает, что для того чтобы полученные адвокатом на стадии досудебного производства предметы, документы, иные сведения приобрели статус доказательств, адвокат должен обратиться к органу уголовного преследования с ходатайством об их приобщении к материалам уголовного дела [8].

Нельзя в связи с этим не отметить сформулированный законодателем в ч. 1 ст. 86 УПК РФ порядок производства собирания доказательств, который, как указано в статье, «осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий», предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ; примечательно, что среди субъектов собирания доказательств защитник не указан. Однако вместе с тем в части 3 той же ст. 86 УПК РФ содержится правило о праве защитника **собирать** доказательства определенными способами. Каким образом соотносятся эти два правила?

Согласно буквальному толкованию данных норм закона напрашивается вывод о том, что процедура собирания доказательств как стадия процесса доказывания (включающая решение вопросов о проведении следственных и иных процессуальных действий, о приобщении тех или иных предметов, документов, фиксация доказательств) полностью находится в ведении должностных лиц, ведущих производство по делу: дознавателя, следователя, прокурора, суда (данный перечень участников расширительному толкованию не подлежит); в то же время «право адвоката-защитника на собирание доказательств опосредовано через деятельность субъектов, ведущих уголовное судопроизводство» [9].

Данный вывод вполне оправдан и логичен, так как «уголовное преследование, включающее в себя такие элементы, как возбуждение уголовного дела, досудебное и судебное производство по возбужденному уголовному делу, постановление приговора и исполнение наказания (включая решение вопроса о досрочном освобождении от отбывания наказания и снятии судимости) является элементом публичной власти государства и его исключительной компетенцией. Следовательно, и собирание в рамках производства по уголовному делу доказательств является исключительной компетенцией государства в лице его уполномоченных органов. Адвокатура же является профессиональным сообществом адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти (ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)» [10].

«Словосочетание “собирание доказательств” с позиции получения сведения следует трактовать как деятельность участников доказывания, каждый из которых в пределах предоставленных ему законом прав и полномочий, а также с использованием предусмотренных в законе средств и способов выявляет, обнаруживает сведения и материальные объекты с тем, чтобы собрать их в одном месте – в уголовном деле» [11]. В данном случае, реализуя свое право собирать

доказательства, защитник производит поиск, обнаружение, изъятие, получение, фиксацию, а впоследствии – предоставление их лицу, в производстве которого находится уголовное дело; в свою очередь, получая сведения от защитника, дознаватель, следователь, прокурор, судья, реализуют свое право и обязанность по собиранию доказательств путем решения вопроса о приобщении их к материалам уголовного дела (или об отказе в этом) и оформлении процедуры получения сведений у защитника.

В то же время в связи с буквальным смыслом ст. 86 ч. 3 УПК РФ: собираемые защитником данные названы самим законодателем именно **доказательствами**. Справедливым видится предложение М. А. Фомина о том, что «приобщение указанных сведений к материалам уголовного дела следует осуществлять посредством не заявления соответствующего ходатайства, а письменного уведомления адвоката о предоставлении в распоряжение следователя или прокурора перечня собранных доказательств по делу. При этом следователь и прокурор должны наделяться не правом, а обязанностью приобщать представленные адвокатом доказательства к материалам уголовного дела и только после этого производить их проверку и оценку на предмет подтверждения или опровержения, как того требует ст. 87 УПК РФ» [12].

В настоящее время на практике при отсутствии законодательной регламентации порядка приобщения к материалам дела сведений, собранных защитником, защитнику приходится заявлять мотивированное ходатайство должностному лицу, в производстве которого находится уголовное дело.

Праву защитника представлять сведения соответствует обязанность дознавателя, следователя, суда рассмотреть каждое заявленное ходатайство (ст. 159 УПК РФ). При этом в соответствии с ч. 2 ст. 159 УПК РФ подозреваемому, обвиняемому, его защитнику не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для конкретного уголовного дела. Данное положение свидетельствует о том, что запрещен немотивированный отказ дознавателя, следователя, суда в получении доказательств, о которых ходатайствует сторона защиты, и в приобщении представленных ею доказательств к материалам уголовного дела [13].

Методические рекомендации Совета Федеральной палаты адвокатов РФ советуют направлять в органы предварительного расследования либо в суд письменное мотивированное ходатайство о приобщении собранных адвокатом материалов, в котором в качестве приложения указать следующие документы: заявление о добровольной выдаче предмета, соответствующие акты его получения, сами предметы, документы, справки и иные сведения. При отказе в удовлетворении ходатайства оно в соответствии со ст. 120 УПК РФ в любом случае подлежит приобщению к материалам уголовного дела, а поскольку полученный предмет, а также справки, документы и иные сведения являются приложением к ходатайству, то они подлежат приобщению к тем же материалам дела [14].

Как правило, данный отказ возможен в случаях: когда соответствующее доказательство не имеет отношения к уголовному делу и не способно подтверждать наличие или отсутствие события преступления, виновность или невиновность лица в его совершении, иные обстоятельства, подлежащие установлению при производстве по уголовному делу; когда доказательство, как не соответствующее требованиям закона, является недопустимым [15] (т. е. когда имеются нарушения критериев допустимости доказательств, в т. ч. когда источник доказательственных сведений неизвестен и отсутствует возможность его проверить, например, как указано в апелляционном определении Верховного Суда РФ от 4.06.13 года № 41-АПУ13-13сп: «иным документом не может быть признан документ без ссылки на его автора» [16]; либо когда обстоятельство, которое призвано подтвердить указанное в ходатайстве стороны доказательство, уже установлено на основе достаточной совокупности других доказательств, в связи с чем исследование еще одного доказательства с позиции принципа разумности оказывается избыточным [17].

В случаях, если следователь отказывает в приобщении к материалам дела собранных стороной защиты доказательств, защитник имеет право обжаловать постановление следователя об отказе в приобщении к материалам дела доказательств, собранных стороной защиты, данное право предоставлено ст. 125 УПК РФ.

Проверка судом законности и обоснованности действий и решений должностных лиц, осуществляющих дознание или предварительное следствие, проводится в связи с жалобами заинтересованных лиц в случае, если обжалуемое действие (бездействие) не находится в прямой связи с содержанием обвинения, включающим выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния [18]. В связи с этим видится абсолютно правильной рекомендация М. А. Фомина о том, что при составлении жалобы адвокату необходимо обосновать предмет ее таким образом, чтобы не касаться вопросов наличия или отсутствия у следствия до-

казательств виновности обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении. При проверке процессуальных решений следователя суд не будет предрешать данные вопросы, которые в последующем станут предметом судебного разбирательства [19].

«Адвокату наиболее часто отказывают в приобщении к материалам уголовного дела таких документов, как распечатка электронных писем, неустоверенные факсимильные сообщения, документы, размещенные в Интернете, анонимные письма, фотографии» [20]. На этот счет автор С. В. Юношев рекомендует: «...если адвокат считает необходимым приобщение документов, он должен по возможности устранить недостатки (удостоверить документ, удостоверить факт подписания письма определенным лицом и т. д.)» [21].

Однако если ходатайство о приобщении доказательств удовлетворено, недопустимо, чтобы органы следствия и суд не принимали во внимание приобщенное доказательство, не оценивали его, не упоминали о нем нигде, просто «забыв» о его существовании, в том числе при рассмотрении доводов защиты [22]. Сведения, собранные защитником, приобщенные к материалам дела, должны быть включены в список доказательств в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении – по итогам предварительного расследования; так в соответствии с п.п. 5, 6 ст. 220, п. 6 ч. 1 ст. 225; ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ, п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5.03.2004 № 1 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении указываются перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания; перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания. В суде по завершении рассмотрения дела суд при вынесении итогового решения обязан дать оценку всем исследованным в ходе судебного следствия доказательствам, в том числе и тем, на которые ссылается сторона защиты [23].

Совершенно очевидно, что доказательственные сведения, собранные защитником сами по себе без приобщения к материалам уголовного дела никак не могут быть использованы в процессе доказывания и обоснования позиции защиты по делу, т. е. стать доказательствами в полном смысле этого слова. Однако в связи с тем что уголовно-процессуальное законодательство все-таки называет сведения, собираемые защитником в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ, доказательствами, нельзя пренебрегать данной нормой закона, а необходимо развивать и совершенствовать указанное правомочие защитника по сбору доказательств. В связи с этим в Уголовно-процессуальный кодекс РФ необходимо внести регламентацию порядка приобщения указанных сведений к материалам уголовного дела, включая порядок предоставления их защитником и порядок получения (изъятия) их дознавателем, следователем, прокурором, судом у защитника, с указанием не права, а обязанности лиц, ведущих производство по уголовному делу, приобщать доказательственные сведения к материалам уголовного дела. Нормативное регулирование указанных правоотношений очень важно, так как важно развивать институт собирания доказательств субъектами уголовного судопроизводства, в том числе защитником; так как его деятельность в этой сфере чрезвычайно полезна для реализации на практике принципа состязательности уголовного процесса, равноправия сторон, а также для объективного расследования и рассмотрения каждого конкретного уголовного дела.

Примечания

1. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к УПК РФ (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пос./ 4-е изд., перераб и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2013. С. 222.
3. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА – М, 2014. С. 142.
4. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства: (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 101; Мосов Д. О. Право защитника собирать доказательства и допустимость собранных защитником доказательств // Академический юридический журнал. 2008. № 4 (34). С. 42–46.
5. Селина Е. В. Доказывание с использованием специальных познаний по уголовным делам. М., 2003. С. 44; Мосов Д. О. Указ. соч. С. 42–46.
6. Безлепкин Б. Т. Справочник адвоката по уголовному процессу. М., 2004. С. 92; Мосов Д. О. Там же.
7. Гармаев Ю. П. Пределы полномочий защитника в уголовном процессе и типичные правонарушения, допускаемые адвокатами. Практический комментарий законодательства. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Фомин М. А. Допустимость доказательств, собранных защитником // Уголовный процесс. 2008. № 2. С. 32–38.

9. Иванченков Ю. В. Участие адвоката-защитника в собирании доказательств в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2012. № 4.
10. Мосов Д. О. Указ. соч.
11. Семенцов В., Скребец Г. Формирование доказательств и участие защитника в этом процессе // Уголовное право. 2007. № 4.
12. Фомин М. А. Указ. соч.
13. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. М.: Изд-во Юрайт, 2012. С. 301–302.
14. Озорнина Д. М. Правоохранительная деятельность адвоката в уголовном процессе // Российский судья, 2013. № 4; Методические рекомендации Совета Федеральной Палаты адвокатов РФ по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 22.04.2004 года Протокол №5. URL: http://www.fparf.ru/documents/normative_acts/.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86, 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
16. Семенцов В., Скребец Г. Формирование доказательств и участие защитника в этом процессе // Уголовное право. 2007. № 4.
17. Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 467-О....; Уголовно-процессуальное право: учебник/ под общ. ред. В. М. Лебедева...
18. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации/ науч. ред. В. Т. Томин М. П. Поляков. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2010. С. 401.
19. Фомин М. А. Указ. соч.. С. 32–38.
20. Мухудинова Н. Р. Процессуальная деятельность защитника по собиранию и представлению доказательств в российском уголовном судопроизводстве. Саранск, 2008. С. 35–36.
21. Юношев С. В. Некоторые тактические вопросы участия защитника в ходе предварительного следования // Стратегия уголовного судопроизводства: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 160-летней годовщине со дня рождения проф. И. Я. Фойницкого, 11–12 окт. 2007 г. URL: <http://www.iaaj.net>.
22. Копытов И. А. Приобщение к делу доказательств, собранных защитником // Уголовный процесс 2007. № 12. С. 55–57.
23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5.03.2004 года № 1 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Notes

1. Smirnov A. V., Kalinowski, K. B. *Kommentariy k UPK RF (postateyniy)* [Commentary to the criminal procedure code of the Russian Federation (item-by-item)] / under the general editorship of A. V. Smirnov. Access from the Ref.-legal system "ConsultantPlus".
2. Lazareva V. A. *Dokazyvanie v уголовном процессе: ucheb.-prakt. pos.* [Evidence in criminal proceedings: educat.-practical tutorial/ 4nd publ., revised and add. M. Publishing house Yurait. 2013. P. 222.
3. Schaefer S. A. *Dokazatelstva i dokazyvanie po уголовным delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya: monografiya* [Evidence and proof in criminal matters: issues of theory and legal regulation: monograph]. 2nd publ., rev. and add. M. Norma: INFRA – M. 2014. P. 142.
4. Mikhailovskaya I. B. *Celi, funkcii i principy rossiyskogo уголовного sudoproizvodstva: (уголовно-процессуальная форма)* [Objectives, functions and principles of the Russian criminal proceedings: (criminal procedure form)]. M. 2003. P. 101; Mosov D. O. *Pravo zashhitnika sobirat dokazatelstva i dopustimost sobrannyh zashhitnikom dokazatelstv* [Right of the defender to collect evidence and admissibility of evidence collected by a defender] // *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal* – Academic law journal. 2008, No. 4 (34), pp. 42-46.
5. Selina E. V. *Dokazyvanie s ispolzovaniem specialnyh poznanij po уголовным delam* [Proof with the use of special knowledge in criminal cases]. M. 2003. P. 44; Mosov D. O. Op. cit. Pp. 42-46.
6. Bezlepkin B. T. *Spravochnik advokata po уголовному processu* [Guide of lawyer in the criminal process]. M. 2004. P. 92; Mosov D. O. Ibid.
7. Garmaev Yu. P. *Predely polnomochiy zashhitnika v уголовном процессе i tipichnye pravonarusheniya, dopuskaemye advokatami. Prakticheskij kommentariy zakonodatelstva* [Scope of powers of the defender in criminal proceedings and common offenses admitted by lawyers. Practical commentary to the law]. Access from the Ref.-legal system "ConsultantPlus".
8. Fomin M. A. *Dopustimost dokazatelstv, sobrannyh zashhitnikom* [Admissibility of evidence collected by the defender] // *Ugolovnyj process* – Criminal procedure. 2008, No. 2, pp. 32-38.
9. J. V. Ivanchenko *Uchastie advokata-zashhitnika v sobiranii dokazatelstv v уголовном процессе* [Participation of the defense attorney in the collection of evidence in criminal proceedings] // *Advokatskaya praktika* – Advocate practice. 2012, No. 4.
10. Mosov D. O. Op. cit.
11. Sementsov V., Skrebets G. *Formirovanie dokazatelstv i uchastie zashhitnika v etom процессе* [Formation of evidence and the participation of the defender in this process] // *Ugolovnoe pravo* – Criminal law. 2007, No. 4.
12. Fomin M. A. Op. cit.

13. *Ugolovno-processualnoe pravo: uchebnik* – Criminal procedure law: textbook / ed. by V. M. Lebedev. M. Publishing house Yurait. 2012. Pp. 301-302.
14. Ozornina D. M. *Pravoohranitel'naya deyatelnost advokata v ugolovnom processe* [Law enforcement activities of a lawyer in criminal proceedings] // *Rossiyskiy sudya* – Russian judge. 2013, No. 4; Methodical recommendations of the Board of the Federal chamber of lawyers of the Russian Federation on realization of the rights of counsel provided for in clause 2 of part 1 of article 53, part 3 of article 86 of the Code and section 3 of article 6 of the Federal law "On advocate activity and advocacy in Russian Federation" dated 22.04.2004, Protocol # 5. Available at: http://www.fparf.ru/documents/normative_acts/ (in Russ.).
15. The determination of the constitutional Court of the Russian Federation of 21 December 2004 No. 467-0 "On the complaint of the citizen Pyatnichuk Petr Efimovich on violation of his constitutional rights by provisions of articles 46, 86, 161 of the Criminal procedure code of the Russian Federation" (in Russ.).
16. Sementsov V., Skrabets G. *Formirovanie dokazatelstv i uchastie zashhitnika v etom processe* [Formation of evidence and the participation of the defender in this process] // *Ugolovnoe pravo* – Criminal law. 2007, No. 4.
17. The determination of the constitutional Court of the Russian Federation of 21 December 2004 No. 467-0 (in Russ.); *Ugolovno-processualnoe pravo: uchebnik* – Criminal procedure law: textbook/ ed. by V. M. Lebedev...
18. *Kommentariy k Ugolovno-processualnomu kodexu Rossiyskoy Federacii* – Commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation. Edited by V. T. Tomin, M. P. Polyakov. 4th publ., revised and add. M. Publishing house Yurait. 2010. P. 401.
19. Fomin M. A. Op. cit. Pp. 32-38.
20. Muhudinova N. R. *Processual'naya deyatelnost zashhitnika po sobiraniyu i predstavleniyu dokazatelstv v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Procedural activities of the advocate for the gathering and presentation of evidence in the Russian criminal proceedings]. Saransk. 2008. Pp. 35-36.
21. Yunoshev S. V. *Nekotorye takticheskie voprosy uchastiya zashhitnika v hode predvaritelnogo rassledovaniya* [Some tactical questions of the defence counsel during the preliminary investigation] // *Strategiya ugolovnogo sudoproizvodstva: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashh. 160-letney godovshhine so dnya rozhdeniya prof. I. Ya. Foinickogo* – Strategy of criminal proceedings: abstracts of the Intern. Scientific. Conf. devoting to research and development. The 160-year anniversary of birthday of Professor I. J. Foinitskiy, 11-12 Oct. 2007. Available at: <http://www.iuaj.net>.
22. Kopytov I. A. *Priobshhenie k delu dokazatelstv, sobrannyh zashhitnikom* [Admission of evidence collected by the defender] // *Ugolovnyj process* – Criminal trial. 2007, No. 12, pp. 55-57.
23. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of 5.03.2004, No. 1 "On application by courts of norms of the criminal procedural code of the Russian Federation" (in Russ.).

УДК 34

Д. К. Ярославцева

Первые годы деятельности Верховного суда США

Настоящая статья посвящена модели судебного конституционного контроля в деятельности Верховного суда США. Отдельное внимание уделяется вопросу зарождения данного института (в частности, дело «Мэрбери против Мэдисона»)

The question of the research article is about model of the constitutional control in the USA Supreme Court activity. The author gives separate attention to a question on origin of this institute (in particular, action Marbury v. Madison).

Ключевые слова: Конституция США, Верховный суд США, судебный конституционный контроль, конституционное толкование, дело «Мэрбэри против Мэдисона».

Keywords: the constitution of the USA, the Supreme Court of the USA, judicial review, the constitutional interpretation, action of proceeding "merberi against madison".

Верховный суд США, функционирующий с 1 февраля 1790 г., – единственное судебное учреждение, упоминаемое в Конституции, в которой говорится, что «судебная власть Соединенных Штатов предоставляется одному Верховному суду и такому количеству нижестоящих судов, которое Конгресс может по необходимости установить и учредить» [1].

Первый закон о судопроизводстве, принятый Конгрессом США в 1789 г., предусматривал образование Верховного суда в составе шести человек (судей): главного судьи (председателя) и

пяти «ассоциированных» судей (членов суда). Но это число не оставалось неизменным: в 1801 г. число судей было уменьшено до пяти, в 1807 г. увеличено до семи, в 1837 г. – до девяти, в 1863 г. – до десяти (А. Линкольн пошел на этот шаг, чтобы ввести в суд одного из своих единомышленников), в 1866 г. количество судей было снова уменьшено до семи (с тем чтобы помешать президенту Э. Джонсону произвести любые назначения в этот суд), а затем опять увеличено до девяти в 1869 г. [2] Это число судей сохранилось без изменений вплоть до сегодняшних дней. Конгресс, который имеет право изменять численность и состав суда, не делал этого более столетия, несмотря на то что объем заявлений в Верховный суд резко возрос.

Таким образом, Верховный суд США состоит из назначаемых президентом «по совету и с согласия Сената» [1] восьми членов суда и председателя, которые при осуществлении своих судебных полномочий пользуются равными правами. Правда, стоит сразу отметить, что, несмотря на равные права всех членов суда – с юридической точки зрения, с точки зрения моральной – у председателя суда ответственности гораздо больше. Именно ему приходится поддерживать дух сплоченности среди судей, которых порой сравнивают с «девятью скорпионами в одной бутылке» [4], сглаживать разногласия, о которых не следует заявлять во всеуслышание, не допускать публичного раскола, задавать общий интеллектуальный тон в Верховном суде и др.

За период с 1789 по 2014 г. президенты США предложили 159 кандидатур на должность судьи Верховного Суда США. Не прошли 27 кандидатур, из них шесть кандидатов взяли самоотвод, 12 – отверг Сенат, девять были сняты выдвинувшим их президентом (обычно из-за возражений со стороны Сената). По пяти кандидатурам Сенат не принимал решения и, в конечном счете, они отпали. Таким образом, приблизительно четверо из каждых пяти кандидатов, предложенных президентом, становились членами Верховного суда США [5].

В настоящее время быть судьей Верховного суда США престижно и почетно, а поначалу «Верховный суд мог едва заработать уважительное отношение страны, когда даже его члены не относились к этому серьезно. Председатель суда Джон Джей тратил большее количество времени, путешествуя за границей, а Джон Ратледж ушел в отставку, не посетив сессию Верховного суда ни разу» [6]. В течение первых десяти лет работы суда (1790–1800 гг.) пятеро из его первых двенадцати членов ушли в отставку. В то же время три кандидата на должности членов этого суда (включая Джея в 1800 г.) отказались от назначения либо на должность члена Верховного суда США, либо от занятия более высокого поста его председателя. Хотя основанием для упомянутых уходов в отставку и отказов от должности послужили личные причины, в большинстве случаев эти уходы и отказы отражали единое мнение о том, что, говоря словами Джея, Верховному суду недоставало «энергии, веса и достоинства» [7]. Непопулярности суду среди его членов добавляло и то, что в XIX в. большую часть рабочего времени судьи проводили отнюдь не в рабочих кабинетах, а постоянно находясь в разъездах «среди облаков пыли и ливней дождей, вынужденные надолго оставаться... вдали от семьи и друзей» [8] по той причине, что за каждым из них был закреплен соответствующий судебный округ и обязанность дважды в год выезжать на сессии Верховного суда в Вашингтон.

Причины такого явно невысокого положения Верховного суда в системе государственных органов США в первые годы его работы можно объяснить несколькими факторами: олицетворение судебной системы с наследием старых колониальных судов, тесно связанных с метрополией; отсутствие должного властного и ресурсного обеспечения; отсутствие перспектив карьерного роста, которое было связано с особенностью системы разделения властей США и ходом внутриполитического развития; небольшой объем дел, подлежащих судебному рассмотрению; участие в деятельности нижестоящих окружных судов, а значит, разъездной характер работы.

Необходимо отметить, что прогнозы относительно судьбы Верховного суда США уже в скором времени оказались ошибочными, а сам высший судебный орган страны приобрел значительный вес в политико-правовой жизни страны буквально через несколько лет – в 1803 г. «По мере становления федеративных государственных структур и федерального самосознания судебная власть сумела воспользоваться в некотором роде противостоянием между исполнительной и законодательной властями в молодом государстве, лишенном многочисленного бюрократического аппарата и развитой военной машины. Она сумела заручиться поддержкой общественного мнения, понимавшего необходимость консолидации федеративных уз с помощью сильного Верховного суда», – считает Е. А. Агеева [9].

Можно сказать, что Верховный суд США самостоятельно присвоил себе полномочия судебного конституционного контроля, начиная с 1803 г., в знаменитом решении «Мэрбэри против Мэдисона» [10], в котором было установлено, что закон Конгресса, противоречащий федеральной Конституции, может быть признан судом неконституционным. В конечном итоге Дж. Маршалл своим решением по данному делу подтвердил ст. 25 Закона о судоустройстве 1789 г. Председатель суда,

сделав вывод о преимуществе конституционных норм перед всеми остальными, обосновал правоинтерпретационную роль суда: «Совершенно определено, что в компетенцию и обязанности судебной власти входит разъяснение того, что такое закон. Те, кто применяет меры к конкретным делам, обязательно должны разъяснять и истолковывать каждую норму. Если два закона противоречат друг другу, то судьи должны решить вопрос о применении каждого из них» [11].

Предпосылкой для такого решения были случаи отмены законов судами бывших колоний, а затем и судами штатов. Первыми проверку конституционности законов штатов ввели суды Нью-Джерси, когда в 1780 г. суд принял решение о недействительности закона штата в связи с его противоречием Конституции штата. В дальнейшем подобные дела стали рассматриваться в штатах Виргинии (1782), Род-Айленд (1786) и других. Образование федерации и принятие в 1787 г. Конституции США не прекратили практики рассмотрения судами вопросов о конституционности законов. Более того, такие вопросы стал рассматривать и федеральный суд [12].

Развивая эту точку зрения, представляется возможным отметить, что уже с самого начала своего существования Верховный суд США в своих решениях так или иначе затрагивал вопросы о конституционности. В 1793 г. в решении по делу «Чишольм против Джорджии» суд объявил, что подсудность штата не запрещалась Конституцией и не противоречила принципу ограниченного суверенитета штатов. Решение суда вызвало оппозицию страны и было отменено путем конституционной поправки, принятие которой многими авторами рассматривается как серьезное поражение федералистов, однако оно показало, что решения Верховного суда имели большую нормативную силу, чем акты Конгресса: последний не мог их аннулировать изданием простого закона, для отмены решений Верховного суда необходима была та же процедура, что и для изменения Конституции [13]. В 1796 г. высший судебный орган специально рассмотрел вопрос, соответствует ли Конституции США акт Конгресса, облагающий налогом кареты, и признал его не противоречащим основному закону. В Штатах же к началу XIX в. уже имелось около 20% признания судами положений правовых актов противоречащими Конституциям [14]. Однако именно прецедент 1803 г. стал первым случаем серьезного «пополнения» Конституции судебной властью.

Таким образом, можно сказать, что дело «Мэрбэри против Мэдисона» является в истории американского конституционализма XIX в. примером взаимодействия судебной и исполнительной ветвей власти в конституционной системе разделения властей. Но главное заключается в том, что впервые объявив неконституционным акт федерального Конгресса, Дж. Маршалл сформулировал принципы конституционного контроля и заложил основу для реализации важнейшей функции, осуществляемой Верховным судом США – надзор за правильным пониманием, толкованием и применением Конституции.

Судебный контроль стал не только одним из краеугольных принципов права США, но и одной из ключевых доктрин американского конституционализма. Тем самым решение по делу «Мэрбэри против Мэдисона» привело к превращению Верховного суда в равноправную силу по отношению к другим ветвям власти в системе «сдержек и противовесов», механизм которой формировался постепенно и в значительной мере явился продуктом постановлений и интерпретаций самого Верховного суда США.

В последующие десятилетия, когда один за другим ушли из жизни участники заседаний Конвента, Конституция, с одной стороны, становилась все более авторитетным документом, а с другой – периодически возбуждала все большее количество споров об интерпретации тех или иных положений. В теории и практике конституционного толкования существует принцип: в интерпретации нормы закона следует руководствоваться, прежде всего, исходным намерением законодателя. Круг законодателей, которые одни могли точно знать, в чем состояло в 1787 г. их исходное намерение, все сужался, и на Мэдисона, которому суждено было пережить всех членов Конвента, ложилась все растущая ответственность. Мэдисон писал: «Я всегда полагал, что значение закона – и по той же причине Конституции – в той мере, в какой оно зависит от интерпретации его юристами, – должно определяться исходя из всей совокупности частных решений, ранее принятых на основании этого закона, а не из абстрактных комментариев, составленных заранее...» [15].

Исходя из вышеупомянутого, можно согласиться с тем, что учредители Основного закона США «имели не просто политические идеалы, но и не убегали от их практического обсуждения, при этом оценка определенных предписаний постепенно развивалась в национальное самосознание» [16].

Таким образом, можно отметить: убеждение в том, что судьи только интерпретируют закон и не вмешиваются в политику, помогло отцам-основателям обосновать полномочия судебного пересмотра и предположить, как это сделал А. Гамильтон, что судьи будут играть относительно нейтральную, даже пассивную роль в государственных делах. Разумеется, времена изменились. Эволюция федеральных судов, особенно Верховного суда, происходила под воздействием политических, экономических и идеологических сил нескольких исторических периодов.

Примечания

1. Конституция Соединенных Штатов Америки. Ст. III. Разд. 1.
2. Жидков О. А. Верховный суд США: право и политика. М.: Наука, 1985 С.. 11–12.
3. A Brief Overview of the Supreme Court. URL: <http://www.Official page of the Supreme Court of the United States. Ru>.
4. Garbus M. Courting disaster: the Supreme Court at the unmaking of American law. Martin Garbus. N. Y., 2002. P. 11.
5. Верховный Суд США: история и современность: по материалам Washington ProFile International News & Information Agency. 10.06.2009. URL: <http://www.washprofile.org/?q=ru/node/8523>.
6. Aaseng N. Great justices of the Supreme Court. Minneapolis Oliver press, 1992. P. 9.
7. Berkson Larry Ch. The Supreme Court and its publics: The communication of policy decisions. Lexington; Toronto, 1978. P. 12.
8. O'Brien David M. Storm center: The supreme court in American politics. N.Y.; London, 2000. P. 104.
9. Агеева Е. А. Деятельность Верховного суда США под председательством Э. Уоррена, 1953–1969 гг.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2009.
10. Мишина Е. Уильям Мербюри против Джеймса Мэдисона // Российская юстиция. 1997. № 3. С. 46–48.
11. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соедин. Штаты Америки, Япония, Индия: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков]. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 234.
12. Несмеянова С. Э. Конституционный судебный контроль в РФ: проблемы теории и практики. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2004. С. 33.
13. Махненко Е. А. Формирование Верховного суда США в качестве органа конституционного контроля: автореф. дис. ... канд. юрид. наук М., 1988. С. 21.
14. Алебастрова И. А. Основы американского конституционализма. М.: Юриспруденция, 2001. С. 134.
15. Исаев С. А. Джеймс Мэдисон: политическая биография. СПб.: «Наука». 2006. С. 126–127.
16. The Supreme Court of the United States. Its Foundation, Methods and Achievements... P. 32.

Notes

1. The Constitution Of The United States Of America. Art. III. Sec. 1.
2. Zhidkov O. A. *Verhovnyj sud SShA: pravo i politika* [U.S. Supreme court: law and policy]. M. Nauka. 1985. Pp. 11–12.
3. A Brief Overview of the Supreme Court. Available at: <http://www.Official page of the Supreme Court of the United States.ru>.
4. Garbus M. Courting disaster: the Supreme Court at the unmaking of American law. Martin Garbus. N. Y., 2002. P. 11.
5. The U.S. Supreme Court: history and modernity: Washington ProFile International News & Information Agency. 10.06.2009. Available at: <http://www.washprofile.org/?q=ru/node/8523>.
6. Aaseng N. Great justices of the Supreme Court. Minneapolis: Oliver press, 1992. P. 9.
7. Berkson Larry Ch. The Supreme Court and its publics: The communication of policy decisions. Lexington; Toronto, 1978. P. 12.
8. O'Brien, David M. Storm center: The supreme court in American politics. N. Y.; London, 2000. P. 104.
9. Ageeva E. A. *Deyatelnost Verhovnogo suda SShA pod predsdatelstvom E. Uorrena, 1953–1969 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Activities of the U.S. Supreme court under the chairmanship of E. Warren, 1953-1969.: historical and legal research: autoref. dis. ... Cand. of Law]. Belgorod. 2009.
10. Mishina E. *Uilyam Merbyuri protiv Dzheyma Medisona* [William Marbury against James Madison] // *Rossiyskaya yusticiya* – Russian justice. 1997, No. 3, pp. 46-48.
11. *Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv: Velikobritaniya, Franciya, Germaniya, Italiya, Evropeyskiy soyuz, Soedin. Shtaty Ameriki, Yaponiya, Indiya: ucheb. Posobie* – The Constitutions of foreign countries: UK, France, Germany, Italy, the European Union, United States of America, Japan, India: tutorial / [comp., trans., author of introduction and preface is V. V.Maklakov]. 5th publ., rev. and add. M. 2006. P. 234.
12. Nesmeyanova S. E. *Konstitucionnyj sudebnyj kontrol v RF: problemy teorii i praktiki* [Constitutional judicial control in the Russian Federation: problems of theory and practice]. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural State Law Academy. 2004. P. 33.
13. Makhnenko E. A. *Formirovanie Verhovnogo suda SShA v kachestve organa konstitucionnogo kontrolya: avtoref. dis. ... kand. yurid. Nauk* [Formation of the U.S. Supreme court as an organ of constitutional control: autoref. dis. ... Cand. of Law]. M. 1988. P. 21.
14. Alebastrova I. A. *Osnovy amerikanskogo konstitucionalizma* [Foundations of American constitutionalism]. M. Jurisprudentsiya. 2001. P. 134.
15. Isaev S. A. *Dzheyma Medison: politicheskaya biografy* [James Madison: a political biography]. SPb. "Science." 2006. Pp. 126–127.
16. The Supreme Court of the United States. Its Foundation, Methods and Achievements... P. 32.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37

В. Б. Помелов

Вклад Ф. Ф. Павленкова в развитие просвещения в Вятской губернии

В статье раскрывается издательская, просветительская и методическая деятельность выдающегося издателя, просветителя и педагога-методиста XIX в. Ф. Ф. Павленкова. Охарактеризованы важнейшие направления его деятельности и деловые связи с прогрессивными мыслителями России. Основное внимание уделено периоду его пребывания в ссылке в губернском городе Вятке и уездном городе Вятской губернии Яранске. Отмечена роль Ф. Ф. Павленкова в издании серии сборников «Вятская Незабудка» и выпуске ряда других полезных книг. Ф. Ф. Павленков – основатель серии книг «Жизнь замечательных людей». Характеризуются основные методические работы Ф. Ф. Павленкова, его вклад в развитие библиотечной сети в сельской местности в российской глубинке. Показано, как его идеи развиваются в наши дни через открытие новых библиотек и создание «содружества павленковских библиотек» (на примере Кировской области).

The article reveals the publishing, enlightening and methodical activities of an outstanding publisher, enlightener and teacher-methodist of the XIX-th century F.F. Pavlenkov. In the article the main trends of his activities and business ties with the progressive thinkers of Russia are characterized. The main part of the text is devoted to the period of his exile in the gubernian town of Vyatka and Yaransk, the provincial town of the Vyatka region. The F. F. Pavlenkov's role in publishing the series of «Vyatskaya Nezabudka» and other useful books. F. F. Pavlenkov is a founder of the series of books «The lives of the remarkable people». The main methodical works of F. F. Pavlenkov and his contribution to the cause of the library net in the countryside in the Russian province are characterized. It is shown how his ideas nowadays have been developed due to the opening of new libraries and the creation of «The concord of the Pavlenkov libraries» (on the example of the Kirov region).

Ключевые слова: Вятская губерния, Ф. Ф. Павленков, выдающийся издатель, просветитель и педагог-методист, Д. И. Писарев, ссылка, Вятка, Яранск, «Вятская Незабудка», Н. Н. Блинов, «Наглядная азбука», Павленковские библиотеки.

Keywords: Vyatskaya gubernia, F.F. Pavlenkov, the outstanding enlightener and pedagog-methodist, D. I. Pisarev, an exile, Vyatka, Yaransk, «Vyatskaya Nezabudka», N. N. Blinov, «Naglyadnaya Azbuka» («The Visual ABC»), the Pavlenkov libraries.

Заметный вклад в развитие просвещения и пропаганду гуманистических идей и взглядов среди населения Вятской губернии внес выдающийся русский издатель, просветитель, писатель и педагог Флорентий Федорович Павленков, находившийся в вятской ссылке в 1869–1877 гг.

Ф. Ф. Павленков родился 8 (20) октября 1839 г. в семье помещика в Тамбовской губернии. Рано лишившись родителей, он в детском возрасте был отправлен в Царскосельский Александровский кадетский корпус, затем был переведен в 1-й кадетский корпус на Васильевском острове в г. Санкт-Петербурге. В июне 1859 г. он был выпущен из корпуса в чине поручика и определен в один из стрелковых батальонов с прикомандированием к Михайловской артиллерийской академии. В кадетском корпусе Павленков проявил склонность к литературным занятиям, чем обратил на себя внимание главного начальника военно-учебных заведений Я. И. Ростовцева. Одно из стихотворений кадета Павленкова так понравилось Ростовцеву, что тот даже наградил его золотыми часами и организовал его выступление перед царской фамилией. Подробности этого события остались неизвестны, поскольку впоследствии Павленков не любил вспоминать об этом. Надо полагать, стихи были наполнены ура-патриотическими чувствами.

Во время прохождения курса в академии Павленков изучал физику, химию и технику артиллерийского дела; особенно интересовался изучением истории старинных нарезных орудий. Результатом этого интереса стала его первая печатная работа, помеченная 15 сентября 1860 г. и появившаяся в «Артиллерийском Журнале» под заглавием «О старых нарезных орудиях, хранящихся в Санкт-Петербургском Арсенале».

По окончании курса в академии, в августе 1861 г., Павленков был назначен на службу в киевский арсенал. Военная служба была не слишком обременительной, поэтому Павленков увлекся переводческой работой. При этом он приступил к переводу с французского языка сложной научной работы – «Курса физики» А. Гано [1]. У Ф. Ф. Павленкова появилась идея предпринять издание книги за свой счет. Он заказал 4000 экз., и вскоре, летом 1867 г., тираж был распродан. Так появилось первое издание Павленкова. Последующие издания этой книги печатались тиражом в 6000 экз., последнее из них, девятое, вышло в 1898 г. [2]

К этому же времени (конец 1865 г. – начало 1866 г.) относится знакомство Павленкова с семейством Д. И. Писарева, – его матерью Варварой Дмитриевной и старшей сестрой Верой. Сам Писарев с 1862 г. находился в заключении. Еще в бытность свою в Киеве Павленков с увлечением читал его статьи в «Русском Слове». Когда опыт самостоятельного издания «Физики» Гано оправдал его ожидания, Павленков решил попытаться осуществить издание его сочинений, о чем и написал Писареву в «крепость».

Молодой 25-летний критик и публицист принял предложение Павленкова с восторгом. Павленков принялся за дело, и весной 1866 г. был готов к выпуску в свет 1-й том собрания сочинений в количестве 3000 экз. и почти готов 2-й том. Однако именно в этот период между Писаревым и Павленковым возникли разногласия. Павленков признавал необходимым, чтобы Писарев, по цензурным соображениям, внес некоторые изменения в текст одной–двух статей; Писарев отказывался это сделать. В итоге, едва только 2-й том был отпечатан (2 июня 1866 г.), как незамедлительно последовал арест всего тиража...

Сфера книгоиздательства все больше увлекала Павленкова, и он вышел в отставку с военной службы. Поселился в столице, где в конце 1866 г. приобрел книжный магазин П. А. Гайдебурова, на углу Невского проспекта и Михайловской улицы, который вскоре стал популярным среди читательской публики. Павленков всецело посвятил себя делу издания и распространения книги; начал выпуск серии книг по естествоведению и натурфилософии.

Д. И. Писарев утонул 4 июля 1868 г., купаясь в море в Дубельне, близ Риги. На долю Павленкова выпала печальная необходимость позаботиться о похоронах. 29 июля на Волковом кладбище собралась многочисленная толпа почитателей Писарева. Несмотря на запрет, Павленков выступил с прощальным словом, что стало в дальнейшем формальным поводом к его преследованию со стороны властей.

На похоронах поступило предложение увековечить память Писарева учреждением стипендии его имени и установкой памятника. Та же мысль была высказана во многих газетах, и в книжный магазин Павленкова стали поступать многочисленные запросы и предложения по этому поводу с разных концов России. На все запросы Павленкову приходилось отвечать лично. Это переполнило чашу терпения властей. В результате 3 сентября 1868 г. Павленков был арестован и после произведенного в его квартире и книжном магазине обыска, не открывшего ничего недозволенного, помещен сначала в Спасскую часть, а потом в Петропавловскую крепость.

Павленков не сомневался в намерениях полиции выслать его из столицы, чтобы лишить возможности продолжать начатую им книгоиздательскую деятельность, идеологическая направленность которой не нравилась правительству. Находясь в заключении, он сделал распоряжение по передаче дел по магазину своему другу М. П. Надеину. Следствие по поводу ареста Павленкова не давало, однако, никакого «материала», – ни для продолжительного заключения в тюрьму, ни для ссылки. Тем не менее 11 июня 1869 г. Павленков был выслан в Вятку.

Сразу по прибытии в Вятку Павленкову было официально объявлено, «с отобранием подписки», о воспрещении заниматься издательской деятельностью. Но оставить дело, ставшее главным в его жизни, он не мог.

В вятский период жизни Павленкова выделяются следующие направления его просветительской деятельности: объединение прогрессивных, демократически настроенных местных творческих сил с целью создания публицистической литературы, прежде всего «Вятской незабудки», издание научно-методических учебных пособий и составление «Наглядной азбуки».

В Вятке Ф. Ф. Павленков встал во главе своеобразного кружка прогрессивно мыслящих интеллигентов, куда входили публицист М. П. Бородин, писательница М. Е. Селенкина, художник В. М. Васнецов, ссыльный В. Ф. Трощанский, владелец типографии и библиотеки А. А. Красовский, педагоги Н. Н. Блинов, В. И. Фармаковский, М. Л. Песковский и Р. Н. Рума, председатель губернской земской управы М. М. Синцов, чиновники П. А. Голубев, И. Н. Романов и А. А. Сырнев, участник революционного движения 1860-х гг. врач и публицист В. О. Португалов, врачи С. И. Сычугов и А. Н. Руднев и др.

Среди вятских друзей Павленкова был, например, ссыльный учитель Василий Иванович Обреимов, страстный поклонник взглядов Писарева и его педагогических идей. В дальнейшем он

стал известным математиком-методистом; его книгой «Математические софизмы» восхищался В. И. Ленин [3].

В 1874 г. в Вятке побывал казанский публицист и краевед Н. Я. Агафонов, который в письме к нижегородскому историку и статистику А. С. Гацисскому указывал на то, что он посоветовал павленковскому кружку издавать, в силу наличия в Вятке значительного числа литературных сил, сатирическую газету или сборник. Эта идея была вскоре реализована выпуском трех сборников статей с общим названием «Вятская незабудка», содержавших материалы резко обличительного содержания. Министр внутренних дел сообщал в кабинет министров: «"Вятская незабудка" составляет сборник исключительно обличительных и пасквильных рассказов о правительственных и общественных учреждениях Вятской губернии, о местных должностных лицах, начиная с волостных писарей и тюремных сторожей и доходя до губернатора и архиерея. Возбуждение полнейшего недоверия правительству, избирающему будто своими агентами самых возмутительных администраторов, судей, наставников юношества и охранителей государственных имуществ, оставляет неизбежное для неразвитых читателей впечатление после чтения этой книги. Но это впечатление идет дальше, так как на страницах этой книги проводятся революционные идеи» [4].

Действительно, сборник, в создании которого приняли участие многие из вышеназванных представителей демократически настроенной вятской интеллигенции, стал едва ли не первым в России изданием, авторы которого открыто выступили с критикой самодержавия. «Вятская незабудка» представляла собой значительные по объему сборники публицистических, по выражению Ф. Ф. Павленкова «не по-гётевски, а по-щедрински», сатирических статей, содержание которых было направлено против центральных и местных властей. Уже в названиях многих статей («Кусающиеся овцы», «Взяточная артель», «Реальное дерьмо» и др.), а тем более в их содержании, авторы издания активно использовали такие черты литературного стиля М. Е. Салтыкова-Щедрина, как деформаций образа, гипербола, гротеск, ирония, «кукольность», зоологическое уподобление и т. д. Несколько статей были посвящены вопросам просвещения. В них, в частности, отмечалось, что уездные земства недостаточно заботятся о развитии образования.

Даже в Малмыжском уезде, где «самое значительное во всей Вятской губернии земство», половина его волостей оставались без школ. В статье «Вопрос о подвижных школах» критически оценивалась деятельность Яранского земства, годичное собрание которого представляло собой «настоящее поле брани»: «Наступило новое трехлетие, а с ним и новые шансы на участие в дележе земского пирога» [5]. Больше всего статей (восемь) содержательно были связаны с Яранским уездом, поскольку Павленков провел там около года и хорошо изучил местную обстановку именно в этом уезде Вятской губернии.

Другое направление просвещенческой деятельности Ф. Ф. Павленкова в Вятке было связано с тем, что в 1860–1870-е гг. он находился под впечатлением бурного прогресса естественных наук. Стремясь способствовать их всемерному распространению, он осуществил в вятской ссылке перевод и издание в типографии А. А. Красовского 2-й части учебника «Физика» А. Гано. В 1873 г. Павленков издал там же брошюру А. А. Баркера «Соотношение жизненных и физических сил» (перевод из французского журнала «Le Monde»), автор которой математическим путем обосновывал открытый ранее М. В. Ломоносовым закон сохранения энергии. В тот же год Павленков выпустил книгу А. Тиндаля «Роль воображения в развитии естественных наук», переведенную им из «Revue Scientifique» и «Le Monde».

Но самым заметным событием в научной жизни вятской провинции стало издание здесь капитального труда директора Римской обсерватории и священника Анджело Секки, в котором автор пытался «согласовать» выводы науки с признанием бытия бога. Итальянский аббат полагал, что «наука отлично соединяется с положением о существовании бога». По существу, эта работа в какой-то степени предвосхитила появление такого влиятельного философского течения как неотомизм. Работая над переводом книги, Павленков стремился сохранить все действительно ценные научные положения, опуская религиозно-мистические рассуждения автора, ибо, будучи сторонником учения Ч. Дарвина, он не мог допустить изданием книги Секки нападок на это учение. Выпущенная в г. Вятке книга Секки имела в качестве приложений ранее выпущенные отдельными брошюрами упоминавшиеся выше работы Баркера и Тиндаля.

Профессор Московской духовной академии Е. Е. Голубинский откликнулся на выход в свет этого издания статьей «Книга Секки "Единство физических сил" и тенденции вятского издания ее на русском языке», опубликованной в журнале «Православное обозрение» (1875). В «рецензии», имевшей характер политического доноса, отмечались случаи «неточного перевода», пропуски в оригинале текста, атеистические тенденции переводчика и издателя, стремившегося избегать употребления таких слов как «бог», «творец мира», «зиждатель», «божество» и т. п. [6]. От-

тиски статьи Голубинский послал в Вятку архиерею, ректору духовной семинарии, полицмейстеру и вице-губернатору Домелунксену. Вятский архиерей Аполлос просил Главное управление по делам печати изъять из продажи книгу Секки в переводе Павленкова.

Поразительно, но факт: в Главном управлении сочли, что в книге нет никаких высказываний против религии, – о ней просто не упоминалось, – и поэтому просьба осталась без удовлетворения. Тем не менее местные власти, вняв предложению архиерея, в наказание выслали Павленкова в г. Яранск [7]. Позднее, в феврале 1880 г., В. Г. Короленко спросил Ф. Ф. Павленкова, встретив его в Вышневолочковой тюрьме, почему он вычеркнул богословские пассажи из книги Секки. Павленков с возмущением заметил: «Еще бы! Стану я распространять иезуитскую софистику!» [8].

Тем не менее выход именно этой книги стал поводом для «упрятивания» Павленкова в «еще большую ссылку» в уездный вятский городок, о котором поэт с иронией сказал, что «Яранск на карте генеральной кружком означен не всегда». Туда его перевели 14 января 1876 г., и здесь он жил по ноябрь того же года. В Яранске его друзьями стали активные общественные деятели: секретарь земской управы В. М. Гусев, кандидат лесоведения, лесничий Э. Э. Валленбургер и земский архитектор И. А. Шмаков. Они вместе обсуждали возможность открытия «Вятского земского вестника», открытия передвижных школ и другие злободневные вопросы. Павленков продолжил подготовку к изданию составленного им «Практического курса итальянского языка по методу Оллендорфа».

К периоду яранской ссылки относится начало осуществления одной из самых значительных работ Павленкова – составление и подготовка к изданию «Иллюстрированного Словотолкователя», первые 10 печатных листов которого были закончены им именно в Яранске. В то время имелись в обращении словари иностранных слов, вошедших в состав русского языка (Михельсона, Бурдона, Гейзе и др.), но все эти словари, по мнению Павленкова, не могли достичь нужных целей: с одной стороны, из-за обилия лишних слов специального характера, и без того известных специалистам и совершенно ненужных для большинства читателей, а с другой стороны, – по причине отсутствия рисунков таких предметов, о которых нельзя составить ясного понятия без наглядного изображения.

Кроме того, такое издание должно было быть достаточно доступным по цене. Издание было выпущено в Санкт-Петербурге в 1899 г. под названием «Энциклопедический Словарь Ф. Павленкова». Русский однотомный иллюстрированный энциклопедический словарь сразу заслужил всеобщее одобрение. Написанный простым, ясным и, в то же время, современным языком, он содержал около 34 тысяч слов и терминов, давал четкое и ясное представление о предметах, явлениях и темах, находившихся в поле зрения любого стремившегося к знаниям человека. Словарь пользовался большой популярностью у самого широкого круга читателей, в который входили учащиеся, народные учителя, рабочие. После смерти Павленкова его преемники выпустили словарь пятью изданиями в 1905–1913 гг. Общий тираж словаря превысил 100 тысяч экземпляров, что намного превышало тираж любого энциклопедического издания в то время.

В Яранске Павленков начал работу над «Вятской Незабудкой». Первый том был издан в Санкт-Петербурге в типографии Ф. Энингера в 1877 г. Вятский губернатор выражал недовольство влиянием Павленкова на Яранское земство, и предпочел вернуть Павленкова в Вятку, под свой личный надзор.

Присущее Ф. Ф. Павленкову стремление к просвещению народа отчетливо проявляется в его переписке с виднейшими представителями отечественной общественной мысли и педагогической науки и практики (Д. И. Писарев, Н. А. Корф, Н. Ф. Бунаков, И. И. Паульсон и др.), в издании многочисленных учебных пособий, в распространении прогрессивной для того времени идеи передвижных (тогда их называли «подвижными») школ.

Ф. Ф. Павленков был не только квалифицированным переводчиком, прогрессивным издателем и бесстрашным публицистом, но и известным ученым-методистом, причем его методический талант особенно ярко проявился именно в период вятской ссылки. На основе разработанного им оригинального варианта наглядно-звукового метода обучения грамоте Ф. Ф. Павленковым была составлена «Наглядная азбука», вышедшая в 1873 г. в гг. Вятке и Санкт-Петербурге. Авторство этого пособия поначалу приписывалось Н. Н. Блинову, поскольку Павленков не мог издавать ее под своим именем. Поэтому он попросил известного вятского учителя и священника Николая Николаевича Блинова поставить его, Блинова, фамилию на обложке, поскольку труды самого Блинова в то время проходили цензуру без осложнений, и он пользовался доверием официальных властей. В то же время нельзя не отметить, что Павленков положил методические воззрения Н. Н. Блинова в основание своей «Наглядной азбуки», представлявшей собой такое учебное пособие, которое могло, по мысли автора, использоваться и без помощи учителя [9].

«Наглядная азбука» представляла собой учебное пособие, снабженное большим количеством рисунков, облегчавших усвоение букв без помощи учителя. Цель составления своего пособия Ф. Ф. Павленков видел в том, чтобы сделать процесс обучения грамоте более доступным и приятным для обучающихся. Им было издано также методическое пособие «Объяснение к «Наглядной азбуке» («Ключ к чтению и письму по картинкам»), в котором он объяснял сущность своего метода. Главной особенностью своего метода Ф. Ф. Павленков считал постепенное приучение учащихся к самостоятельности. Метод основан на том простом законе, указывал Павленков, по которому, зная сумму двух чисел и одно из слагаемых, несложно отыскать и другое слагаемое.

«В предлагаемом мной способе обучения грамоте, – писал методист, – роль такой суммы играет изображение знакомого ученику предмета вместе с полным названием последнего, а роль данного слагаемого – та часть этого названия, которая выражается уже пройденными им прежде звуками. Предметы подобраны так, что разность, остающаяся в конце подписи под рисунком, и составляет искомый звук, как бы выделяющийся сам собой» [10].

Например, в пособии приводится картинка с изображением самовара. Учащимся известны все буквы, составляющие данное слово, кроме «р». Прочитав первые шесть знакомых букв, они легко определяют и незнакомую букву, правильно ее произнесут, ориентируясь на картинку.

Пособие вызвало широкий положительный резонанс среди педагогической общественности, появился ряд откликов в печати, что объяснялось не только его очевидными достоинствами, но и тем обстоятельством, что в тот период важнейшей задачей образования в России передовые педагоги считали необходимым возможно более широкое распространение элементарного обучения, которое должно было бы, в идеале, охватить все население. В связи с этим особенно большое значение придавалось созданию учебных пособий для начальных школ, прежде всего азбук, букварей и книг для детского чтения. Практически все крупные педагоги второй половины XIX в., начиная с К. Д. Ушинского, занимались их составлением.

Анализ критико-библиографических рецензий и обзоров позволяет сделать вывод о том, что признанные российские методисты испытывали к «новым», в особенности провинциальным, «букваристам», достаточно ревнивые чувства. Тем большее значение для характеристики пособий Ф. Ф. Павленкова имели положительные отзывы видных педагогов тех лет. Так, Д. Д. Семенов, указывая на частные недостатки «Наглядной азбуки», видел большую заслугу автора в развитии принципа наглядности при обучении русской грамоте [11].

С выходом в свет «Наглядной азбуки» у некоторых земцев появилась идея об устройстве передвижных школ грамотности с «переездными» учителями, по образцу шведских начальных школ. Ф. Ф. Павленков не только поддержал эту идею, но и утверждал, что его азбука могла бы с успехом там использоваться. Но необходимо было убедиться в возможности самообучения учеников после нескольких уроков с учителем. При этом задача учителя состояла в том, чтобы научить их на первом этапе умению выделять, по методике Павленкова, в слове конечный звук и находить соответствующий этому звуку знак. Такой опыт был произведен одним высланным в Вятскую губернию учителем и дал удовлетворительные результаты. Учитель организовал школу из десяти учениц различного возраста – среди них были девочка семи лет и ее бабушка, неграмотная крестьянка 42 лет – и занимался со всеми ученицами две недели, дошел с ними до буквы «Р», а затем предоставил им возможность заканчивать изучение азбуки самостоятельно. Школа занималась без учителя три недели под надзором старшей ученицы; ученики не только закончили изучение всех букв, но и начали читать статьи из приложенной к азбуке хрестоматии.

На международной педагогической конференции в 1873 г. в г. Вене, приуроченной к Всемирной выставке, педагоги ряда стран с интересом прослушали лекцию известного русского деятеля просвещения Н. А. Корфа, организованную при содействии австрийского педагога Диттеса, о методе Ф. Ф. Павленкова и после оживленных дебатов пришли к выводу, что в основу «Наглядной азбуки» положен совершенно неизвестный в Европе и Америке способ обучения и самообучения грамоте. На примерах, взятых из немецкого языка, Корф показал педагогическое значение «Наглядной азбуки» и преимущество способа обучения и самообучения по ней.

Отмечалось также, что «Наглядная азбука» лучше всех других известных конференции азбук возбуждает самостоятельность учащихся и может оказать неоценимые услуги школе, а потому в интересах подрастающего поколения всех государств следует попытаться применить основные начала этой азбуки к обучению чтению и письму в других европейских странах.

В итоге, как писали «Санкт-Петербургские ведомости» в передовице в номере от 6 июня 1873 г., «Наглядная азбука» получила почетный отзыв Венской всемирной выставки. Это был, по всей вероятности, первый случай международного признания достижений российской методической мысли, и это признание, пусть и косвенно, связано с Вятской губернией. «Наглядная азбука» дополнялась «Самоучителем», а также «Объяснением к «Наглядной азбуке». Созданием такого

исчерпывающего учебно-методического комплекса Павленков поставил себя в ряд видных методистов своего времени [12].

Однако нашлись-таки доброхоты, усмотревшие в «Азбуке» «сугубую зловредность», несмотря на то что она прошла через две цензуры, – общую и Министерства народного просвещения. В ней, по их мнению, под невинной оболочкой таились пропаганда неуважения к религии и священным для народа предметам, а следовательно, имела место попытка подрыва основ государства. Первыми застрельщиками, выступившими в поход против «Наглядной азбуки», стали некоторые сельские батюшки. Таким образом, судьба самого известного методического произведения Ф. Ф. Павленкова – «Наглядной азбуки» – оказалась нелегкой. Она вновь была затребована в особый отдел ученого комитета министерства, созданный в 1869 г. в связи с проникновением в педагогическую литературу антиправительственных взглядов и выполнявший функцию цензуры.

Член этого отдела Кочетов отмечал в своей рецензии, что постановка рядом, «якобы согласно методическим требованиям, выдвинутым Павленковым», иллюстраций церковного аналоя и стойла, петуха и монаха, короны, коровы и кокошника означает поругание священных предметов, компрометирует служителей культа и монарха и возбуждает у учащихся неуважение к ним. Особую ярость властей вызвало размещение друг за другом рисунков виселицы, цепи, офицера и царя, «необходимых для изучения буквы Ц». Иллюстрировал книгу вятский художник В. И. Порфирьев [13].

Вятский губернатор В. И. Чарыков, пожелавший ознакомиться с азбукой, обнаружил в ней рисунки, где изображен император в порфире и короне, а впереди него солдат, убегающий с поля боя и приговаривающий при этом: «Как приятно умирать за царя и отечество». «Я вполне с тобой согласен», – говорит другой солдат, обгоняя первого. В итоге губернатор пришел к выводу, что азбуку следует изъять из библиотек, так как она, среди прочего, прививает взгляды Дарвина о происхождении человека и является «вреднее сочинений Лассалья» [14].

Особый отдел ученого комитета Министерства народного просвещения увидел в азбуке и завуалированную пропаганду дарвинизма, что особенно преследовалось в те годы: «Сопоставление на странице 25 скелетов человека и обезьяны неудобно в том отношении, что может подать повод неблагонамеренному учителю развивать детям теорию, распространение которой в народных школах не может быть допущено» [15]. Представители духовенства также выступили против автора азбуки с обвинением его в поругании предметов культа.

Секретарь цензурного комитета Пантелеев заявил, что если даже под названием «Наглядная азбука» будет поставлен текст Евангелия, то он и тогда не разрешит выпуск. Но более всего цензуру смущала именно сама идея передвижных школ. Поэтому, стремясь не допустить к распространению этот тип учебных заведений, под прикрытием которого революционеры-народники могли бы осуществлять антиправительственную деятельность, цензурный комитет постановил запретить «Наглядную азбуку» и рекомендовал закрытие передвижных школ. Печатавшееся в то время (1874 г.) издание было уничтожено. Само название книги, приобретшее широкую известность, оказалось под запретом. Однако Ф. Ф. Павленков продолжал борьбу за свою книгу. По его признанию, «жизнь или смерть» «Наглядной азбуки» была для него почти что то же самое, что половина его собственной жизни и смерти.

Павленков был вынужден пойти на хитрость. Сделав незначительные изменения в расположении рисунков и заменив прежнее заглавие другим («Чтение и письмо по картинкам»), он разослал по экземпляру исправленного оригинала в цензурные комитеты Казани, Москвы, Киева и Риги, получил в них соответствующее разрешение на издание и без каких-либо затруднений в начале 1876 г. выпустил 30 тысяч экземпляров нового издания фактически все той же «Наглядной азбуки», но под другим заглавием и *без обозначения фамилии автора*. В предисловии, с целью введения цензуры в заблуждение, он даже «критикует» ранее изданное *павленковское* издание. В итоге книга получила широкую известность, прежде чем хитрость автора была обнаружена. Впоследствии, по возвращении Павленкова из ссылки в Санкт-Петербург, ему удалось восстановить и прежнее заглавие – «Наглядная азбука».

Будучи человеком педантичным и в то же время равнодушным к собственной популярности, Ф. Ф. Павленков тщательно собирал отзывы практических работников образования о своем пособии и даже издал их отдельной книгой (!), которую так и назвал: «Отзывы народных учителей о “Наглядно-звуковых прописях”» (СПб., 1880). В книге приводятся свидетельства учителей, заявлявших, что учащиеся, самостоятельно занимавшиеся по методу Павленкова с помощью его пособий, в отдельных случаях добивались не меньших результатов, что и ученики, обучавшиеся с учителем. С немалой долей вероятности можно предположить, что такого рода издание является единственным в своем роде за всю историю книгопечатания в мире.

По замыслу Павленкова, его пособия могли быть особенно эффективны при организации передвижных школ. Проведенная при поддержке ряда прогрессивно настроенных вятских земских деятелей опытно-экспериментальная работа в этом направлении дала отличные результаты, – было открыто более восьмидесяти школ подобного типа, и это не на шутку встревожило чиновников из Министерства народного просвещения.

Таким образом, учебные пособия Павленкова, написанные им в период вятской ссылки, имели большой успех среди учительства. Доказательством этого служит тот факт, что в 1909 г., уже после смерти автора, «Наглядная азбука» вышла 22-м изданием (всего вышли 23 издания). Помимо нее Ф. Ф. Павленков составил и издал в 1876 г. «Азбуку-копейку», действительно стоившую одну копейку. В 1893 г. вышло ее одиннадцатое издание.

Почти одновременно с изданием своей азбуки Павленков приступил к разработке другого нового материала для наглядного обучения. Он подготовил для издания книжку детских задач в картинках, названную им «Наглядные несообразности». В этой работе Павленковым впервые был взят за основание, так сказать, *отрицательный элемент*. В книжку должны были войти до 450 рисунков, изображающих разные предметы, действия и явления в явном и наглядном несоответствии с действительностью относительно количества, величины, формы, места, свойств предметов и т. д. По мысли автора, несоответствия должны были служить для ребенка своего рода стимулом к постановке вопросов «почему?» и «отчего?».

Издание первоначально появилось в виде приложения к журналу «Детское чтение» за 1874 г. и состояло из серии листов с рисунками и объяснительного текста – на русском и трех иностранных языках. Вследствие некоторых технических затруднений издание было приостановлено и закончено уже по возвращении Павленкова из ссылки, но, к сожалению для автора, не получило ожидаемого применения и успеха. Потенциальных пользователей пособия (учителей, родителей), несомненно, смущал весьма необычный дидактический подход Павленкова. Ведь в учебных пособиях даются, как правило, *положительные* примеры, которые и запоминаются детьми. Здесь же существовала вполне обоснованная опасность, заключавшаяся в том, что *неправильные* примеры будут запоминаться как *правильные*.

Анализ просветительской деятельности Ф. Ф. Павленкова дает основание для утверждения о том, что известный российский издатель и педагог в значительной степени, вслед за другими вятскими ссыльными Александром Ивановичем Герценом и Петром Владимировичем Алабиным, способствовал распространению просвещения в Вятском крае. Он так же, как и его предшественники, считал открытие школ и библиотек важнейшим средством утверждения грамотности, и поэтому все свое наследство, состоявшее из 50 тысяч книг стоимостью 800 тысяч рублей, завещал отдать на открытие по всей России двух тысяч публичных сельских библиотек.

В Вятской губернии к 1911 г. в одиннадцати уездах были открыты 194 библиотеки имени Ф. Ф. Павленкова. Как и Алабин, Павленков издавал методические пособия для школ. Однако в отличие от изданий Алабина, представлявших собой, в основном, сборники известных произведений русской классики, методические работы Павленкова были авторскими и создавались им специально в качестве учебных и методических пособий с соблюдением необходимых дидактических требований.

В силу своего социального положения в период вятской ссылки Ф. Ф. Павленков, разумеется, не мог принимать непосредственного участия в открытии школ, библиотек и т. п., как это делал, например, тот же П. В. Алабин, занимавший официальную должность. Заслуга Ф. Ф. Павленкова состояла в том, что написанные и изданные им в Вятке книги просветительского и учебно-методического содержания именно здесь были особенно хорошо известны учительству и активно использовались в учебных заведениях. Не приходится говорить и о личном влиянии Ф. Ф. Павленкова на вятских учителей, поскольку тесных контактов с достаточно широким кругом местных педагогов, как, например, у А. И. Герцена, у находившегося под гласным надзором полиции издателя быть не могло. Общение Павленкова с местной интеллигенцией ограничивалось, в основном, достаточно узким кругом членов его кружка.

По возвращении в Санкт-Петербург из Вятки в 1877 г. Павленков направляет свою методическую и издательскую деятельность, прежде всего, на обеспечение народных школ качественными учебными пособиями. Составленные и неоднократно переиздававшиеся им «Наглядная азбука», «Наглядно-звуковые прописи», «Книга для чтения в школе и дома», «300 письменных работ», «Задачи для упражнения в письме в начальной школе», «Первоначальное правописание», «Руководство для воскресных школ», изданные им книги К. Д. Ушинского, Н. Ф. Бунакова, Н. А. Корфа, И. И. Паульсона и других авторов снискали Павленкову глубокое уважение со стороны педагогической общественности. При этом он неизменно стремился давать наилучшее оформление издававшейся литературе, что имело немаловажное воспитательное значение, побуждало детей беречь ее.

Ф. Ф. Павленков со всей присущей ему энергией и неутомимостью пользовался каждым днем для восстановления и укрепления своего расшатанного ссылками и арестами любимого дела. Так, только в сентябре 1879 г. он выпустил 5000 экземпляров иллюстрированного издания учебного пособия «Наш Друг» Н. А. Корфа, в ноябре – еще 6000 экземпляров, а также по 3000 экземпляра второго издания «Единства физических сил» А. Секки и книги «Телефон» Дю-Монселя, а также начал печатать книгу Тисандье «Мученики науки». К периоду возвращения Павленкова из вятской ссылки в декабре 1877 г. им было выпущено, в целом, всего 16 однотомных изданий номинальной стоимостью около 18 тысяч руб. Ко дню его смерти количество изданий было доведено до 755 общим тиражом свыше 3,5 млн экземпляров. Стоимость изданных определялась суммой 804 628 руб. Издавал он, в основном, книги, рассчитанные на массовую аудиторию: сочинения русских классиков, иллюстрированные библиотеки русской и западноевропейской литературы для детей, научную переводную литературу, научно-популярные библиотеки.

Свою издательскую деятельность Павленков всегда строил в соответствии со своими демократическими убеждениями. Ф. Ф. Павленковым были выпущены труды В. Г. Белинского в четырех томах, работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Ф. Ф. Павленковым была придумана и начала издаваться знаменитая «Жизнь замечательных людей» – серия очерков-биографий, написанных в жанре исторических хроник и рассказывавших о судьбах людей, оказавших в разные эпохи существенное влияние на жизнь целых народов или даже всего человечества. Всего было издано около 200 биографий, в том числе книги о К. Д. Ушинском, Н. А. Корфе, А. В. Суворове и других действительно замечательных людях. Издание этой серии было продолжено в советские годы по инициативе А. М. Горького.

Ф. Ф. Павленков умер 20 января (1 февраля) 1900 г. в г. Ницце, похоронен в Санкт-Петербурге, на Литераторских мостках Волкова кладбища. Свой капитал он завещал на устройство бесплатных библиотек и читален в деревнях. В 1901–1911 гг. на завещанные им средства в 53 губерниях были открыты две тысячи бесплатных библиотек-читален. Больше всего (более двухсот) «павленковских библиотек» было открыто именно в Вятской губернии.

По данным вятского исследователя библиотекаря Елены Кожиновой, только в Яранском уезде в 1907 г. появилось 15 народных библиотек: Большерудкинская, Верхоиожская, Петропавловская, Вятская, Борковская, Зыковская, Знаменская, Кугушерская, Люмпанурская, Макарьевская, Михайловская, Ныровская, Троицкомокинская, Соломинская, Энер-Мучакшская. Большинство из них нашли приют под крышами народных училищ, размещаясь в учительской или классной комнате, а иногда просто в шкафу под висячим замком в школьном коридоре. В назначенное время его открывали – и учащиеся, крестьяне и прочие представители деревенского люда выбирали для прочтения книги. «На огонек» в такие библиотеки тянулись даже жители соседних селений.

Душеприказчик Павленкова В. Я. Яковенко, взявший на себя заботу по устройству библиотек, следил за их состоянием, вел переписку с уездными земствами, рассылал каталоги и книги, изучал спрос читателей на литературу. При Яковенко павленковские библиотеки пополнялись произведениями прогрессивных писателей, иллюстрированными популярными брошюрами по географии и естествознанию, книгами по исторической тематике, изданиями по вопросам возделывания льна и других культур, обработке и удобрению почвы. В небольшом количестве сюда поступала литература по здравоохранению, педагогическим и другим вопросам.

В советский период павленковские библиотеки перестали финансироваться и пополняться литературой, а потому вскоре прекратили существование; частично они были преобразованы в избы-читальни. По данным Е. Кожиновой, сейчас на территории Яранского района Кировской области работают четыре сельские библиотеки, открытые еще в начале XX в. на средства просветителя: Кугушерская, Никулятская, Шкаланская и Никольская. Сотрудники Яранской централизованной библиосистемы ведут поисковую работу, связанную с личностью Ф. Ф. Павленкова: собирают фотоматериалы, копии документов, устанавливают связи с местными краеведами. В библиотеках оформлены «Павленковские» уголки и стенды.

В середине 1990-х гг. началось движение по возвращению имени Павленкова тем библиотекам, что были в свое время открыты на средства из фонда его имени. Решением Яранской районной Думы от 22 сентября 1999 г. Кугушерской сельской библиотеке было присвоено имя Ф. Ф. Павленкова.

В 1990-е гг. образовалась общественная организация под названием «Содружество Павленковских библиотек», объединяющая библиотеки. В 2009 г. в её состав входило 317 сельских библиотек.

В память о просветителе в Кировской областной научной библиотеке им. А. И. Герцена проводятся научно-практические конференции – «Павленковские чтения», по итогам работы которых выпускаются сборники научных статей. Последняя по времени проведения такая конференция состоялась 25–27 ноября 2014 г. [16]

Примечания

1. Помелов В. Б. Просветитель и методист начальной школы Ф. Ф. Павленков // Начальная школа. 2014. №10. С. 4–11.
2. Помелов В. Б. Российская педагогика в лицах: монография. Саарбрюккен: Изд-во «Lap Lambert Academic Publishing», 2013. С. 521.
3. Изергина Н. П. Литературная жизнь Вятки: монография. Киров, 1990. С. 25.
4. Добровольский Л. М. Закрытая книга в России. 1825–1904: монография. М., 1962. С. 129.
5. Вятская Незабудка: Вып. 2: сб. ст. СПб., 1877. С. 198–199.
6. Помелов В. Б. Просветители Вятского края: российские деятели культуры и местные ученые-педагоги: монография. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. С. 41.
7. Рассудовская Н. М. Издатель Ф. Ф. Павленков. М., 1960. С. 18.
8. Короленко В. Г. История моего современника // Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М., 1948. С. 108.
9. Помелов В. Б. Просветительство русской православной церкви в российской провинции (На примере Вятского края): монография. Саарбрюккен: Изд-во «Sanktum», 2013. С. 238.
10. Павленков Ф. Ф. Объяснение к «Наглядной азбуке» (Ключ к чтению и письму по картинкам). СПб., 1887. С. 4.
11. Семенов Д. Д. Опыт педагогической критики русской элементарно-учебной литературы (1887–1888) // Избр. пед. соч. М., 1953. С. 178–182.
12. Помелов В. Б. Региональные особенности развития народного образования в российской провинции во второй половине XIX в. 1917 г.: монография. Киров, 1998. С. 204.
13. Блюм А. В. Ф. Ф. Павленков в Вятке: монография. Киров, 1976. С. 32.
14. Петров В. А. Земская начальная школа в Вятской губернии: дис. ... канд. пед. наук. М., 1954. С. 200.
15. Центральный государственный исторический архив РФ. Ф. 734. Оп. 3. 1874. Д. 25. Л. 20–24. С. 78.
16. Помелов В. Б. Н. Н. Блинов и его творческие отношения с Ф. Ф. Павленковым // Павленковские библиотеки – культурное наследие российской провинции: материалы всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 175-летию со дня рождения Ф. Ф. Павленкова / сост. Н. Н. Ярославцева. Киров. 2014. С. 11–16.

Notes

1. Pomelow V. B. *Prosvetitel i metodist nachalnoy shkoly F. F. Pavlenkov* [Educator and Methodist of primary school F. F. Pavlenkov] // *Nachalnaya shkola* – Elementary school. 2014, No. 10, pp. 4–11.
2. Pomelow V. B. *Rossiyskaya pedagogika v lichah: monografiya* [Russian pedagogy in persons: a monograph]. Saarbrücken. Publishing house "Lap Lambert Academic Publishing". 2013. P. 521.
3. Izergina N. P. *Literaturnaya zhizn Vyatki: monografiya* [Literary life of Vyatka: monograph]. Kirov. 1990. P. 25.
4. Dobrovolsky L. M. *akrytaya kniga v Rossii. 1825–1904: monografiya* [Closed book in Russia. 1825–1904: monograph]. M. 1962. P. 129.
5. *Vyatskaya Nezabudka* – Vyatka Forget-Me-Not: Is. 2: coll.art. SPb. 1877. Pp. 198–199.
6. Pomelow V. B. *Prosvetiteli Vyatskogo kraya: rossiyskie deyateli kultury i mestnye uchenye-pedagogi: monografiya* [Educators of Vyatka region: Russian cultural figures and local scientists and educators: a monograph]. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2007. P. 41.
7. Rassudovskaya N. M. *zdatel F. F. Pavlenkov* [Publisher F. F. Pavlenkov]. M. 1960. P. 18.
8. Korolenko V. G. *Istoriya moego sovremennika* [History of my contemporary] // Coll. works: in 10 vol. Vol. 10. M. 1948. P. 108.
9. Pomelow V. B. *Prosvetitelstvo russkoy pravoslavnoy cerkvi v rossiyskoy provincii (Na primere Vyatskogo kraja): monografiya* [Enlightenment of the Russian Orthodox Church in the Russian province (On the example of Vyatka region): monograph]. Saarbrücken. Publishing house "Sanktum". 2013. P. 238.
10. F. F. Pavlenkov *Obyasnenie k «Naglyadnoy azbuke» (Klyuch k chteniyu i pismu po kartinkam)* [Explanation for "Visual alphabet" (the Key to reading and writing based on pictures)]. SPb. 1887. P. 4.
11. Semenov D. D. *Opyt pedagogicheskoy kritiki russkoy elementarno-uchebnoy literatury (1887–1888)* [Experience of teaching critics of Russian elementary-academic literature (1887–1888)] // *Izbr. ped. Soch.* – Fav. ped. works. M. 1953. Pp. 178–182.
12. Pomelow V. B. *Regionalnye osobennosti razvitiya narodnogo obrazovaniya v rossiyskoy provincii vo vtoroy polovine XIX v. 1917 g.: monografiya* [Regional characteristics of the development of public education in the Russian province in the second half of the nineteenth century, 1917: a monograph]. Kirov. 1998. P. 204.
13. Blum V. A. *F. F. Pavlenkov v Vyatke: monografiya* [F. F. Pavlenkov in Vyatka: monograph]. Kirov. 1976. P. 32.
14. Petrov V. A. *Zemskaya nachalnaya shkola v Vyatskoy gubernii: dis. ... kand. ped. nauk* [Zemsky elementary school in Vyatka province: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. M. 1954. P. 200.
15. Central state historical archive of the Russian Federation. F. 734. Sh. 3. 1874. File 25. Sh. 20–24. P. 78.
16. Pomelow V. B. *N. N. Blinov i ego tvorcheskije otnosheniya s F. F. Pavlenkovym* [N. N. Blinov and his creative relationship with F. F. Pavlenkov] // *Pavlenkovskie biblioteki – kulturnoe nasledie rossiyskoy provincii: materialy vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashh. 175-letiyu so dnya rozhdeniya F. F. Pavlenkova* – Pavlenkov library – cultural heritage of the Russian province: materials of All-Russia scient.-practical. conf. devoting the 175th anniversary since the birth of the F. F. Pavlenkov / comp. N. N. Yaroslavtseva. Kirov. 2014. Pp. 11–16.

Формирование коммуникативной компетентности бакалавров по адаптивной физической культуре

В статье рассматривается проблема формирования коммуникативной компетентности бакалавров по адаптивной физической культуре. Представлены методологические подходы профессиональной подготовки, способствующие формированию коммуникативной компетентности бакалавров по адаптивной физической культуре.

In the article the problem of formation of communicative competence of bachelors in adaptive physical culture. Presents the methodological approaches of vocational training, contributing to the formation of communicative competence of bachelors in adaptive physical culture.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура, профессиональная подготовка, бакалавр по адаптивной физической культуре, коммуникативная компетентность, личностные качества.

Keywords: adaptive physical culture, vocational training, the bachelor in adaptive physical culture, communicative competence, personal qualities.

Необходимыми компонентами общей культуры специалистов любого профиля, в значительной степени определяющими успех в профессиональной деятельности, является свободное владение основами делового общения, умения использовать его как инструмент эффективной профессиональной коммуникации [1].

Формирование у студентов культуры коммуникации, навыков делового общения приобретает в современных условиях все большее значение и является составной частью профессиональной подготовки бакалавров по адаптивной физической культуре.

Профессиональная подготовка бакалавра по адаптивной физической культуре – сложное структурное и динамическое образование, ядром которого являются положительные установки, мотивы, ценности профессии, профессионально важные качества личности, способности, совокупность профессиональных компетенций, определенный опыт деятельности [2].

Требования к профессиональной подготовленности специалиста в любой области всегда обусловлены спецификой профессиональной деятельности. В области адаптивной физической культуры основная особенность заключается в том, что объектом познания и преобразования, предметом профессиональной деятельности специалиста являются не здоровые, а больные люди, в том числе и инвалиды.

В структуре деятельности бакалавра по адаптивной физической культуре особую роль играет коммуникативный компонент: преимущество речевого (вербального) общения над невербальным при взаимодействии с людьми с депривацией зрения, необходимость владения языком жестов при работе с людьми с депривацией слуха, а также гностический (познавательный) компонент в связи с обязательным контролем изменений в состоянии здоровья занимающихся [3].

Общение – это сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека [4].

Общение рассматривается как один из компонентов специального образования, непреходящий элемент всестороннего развития, компенсации нарушенных функций лиц с ограниченными возможностями. В зависимости от характера и степени нарушений используются те или иные способы общения [5].

Эффективность практической деятельности бакалавра по адаптивной физической культуре во многом зависит от того, насколько профессионально он организует взаимодействие с лицами, имеющими отклонения в состоянии здоровья в процессе учебных и внеучебных занятий, их родственниками, ближайшим окружением, а также с коллегами.

Установление прямых и косвенных коммуникативных связей учителя по адаптивной физической культуре с учащимися в первую очередь зависит от самого учителя, от его профессионализма (знаний, умений, навыков по легкому установлению контактов и связей с учениками).

Подлинно хорошие взаимоотношения строятся на основе достаточно высокой требовательности в сочетании с гуманным отношением к личности ученика.

К основным коммуникативным умениям бакалавра по адаптивной физической культуре относятся:

1) умение легко и быстро устанавливать деловой контакт с отдельными учащимися, с классом, с группами учащихся, занимающихся адаптивным спортом, физической реабилитацией, креативными телесно-ориентированными практиками адаптивной физической культуры или экстремальными видами двигательной активности;

2) умение устанавливать деловые контакты с административными работниками, с учителями, с медицинскими работниками и обслуживающим персоналом учебного заведения;

3) умение устанавливать деловые контакты с родителями детей-инвалидов или учащихся специальных медицинских групп массовых школ;

4) умение устанавливать деловые контакты с учителями районного (городского, областного) методического объединения;

5) соблюдая правила общественного поведения, быть требовательным, чутким, вежливым, тактичным, приветливым, собранным, принципиальным, энергичным и человечным при решении любых педагогических вопросов [6].

Понятие коммуникативной компетентности включает в себя владение определенными нормами общения, поведения, как результат усвоения различных этнических и социально-психологических эталонов, поведенческих стереотипов, стандартов.

Выделяют когнитивную, ценностно-мотивационную и практическую характеристики коммуникативной компетентности.

Когнитивный компонент характеризует деятельность по обеспечению обучаемых лиц системой профессиональных коммуникативных знаний. Он реализуется через насыщение образовательного процесса коммуникативным содержанием; через целенаправленную организацию внеаудиторной учебной деятельности, ориентированную на самостоятельное получение и углубление коммуникативных знаний на основе самообразования.

Практический компонент отражает деятельность по развитию профессиональных коммуникативных умений и основывается на обеспечении студентов коммуникативным опытом, организации различной по видам, формам и содержанию целенаправленной самостоятельной деятельности.

Ценностно-мотивационный компонент характеризует деятельность по формированию ценностного отношения к будущему профессиональному функционированию, установки на развитие профессиональной коммуникативной компетентности и участие в профессиональном общении [7].

Формирование коммуникативной компетентности основывается на методологических подходах, лежащих в основе профессиональной подготовки бакалавров по адаптивной физической культуре: интегративный, системный и личностно-деятельностный.

Интегративный подход обеспечивает обоснование структуры содержания учебных дисциплин на основе объединения и синтеза компонентов содержания образования внутрипредметного и межпредметного характера, их обобщения на уровне законов, понятий, основных положений, формирования целостной системы знаний, действий, что способствует пониманию целостной профессиональной деятельности.

Системный подход обеспечивает целостность построения и взаимосвязь отдельных компонентов профессиональной подготовки. Системный подход позволяет решить следующие вопросы: установить логические связи и системные характеристики изучаемых объектов; выявить и сделать зримой для учащихся объективную необходимость получаемых ими знаний для профессиональной деятельности; показать научные основы профессиональной деятельности; обеспечить преемственность циклов учебных предметов; обеспечить практическую реализацию научных и технических знаний; органически соединить как в содержании профессиональной подготовки в целом, так и в отдельных интегрированных учебных предметах качественно разнообразные знания, показав, что они отражают различные стороны единого трудового процесса; обеспечить переход от абстрактно научных к конкретным профессиональным знаниям и от знаний – к практическим умениям и навыкам.

Личностно-деятельностный подход обеспечивает направленность процесса профессионального обучения студентов на развитие личностных качеств специалиста, способного к активной профессиональной деятельности, осознания себя субъектом профессиональной культуры. Деятельностный подход отражает общие закономерности усвоения студентами социального опыта с учетом их индивидуальных особенностей; рассматривает обучение как систему определенных видов деятельности, освоение и выполнение которых ведет к усвоению новых знаний, к овладению новыми умениями и ценностями [8].

Доверие к педагогу является обязательным компонентом коррекционно-компенсаторного процесса. Предпосылками возникновения положительных отношений и доверия между бакалавром по адаптивной физической культуре и людьми с отклонениями в состоянии здоровья являются квалификация и личностные качества педагога.

Бакалавр по адаптивной физической культуре должен обладать такими личностными качествами, как открытость, ответственность, коммуникабельность, доброжелательность, уважение, толерантность, сочувствие, терпение, уверенность в себе. Рассмотрим некоторые профессионально значимые личностные качества.

Ответственность бакалавра по адаптивной физической культуре выражается в глубоком понимании поставленных задач, перспектив их решения; продуманном, сравнительно-аналитическом выборе вариантов профессионального поведения; готовности доказательно объяснять свои действия, свободном и добровольном принятии необходимости отвечать за их последствия.

Специфика профессиональной деятельности требует от бакалавра такого профессионально значимого качества, как оптимизм. В большинстве случаев работа бакалавра по адаптивной физической культуре связана с лицами, неуверенными в себе ввиду имеющегося отклонения в состоянии здоровья, заниженной самооценки. Он должен увидеть в человеке то положительное, на что можно опереться, осуществляя его реабилитацию.

Бакалавр по адаптивной физической культуре должен быть толерантным, т. е. признавать инвалидов и лиц с отклонениями в состоянии здоровья равноправными членами общества, быть снисходительным к чужим недостаткам.

В деятельности бакалавра по адаптивной физической культуре необходимо правильно оценивать внутреннее состояние лиц с ограниченными возможностями, разбираться в их психологических особенностях, характере, моральных качествах. Для этого он должен обладать таким профессионально значимым качеством, как эмпатия. Под эмпатией понимается способность к постижению эмоционального состояния, стремление помочь в решении проблем инвалида.

Учитывая особенности профессиональной деятельности в области адаптивной физической культуры, обусловленные физическими и психическими особенностями контингента разных нозологических групп, наблюдательность позволяет своевременно вносить необходимые коррективы в двигательную деятельность занимающихся, способствуя этим повышению ее эффективности и предотвращая возможные негативные последствия.

Сотрудничество бакалавра по адаптивной физической культуре и лиц, имеющих отклонения в состоянии здоровья, строится на следующих компонентах: понимание, сочувствие, уважение, поддержка.

Тон и интонация бакалавра по адаптивной физической культуре способны демонстрировать понимание и интерес к личности, имеющей отклонения в состоянии здоровья. Сочувствие обозначает умение поставить себя на место человека с ограниченными возможностями, быть внимательным к нему. Уважение подразумевает признание ценности человека с отклонениями в состоянии здоровья как личности. Поддержка – одно из важнейших условий установления правильных взаимоотношений, педагог должен стремиться быть полезным инвалиду[9].

Одна из основных задач педагогического состава вузов, осуществляющих подготовку специалистов данного направления, – это развитие способностей профессионального общения будущего бакалавра по адаптивной физической культуре. Такие дисциплины, как специальная психология и специальная педагогика, психология болезни и инвалидности, частные методики адаптивной физической культуры закладывают фундамент профессиональной коммуникации бакалавров по адаптивной физической культуре. Для достижения указанных целей используются следующие педагогические средства: различные тренинги личностного и профессионального развития, организация ролевых и деловых игр, участники которых, имитируя реальные условия будущей деятельности, моделируют свое поведение с последующим критическим анализом совершенных действий.

Таким образом, коммуникативная компетентность – одна из основных составляющих профессиональной компетентности бакалавров по адаптивной физической культуре. Ее формирование составляет одну из важнейших задач подготовки, служит залогом его дальнейшего личностного и профессионального развития.

Примечания

1. Ракей И. Р. Основы делового общения: учеб.-метод. комплекс для студ. спец. 1-08 01 01 «Профессиональное обучение». Минск.: МГВРК, 2007.

2. Балашова В. Ф. Научно-теоретические основы формирования компетентности специалиста по адаптивной физической культуре: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009.

3. Евсеев С. П. Теория и организация адаптивной физической культуры: учеб.: в 2 т. Т. 1. Введение в специальность. История и общая характеристика адаптивной физической культуры. М.: Сов. спорт, 2003.
4. Ракей И. Р. Указ. соч.
5. Шапкова Л. В. Частные методики адаптивной физической культуры: учеб. пос. М.: Сов. спорт, 2004.
6. Самыличев А. С. Профессионально-педагогическая подготовка будущих учителей адаптивной физической культуры // Адаптивная физическая культура. 2009. № 1. С. 19–28.
7. Горшунова Н. К. Формирование коммуникативной компетентности современного врача / Н. К. Горшунова, Н. В. Медведев // Успехи современного естествознания. 2010. № 3. С. 36–37.
8. Бахарев Ю. А. Моделирование профессиональной подготовки специалистов по адаптивной физической культуре в системе высшего профессионального образования: дис. ...канд. пед. наук. Н. Новгород, 2011.
9. Балашова В. Ф. Указ. соч.

Notes

1. Rakey R. I. *Osnovy delovogo obshheniya: ucheb.-metod. kompleks dlya stud. spec. 1-08 01 01 «Professionalnoe obuchenie»* [Basics of business communication: textbook-method. complex for students of spec. 1-08 01 01 "Vocational training"]. Minsk. MSHRC. 2007.
2. Balashova V. F. *Nauchno-teoreticheskie osnovy formirovaniya kompetentnosti specialista po adaptivnoy fizicheskoj kulture: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Theoretical bases of formation of competence of a specialist in adaptive physical education: autoref. dis. ... Doctor Ped. Sciences]. M. 2009.
3. Evseev S. P. *Teoriya i organizaciya adaptivnoy fizicheskoj kultury: ucheb.* [Theory and organization of adaptive physical culture: textbook]: in 2 vol. Vol. 1. Introduction to the specialty. History and General characteristics of adaptive physical culture. Moscow: Sov. sport. 2003.
4. Rakey R. I. Op. cit.
5. Shapkova L. V. *Chastnye metodiki adaptivnoy fizicheskoj kultury: ucheb. Pos.* [Private methods of adaptive physical culture: textbook]. Sov. sport. 2004.
6. Samylichev S. A. *Professionalno-pedagogicheskaya podgotovka budushhih uchiteley adaptivnoy fizicheskoj kultury* [Professionally-pedagogical preparation of future teachers of adaptive physical culture] // *Adaptivnaya fizicheskaya kultura – Adaptive physical culture*. 2009, No. 1, pp. 19-28.
7. Gorshunova N. K. *Formirovanie kommunikativnoy kompetentnosti sovremennogo vracha* [Formation of communicative competence of the *Uspehi sovremennogo estestvoznaniya Uspehi sovremennogo estestvoznaniya*- doctor] / N. K. Gorshunov, N. V. Medvedev // *Uspehi sovremennogo estestvoznaniya*. 2010, No. 3, pp. 36-37.
8. Bakharev A. *Modelirovanie professionalnoy podgotovki specialistov po adaptivnoy fizicheskoj kulture v sisteme vysshego professionalnogo obrazovaniya: dis. ...kand. ped. nauk* [Modeling of professional training of specialists in adaptive physical education in higher professional education: dis. ...Cand. Ped. Sciences]. N. Novgorod. 2011.
9. Balashov V. F. Op. cit.

УДК 377.5

Е. Н. Рожнова

Процесс подготовки специалистов среднего звена к профессиональной управленческой деятельности

Подготовка к управленческой деятельности специалистов среднего звена является составной частью профессиональной деятельности выпускников со средним профессиональным образованием. Цель данной статьи – описание методики организации процесса подготовки к управленческой деятельности, результатов ее применения, перспектив использования в образовательном процессе профессиональных образовательных организаций.

Preparation of management activity mid-career professionals is an integral part of professional activity of graduates from secondary vocational education. The purpose of this article is to describe the methodology of the organization of the preparatory process for management activities, results and perspectives of its use in the educational process of professional educational organizations.

Ключевые слова: управленческая деятельность, профессиональный стандарт, Федеральный государственный образовательный стандарт, образовательный процесс, процесс подготовки к управленческой деятельности.

Keywords: administrative activities, professional standard, Federal and state standards, educational process; preparatory process for management activities.

Роль специалистов со средним профессиональным образованием в экономике нашей страны остается значительной и весомой. Так, государственная программа «Развитие образования на 2013–2020 гг.» предусматривает долю выпускников со средним профессиональным образованием в общей численности выпускников на уровне 39–30%. [1]. Основным направлением развития системы среднего профессионального образования в настоящий момент является установление взаимосвязи с рынком труда для построения инновационной экономики, что ставит данную систему в центр задачи создания конкурентоспособной России [2].

Одной из проблем современного профессионального образования, названной в Стратегии национальной системы квалификаций, является негибкий переход от обучения к трудовой деятельности, для преодоления которой предполагается увеличить количество способов перехода к трудовой деятельности. В качестве одного из таких способов нами предлагается сопряжение образовательного процесса, в котором осуществляется традиционная подготовка специалистов для экономики страны, с процессом подготовки к управленческой деятельности как одной из характеристик видов деятельности данного уровня квалификации.

Изучение современного состояния системы профессионального образования исследований и разработок в этой области, собственные исследования и наблюдения приводят к обозначению определенных противоречий:

- между требованиями работодателей к профессиональным умениям и качествам выпускников профессиональных образовательных организаций и реальными профессиональными возможностями молодых специалистов;

- между потребностями обучаемых в получении уровня профессионального образования и возможностями профессиональных образовательных организаций в удовлетворении этих потребностей;

- между спецификой процесса реализации профессиональной деятельности руководителя среднего звена и особенностями образовательного процесса профессиональной образовательной организации;

- между организацией межличностных отношений в трудовом коллективе и взаимодействием педагогов и студентов в образовательном процессе профессионального образовательного учреждения.

Все это говорит о необходимости изменения организации процесса подготовки к профессиональной деятельности специалистов с учетом интересов всех заинтересованных сторон – работодателей, обучающихся, работников системы профессионального образования. В частности, речь идет о подготовке к управленческой деятельности как составного элемента профессиональной деятельности специалистов среднего и низшего звена.

Отличительными особенностями профессиональной деятельности выпускников профессиональных образовательных организаций являются самостоятельность деятельности, постановка задач в рамках подразделения, участие в управлении выполнением поставленных задач в рамках подразделения, ответственность за результат выполнения работ на уровне подразделения. Профессиональные компетенции, складывающиеся из приобретенных умений и знаний, предполагают деятельность, направленную на решение практических задач на основе выбора способов решения в различных условиях рабочей ситуации, осуществление текущего и итогового контроля, оценку и коррекцию деятельности. Особенностью применения знаний на этом квалификационном уровне является самостоятельный поиск информации, необходимой для решения поставленных профессиональных задач [3]. Таким образом, специалисты со средним профессиональным образованием признаются управленческими работниками низшего и среднего звена, от деятельности которых зависят результаты работы подразделений, что в свою очередь, влияет на результаты работы организаций и предприятий. От специалиста с данным уровнем квалификации требуется не только наличие умений и знаний в специфическом профессиональном виде деятельности, но и самостоятельность при выборе способов решения проблем, поиске и обработке необходимой для этого информации, осуществлении контроля и анализа полученных результатов деятельности подразделения, ответственность за эти результаты. Все вышеперечисленные действия присущи именно управленческой деятельности.

Существующая в настоящее время в нашей стране тенденция на формирование квалифицированной рабочей силы, отраженная в национальной системе квалификаций, предполагает сближение требований к работникам, предъявляемым работодателями, и содержания программ профессионального образования и обучения [4].

Требования работодателей сформулированы в профессиональных стандартах различных видов экономической деятельности. В частности, для регламентации требований к руководителям разработан стандарт «Руководителя коммерческой (некоммерческой) организации», кото-

рый относится ко всем видам экономической деятельности. В стандарте предусмотрены уровни квалификации с 4-го (предполагающего начальное профессиональное образование) по 8-й (предполагающий высшее профессиональное образование). Для среднего профессионального уровня обучения предусмотрен 5-й квалификационный уровень, основной целью которого является управление деятельностью подразделений для достижения функциональных целей организации. Главной целью специалистов данного уровня квалификации является управление технологиями в организации, а сферой приложения усилий – финансово-экономическая и рекламно-информационная деятельность, маркетинг и сбыт продукции, материально-техническое снабжение, компьютерное обеспечение, научно-техническое развитие, управление кадрами и трудовыми отношениями [5]. Функциональные обязанности руководителей среднего и низшего звена, согласно данному стандарту, заключаются

- в определении качественных параметров деятельности,
- согласовании разделов стратегических планов,
- разъяснении коллективу целей и политики компании,
- планировании ресурсов для выполнения задач подразделения,
- разработке операционных планов и их реализации,
- управлении текущей деятельностью подразделений,
- создании и поддержании эффективной системы контроля деятельности подразделения,
- координации производственных процессов внутри подразделения,
- реализации системы мотивации сотрудников,
- руководстве аттестацией и профессиональным обучением сотрудников,
- оценке технического уровня производства и др.

Все вышеперечисленные функции можно объединить в шесть основных групп функций, выполняемых руководителями любых уровней управления: планирование и прогнозирование, организация, координация, мотивация, контроль и оценка, принятие решений. Данные функции были сформулированы еще в работах А. Файоля, Ф. Тейлора, А. Мейо и других классиков менеджмента [6].

Таким образом, деятельность руководителей структурных подразделений предполагает, в первую очередь, выполнение основных функций управления, направленных на достижение заранее заданных результатов.

Образовательный процесс в профессиональных образовательных организациях, согласно федеральным государственным образовательным стандартам третьего поколения, состоит из различных видов учебной деятельности: теоретических и практических занятий, учебной и производственной практик, промежуточной и итоговой аттестации. Особенностью образовательного процесса стало наличие профессиональных модулей, включающих в себя как теоретическое и практическое обучение в рамках междисциплинарных курсов, так и учебную и производственную практики, призванные сформировать требуемые профессиональные и общие компетенции в определенном виде деятельности.

В качестве одного из видов профессиональной деятельности выпускников различных специальностей, одним из модулей, выступает организация работы первичных трудовых коллективов. Называются эти виды деятельности по-разному – либо управление функциональным подразделением организации [7], либо организация работ в подразделении организации [8], либо организация деятельности первичных трудовых коллективов [9], либо организация деятельности коллектива исполнителей [10], либо организация и управление работой структурного подразделения [11], но суть одна – выполнение специфических управленческих действий по организации работы людей.

В рамках профессиональных модулей, направленных на овладение обучающимися профессиональными управленческими умениями, происходит формирование практического опыта организации коллектива людей, а также профессиональных компетенций планирования производственной деятельности, обеспечения рационального использования трудовых и материальных ресурсов, ведения документации установленного образца, организации коллектива исполнителей.

Одними из обязательных условий для образовательных учреждений, реализующих программы среднего профессионального образования, являются обеспечение эффективной самостоятельной работы студентов; совершенствование управления самостоятельной работой студентов преподавателями и мастерами производственного обучения; предоставление возможности участия студентов в формировании индивидуальной образовательной программы; реализация компетентностного подхода. Кроме того, обучающимся должна быть предоставлена возможность оценивания содержания, организации и качества образовательного процесса [12].

Предлагаемая нами структура процесса подготовки к управленческой деятельности направлена на реализацию требований профессионального стандарта и требований ФГОС СПО по формированию готовности специалистов среднего звена к самостоятельной и ответственной деятельности, профессиональных и общих компетенций, осуществлению прав и полномочий оценки содержания, организации и качества образовательного процесса.

На основе анализа требований федеральных государственных образовательных стандартов, профессионального стандарта в области руководства организацией, с учетом особенностей образовательного процесса в профессиональных образовательных организациях, нами разработана структура процесса подготовки к управленческой деятельности специалистов среднего звена. Данный процесс реализуется в рамках профессионального модуля по управлению коллективом людей, однако его вполне можно использовать не только при реализации других профессиональных модулей профессиональной подготовки, но и при обучении дисциплинам общепрофессионального и естественнонаучного циклов (в адаптированном виде). Суть процесса подготовки к управленческой деятельности заключается в выполнении специфических управленческих функций обучаемыми на теоретических и практических занятиях, практике, самостоятельной внеаудиторной работе; увеличении доли коллективной деятельности, проявлении активности и самостоятельности в индивидуальной деятельности, свободы выбора и ответственности за результаты учебной деятельности. То есть процесс подготовки к управленческой деятельности предполагает встраивание профессиональных видов деятельности управленца, преимущественно аналитических методов работы с информацией и осуществления эффективных коммуникаций в коллективе, в обычный учебный процесс профессиональной образовательной организации. Будущие специалисты уже в момент обучения теории и практике по различным профессиональным модулям и общепрофессиональным дисциплинам формируют умения, необходимые управленцу среднего и низшего звена (см. рисунок).

Взаимосвязь требований ФГОС СПО и профессионального стандарта руководителя коммерческой (некоммерческой) организации в процессе подготовки специалистов среднего звена к управленческой деятельности

Процесс подготовки к управленческой деятельности состоит из трех этапов:

1. *Организационно-мотивационный*, включающий в себя предварительную психологическую и организационную подготовку педагога и студентов. Подготовка педагога заключается в изучении профессионального стандарта управленческой деятельности, ФГОС СПО по конкретным специальностям, разработке нормативной учебной документации на основе профессионального и образовательного стандартов, разработке педагогического инструментария для реализации целей подготовки профессионалов среднего звена. Работа со студентом на этом этапе состоит в формировании мотивации к самостоятельному управлению подготовкой к управленческой деятельности, овладению профессиональными и общими компетенциями, ознакомлению с требованиями работодателей и государства к опыту, умениям и знаниям выпускника по конкретной специальности, обучению работе с педагогическим инструментарием, обеспечивающим возможность получения необходимого уровня подготовки.

2. *Координационно-деятельностный*, который состоит в осуществлении деятельности, сопряжении традиционной учебной работы с выполнением специфических управленческих функций – планирования, организации, координации, мотивации и контроля. Учебная работа – теоре-

тические и практические занятия, различные виды самостоятельной аудиторной и внеаудиторной работы, индивидуальная и коллективная деятельность – все используется применительно к реализации прав и полномочий руководителя среднего и низшего звена. Деятельность педагога на этом этапе заключается в организации процесса обучения с высокой долей самостоятельной деятельности студента, обеспечении необходимым педагогическим инструментарием для полноценной учебной деятельности, координации и корректировке индивидуальной и коллективной деятельности, осуществлении текущего контроля результатов обучения. Деятельность студентов состоит в самостоятельном выборе желаемого уровня усвоения теоретических знаний и формирования практических умений, способов и средств реализации своего выбора, сроков представления результатов и форм контроля.

3. *Контрольно-аналитический.* На этом этапе осуществляется контроль и анализ результатов выполненной работы, поиск ошибок, их причин и способов устранения формулируются выводы по достигнутым результатам. Деятельность педагога направлена на этом этапе на организацию самоконтроля студентов, мониторинг полученных результатов в соответствии с требованиями ПС и ФГОС СПО, выработку рекомендаций по закреплению или коррекции сформированных компетенций. Студенты, осуществляя самоконтроль, сравнивают приобретенные умения и сформированные деловые и личностные качества с требованиями стандартов, делают выводы по результатам обучения и формулируют решения по дальнейшей работе.

Проанализировав профессиональный стандарт «Руководитель коммерческой (некоммерческой) организации», мы видим, что обобщенные трудовые функции, которые должен выполнять руководитель среднего звена, можно сгруппировать (таблица):

**Группировка функций 5-го квалификационного уровня по ПС
«Руководитель коммерческой (некоммерческой) организации»**

Группы функций	Трудовая функция	Удельный вес функций, %
Планирование	<ul style="list-style-type: none"> • Разработка разделов стратегии общества. Определение качественных параметров целей деятельности. • Согласование разделов стратегических планов организации. • Перспективное и краткосрочное бюджетирование плановой деятельности подразделения. • Планирование ресурсов для выполнения задач подразделения и проектов организации. • Разработка операционных планов производства и участие в их реализации. • Разработка программы продвижения продукции организации и привлечения потребителей 	26
Организация	<ul style="list-style-type: none"> • Управление текущей деятельностью подразделения. • Реализация комплексов планов и программ стратегического развития организации. • Управление производственно-техническим обеспечением, процессами снабжения, хранения и перемещения запасов в подразделении. • Руководство аттестацией и профессиональным обучением сотрудников. • Обеспечение безопасности введения новаций 	22
Координация	<ul style="list-style-type: none"> • Координация производственных процессов внутри подразделения и между смежными подразделениями 	4
Мотивация	<ul style="list-style-type: none"> • Разъяснение трудовому коллективу целей и политики компании. • Реализация системы мотивации сотрудников, способствующих повышению их лояльности к предприятию и руководству 	9

Контроль	<ul style="list-style-type: none"> • Создание и поддержание эффективной системы контроля деятельности подразделения. • Контроль оснащения процесса производства необходимыми средствами, анализ методик и нормативной документации, оформление документов, удостоверяющих качество. • Оценка технического уровня производства 	13
Принятие решений	<ul style="list-style-type: none"> • Минимизация рисков потери технологии и ноу-хау. • Разработка предложений по оптимизации производственно-хозяйственной деятельности. • Формирование требований по подбору и адаптации персонала, организации рабочих мест. • Совершенствование собственной технологии управления подразделением. • Инициирование развития подразделения. • Модернизация процессов и технологии деятельности подразделения 	26

Наибольший удельный вес в структуре деятельности специалиста среднего звена занимают такие функции, как планирование, принятие решений (по 26%), организация (22%) и контроль (13%), наименьший – мотивация и координация – по 2–1% соответственно. Следовательно, при подготовке к управленческой деятельности необходимо акцентировать внимание именно на реализацию умений планирования, принятия решения, организации и контроля.

Весь процесс подготовки специалистов среднего звена к управленческой деятельности основывается на выполнении основных функций управления, которые ежедневно реализуют в своей деятельности управленцы: планировании, организации, координации, мотивации, контроля и принятия решений. Для этого предусмотрены отдельные задания по планированию, организации, координации, мотивации, контролю и принятию решений. Так, например, задания на выполнение функций управления для специальности 38.02.01. «Экономика и бухгалтерский учет» в профессиональном модуле ПМ.01. «Документирование хозяйственных операций и ведение бухгалтерского учета имущества организаций» могут быть сформулированы следующим образом:

- планирования: предложите способы совершенствования технологий обработки документов; определите объемы работ бухгалтерии при подготовке ежеквартальной отчетности; разработайте меры по реализации учетной политики предприятия;
- организации: сформулируйте способы обеспечения ведения учета на предприятии; внесите обоснованные предложения по организации ведения учета на предприятии; предложите способы организации контроля работы с документами; разработайте способы руководства процессами ведения учета на предприятии;
- координации: приведите способы координации работ в бухгалтерии предприятия;
- мотивации: разработайте способы стимулирования работников бухгалтерии для более качественного выполнения обязанностей;
- контроля: оцените собственное обучение данной теме;
- принятия решений: примите решение по выбору учетной политики для швейного предприятия.

Таким образом, происходит постепенная и систематическая работа по формированию требуемых профессиональных и общих компетенций специалистов среднего звена, умений выполнять специфические виды трудовой деятельности руководителя функционального подразделения.

Такое построение процесса подготовки к управленческой деятельности дает обучаемым возможность самостоятельного обоснованного и целенаправленного планирования обучения и карьеры, индивидуальных траекторий получения желаемых квалификаций, способствует повышению мотивации получения профессионального образования, постоянно осуществлять мониторинг качества получаемых квалификаций, компетенций, использовать приобретенные умения и деловые и личностные качества каждого потенциального специалиста.

Контроль и оценка приобретенных умений реализации функций управления осуществляется при помощи специального бланка анализа и оценки в рабочей тетради-дневнике, которую обучаемые ведут самостоятельно. Рабочая тетрадь-дневник представляет собой педагогический инструмент формирования требуемых профессиональным стандартом и Федеральным государ-

ственным образовательным стандартом умений и знаний в определенной профессиональной области деятельности. Структура рабочей тетради-дневника состоит из двух частей: аудиторной и самостоятельной внеаудиторной работы. Аудиторная работа предполагает постановку целей занятия, оценку своих ресурсов, формулирование плана достижения целей занятия, фиксацию и рецензию устных ответов студентов на занятии. Самостоятельная внеаудиторная работа состоит из трех частей: теоретической – ответов на вопросы самоконтроля и на вопросы тестов, практической – решения задач различного уровня сложности (на «3», на «4», и на «5») и выполнения управленческих действий по теме. Выполнение управленческих действий оценивается отдельно.

Для проверки эффективности предлагаемой рабочей тетради-дневника нами был проведен эксперимент в течение учебного года по дисциплине «Управление персоналом» для менеджеров. Балльные оценки за выполненные обучаемыми задания (на «3», «4», «5») переводились в уровни готовности к управленческой деятельности: «3» – высокий уровень, соответствует «5», «2» – средний уровень, соответствует «4», «1» – низкий уровень, соответствует «3». В экспериментальной группе из 20 человек были получены следующие результаты: низкий (до 1,2) – 2 человека (10%); средний (1,2–1,8) – 8 человек (40%); высокий (1,9–2,4) – 10 человек (50%).

Таким образом, использование рабочей тетради-дневника как инструмента формирования готовности к выполнению функций управления специалистов среднего звена в процессе подготовки к управленческой деятельности способствует реализации требований и федеральных государственных образовательных стандартов, и профессионального стандарта руководителя коммерческой (некоммерческой) организации.

Потребности общества в высококвалифицированных кадрах, способных четко и грамотно выполнять свои профессиональные обязанности, осуществлять управление решением оперативных задач, от которых зависит решение стратегических задач, и способствовать развитию экономики, в настоящее время диктуются стандартами – федеральными государственными образовательными и профессиональными стандартами. Поэтому важным направлением усилий профессиональных образовательных организаций является обеспечение согласованности в реализации тех и других требований, а следовательно, адаптация процесса подготовки специалистов к новым запросам работодателей, обучающихся, общества в целом. Одним из способов подобной адаптации может стать реализация процесса подготовки к управленческой деятельности.

Примечания

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие образования" на 2013–2020 годы" Подпрограмма 1 "Развитие профессионального образования"». URL: http://минобрнауки.рф/media/events/files__ (дата обращения 18.12.2014) (с. 4 Приложения 1).

2. Стратегия национальной системы квалификаций. URL: <http://минобрнауки.рф> (дата обращения 20.12.2014).

3. Национальная рамка квалификаций. URL: <http://www.nark-rspp.ru> (дата обращения 16.12.2014).

4. Современные тенденции развития среднего профессионального образования. Аккредитация в образовании. URL: <http://www.akvobr.ru> (дата обращения 21.12.2014).

5. Профессиональный стандарт «Руководитель коммерческой (некоммерческой) организации». URL: <http://www.ncsu.ru/images/stories> (дата обращения 20.12.2014).

6. Файоль А. Общее и промышленное управление. Ч. II. Принципы и элементы управления. Гл. 2. Элементы управления. Центр гуманитарных технологий. Гуманитарные технологии и развитие человека. Информационно-аналитический портал. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis>; Функции менеджмента // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

7. ФГОС СПО по специальности 100401 Туризм. URL: <http://www.edu.ru/db-mon/mo>

8. ФГОС СПО по специальности 100801 Товароведение и экспертиза качества потребительских товаров. URL: <http://www.edu.ru/db-mon>

9. ФГОС СПО по специальности 190623 Техническая эксплуатация подвижного состава железных дорог. URL: <http://www.edu.ru/db-mon/mo>

10. ФГОС СПО по специальности 190631 Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта. URL: <http://www.edu.ru/db-mon/mo>

11. ФГОС СПО по специальности 200105 Авиационные приборы и комплексы. URL: <http://www.edu.ru/db-mon/mo>; ФГОС СПО по специальности 260807 Технология продукции общественного питания. URL: <http://www.edu.ru/db-mo>; ФГОС СПО по специальности 262019 Конструирование, моделирование и технология швейных изделий. URL: <http://www.edu.ru/db-mon/mo>

12. ФГОС СПО по специальности 080114 Экономика и бухгалтерский учет. URL: <http://www.edu.ru/>

Notes

1. The RF Government decree dated 15.04.2014 No. 295 "On the assertion approve the state program of the Russian Federation "Development of education" for 2013-2020" subroutine 1 "Development of professional education". [Electronic resource] URL: <http://минобрнауки.рф/media/events/files> (accessed 18.12.2014) (С. 4 of Annex 1).
2. The strategy of the national system of qualifications. [Electronic resource] URL: <http://минобрнауки.рф> (date of application 20.12.2014).
3. National qualifications framework. [Electronic resource] URL: <http://www.nark-rspp.ru> (16.12.2014).
4. Modern trends of development of secondary vocational education. Accreditation in education. [Electronic resource] URL: <http://www.akvobr.ru> (21.12.2014).
5. Professional standard "the head of the commercial (non-profit) organization". [Electronic resource] URL: <http://www.ncsu.ru/images/stories> (date of application 20.12.2014).
6. Fayol, General and industrial management. Part II. Principles and elements of management. Chapter 2. Controls. The center of humanitarian technologies. Humanitarian technology and human development. Information-analytical portal. [Electronic resource] URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis> (date of application 20.12.2014).
7. The functions of management. // Wikipedia. The free encyclopedia. [Electronic resource] URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (date of application 20.12.2014).
8. Fgos SPO specialty 100401 Tourism. [Electronic resource] URL: <http://www.edu.ru/db-mon/mo> (accessed 22.12.2014).
9. Fgos SPO specialty 100801 commodity and examination of the quality of consumer goods. [Electronic resource] URL: <http://www.edu.ru/db-mon> (accessed 22.12.2014).
10. Fgos SPO specialty 190623 maintenance of railway rolling stock. [Electronic resource] URL: <http://www.edu.ru/db-mon/mo> (accessed 22.12.2014).
11. Fgos SPO specialty 190631 maintenance and repair of road transport. [Electronic resource] URL: <http://www.edu.ru/db-mon/mo> (accessed 22.12.2014).
12. Fgos SPO specialty 200105 Aircraft instruments and systems. [Electronic resource] URL: <http://www.edu.ru/db-mon/mo> (accessed 22.12.2014).
13. Fgos SPO specialty 260807 Technology of products of public catering. [Electronic resource] URL: <http://www.edu.ru/db-mo> (accessed 22.12.2014).
14. Fgos SPO specialty 262019 engineering, modeling and technology of clothing. [Electronic resource] URL: <http://www.edu.ru/db-mon/mo> (accessed 22.12.2014).
15. Fgos SPO specialty 080114 Economics and accounting. [Electronic resource] URL: <http://www.edu.ru/> (accessed 22.12.2014)

УДК 378.126

Л. Х. Шарипова

Классификация видов самостоятельной работы для студентов технологического вуза по иностранным языкам

Воспитание самостоятельности и активности есть главная задача преподавателя в обучении студентов. Именно эта задача ставится перед преподавателем одной из первых и является наиболее значимой в процессе обучения иностранному языку. Организация самостоятельной работы студентов помогает развитию эффективности в обучении, овладению системой умений, навыков, знаний, развитию способностей в умственном и физическом труде. Статья раскрывает сущность и содержание самостоятельной работы при изучении иностранного языка, а также выявляет особенности контроля и самоконтроля при организации учебной деятельности в обучении иностранным языкам. Если говорить о классификации видов самостоятельной работы учащихся, то единства мнений по этому вопросу у исследователей и ученых не существует. Само понятие имеет большую «ёмкость» и может определяться несколькими признаками, определяющими огромное количество подходов к основе классификации.

Independence and activity education are the main task of the teacher in training of students. This task is set for the teacher of one of the first, and is the most significant in the course of training in a foreign language. The organization of independent work of students helps efficiency development with training, mastering by system of abilities, skills, knowledge, and development of abilities in intellectual and physical work. Article opens essence and the content of independent work at learning of foreign language, and also reveals features of control and self-checking at the organization of educational activity in training in foreign languages. If to tell o of classification of types of in-

dependent work of pupils, the unity of opinions on this question at researchers and scientists doesn't exist. The concept has big "capacity" and can be defined by several signs, defining huge number of approaches to a classification basis.

Ключевые слова: образовательный процесс, иностранные языки, навыки самоорганизации.

Keywords: educational process, foreign languages, self-organization skills.

Известные методисты и лингвисты среди видов самостоятельной работы выделяют классификацию, основанную на источниках знания. Работой, основанную на источниках знания, считают работу с книгами, газетами или дополнительной литературой.

Мы выделили следующие виды «самостоятельной учебной работы учащихся:

1) работа с книгами (студент самостоятельно составляет план отдельных глав, отвечает на вопросы преподавателя, анализирует идейное содержание или особенности произведения согласно вопросам преподавателя, характеризует главных героев, действующих лиц, ведет работу над документами);

2) работа со справочной литературой (статистические сборники, справочники по отдельным отраслям знаний и народного хозяйства, словари, энциклопедии и пр.);

3) решение и составление задач;

4) учебные упражнения;

5) сочинения и описания (по опорным словам, картинам, личным впечатлениям и т. д.);

6) наблюдения и лабораторные работы (работа с гербаризованным материалом, коллекциями минералов, наблюдение природных явлений и их объяснение, ознакомление с механизмами и машинами по моделям и в натуре и др.);

7) работа, связанная с использованием раздаточного материала (комплекты картинок);

8) графические работы» [1].

Нужно учитывать, что разновидность самостоятельной работы согласно источникам знаний считается вспомогательной, так как невозможно просто взять и начать работу с книгой, таблицей, картой и так далее. Каждый раз существует содержательная цель, но такая классификация имеет главное педагогическое значение, так как студенты одновременно усваивают учебный материал и овладевают умениями, этот процесс неразрывен. Получается что, выстраивая систему заданий для учеников, учитель будет опираться на содержание и источник знаний. Главным критерием отбора, вероятнее всего, будет являться специфика учебного процесса.

Задания для самостоятельной работы с источниками знаний при получении новой информации и овладении приемами учебной работы, как и все другие учебные задания, могут быть различными.

1. Простые вопросы.

2. Логически связанные.

3. Различные тесты (альтернативные. выбор ответа и т. п.).

4. Инструкции или планы.

5. Краткие требования (составить схему, доказать, объяснить, обосновать, извлечь из учебника и т. п.).

6. Задачи количественные, качественные, познавательные (поиск новых знаний, поиск новых способов получения знаний), тренировочные (закрепление знаний, закрепление способов получения знаний).

Приведённая классификация видов самостоятельной работы отражает ее внешнюю сторону или, если говорить с точки зрения деятельности учителя, управленческую сторону этого понятия. Такая классификация имеет определенную ценность, поскольку демонстрирует многообразие способов включения самостоятельной работы в учебную деятельность студентов. Однако такой подход к классификации односторонен. Он не раскрывает внутреннего содержания работы, оставляя в тени уровень мыслительной активности школьников. Это понимали многие ведущие методисты и пытались как-то совместить обе стороны содержания самостоятельной работы.

Исследователь Л. В. Жарова исходит из двух принципов классификации видов самостоятельной работы школьников и предлагает соответственно две классификации. Первая основывается на источнике знаний или, по терминологии автора, «методике самостоятельной работы учащихся» [2].

Позднее Л. В. Жарова предложила новую классификацию, взяв за ее основу содержание заданий для самостоятельной работы, и выделила «три типа учебных заданий:

1) опосредующие учебную информацию (задания, которые содержат учебный материал или указывают источник знаний, частично заменяют устное изложение учителя и предназначены для первоначального восприятия учебного материала);

2) управляющие работой студентов с учебным материалом (задания, которые руководят осмыслением и систематизацией учебного материала, самоконтролем; систематизацией, обобщением и выводами; формированием знаний, умений и навыков – наблюдения, работа над текстом учебной литературы, упражнения, практические и лабораторные работы);

3) требующие от студента творческой (продуктивной) деятельности (направляющие учащихся на самостоятельное собирание материала, поиски примеров и составление задач, написание сочинений и др., нахождение проблем и их решение; сюда относятся все задания, связанные с проблемным обучением)» [3].

В 70-е гг. актуальность развития у студентов умений самостоятельно работать возрастает в силу социально-экономического развития общества, в силу научно-технического прогресса, в силу модернизации производства. Подход классифицировать виды самостоятельной работы меняется. В. А. Мижериков [4] выделяет «четыре типа самостоятельных работ:

- по образцу;
- реконструктивные;
- вариативные;
- творческие» [5].

Каждый из них имеет свои дидактические цели.

Самостоятельные работы, которые выполняются, следуя образцу, являются основами и наиболее значимыми для формирования навыков и умений, а также прочного закрепления. Они формируют фундамент для подлинно самостоятельной деятельности ученика [6].

Реконструктивные самостоятельные работы обучают способности анализировать события, явления, факты, формируют приёмы и методы познавательной деятельности, способствуют развитию внутренних мотивов к познанию, создают условия для развития мыслительной активности студентов [7].

Самостоятельные работы этого типа формируют основания для дальнейшей творческой деятельности студента.

Вариативные самостоятельные работы формируют навыки и умения в поиске ответа за пределами известного образца. Постоянный поиск новых решений, систематизация и обобщение полученных знаний, перенос их в совершенно нестандартные ситуации делают знания ученика более гибкими, формируют творческую личность.

Творческие самостоятельные работы являются венцом системы самостоятельной деятельности школьников. Эти работы закрепляют навыки самостоятельного поиска знаний, являются одним из самых эффективных средств формирования творческой личности.

Таким образом, применение на практике разнообразных видов самостоятельных работ способствует совершенствованию умений работать самостоятельно и развитию самостоятельности ученика. Однако любая работа должна начинаться с осознания учащимися цели действий и способов действий [8].

Таким образом, практикуя различные виды самостоятельной работы, учитель дает учащимся возможность совершенствовать свои умения работать самостоятельно и развивает самостоятельность ученика. Но, несмотря на это, ученик должен понимать и осознавать значимость самостоятельной работы, его работа должна начинаться с осознания цели действий и способов действий.

По степени самостоятельности студентов можно выделить самостоятельные работы вида:

- 1) подражательного характера;
- 2) тренировочные с применением имеющихся знаний;
- 3) исследовательского характера, то есть знания учащиеся получают из наблюдений, опытов» [9].

Как мы можем заметить, усиление самостоятельной работы учащихся на занятии, развитие их познавательной активности – главный результат поисков обучения самостоятельной работе.

Проведённые в последние годы разносторонние исследования педагогами Л. А. Аристовой, Ю. К. Бабанским, Л. В. Занковым, И. Я. Лернером, М. Н. Скаткиным, М. И. Махмутовым и другими показали, что среди факторов, активно влияющих на процесс обучения, ведущая роль принадлежит мышлению студента, сформированным приёмам умственной деятельности. Особо важное внимание этим проблемам должно уделяться при организации самостоятельного учения, а для этого нужно научить учащихся правильно мыслить, то есть заложить основы самостоятельного мышления,

В исследованиях Б. П. Есипова [10] огромное внимание уделяется вопросу развития у учащихся творческого потенциала, усвоения опыта творческой деятельности.

Главный принцип формирования самостоятельного мышления учащихся – системность. Одну из главных ролей умственного развития играет содержание образования, система научных знаний, которыми овладевают учащиеся. Поэтому, предлагая детям ту или иную самостоятельную задачу, нужно, прежде всего, учитывать наличие знаний по данному вопросу. Учитывать самостоятельно мыслить школьников в процессе обучения – это значит, учитывая их природные особенности, опираться на методологические и психологические основы их развития [11].

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что до сего времени методикам не удалось создать единой универсальной классификации видов самостоятельной работы, которая учитывала бы равномерно и внешние, и внутренние стороны учебной деятельности студентов. Попытки разработать подобные классификации оказались, в конечном итоге, неудачными.

Рассмотрев различные определения, мы пришли к выводу, что самостоятельная работа учащихся по иностранному языку – это такой вид учебной деятельности, при котором студенту даётся возможность действовать самостоятельно, без активной помощи преподавателя, но при возникающей необходимости эта деятельность подлежит частичному руководству преподавателя. Студенты же должны приложить максимум самостоятельности, самокоррекции, необходимые для умственных усилия, чтобы с успехом выполнить задание.

Примечания

1. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. М.: Мир, 2008.
2. Жарова Л. В. Учитесь самостоятельно. М.: Просвещение, 1993.
3. Там же.
4. Мижериков В. А. Введение в педагогическую деятельность. М.: Роспедагентство, 2005.
5. Там же.
6. Кочемасова Д. Р. Вестник Казанского технол. ун-та. 2014. 17, 6, С. 338–341.
7. Там же.
8. Романов Д. А. Вестник Казанского технол. ун-та. 2014. 17, 6, С. 325–328.
9. Ариян М. И. Повышение самостоятельности учебного труда школьников при обучении иностранным языкам. М.: Наука, 1999.
10. Есипов Б. П. Самостоятельная работа учащихся на уроках. М.: Просвещение, 1991.
11. Там же.

Notes

1. Selevko G. K. *Sovremennyye obrazovatelnyye tehnologii* [Modern educational technologies]. M. Mir. 2008.
2. Zharova L. V. *Uchit samostoyatelnosti* [To teach independence]. M. Prosveshcheniye. 1993.
3. Ibid.
4. Mizherikov V. A. *Vvedenie v pedagogicheskuyu deyatelnost* [Introduction to pedagogical activity]. M. Rospedagentstvo. 2005.
5. Ibid.
6. Kochemasova D. R. *Vestnik Kazanskogo tehnol. Un-ta* - Herald of Kazan Technological Univ. 2014, 17, 6, pp. 338-341.
7. Ibid.
8. Romanov D. A. *Vestnik Kazanskogo tehnol. Un-ta* - Herald of the Kazan Technological. Univ. 2014, 17, 6, pp. 325-328.
9. Ariyan M. I. *Povyshenie samostoyatelnosti uchebnogo truda shkolnikov pri obuchenii inostrannym yazykam* [Increasing the autonomy of the work of pupils in teaching foreign languages]. M. Nauka. 1999.
10. B. P. Esipov *Samostoyatel'naya rabota uchashchih'sya na urokah* [Independent work of students in the classroom]. M. Prosveshcheniye. 1991.
11. Ibid.

Студенческие исследования по математическому анализу в ВятГГУ*

В статье представлены работы студентов разных лет по математическому анализу, выполненные в рамках регулярного студенческого научно-исследовательского семинара в ВятГГУ, действующего под руководством автора на протяжении двух десятилетий.

The article presents student works on mathematical analysis of different years that were performed within a regular Student Research Seminar. The seminar has been functioned at Vyatka State University of Humanities (VSHU) under leadership of the author over the past two decades.

Ключевые слова: научно-исследовательский семинар, математический анализ, ВятГГУ.

Keywords: Student Research Seminar, mathematical analysis, VSHU.

В недавней статье [1] мы обстоятельно представили работу студенческого научно-исследовательского семинара по математическому анализу, функционирующего в ВятГГУ на протяжении уже более двух десятков лет. Фактически в цитируемой статье описан опыт педагогической деятельности автора по организации студенческой научно-исследовательской работы. Данный опыт показывает, что ведение преподавателем регулярного исследовательского семинара студентов является одним из самых эффективных средств привлечения будущих специалистов к научным исследованиям.

В настоящей работе мы предполагаем систематизировать те результаты исследований по математическому анализу, которые были получены студентами под нашим руководством в рамках исследовательского семинара. В основу упоминаемой систематизации условимся положить не хронологический принцип, как это было сделано, скажем, в специальных статьях [2] или [3], а тематику исследований (разделы анализа).

В организации нами студенческой исследовательской деятельности преобладающей тематикой являются вопросы введения в анализ, дифференциального и интегрального исчисления функций одной и нескольких переменных. В связи с этим для характеристики полученных студентами результатов выделим следующие разделы анализа: простое и взвешенное среднее степенное положительных чисел, другие средние величины степенного типа; классические и связанные с ними неравенства; обобщение и развитие теорем дифференциального и интегрального исчисления функций. Приведем публикации студентов по каждому из выделенных разделов, сопровождая их соответствующими небольшими комментариями.

1. Простое и взвешенное среднее степенное положительных чисел, другие средние величины степенного типа

1. Армичев М. В. О пределах числовых последовательностей, порождаемых средними степенными величинами // Некоторые вопросы теории среднего степенного: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – С. 5–8.

2. Балдина А. Н., Матанцева Е. А. Матричный аналог среднего степенного рационального порядка // Некоторые вопросы теории среднего степенного: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – С. 9–20.

3. Балдина А. Н. Среднее степенное парного порядка и его свойства // Некоторые вопросы математического анализа и методики его преподавания: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С. 4–16.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Кировской области в рамках научного проекта № 15-16-43005.

© Калинин С. И., 2015

4. Горев П. М. О геометрической интерпретации взвешенных среднего арифметического и среднего квадратичного двух положительных чисел // Проблемы современного математического образования в педвузах и школах России: Тез. докл. межрегион. науч. конф. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1998. – С. 176–178.
5. Горев П. М. Геометрическая интерпретация некоторых средних двух положительных чисел посредством двух квадратов // Некоторые вопросы теории среднего степенного: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – С. 21–24.
6. Горев П. М. K -кратное среднее степенное n положительных чисел // Проблемы современного математического образования в педвузах и школах России: Тез. докл. II межрегион. науч. конф. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С. 149–150.
7. Горев П. М. K -кратное среднее степенное n положительных чисел // Некоторые вопросы математического анализа и методики его преподавания: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С. 17–24.
8. Докучаева К. М. Об использовании взвешенных средних величин в школьном курсе математики // Некоторые вопросы теории среднего степенного: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – С. 25–32.
9. Ерлашова Л. В. О геометрической интерпретации некоторых соотношений для средних величин двух положительных чисел // Проблемы современного математического образования в педвузах и школах России: Тез. докл. межрегион. науч. конф. – Киров: Изд-во Вят. госпедуниверситета, 1998. – С. 182–183.
10. Лялин А. В. Неравенства для средних с произвольной функцией // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Информатика. Математика. Язык. – 2005. – № 3. – С. 142–144.
11. Матанцева Е. А. Матричный аналог среднего степенного произвольного порядка // Некоторые вопросы математического анализа и методики его преподавания: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С. 47–50.
12. Микрюкова О. С., Мирзоев Я. А. О пределах числовых последовательностей, порождаемых взвешенными средними величинами // Информатика, математика, язык: Науч. журн. № 7. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. – С. 79–81.
13. Русских О. Г. Двукратное взвешенное среднее степенное положительных чисел // Международная школа-семинар по геометрии и анализу, посвященная 90-летию Н. В. Ефимова. Абрау-Дюрсо, база отдыха Ростовского госун-та «Лиманчик», 5–11 сент. 2000 г.: Тез. докл. / Под ред. С. Б. Климентова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 2000. – С. 113–114 (в соавт. с С. И. Калининим).
14. Сизихина О. В. Об одном двукратном среднем степенного типа // Некоторые вопросы математического анализа и методики его преподавания: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С. 73–79.
15. Шилова З. В. К вопросу о свойствах среднего степенного положительных чисел a и b // Вестник Вятского педагогического университета. Математика, информатика, физика: Сб. науч.-метод. трудов. Вып. 1. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1996. – С. 8–11 (в соавт. с С. И. Калининим).
16. Шилова З. В. Геометрическая интерпретация взвешенных средних двух положительных чисел // Проблемы физико-математического образования в педвузах России на современном этапе: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. – Магнитогорск, 1996. – С. 93–94 (в соавт. с С. И. Калининим).
17. Шилова З. В. Геометрические неравенства в факультативном курсе для учащихся старших классов общеобразовательной школы // Проблемы современного математического образования в педвузах и школах России: Материалы межрегион. науч. конф. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1998. – С. 162–163.
18. Шилова З. В. Задачи факультативного курса «Средние величины» как средство развития математического мышления учащихся // Проблемы современного математического образования в педвузах и школах России: Материалы II межрегион. науч. конф. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С. 131–132.
19. Шилова З. В. К вопросу о геометрической иллюстрации средних величин // Математика в школе. – 2001. – № 9. – С. 70–73 (в соавт. с С. И. Калининим).
20. Шилова З. В. О некоторых соотношениях для среднего степенного двух положительных чисел // Некоторые вопросы теории среднего степенного: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – С. 54–61 (в соавт. с С. И. Калининим).

21. Шилова З. В. Задачи школьного курса в факультативе «Средние величины» // Математическое образование в инновационных учебных заведениях: Материалы регион. науч.-практ. конф. – Архангельск: Изд-во ПГУ, 1999. – С. 45–46.

22. Шилова З. В. Об учебных исследованиях в рамках факультативного курса «Средние величины» для учащихся школ и классов с математическим уклоном // Технология индивидуального обучения: Материалы межвуз. конф. – Киров: Изд-во ВГСА, 2000. – С. 48–49.

Авторами приведенных работ являются студенты педагогической специальности «Математика с дополнительной специальностью Информатика», за исключением работы 12 –О. С. Микрюкова, Я. А. Мирзоев выпускались по специальности «Прикладная математика и информатика».

2. Классические и связанные с ними неравенства

1. Ананьина Т. А. Уточнение аналога неравенства Йенсена для логарифмически выпуклых функций и его применения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Информатика. Математика. Язык. – 2007. – № 4. – С. 133–136.

2. Ананьина Т. А. Об уточнении неравенства Йенсена для логарифмически выпуклых функций и его применении // Проблемы современного математического образования в вузах и школах России: Оценка качества математических знаний студентов и школьников: Материалы IV Всерос. науч.-метод. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. Ф. Ф. Нагибина. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – С. 56.

3. Буторина А. С. Аналоги классических неравенств для среднего степенного дробного типа // Вопросы математики, ее истории и методики преподавания в учебно-исследовательских работах: Сборник материалов межрегион. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. И. Н. Власовой; Пермский гос. пед. ун-т. – Пермь, 2011. – Вып. 5. – С. 3.

4. Буторина А. С. Об аналогах классических неравенств, порождаемых средним степенным дробного типа // Информационные технологии и прикладная математика: Межвуз. сб. аспирантских и студенческих науч. работ. – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 30–37.

5. Буторина А. С. Аналоги классических неравенств, порождаемых средним степенным дробного типа // Математика и компьютерное моделирование в исследованиях студентов и школьников: Сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. студ. и школьников / Под ред. С. И. Калинина. – Киров: ВятГГУ, 2013. – С. 29–30.

6. Вычегжанин С. В. Доказательство обобщенного неравенства Коши методом прямой и обратной индукции и применение его к решению задач элементарной математики // Концепт: науч.-метод. электронный журнал официального сайта эвристических олимпиад «Совёнок» и «Прорыв». – Март 2012, ART 1254. – Киров, 2012. – URL: <http://www.covenok.ru/koncept/2012/1254.htm>. – Гос. рег. Эл № ФС 77-46214. – ISSN 2225-1618.

7. Вычегжанин С. В. Доказательство неравенства Йенсена методом прямой и обратной индукции // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. Вып. 15: периодический межвуз. сб. науч.-метод. работ. – Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – С. 166–172.

8. Вычегжанин С. В. Доказательство обобщенного неравенства Ки Фана методом прямой и обратной индукции // Математика и компьютерное моделирование в исследованиях студентов и школьников: Сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. студ. и школьников / Под ред. С. И. Калинина. – Киров: ВятГГУ, 2013. – С. 32–35.

9. Вычегжанин С. В. Доказательство формулы Тейлора алгебраическим методом // Тенденции и перспективы развития математического образования: Материалы XXXIII Междунар. науч. семинара преподавателей математики и информатики ун-тов и пед. вузов, посв. 100-летию ВятГГУ. – Киров: Изд-во ВятГГУ: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2014. – С. 149–150.

10. Вычегжанин С. В. Метод прямой и обратной индукции в обосновании классических неравенств Коши, Йенсена, Ки Фана // Информационные технологии и прикладная математика: межвуз. сб. аспирантских и студенческих науч. работ. Вып. 4 / Гл. ред. А. И. Малышев; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: АФ ННГУ, 2014. – С. 22–25.

11. Горев П. М. Геометрическое доказательство неравенства Ки Фана как пример иллюстрации фактов математического анализа // Гуманитаризация среднего и высшего образования: методология, теория и практика: Материалы Всерос. науч. конф. Ч. 2. – Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2002. – С. 97–100.

12. Горев П. М. Индуктивное доказательство аналога неравенства Коши для k -кратного среднего степенного положительных чисел // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Информатика. Математика. Язык. – 2005. – № 3. – С. 131–133.

13. Ерлашова Л. В., Калинин С. И. О неравенствах, дополняющих неравенства Х. Альцера // Вестник Вятского пед. ун-та. Матем., инф., физ. Вып. 3. – 1997. – С. 13–15.
14. Ерлашова Л. В. О неравенствах типа неравенств Хорста Альцера // Некоторые вопросы теории среднего степенного: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – С. 33–47.
15. Клековкина М. В., Яшина А. Г. Четыре метода доказательства одного неравенства // Информатика. Математика. Язык: Науч. журн. Вып. 5. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – С. 175–178.
16. Колпащикова Е. В. Одно доказательство неравенства Коши для взвешенных средних и его применение // Некоторые вопросы теории среднего степенного: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – С. 62–67.
17. Куклина О. В. Об одном свойстве определителя Вандермонда // Тенденции и перспективы развития математического образования: Материалы XXXIII Междунар. науч. семинара преподавателей математики и информатики ун-тов и пед. вузов, посв. 100-летию ВятГГУ. – Киров: Изд-во ВятГГУ: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2014. – С. 196–199.
18. Лукин М. А. Уточнение одного неравенства для весовых арифметико-квадратичных средних // Некоторые вопросы математического анализа и методики его преподавания: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С. 41–46.
19. Новоселов А. В. Об одном аналоге неравенства Коши для взвешенных средних // Некоторые вопросы математического анализа и методики его преподавания: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С. 51–56.
20. Панкратова Л. В. Об уточнении аддитивного аналога одного неравенства типа неравенства Ки Фана // Некоторые вопросы математического анализа и методики его преподавания: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С. 69–72.
21. Панкратова Л. В. Опровержение гипотезы, связанной с одним неравенством для средних // Проблемы современного математического образования в педвузах и школах России: Тез. докл. II межрегион. науч. конф. – Киров: Изд-во Вят. госпедуниверситета, 2001. – С. 156–157.
22. Панкратова Л. В. Обобщение оценки для среднего геометрического // Проблемы современного математического образования в вузах и школах России: Тез. докл. III Всерос. науч. конф. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – С. 155–156.
23. Панкратова Л. В. Об уточнении неравенства Коши // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Информатика. Математика. Язык. – 2005. – № 3. – С. 151–153.
24. Прокушкина Е. А. Некоторые применения неравенства Гюйгенса // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Информатика. Математика. Язык. – 2007. – № 4. – С. 178–182.
25. Прокушкина Е. С. Некоторые применения неравенства Гюйгенса и его уточнения // Информатика. Математика. Язык: Науч. журн. Вып. 5. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – С. 191–193.
26. Русских О. Г. Об одном неравенстве для взвешенного среднего степенного положительных чисел // Некоторые вопросы теории среднего степенного: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – С. 68–73.
27. Русских О. Г. Индуктивное доказательство неравенства Коши для двукратных арифметико-геометрических средних // Некоторые вопросы математического анализа и методики его преподавания: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С. 37–40 (в соавт. с С. И. Калининным).
28. Саймуков Д. С. Метод Mihaly Benzse в уточнении неравенства Коши для k-кратных среднего арифметического и среднего геометрического положительных чисел // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Информатика. Математика. Язык. – 2007. – № 4. – С. 185–187.
29. Сидоров В. В. Доказательство аддитивного аналога неравенства Ки Фана // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Информатика. Математика. Язык. – 2005. – № 3. – С. 154–156.
30. Симонова А. А. Одно доказательство неравенства Коши // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Информатика. Математика. Язык. – 2007. – № 4. – С. 188.
31. Стяжкина Н. И. Распространение аддитивного аналога неравенства Ки Фана на случай взвешенного среднего степенного порядков $1/2$ и 1 // Некоторые вопросы теории среднего степенного: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – С. 74–79.
32. Стяжкина Н. И. Контрпример к одному аддитивному неравенству для средних // Некоторые вопросы математического анализа и методики его преподавания: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С. 80–84.
33. Чупраков Д. В. Одно дополнение к дискретным неравенствам Альцера // Некоторые вопросы математического анализа и методики его преподавания: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С. 85–87.

34. Шалагинова Н. В. Уточнение неравенства между средним арифметическим и средним квадратичным // Региональная школа-конференция для студентов, аспирантов и молодых ученых по математике и физике: Тез. докл. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – С. 165.

35. Шалагинова Н. В. Уточнение неравенства между средним арифметическим и средним геометрическим // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Информатика. Математика. Язык. – 2005. – № 3. – С. 165–166.

36. Шарыгин Р. В. О гипотезе, связанной с обобщением неравенства Ки Фана // Вопросы технологии в обучении математике: Преподавание математики в вузах и школах: проблемы содержания, технологии и методики: Материалы регион. науч.-практ. конф. – Глазов: Изд-во Глазов. гос. пед. ин-та, 2003. – С. 63–65 (в соавт. с С. И. Калининным).

37. Шилова З. В. Некоторые обобщения неравенств Коши – Буняковского и Гюйгенса // Некоторые вопросы теории среднего степенного: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – С. 80–83.

38. Шилова З. В. Некоторые методы средних в прикладных задачах школьного курса математики // Некоторые вопросы математического анализа и методики его преподавания: Сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С. 88–93.

Авторы Т. А. Ананьина, А. С. Буторина, С. В. Вычегжанин, М. В. Клековкина, А. Г. Яшина, Е. А. Прокушкина, Д. С. Саймуков, А. А. Симонова, Р. В. Шарыгин – выпускники специальности «Прикладная математика и информатика», а П. М. Горев, Е. В. Колпащикова, О. В. Куклина, М. А. Лукин, А. В. Новоселов, Л. В. Панкратова (Л. В. Ерлашова), О. Г. Русских, В. В. Сидоров, Н. И. Стяжкина, Д. В. Чупраков, Н. В. Шалагинова, З. В. Шилова – выпускники специальности «Математика с дополнительной специальностью Информатика».

3. Обобщение и развитие теорем дифференциального и интегрального исчисления функций

1. Бердников М. С. Теорема о выпуклости и α -выпуклости // Информатика. Математика. Язык: Науч. журн. Вып. 5. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – С. 151–153.

2. Бердников М. С. О выпуклых и квазивыпуклых функциях // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Информатика. Математика. Язык. – 2007. – № 4. – С. 142–144.

3. Брезгина А. А. Логарифмическая выпуклость функций в вопросе решения некоторых уравнений // Проблемы современного математического образования в вузах и школах России: Тез. докл. 3-й межрегион. конф., 12–14 мая 2004 г., г. Киров / М-во образования и науки России, ВятГГУ; [отв. ред. Е. М. Вечтомов]. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – С. 139–140 (в соавт. с С. И. Калининным).

4. Брезгина А. А. Неравенство Иенсена для логарифмически выпуклых функций и его применения // Современные проблемы школьного и вузовского математического образования: Тез. докл. XXIV всерос. семинара преподавателей математики ун-тов и педвузов, 21–23 сент. 2005 г., г. Саратов / Под ред. А. Г. Мордковича, И. К. Кондауровой. – М.: Ред.-изд. отдел Моск. гор. пед. ун-та; Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – С. 93–94 (в соавт. с С. И. Калининным).

5. Буторина Е. И., Посаженикова Е. В. Некоторые свойства квадратных трехчленов с целыми коэффициентами // Математика и компьютерное моделирование в исследованиях студентов и школьников: Сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. студентов и школьников / Под ред. С. И. Калинина. – Киров: ВятГГУ, 2013. – С. 30–32.

6. Вычегжанин С. В. Неравенства Иенсена и Коши в математической подготовке студентов // Физико-математическое образование в школе и вузе: проблемы и перспективы: Сб. ст. по материалам всерос. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов и учителей (10 и 11 апр. 2013 г.) / под ред. Е. Н. Перевощиковой. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ им. К. Минина, 2013. – С. 68 (в соавт. с С. И. Калининным).

7. Вычегжанин С. В. Дополнения к правилам Лопиталья-Бернулли раскрытия неопределенностей // Информатика, математика, язык: Науч. журн. № 7. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 61–63.

8. Гурьева С. В. Первообразная и неопределенный интеграл Шварца // Региональная школа-конференция для студентов, аспирантов и молодых ученых по математике и физике: Тез. докл. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – С. 159.

9. Мальцев А. В. Теоремы о среднем в терминах двусторонней производной // Информационные технологии и прикладная математика: Межвуз. сб. аспирантских и студенческих науч. работ. – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 81–92.

10. Мальцев А. В. Классические теоремы дифференциального исчисления в терминах двусторонней производной // Математика и компьютерное моделирование в исследованиях студентов и школьников: Сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. студентов и школьников / Под ред. С. И. Калинина. – Киров: ВятГГУ, 2013. – С. 38–39.

11. Маринкевич М. А. Правило Лопиталья – Бернулли в терминах односторонних производных // Проблемы современного математического образования в педвузах и школах России: Тез. докл. 2-й межрегион. конф., г. Киров, 9–10 апр. 2001 г. / М-во образования РФ, ВГПУ ; [Отв. ред. Е. М. Вечтомов]. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С. 35–36 (в соавт. с С. И. Калининным).

12. Микрюкова О. С. Некоторые теоремы о среднем для дифференцируемых функций // Проблемы современного математического образования в вузах и школах России: Оценка качества математических знаний студентов и школьников: Материалы IV Всерос. науч.-метод. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. Ф. Ф. Нагибина. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – С. 66–67.

13. Микрюкова О. С. О пределах числовых последовательностей, порождаемых взвешенными средними величинами // Молодежная математическая наука – 2012: Сб. материалов всерос. с междунар. участием молодёжной науч.-практ. конф. (26–27 апреля 2012. – Мордовский гос. пед ин-т). – Саранск, 2012. – С. 122–124;

14. Николаев А. Ю. Алгебраическое доказательство формулы Тейлора третьего порядка // Информатика, математика, язык: Науч. журн. № 6. – Киров: Изд-во ВятГГУ. 2010. – С. 155–157.

15. Николаев А. Ю. Алгебраическое доказательство формулы Тейлора третьего порядка // Молодежная математическая наука – 2012: Сб. материалов всерос. с междунар. участием молодёжной науч.-практ. конф. (26–27 апреля 2012. – Мордовский гос. пед ин-т). – Саранск, 2012. – С. 181–182.

16. Перевошиков Д. В. Уточнения неравенства треугольника для нормы и их применения // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. Вып. 15: периодический межвуз. сб. науч.-метод. работ. – Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – С. 212–216.

17. Плетнев К. В. Обобщение одной теоремы о среднем значении // Информатика. Математика. Язык: Науч. журн. Вып. 5. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – С. 186–187.

18. Соколова А. Н. К исследованиям по уточнению положения промежуточной точки в формуле Тейлора // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Информатика. Математика. Язык. – 2007. – № 4. – С. 189–197.

19. Соловьева Л. А., Черников Ф. Н. Уточнение одной теоремы для выпуклых функций // Вопросы математики, ее истории и методики преподавания в учебно-исследовательских работах: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. студентов математических факультетов / Под общ. ред. И. Н. Власовой; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2011. – Вып. 4. – С. 28–29.

20. Шалыгина М. Ю. Несобственный интеграл помогает уточнить весовые неравенства Коши и Ки Фана // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Информатика. Математика. Язык. – 2013. – № 7. – С. 70–72 (в соавт. с С. И. Калининным).

21. Шихова А. В. Теорема Флетта в терминах односторонних производных // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. Вып. 11: Период. межвуз. сб. науч.-метод. работ / [гл. ред. Е. М. Вечтомов]. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – С. 67–70 (в соавт. с С. И. Калининным).

22. Шихова А. В. Многомерный вариант теоремы Флетта // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. Вып. 12: Период. межвуз. сб. науч.-метод. работ / М-во образования и науки РФ, Рос. академия естественных наук, ВятГГУ. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. – С. 82–84 (в соавт. с С. И. Калининным).

23. Яшина А. Г. О доказательствах неравенства Коши посредством интеграла // Информатика, математика, язык: Науч. журн. № 6. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. – С. 169–171.

Представленные в данном разделе публикации принадлежат весьма широкому кругу авторов: М. С. Бердников, С. В. Вычегжанин, А. В. Мальцев, О. С. Микрюкова, А. Ю. Николаев, К. В. Плетнев, А. Н. Соколова Л. А. Соловьева, Ф. Н. Черников, М. Ю. Шалыгина, А. В. Шихова, А. Г. Яшина – выпускники специальности «Прикладная математика и информатика»; А. А. Брезгина, С. В. Гурьева, М. А. Маринкевич – выпускники специальности «Математика с дополнительной специальностью Информатика»; Д. В. Перевошиков в текущем году выпускается по специальности «Физика с дополнительной специальностью Информатика»; Е. И. Буторина, Е. В. Посаженикова – выпускницы Кировского лицея естественных наук.

В завершение представления студенческих публикаций отметим, что в 1999 г. по инициативе автора вышел в свет тематический сборник научных статей «Некоторые вопросы теории среднего степенного» [4], в котором содержатся исследования студентов по теории среднего степенного и взвешенного среднего степенного положительных чисел, изучаются новые свойства таких величин, приводятся их геометрические интерпретации, рассматриваются возможности использования средних величин в задачах на доказательство неравенств, нахождение экстремальных значений переменных величин, строятся матричные аналоги среднего степенного соответствующих порядков.

В 2001 г. в свет вышел второй подобный тематический сборник научных статей под названием «Некоторые вопросы математического анализа и методики его преподавания» [5], также скомплектованный в основном из студенческих работ. Фактически он явился своеобразным продолжением первого сборника, представленного выше. Работы этого сборника охватывают, в частности, следующие темы: свойства различных средних величин степенного типа, их изучение средствами анализа; приложения средних величин в задачах; матричные аналоги среднего степенного; неравенства, порождаемые средними величинами; обобщение и уточнение классических неравенств; некоторые методические аспекты изучения понятий математического анализа; обобщения правил Лопитала – Бернулли раскрытия неопределенностей.

В характеризуемых сборниках большинство работ – студенческие.

В мае 2013 г. на базе факультета информатики, математики и физики ВятГГУ состоялась Всероссийская молодежная научно-практическая конференция «Математика и компьютерное моделирование в исследованиях студентов и школьников», в ее организации и проведении самое деятельное участие принимали студенты, интересующиеся математикой. В сборнике материалов [6] данной конференции снова имеются работы студентов по математическому анализу.

Автор выражает признательность профессору Е. М. Вечтомову, инициировавшему подготовку данной работы.

Примечания

1. Калинин С. И. О студенческом научно-исследовательском семинаре по математическому анализу в ВятГГУ // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 100-летию Вятского гос. гуманитарного ун-та): сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Киров, 20–21 ноября 2013 г.: в 2 т. Т. 1. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. – С. 67–75.

2. Калинин С. И. Студенческий научно-исследовательский семинар по математическому анализу при кафедре прикладной математики ВятГГУ в 2008–2009 учебном году // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Информатика. Математика. Язык. – 2010. – № 6. – С. 149–151.

3. Калинин С. И. Студенческий научно-исследовательский семинар по математическому анализу в ВятГГУ в 2010–2011 гг. // Проблемы современного математического образования в вузах и школах России: интерактивные формы обучения математике студентов и школьников: материалы V всерос. науч.-метод. конф., 10–12 мая 2012 г. / [науч. ред. Е. М. Вечтомов]. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. – С. 148–154.

4. Некоторые вопросы теории среднего степенного: сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – 84 с.

5. Некоторые вопросы математического анализа и методики его преподавания: сб. науч. ст. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – 98 с.

6. Математика и компьютерное моделирование в исследованиях студентов и школьников: материалы Всерос. молодеж. науч.-практ. конф. / [под ред. С. И. Калинина]. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. – 141 с.

Notes

1. Kalinin S. I. *O studencheskom nauchno-issledovatel'skom seminare po matematicheskomu analizu v VyatGGU* [About student research workshop in mathematical analysis in the VyatSHU // *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashhem (k 100-letiyu Vyatskogo gos. gumanitarnogo un-ta)* – Vyatka land in the past and present (to the 100th anniversary of Vyatka State University of Humanities): materials of VII All-Russia. scient.-practical. conf. with intern. participation. Kirov. 20–21 November 2013: in 2 vol. Vol 1. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2014. – Pp. 67–75.

2. Kalinin S. I. *Studencheskiy nauchno-issledovatel'skiy seminar po matematicheskomu analizu pri kafedre prikladnoy matematiki VyatGGU v 2008–2009 uchebnom godu* [Student research seminar in mathematical analysis at the Department of applied mathematics in VyatSHU in the 2008–2009 academic year] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Informatika. Matematika. Yazyk* – Herald of VyatSHU. Informatics. Math. Language. 2010, No. 6, pp. 149–151.

3. Kalinin S. I. *Studencheskiy nauchno-issledovatel'skiy seminar po matematicheskomu analizu v VyatGGU v 2010–2011 gg.* [Student research workshop in mathematical analysis in VyatSHU in 2010–2011 // *Problemy sovremennoy matematicheskogo obrazovaniya v vuzah i shkolah Rossii: interaktivnye formy obucheniya matematike studentov i shkolnikov: materialy V vseros. nauch.-metod. konf., 10–12 maya 2012 g.* – Modern problems of mathematics education in universities and schools in Russia: an interactive learning of mathematics by students: materials of the V All-Russian scient.-method. conf. 10–12 may 2012 / [scientific ed. E. M. Vechtomov]. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2012, pp. 148–154.

4. Some questions in the theory of average power: coll. scient. Articles. Kirov. Publishing house of Vyatka State Pedagogical University. 1999. 84 p. (in Russ.)

5. Some questions of mathematical analysis and its teaching methods: collected articles. Kirov. Publishing house of Vyatka State Pedagogical University. 2001. 98 p. (in Russ.)

6. Mathematics and computer modeling in studies of students: proceedings of All-Russian youth scient.-practical. conf. / [ed. by S. Kalinin]. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2013, 141 p. (in Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЁВА Лада Владимировна – аспирант заочной формы обучения кафедра издательского дела и редактирования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: lada_vesty@mail.ru

БАЛЫБЕРДИН Юрий Александрович – доктор исторических наук, профессор по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: baliberdin@vshu.kirov.ru

БАХАРЕВ Юрий Александрович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры организации физкультурно-спортивной деятельности Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.

E-mail: baharev_84@list.ru

ГОРДЕЕВА Елена Михайловна – аспирант кафедры новейшей русской литературы Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 614990, Пермь, ул. Сибирская, д. 24.

E-mail: elenagordeeva2012@gmail.com

ГОРОДИЛОВА Татьяна Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д.36.

E-mail: gtspost@yandex.ru

ЗОНОВА Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.

E-mail: zonovael@rambler.ru

ИВАНОВА Елена Радифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, теории и методики обучения русскому языку и литературе Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ. 462306 Оренбургская обл. г. Орск, пр. Мира, 15 А.

E-mail: Iva17051@yandex.ru

КАЛИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Кафедра всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 111, каб. 214 А.

E-mail: leipse@yandex.ru

КАЛИНИН Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор кафедры фундаментальной и компьютерной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kalinin_gu@mail.ru

КАЛИНИНА Дарья Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

КАРАВАЕВ Никита Леонидович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой информационных технологий и методики обучения информатике Вятского ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: nlkaravaev@mail.ru

КАСИМОВА Гульнара Рашидовна – аспирант кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета. 119146, Москва, Малая Пироговская ул., д. 1.

E-mail: blossom89@mail.ru

Сведения об авторах

КУШОВА Ирина Андреевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.
E-mail: nnpoluyan@inbox.ru

МАРЬИНА Анна Викторовна – аспирантка кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9.
E-mail: anja-marina@mail.ru

МЕЛИХ Юлия Биляловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119192, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д.27, корп.4, ком. Г-527.
E-mail: yuliamelikh@yahoo.com

МИХАЙЛОВА Мария Андреевна – аспирант департамента «филологический факультет» по специальности «русская литература» Уральского Федерального Университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620075, г. Екатеринбург, ул. Толмачева, д. 34а.
E-mail: 17miles@mail.ru

МИХЕЕВА Галина Александровна – кандидат исторических наук, лаборант-исследователь научно-исследовательской лаборатории «Этнокультурные процессы в Вятско-Камском регионе» ВятГГУ и Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. 610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 111.
E-mail: galin-mikheeva@yandex.ru

МОСУНОВА Людмила Александровна – доктор психологических наук, заведующая кафедрой издательского дела и редактирования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: lmosunova@hotmail.com

ОРИНЧУК Вячеслав Анатольевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры организации физкультурно-спортивной деятельности Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.
E-mail: orinchuk.sl@yandex.ru

ПАВЛОВА Татьяна Петровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета) 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, А-80, ГСП-3.
E-mail: vptp52@mail.ru

ПОЛУЯН Наталья Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.
E-mail: nnpoluyan@inbox.ru

ПОМЕЛОВ Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

ПУТИХИНА Наталья Викторовна – аспирант кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23.
E-mail: natalia2537@mail.ru

РОЖНОВА Елена Николаевна – преподаватель спецдисциплин Кадомского технологического техникума, аспирант Сочинского государственного университета. 391670, Рязанская обл., г. Кадом, ул. Московская, д. 32.
E-mail: ren-00@mail.ru

СИГАЧЁВ Максим Игоревич – аспирант кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119192, Москва, Ломоносовский пр-т, д. 31, корп. 1.
E-mail: maxsig@mail.ru

СИТНИКОВА Евгения Юрьевна – преподаватель кафедры истории России Вятского государственного университета. 610000 г. Киров, ул. Московская, д. 36.
E-mail: Miteytil21@bk.ru

ТИТОВА Елена Ивановна – кандидат исторических наук, лаборант-исследователь научно-исследовательской лаборатории «Этнокультурные процессы в Вятско-Камском регионе» ВятГГУ и Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. 610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 111.
E-mail: lkielenat@gmail.ru

ТРУШКОВА Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой археологии, этнологии и культурной антропологии. Киров, ул. Ленина, д. 111.
E-mail: arina_trushkova@mail.ru

ШАРИПОВА Линара Хамитовна – ассистент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации Казанского национального исследовательской технологического университета. 420015, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 68.
E-mail: Linaralovelife@mail.ru

ЯРОСЛАВЦЕВА Динара Камиловна – старший преподаватель кафедры правового обеспечения профессиональной деятельности ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: dinarayaroslavceva@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BAYOVA Lada Vladimirovna – post-graduate student of correspondence courses in the Department of publishing and editing of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.
E-mail: lada_vesty@mail.ru

BALYBERDIN Yuriy Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor in the Department of Russian history of the VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: baliberdin@vshu.kirov.ru

BAKHAREV Yuri Alexandrovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of physical culture and sports activity of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 23 Gagarin Ave., 603950, Nizhny Novgorod.
E-mail: baharev_84@list.ru

GORDEEVA Elena Mikhailovna – post-graduate student of the Department of modern Russian literature of Perm State Humanitarian-Pedagogical University. 24 Sibirskaya str., 614990, Perm.
E-mail: elenagordeeva2012@gmail.com

GORODILOVA Tatyana Sergeevna – Candidate of Philosophy, Associate Professor in the Department of Philosophy and cultural studies of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: gtspost@yandex.ru

ZONOVA Elena Vyacheslavovna – Candidate of Philological Sciences, docent of the Department of theory and history of state and law of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: zonovael@rambler.ru

IVANOVA Elena Radifovna – Doctor of Philology, Professor of Russian language and literature, theory and methodology of teaching Russian language and literature of Orsk Humanitarian and Technological Institute (branch) of the OSU. 15A Mira Ave., 462306 Orenburg region, Orsk.
E-mail: Iva17051@yandex.ru

KALININ Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, senior researcher in the Department of General history of VyatSHU. Of. 214A 111 Lenin str., 610002, Kirov.
E-mail: lepsc@yandex.ru

KALININ Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of fundamental and computational mathematics of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.
E-mail: kalinin_gu@mail.ru

KALININA Darya Alexandrovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor in the Department of theory and history of state and law of the intersection of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.
E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

KARAVAEV Nikita Leonidovich – Candidate of Philosophy, Head of Department of information technologies and methods of teaching computer science of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: nlkaravaev@mail.ru

KASIMOVA Gulnara Rashidovna – graduate student in the Department of world literature at Moscow State Pedagogical University. 1 Malaya Pirogovskaya str., 119146, Moscow.
E-mail: blossom89@mail.ru

KUSHOVA Irina Andreevna – Candidate of Philosophy, Associate Professor in the Department of Philosophy and cultural studies of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: nnpoluyan@inbox.ru

MARYINA Anna Viktorovna – postgraduate student of the Department of stylistics of Russian language at the faculty of journalism of Moscow State University named after M. V. Lomonosov. 9 Mokhovaya str., 125009, Moscow.
E-mail: anja-marina@mail.ru

MELIH Julia Bilyalova – Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy, faculty of natural sciences of Moscow State University named after M. V. Lomonosov. Room Г-527, 27/4 Lomonosovsky Ave., 119192, Moscow.
E-mail: yuliamelikh@yahoo.com

MIKHAILOVA Maria Andreevna – postgraduate student of the Department "Faculty of Philology" of specialty "Russian literature" of Ural Federal University named after first President of Russia B. N. Yeltsin. 34A Tolmacheva str., 620075, Ekaterinburg.
E-mail: 17miles@mail.ru

MIKHEEVA Galina Aleksandrovna – Candidate of Historical Sciences, assistant researcher of research laboratory of "Ethno-cultural processes in the Vyatka-Kama region" of VyatSHU and the Udmurt Institute of history, language and literature of Ural branch of Russian Academy of Sciences. 111 Lenin str., 610002, Kirov.
E-mail: galin-mikheeva@yandex.ru

MOSUNOVA Lyudmila Aleksandrovna – Doctor of Psychology, Head of Department of publishing and editing of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.
E-mail: lmosunova@hotmail.com

ORINCHUK Vyacheslav Anatolievich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of physical culture and sports activity of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 23 Gagarin Ave., 603950, Nizhny Novgorod.
E-mail: orinchuk.sl@yandex.ru

PAVLOVA Tatiana Petrovna – Candidate of Philosophy, Associate Professor in the Department of Philosophy of the Moscow Aviation Institute (National Research University). 125993, Moscow, Volokolamsk Highway, Building 4, A-80, GSP-3.
E-mail: vptp52@mail.ru

POLUYAN Natalia Nikolaevna – Candidate of Philosophy, Associate Professor in the Department of Philosophy and cultural studies of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: nnpoluyan@inbox.ru

POMELOW Vladimir Borisovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of pedagogics of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

PUTIKHINA Natalia Viktorovna – postgraduate student of the Department of criminal law and process of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 23 Gagarin Ave., 603950, Nizhny Novgorod.
E-mail: natalia2537@mail.ru

ROZHNOVA Elena Nikolaevna – the teacher of special disciplines of Kadoma Technological College, post-graduate student of the Sochi State University. 32 Moskovskaya str., 391670, Ryazan region, Kadoma.
E-mail: ren-00@mail.ru

Сведения об авторах

SIGACHYOV Maxim Igorevich – postgraduate student of the Department of regional studies, faculty of foreign languages and area studies of Moscow State University named after M. V. Lomonosov. 31/1 Lomonosovsky Ave., 119192, Moscow.

E-mail: maxsig@mail.ru

SITNIKOVA Evgenia Yuryevna – lecturer in the Department of History of Russia of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: Miteytil21@bk.ru

TITOVA Elena Ivanovna – Candidate of Historical Sciences, assistant researcher of research laboratory of "Ethno-cultural processes in the Vyatka-Kama region" of VyatSHU and the Udmurt Institute of history, language and literature of Ural branch of Russian Academy of Sciences. 111 Lenin str., 610002, Kirov.

E-mail: lkielenat@gmail.ru

TRUSHKOVA Irina Yurievna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Archeology, Ethnology and nearby museums and cultural anthropology of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.

E-mail: kaf_arh@vshu.kirov.ru

SHARIPOVA Linara Khamitovna – assistant in the Department of foreign languages in professional communication of Kazan National Research Technological University. 68 Karl Marx str., 420015, Kazan.

E-mail: Linaralovelife@mail.ru

YAROSLAVTSEVA Dinara Kamilova – senior lecturer of the Department of legal support of professional activity of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.

E-mail: dinarayaroslavceva@yandex.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета

Научный журнал № 6 (2015)

Подписано в печать 01.06.2015 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,0. Тираж 1000. Заказ № 93.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48
(8332) 262-390